

Игорь БУНИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА

ТАЛЛИНСКИЙ ПЕРЕХОД

Игорь БУНИЧ

**ТАЛЛИНСКИЙ
ПЕРЕХОД**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА
БАЛТИЙСКОЙ
ТРАГЕДИИ**

**Минск
«Алкиона»
1994**

ББК 63.3.(2)712
Б 31

Бунич И.
Б 31 **Таллиннский переход: Историческая хроника.** — Мн.: Алкиона, 1994. — 496 с.

ISBN 985-6159-03-2

Настоящее издание предлагает вниманию читателей новую книгу Игоря Бунича — автора широко известных, потрясающих своей документальной правдой произведений: "Золото партии", "Кейс Президента", "Меч Президента".

"Таллиннский переход" — это историческая хроника трагических событий, разыгравшихся в Балтийском море в августе 1941 года. Автор в характерной ему манере, на строго документальном материале рисует картину происходящего в те дни кошмара и одновременно исследует причины гибели сотен кораблей и тысяч моряков Балтийского флота.

В настоящее издание включен также перевод И. Бунича книги Б. Шофилда "Операция "Нептун".

ББК 63.3.(2)712

- © "Таллиннский переход", Фирма "Шанс", 1994
- © "Таллиннский переход", ЛНПП "Облик", 1994
- © "Операция "Нептун", перевод И. Бунич, 1994
- © Оформление В. Мастеров, 1994

ISBN 985-6159-03-2

Игорь БУНИЧ

**ТАЛЛИНСКИЙ
ПЕРЕХОД**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА**

**«Таллиннский переход» написан при участии
Дмитрия Михайловича Васильева.**

24 августа 1941, 00:15

«Главнокомандующему Северо-западным направлением. В результате боев 20-23 августа войска 10-го корпуса имели потери до 3000 человек. Противник подошел к внутренней линии обороны города и ведет огонь по Пирита. Танки противника вышли на развилку дорог Таллинн-Пярну-Хаапсалу. Вся зенитная артиллерия ведет огонь по танкам и пехоте. Артиллерия кораблей и береговой обороны используется для поддержки. Бомбардировочная авиация улетела на восток, ввиду отсутствия аэродромов, истребители на посадочных площадках. Длина фронта 50-55 км...»

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом (КБФ) вице-адмирал Трибуц, откинувшись в кресле, на секунду закрыл глаза. Непрекращающийся грохот артиллерийской канонады не давал сосредоточиться. Уже более суток боевые корабли КБФ, сгрудившиеся на Таллиннском рейде, вели непрерывный огонь, сдерживая стремительное продвижение противника. Но положение было безнадежно. Город обречен. И еще немножко промедления и он станет могилой флота в лучших военно-морских традициях. Севастополь, Порт-Артур, Новороссийск... Это понимал уже не только Военный совет КБФ, но и последний морской пехотинец, из последних сил сдерживающий натиск врага у памятника «Русалке». Это понимали все, но не понимал штаб Северо-западного направления, не давая разрешения на эвакуацию. Впрочем, прямо об эвакуации никто не просил. Ни Трибуц, ни его начальник штаба, контр-адмирал Пантелеев, ни член Военного совета КБФ, контр-адмирал Смирнов, не желали быть расстрелянными по обвинению в паникерстве. Само слово «отступление» было запрещено. Но адмиралы продолжали надеяться, что командование Северо-западного направ-

ления само разберется в обстановке и отдаст приказ об эвакуации...

Прошли уже два месяца войны, и эти два месяца были для командования Балтийским флотом временем какого-то непрерывного багрового кошмара. Удар группы армий «Север» генерал-фельдмаршала Лееба был страшен. Из двух армий прикрытия 11-ая перестала существовать почти сразу, разрезанная и рассеянная танковыми клиньями генерал-полковника Гепнера. Вторая из армий прикрытия границы — 8-ая — стремительно откатывалась на восток. Бездарный и некомпетентный командующий Северо-западным фронтом, генерал-полковник Кузнецов, уже в первые часы войны потерял управление войсками, израсходовав все свои танки в безумно-авантюрном наступлении на Тильзит. В считанные дни противником были захвачены Либава, Рига, Усть-Двинск, Вентспилс.

Столь быстрый разгром сухопутной армии в Прибалтике загнал Балтийский флот в смертельную ловушку. Имя этой ловушке было Таллинн.

Никаких планов сухопутной обороны Таллинна не существовало, как, впрочем, не существовало планов обороны ни одной из баз флота. Война «малой кровью на чужой территории» не требовала никаких оборонительных планов.

Мощный советский флот не имел равных на Балтике. Два линкора, два крейсера, три десятка эсминцев, флотилии подводных лодок, торпедных и сторожевых катеров, сотни вспомогательных кораблей были готовы ко всему: и следовать на Запад, прикрывая правый фланг победоносно наступающей Красной Армии, прорвав проливы и выйдя из тесной Балтики на просторы Северного моря и Атлантики, ~~неся~~ свободу пролетариям всего мира, и встретить на Балтике Гранд-флит,строив ему второй Ютланд (потому на новых эсминцах было столько торпедных труб и не было зенитных орудий; потому строились новые линкоры и линейные крейсера, но каждый тральщик приходилось «выбивать» в Москве под страхом стать «врагом народа»), и высадить десант в Швеции, и еще к многому другому, что рождалось в воспаленной партийными интригами и

идеями мировой революции голове Иосифа Виссарионовича Сталина. На этих авантюрно-агрессивных доктринах был воспитан весь флот: от адмиралов, уцелевших в кровавых чистках 30-х годов, до матросов-новобранцев, приходящих на корабли из учебных отрядов Кронштадта.

Первые дни войны развеяли все барабанно-фанфарные предвоенные доктрины. Катастрофа была многоплановой и страшной. Это была прежде всего катастрофа внешней политики, проводимой малограмотной бездарностью, возомнившей себя великим государственным деятелем. Это была катастрофа внутренней политики, прежде всего политики строительства вооруженных сил.

Несмотря на беспрецедентную в истории милитаризацию всей общественно-политической жизни страны, ни страна, ни вооруженные силы оказались не готовыми к требованиям современной войны. И это была военная катастрофа. Боевая подготовка войск была вопиюще низкой на всех уровнях: от командующих фронтами до рядовых. Разделив военную науку на две части: на загнивающую буржуазную и передовую пролетарскую, от буржуазной напрочь отказались, а пролетарскую так и не придумали.

Зажатый в тисках этих катастроф, захваченный войной на чужой, враждебной территории Прибалтийских государств, флот начал агонизировать в первые же часы войны. В панике оставлялись базы, взрывались корабли и склады, оставлялось противнику бесценное, накопленное годами флотское имущество. Горели стратегические запасы топлива. От разрушенных пирсов отваливали переполненные беженцами транспорты, чтобы стать легкой добычей авиации и мин противника. Без всякого плана и цели, как обалдевшие от страха тараканы, металась боевые корабли по Балтике и Рижскому заливу. Их обнаруживали и прихлопывали, как тараканов.

Начиная с 22 июня, не было и дня, чтобы не погибло несколько кораблей. Линкоры, как водится, укрылись в Кронштадте. Туда же пришел искалеченный подрывом на mine, потеряв носовую часть, крейсер «Максим Горький». Второй крейсер — «Киров» — буквально волоком протащили по Моонзундскому проли-

ву, чтобы не бросить в Риге. Гибли, переламываясь пополам, эсминцы, взрывались тральщики, исчезали навсегда в пучине подводные лодки, горели, грузно переворачиваясь, транспорты с тысячами людей на борту.

И весь ужас обстановки еще увеличивался тем, что у немцев флота на Балтике практически не было. Две флотилии торпедных катеров, две флотилии вспомогательных тральщиков, самоходные баржи, плавбазы да четыре старых финских подводных лодки — вот все, что удалось немцам наскрести для Балтийского театра. Уже в ходе войны несколько старых пароходов переоборудовали во вспомогательные заградители. И хотя в своих официальных отчетах Военный совет КБФ называл немецкие плавбазы крейсерами, а тральщики типа «R» — эсминцами, все хорошо знали правду, и от этого становилось жутко. Не было целей для грозных стреленных торпедных аппаратов и 130-миллиметровых орудий эсминцев, не было целей для 180-миллиметровых орудий крейсеров и 12-дюймовых орудий линкоров.

А корабли гибли. Гибли каждый день! Гибли от мин, гибли от авиации, гибли от навигационных ошибок. Впрочем, в единственном артиллерийском бою, имевшем место на Балтике в течение всей войны, тихоходная немецкая плавбаза, шедшая Ирбенским проливом в сопровождении двух тральщиков, рассеяла артиллерийским огнем своих четырех 88-миллиметровых орудий целый дивизион наших эсминцев, шедших под флагом капитана 1-го ранга Хорошкина, и чуть не утопила один из них — «Сильный».

Метался флот. О поддержке правого фланга армии и речй не было. Во-первых, никто не знал, где этот фланг находится, а во-вторых, постоянно приходилось думать о собственном спасении, об эвакуации баз, о новом развертывании. А противник, не имея флота, возил подкрепления для своей наступающей армии транспортами Рижским заливом. И метались эсминцы по Рижскому заливу, взрываясь на минах и корежась от близких разрывов авиабомб, но не могли обнаружить конвои противника — так лихо работала разведка КБФ. А если удавалось обнаружить конвой, то вступали эсминцы в героический бой с торпедными катерами охранения, и хорошо еще, если эти бои заканчивались вничью.

Еще более трагичной оказалась судьба подводных лодок. Двадцать лодок погибли на Балтике летом 1941 года, не достигнув, фактически, никакого результата.

И с первого же дня войны адмирал Трибуц отчаянно запрашивал командование фронтом, штаб ВМФ в Москве, Ленинградский военный округ: кто ответствен за оборону военно-морских (ВМБ) баз с суши. «Восьмая армия», — отвечали ему, когда командование ВМБ Либавы, при выходе немецких автоматчиков на пирсы, бежало на торпедных катерах, выбросив в пылающем порту несколько десятков боевых кораблей и судов. «Восьмая армия», — отвечали ему, когда эсминцы адмирала Дрозда вырвались из Риги уже под огнем ротных минометов противника, бросив склады мин и боеприпасов, не успев уничтожить даже шифровальный отдел штаба ВМБ. «Восьмая армия», — отвечали ему, когда противник захватил Вентспилс. «Восьмая армия», — отвечали Трибуцу, когда встал вопрос об обороне главной базы флота — Таллинна, куда постепенно собирались остатки флота, уцелевшие в двухмесячной бойне на Балтике. «Восьмая армия», — продолжали отвечать Трибуцу, когда 9 июля передовой отряд немецкого 667-го инженерно-саперного полка под командованием полковника Уллершпергера, сходу захватив Пярну, устремился по приморскому шоссе к Таллинну.

Восьмая армия!.. Но никто не знал, где находится 8-ая армия, и что она из себя представляет, как боевая единица. Не знала Ставка в Москве, не знало командование Северо-западным фронтом, не знал и противник, форсировавший Западную Двину и устремившийся в погоню за 8-ой армией — так стремительно она бежала.

Снятие с должности и расстрел командующего Северо-западным фронтом, генерал-полковника Кузнецова, и начальника его штаба, генерал-лейтенанта Кленова, и замена смещенных генералов маршалом Ворошиловым, естественно, не могли остановить бегство 8-ой армии, не имевшей ни воздушного прикрытия, ни танков, ни горючего, ни продовольствия, ни боеприпасов, ни компетентного командования. Не могли изменить положение и сменяемые чередою командующие 8-ой армией.

В стремительной гонке на восток 4-ая танковая группа Геппнера все-таки догнала 8-ую армию и разре-

зала ее пополам, хотя сама этого и не заметила, считая, что вся 8-ая армия стремительно откатывается через Псков на Лугу. А между тем на Лугу откатывался только XI корпус 8-ой армии, в то время как X корпус из состава 8-ой армии под командованием генерал-майора Николаева, имея в своем составе 10898 человек, был отброшен к Таллинну.

Пока это все происходило, передовой отряд полковника Уллершпергера в ночь на 10 июля вышел севернее Мярьямаа на подступы к Таллинну, а передовые подразделения 217-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Балцера вышли в то же время к Виртсу. С третьего направления, через Вильянди-Пылтсамаа, рвалась к Таллинну 61-ая пехотная дивизия противника (из состава 26-го армейского корпуса) под командованием генерал-лейтенанта Хеннеке. И вот тогда вице-адмиралу Трибуцу сообщили, что за оборону Таллинна с суши отвечает флот.

И хотя это решение ошеломило командующего КБФ, в принципе, оно было традиционным, если обозреть военную историю нашей страны за последние сто с гаком лет. Уже сколько было случаев, когда экипажи покидали свои бездействующие корабли и, примкнув штыки, кидались оборонять свои базы с суши, ибо армия никогда не была в состоянии это сделать самостоятельно. 16000 моряков сошли на берег для обороны своей главной базы. Крейсер, два лидера, девять эсминцев, три канонерские лодки, девять батарей береговой обороны и три полка зенитной артиллерии (274 орудия разных калибров от 305 до 37-миллиметровых) были включены в оборону. Деморализованные и измученные части X корпуса были приведены в чувство. Командир корпуса, генерал Николаев, был назначен заместителем Трибуца по сухопутной обороне. Артиллерия корпуса добавила в систему обороны Таллинна еще 64 орудия (из них 37 калибром 152 миллиметров).

Немцы, просмотревшие в запале наступления тот факт, что они разрезали 8-ую армию пополам, считали, что двух передовых отрядов будет достаточно для оккупации Эстонии. Так, в общем, и случилось. Эстонии они оккупировали, но взять Таллинн, обороняемый пятидесятитысячным гарнизоном, поддерживаемым с моря мощным соединением флота и эскадрильями мор-

ской авиации, они, естественно, не могли. Немцы остановились, а на нескольких участках и попятились, запрашивая подкреплений. Из Курляндии в район Пярну была срочно переброшена 291-ая пехотная дивизия полковника Ломайера и 402-ой батальон самокатчиков. Из резерва к Таллинну была выдвинута 254-ая пехотная дивизия генерал-лейтенанта Бешнитта и 207-ая охранная дивизия генерал-лейтенанта Тидемана. 16 июля в Эстонию был переброшен последний резерв группы «Север» — 93-я пехотная дивизия генерала инженерных войск Тиманна.

Пока в районе Таллинна противник перегруппировывал силы, 18-ая армия генерал-полковника Кюхлера, выйдя 22 июля к Чудскому озеру, повернула на северо-восток и, преодолевая усиливающееся сопротивление советских войск, вышла 7 августа на побережье залива в районе Кунда, завершив тем самым окружение Таллинна с суши. Выйдя к побережью, части 18-ой армии разделились: 26-ой корпус противника развернулся, наступая на Нарву, а 42-ой корпус — в сторону Таллинна.

Собрав в кулак войска, усилив их танковыми и артиллерийскими подразделениями, при поддержке с воздуха самолетами 806-ой авиабоевой группы, немцы 20 августа начали штурм Таллинна. 254-ая дивизия, сосредоточенная на берегу Финского залива западнее Кунды, начала наступление вдоль Нарвского шоссе. Главный удар вдоль Тартусского шоссе наносили смежные фланги 61-ой и 217-ой пехотных дивизий. Левее наступала боевая группа генерал-лейтенанта Фридрихса в составе 594-ого пехотного полка, первого дивизиона 291-го артиллерийского полка и частей усиления 291-ой дивизии. 21 августа группа генерала Фридрихса, начавшая наступление с рубежа Вигала-Кирбла, вышла к реке Казари, 217-ая дивизия заняла Рапла, а 254-ая дивизия — Ягала. 22 августа группа Фридрихса достигла Ристи. 23 августа, преодолевая отчаянное сопротивление частей морской пехоты и X корпуса, 254-ая дивизия вышла на рубеж реки Пирита. Выбитые с позиций морские пехотинцы соединения полковника Сутырина и разрозненные подразделения X корпуса начали отход к городу, а противник, продолжая наступление, вошел в зону действия артиллерии крейсера «Киров» и 305-миллиметровых орудий береговой батареи на острове Аэгна.

Огромные снаряды морской артиллерии начали вздымать тонны земли, камней и щебня над немецкими позициями. Сметались с лица земли постройки, рушились вековые сосны, стонала и дрожала земля. Несмотря на непрерывный артогонь, немцы продолжали наступление и к началу 24 августа вышли вплотную к городу. Теперь уже открыли огонь все корабли: лидеры, эсминцы, сторожевики, канонерские лодки, вооруженные транспорты. Но как и 37 лет назад в Порт-Артуре сосредоточенный огонь корабельной артиллерии не смог остановить наступление японцев, так и теперь флот замедлил наступление немцев, но остановить его не мог.

Зловещая аналогия пронеслась в голове адмирала Трибуца: «Порт-Артур стал могилой флота. Не уготована ли подобная судьба Таллинну? Надо уходить. Надо спасти хотя бы самые ценные корабли: «Киров» и новые эсминцы». На ставке слишком много, включая его собственную голову.

В его мозгу проносятся сведения из совершенно секретных сводок о потерях флота только с 10 июля, то есть с того дня, когда ему объявили, что он отвечает за оборону Таллинна: 14 июля эсминец «Страшный» получил прямые попадания авиабомбами, корабль горел несколько часов, ранены более 60-ти человек, искалеченный эсминец с трудом удалось отбуксировать в Таллинн... 18 июля подрывался на собственной мине СКР «Туча», корабль лишился руля и винтов, погибло 8 человек... 19 июля эсминец «Сердитый», получив попадание авиабомбы, вспыхнул, как спичечный коробок, взорвался и затонул, ранены более 100 человек... 20 июля эсминец «Страшный» при буксировке для ремонта из Таллинна в Кронштадт подрывался на мине, носовую часть оторвало по мостик, погибло 27 человек... 21 июля подводная лодка «М-94» торпедирована немецкой подводной лодкой, «М-94» погибла, чудом спаслись 12 человек. В этот же день единственный танкер, обеспечивающий действия эсминцев — «Железнодорожник» — подрывался на мине и затонул... 22 июля подрывался на мине эсминец «Грозный», корабль задним ходом вернулся на базу. В этот же день в бою с немецкими катерами погиб ТКА-71... 23 июля подрывался на собственной мине заградитель «Ристна», но, слава Богу,

остался на плаву... 24 июля эсминец «Суровый» поврежден близкими разрывами авиабомб в Рижском заливе... 25 июля шесть человек убито на эсминце «Артем» при обстреле его самолетами противника... 26 июля финская канонерка «Уусимаа» артогнем потопила МО-238 с десантом на борту, никто не спасся... 27 июля подорвался на mine и погиб эсминец «Смелый», погибло 28 человек. Выскочил на камни ВТ-648 «Минна»... 28 июля погибли ледокол «Лачплесис» и буксируемый им торпедный катер, экипажи частично погибли, частично захвачены в плен... 30 июля подорвался на mine и затонул со всем экипажем ТЩ-51... 31 июля тяжело поврежден финской артиллерией БТЩ-203 «Патрон»...

1 августа подорвался на mine и затонул БТЩ-216... 2 августа подорвалась на mine и погибла подводная лодка С-11, только трем морякам удалось спастись через торпедные аппараты... 3 августа подорвались на минах и затонули 2 тральщика: БТЩ-201 «Заряд» и БТЩ-212 «Шток»... 4 августа погиб на mine пароход, идущий из Ленинграда в Таллинн за транспортом «Луга», название не припоминается... 7 августа подорвался на mine эсминец «Энгельс», но, слава Богу, остался на плаву. Нет, не на mine, а две авиабомбы упали вблизи борта и утопили еще и танкер «Спиноза», а на mine в тот же день погиб МТЩ «Смелый»... 8 августа авиация противника потопила эсминец «Карл Маркс», погибло 38 человек, ранено 47. Рядом с эсминцем был потоплен со всем экипажем МО-229... 10 августа погиб ВТ-572 «Бартава»... 11 августа подорвался на mine и погиб почти со всем экипажем БТЩ-213 «Крамбол»... Подорвались на минах и получили тяжелые повреждения эсминец «Стерегающий» и транспорт «В.Молотов» с ранеными на борту, погибло много людей... Авиация противника утопила транспорт «Алтай»... В Ирбенском проливе под авиабомбами погибли со всеми экипажами заградитель «Суруп» и обеспечивающее судно «Вал»... Артогнем поврежден транспорт «Даугава»... 13 августа немецкими и финскими торпедными катерами потоплен транспорт, ТЩ-101, МТЩ «Скат»... Подорвался на mine у самого Таллинна и погиб ТЩ-68. Тральщики! Каждый из них на вес золота, а гибнут они один за другим... 15 августа погиб на mine БТЩ-202 «Буй», погиб транспорт «Кретинга» и захвачен не-

мцами в Локсе брошенный командой пароход «Коралле»... 16 августа погребено посыльное судно «Артиллерист»... 17 августа тяжело повреждено попаданием авиабомбы гидрографическое судно «Норд»... 18 августа подорвался на mine и погиб эсминец «Статный». Он хорошо знал его командира — капитана 3-го ранга Алексева... 19 августа две авиабомбы угодили в госпитальное судно «Сибирь» с ясно видимыми знаками Красного Креста. Пожары, паника, погребено более 600 человек, судно затонуло... 20 августа подорвался на mine и затонул МО-207... 21 августа при переходе из Кронштадта погиб на mine транспорт «Леени» БТ-503... 22 августа самолеты противника атаквали прямо на таллинском рейде крейсер «Киров», корабль весь исчез в всплесках близких разрывов, но каким-то чудом избежал прямого попадания... 23 августа БКА-215, получив повреждения, выбросился на берег и был захвачен финнами...

А что было с начала войны до 10 июля вообще страшно вспоминать: ежедневно десятки кораблей и судов: погибших, брошенных, захваченных, сдавшихся. Он уже не помнит их названий и тысяч людей, поглощенных огненно-кровавым водоворотом первых трех недель войны, когда флот, охваченный паникой, просто не знал, какие собственно задачи он должен решать. Все предвоенные планы лопнули, как мыльный пузырь, после первого же боевого выстрела, а никаких новых планов в подобной обстановке, естественно, составить было невозможно. А противник, не имея флота, владел морем. Почти без потерь осуществляли немцы морские перевозки по Балтике и Рижскому заливу и ставили мины в тылу КБФ с такой наглостью и простотой, как будто это была Кильская бухта. Предвоенная советская военно-морская наука объявила теорию адмирала Мэхэна псевдонаучной и ложной, но опять же никакой новой теории взамен мэхэновской не придумала.

Самоубийственные чистки 30-х годов лишили флот лучших специалистов, а уцелевших навсегда лишили инициативы и агрессивности — двух качеств, вытекающих из свободного осознания собственного достоинства, без которых побеждать в войне, и особенно в войне на море, просто невозможно.

Вознесенный волной кровавых чисток на пост командующего флотом вице-адмирал Трибуц по кругозо-

ру своего мышления оставался посредственным старпомом, способным еще кое-как выполнять свои обязанности в масштабах корабля под надзором опытного командира, но оказавшимся совершенно неспособным руководить флотом, да еще в такое время. Сын петербургского околоточного, прошедший все свое детство в певчем хоре церкви на углу Бассейной и Надеждинской, а юность — в фельдшерской школе, мог ли он подумать, что в 40 с небольшим лет он сядет в кресло адмирала Эссена, раздавленного за один год непосильной ответственностью.

Все это адмирал Трибуц отлично понимал. Потеряв голову в начале войны, он искал козлов отпущения. По его личному приказу был расстрелян герой Либавы, командир эсминца «Ленин», капитан-лейтенант Юрий Афанасьев, который, не потеряв в отличие от Трибуца головы, под самым носом у немцев сумел вывести из строя наиболее ценные в боевом отношении корабли, брошенные в Либаве. За что он был расстрелян? Именно за взрыв этих кораблей. У многих на флоте создалось впечатление, что кто-то заверил немцев, что они захватят в Либаве советские корабли целыми и невредимыми, а капитан-лейтенант Афанасьев сорвал этот план, за что и был казнен. И хотя уже очень давно никто не высказывал своих впечатлений вслух, Трибуц о них знал. А сколько было таких случаев!

Противник и военные трибуналы так называемого Прибалтийского военного округа косили личный состав флота почти с одинаковой кровожадностью. И сам Трибуц понимал, что не является исключением. Каждую минуту он ждал сообщения о своем снятии с должности с вызовом в Ленинград или Москву, что означало расстрел. Он отлично также понимал, что плен для него невозможен. Если немцы отсекут все пути отступления, к нему на КП придет «особист» и просто его пристрелит, после чего официально объявит, что он героически застрелился. И в довершение всего, его могущественный покровитель — секретарь Ленинградского обкома партии Жданов — почти ясно дал ему, Трибуцу, понять, что если он погубит остаток боевых кораблей и, самое главное, — крейсер «Киров», ему так же придется ответить головой. Но как спасти флот, вернее — его остатки, если приказа на эвакуацию нет? И все нет отве-

та из штаба Главного командующего Северо-западного направления. Может быть они опомнятся и дадут хотя бы сегодня приказ оставить Таллинн?

24 августа 1941, 01:10

«Военному совету КБФ. Срочно. Секретно.

Сосредоточить в районе Вирсту отряд численностью до 5000 человек и нанести удар во фланг противнику, продвигающемуся по приморскому шоссе к Таллинну. Исполнение донести. Ворошилов, Исаков».

В штабе КБФ, занимающем несколько просторных помещений на стоявшем в Минной гавани теплоходе «Вирония», обстановка полного хаоса предыдущих полутора месяцев сменилась строгой и созидательной рабочей атмосферой. И если до сих пор штаб КБФ, фактически ничем не управляя, лишь фиксировал задним числом великую трагедию Балтийского флота, то в настоящее время он наконец занялся реальным делом: штаб планировал эвакуацию флота и гарнизона из Таллинна.

Существовало несколько вариантов плана — от весьма вероятных до фантастических. К последним, безусловно, можно было отнести доложенный в Ставку план прорыва к Ленинграду через территорию Финляндии. В плане весьма туманно говорилось, что должен был делать флот после высадки на территорию Финляндии частей X корпуса, моряков и гражданских лиц: то ли топиться там же у берегов Финляндии, то ли попытаться какими-то способами добраться до Кронштадта, то ли интернироваться в Швеции.

Существовали также три варианта прорыва флота в Кронштадт по трем имеющимся фарватерам: прибрежному, центральному и северному. Северный пугал больше всего — он был более безопасным в минном отношении, но проходил уж очень близко к финскому побережью. А кто знает, что успели немцы сосредоточить в финских шхерах? Кто-нибудь может и знает, но разведка флота не знает ничего. Штабу мерещились атаки бесчисленных торпедных катеров и подводных лодок и даже грозный силуэт «Тирпица», расстреливающего из-за линии горизонта беспомощный конвой своими чудовищными 381 миллиметровыми орудиями.

Заманчивым выглядел прибрежный фарватер: ночью проскочить под берегом в Кронштадт казалось довольно просто. Кто-то, конечно, на минах подорвется, кто-то на мель выскочит, но место мелководное — немецким лодкам там не развернуться, да и «Тирпиц» вряд ли туда полезет. Но пока придет приказ на эвакуацию, южное побережье Финского залива будет, видимо, полностью захвачено противником. А это означает бесконечные налеты авиации, наличие береговых батарей, которые будут в упор расстреливать проходящие под берегом корабли и суда.

Центральный фарватер в одинаковой степени таит опасности северного и южного, разве что уменьшает вероятность появления «Тирпица». Но мины, авиация, торпедные катера и подводные лодки с яростью набросятся на этом фарватере на остатки флота и разорвут его на куски. Впрочем, пока конвои ходят из Таллинн в Кронштадт и обратно — с потерями, конечно, но с терпимыми. Но это маленькие конвои, а для того, чтобы провести эвакуацию, нужно много тральщиков. Минимум сто, а их чуть больше десятка. И при такой острой нехватке тральщиков лучшие из них подряжены возить авиабомбы и бензин на остров Эзель, обеспечивая совершенно ненужные в военном отношении налеты авиации на Берлин, с помощью которых хотят поднять боевой дух деморализованного бесконечными поражениями личного состава.

Начальник штаба флота контр-адмирал Пантелеев тяжело вздохнул. Вспомнились предвоенные годы. Стремительный рост флота и размах поставленных перед ним задач. Поход в порты Прибалтики, судьба которой была решена подписанием секретного договора, являющегося приложением Советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года. Война с Финляндией, захват Выборга и Ханко и выход на просторы Балтики. Разработка последующих планов, от которых захватывало дух.

Пребывающий в сладких мечтах штаб флота был очень грубо разбужен 22 июня воем немецких бомбардировщиков и грохотом танков. Толстые папки с совершенно секретными планами — результат длитель-

ной и кропотливой работы предвоенных лет — даже не вскрывались и пылились на полках секретного отдела. А в этих папках было все — даже план высадки и поддержки десанта в устье Сены, но не было даже наброска плана эвакуации собственных военно-морских баз.

Адмирал Пантелеев горько усмехнулся. В самом деле, кто мог осмелиться заикнуться об этом до начала войны? Какое там заикнуться, даже подумать никто не осмеливался, что необходимо составить подобные оперативные документы. А уж тем более он сам. Никто не знает, сколько ему пришлось пережить из-за своего непролетарского происхождения. Слава Богу, еще, что он родился в артистической семье, а не, скажем, в офицерской или в семье зажиточного крестьянина. Никто не знает, что он пережил в последние годы, когда кровавый нож вождя-мясника кромсал вооруженные силы. Сколько он написал объяснительных по поводу своего происхождения, сколько товарищей и сослуживцев проводил в небытие, как будто уже провоевал страшную войну. И научился молчать.

Почему-то вспомнилась история с его старым другом, флагманским штурманом КБФ, капитаном 1-го ранга Александром Забегайло, вычищенным из флота «за бухарино-зиновьевский» образ мышления. Некоторых моряков не решались арестовывать прямо на флоте: сперва увольняли в запас, а потом брали. Так запланировали и с Забегайло. Но он, прибыв в Ленинград на Биржу труда, получил направление электромонтером на завод «Большевик» и бесследно исчез. Загудел всесоюзный розыск. Рабочей версией Особого отдела флота было предположение, что бывший флагштурм сбежал к немцам, прихватив оперативные планы захвата Датских проливов. Безусловно, без сообщников он не мог осуществить столь дерзкий план. Следы явственно вели в штаб КБФ. Пантелеева допрашивали несколько раз. Следователи выслушивали его версии, скептически ухмылялись и переглядывались. Неизвестно, чем бы все это дело кончилось, если бы Забегайло, наконец, не обнаружили.

Оказалось, что бывший флагштурм плавает электронавигатором на одном из сейнеров в Мурманске. Далее выяснилось, что в пивной у Московского вокзала он встретил случайно каких-то своих дружков, плавающих

рыбаками на севере, и те утащили Забегайло с собой в Мурманск. Немедленно арестовать Забегайло было невозможно, поскольку он был в момент обнаружения в море. Эфир заполнился срочными шифровками, но когда сейнер Забегайло вернулся в Мурманск, выяснилось, что весь местный НКВД частично расстрелян, частично посажен, частично разогнан. Это уже были последствия снятия с должности и расстрела наркома Ежова. Обрадованный Забегайло уж было хотел снова выйти на путину, но тут пришло предписание о возвращении его на флот.

Пантелеев хорошо знал, что счастливый, почти «святочный» конец истории Забегайло совсем не типичен. Большую дань специалистами заплатил флот очередной волне террора. И многим было ясно, что раз уж террор начал пожирать вооруженные силы и службу безопасности, то он явно вышел из-под контроля тех, кто им управлял, приняв форму «морового поветрия». «Поветрие», как языком, слизнуло почти все высшее руководство военно-морскими силами. По фантастическим обвинениям были расстреляны без суда и следствия адмиралы: Муклевич, Орлов, Викторов, Панцержанский, Кожанов, Душенов, Петров, Смирнов вместе со штабами и семьями. Метастазы пошли дальше, пожирая командиров кораблей, старпомов и просто рядовых специалистов. Наркомом ВМФ был назначен знаменитый Фриновский, переведенный на этот пост с повышением из НКВД.

Не будучи моряком и, естественно, ничего не понимая в делах флота, Фриновский свою энергию направил на уничтожение личного состава ВМФ, лично составляя и утверждая списки моряков, подлежащих ликвидации. Неизвестно, что бы вообще осталось от командного состава флота, если в марте 1939 года Фриновский сам не был бы расстрелян, и целый месяц место Наркома ВМФ оставалось вакантным.

Наконец нашли смелого человека — им оказался адмирал Кузнецов. По сути своей глубоко порядочный человек, выходец из глухого поморского села, влюбленный в море и флот, он тем не менее ни по знаниям, ни по опыту не соответствовал занимаемой должности. Придя в ужас от зияющих дыр в структуре руководства ВМФ на всех уровнях, Кузнецов имел мужество добить-

ся приостановки «чистки» флота. Мало того, по его ходатайству, которое могло стоить ему головы, из тюрем и лагерей были освобождены и возвращены на флот моряки, которых удалось разыскать в лабиринтах ГУЛАГа. Зияющие дыры были заткнуты молодыми кадрами без опыта и знаний, поскольку возвращенные на флот из тюрем, сломленные духовно и физически, уже ни на что не годились.

И как всегда бывало в истории России, в разгар «морового поветрия» произошло нашествие. Нашествие началось, а планов на отступление не было. А когда отступление происходит без плана, оно всегда превращается в панические бегство, в хаос управления, в организационную неразбериху, истерику, взаимное обвинение. Некомпетентность командования, еще сносная для мирного времени, оказалась вопиющей. Уровень подготовки личного состава — катастрофически низким. Страшные потери флота в первые месяцы войны вызвали естественную реакцию в Москве: кто конкретный виновник катастрофы на море? Штаб КБФ наполнился приезжими прокурорами и следователями. Адмирал Пантелеев, как Козлевич в «Золотом теленке», днем работал, а ночью давал показания. Инстинкт самосохранения подсказал, что все надо валить на армию: потери баз, бесконечные перебазирования, формирования и расформирования соединений, передача личного состава в распоряжение сухопутного командования, некомпетентность отдельных командиров.

Но в «стрелочниках» правосудие не нуждалось — оно искало главного виновника. Само это понятие на фоне сложившейся обстановки было очень широким и неконкретным. Что мог им ответить Пантелеев? Задавайте свои вопросы армии, а не нам. А мы делаем все, что можем. Мы гибнем, мы истекаем кровью, имея двадцатикратное превосходство над противником на Балтийском театре. Почему? Хотелось им сказать: «Потому что мы никогда не умели воевать на море, мы и сейчас не умеем и никогда не научимся!» Но адмирал Пантелеев промолчал, ибо если он чему-то и научился за последние годы, так это искусству молчать.

Стремительное приближение немцев к Таллину, как ветром, сдуло заезжих прокуроров. Прокуроры улетели на специальном самолете, а флот остался, сгрудившись

на рейде и в гаванях Таллинна, ожидая решения своей судьбы...

Все эти мрачные мысли не мешали адмиралу Пантелееву работать. Он просмотрел составленные штабом графики эвакуации, состав конвоев, распределение по конвоям тральщиков и кораблей охранения, графики посадки войск на транспорты, мероприятия по предотвращению паники и неразберихи. Кое-что нужно подправить, кое-что изменить. Пока это все фантазии — приказа на эвакуацию нет. Текущие дела: совещание старших артиллеристов кораблей у флагманского артиллериста Сагояна. Чтобы обеспечить отход войск в гавани, флот должен выставить сплошную стену заградительного огня. Каждому кораблю будет нарезан сектор обстрела, по которому он должен будет вести непрерывный огонь. Легко сказать! Боеприпасы на исходе и нефти нет, танкеров почти не осталось.

И еще проблемы — эвакуация раненых. Огромные потери на сухопутном фронте выявили полную неготовность медицинского управления КБФ к приему такого количества раненых. Не хватает врачей, медикаментов, помещений для содержания раненых, число которых растет в геометрической прогрессии. Единственное, что остается — это эвакуировать их в Кронштадт. Немцы не уважают знаки Красного Креста на наших транспортах, топят их с каким-то еще большим остервенением. Трагедия госпитального транспорта «Сибирь» уже обошла все газеты мира.

Сегодня на рассвете с тяжелоранеными на борту уходит в Кронштадт транспорт «А.Жданов». Пойдет в составе конвоя — так надежнее. В состав конвоя включены также пароход «Даугава» (ВТ-522), пароход «Эстиранна» с ранеными и рабочими-эстонцами, драгоценный танкер № 11 с нефтью и бойцами эстонской армейской части и пять небольших каботажных пароходиков — бывших эстонских и латвийских. В охранении этого конвоя пойдут: эсминец «Энгельс», ледокол «Октябрь», вооруженное гидрографическое судно «Гидрограф» и ПБ «Аэгна». Пять вспомогательных тральщиков 5-го дивизиона по возможности должны обеспечить проводку конвоя через многочисленные минные поля, выставленные немцами и финнами. Плотность этих минных полей особенно велика у мыса Юминда-Нина,

и придется организовать траление, чтобы очистить этот район от мин.

Нет тральщиков, нет квалифицированных минеров, а имеющимся тральщикам невозможно обеспечить надежное прикрытие с воздуха и моря.

Дверь каюты, выделенной под кабинет начальника штаба, открылась и вошел начальник оперативного отдела штаба, заместитель Пантелеева, капитан 1-го ранга Питерский. Не говоря ни слова, он положил перед начальником штаба бланки расшифрованных радиogramм. Адмирал прочел их и сжал зубы:

«Сегодня, 02:10, БТЩ-209 «Кнехт», следуя с грузом авиабомб из Кронштадта на остров Саарема, подорвался на mine и затонул. О потерях в личном составе доложу по уточнению. Место гибели: 59.47 СШ, 25.16 ВД... Передана: 02:25, 24.08.1941. Принята: 02:41, 24.08.1941...»

«Сегодня, 02:25, БТЩ-214 «Бугель», следуя с грузом авиабомб из Кронштадта на остров Саарема, подорвался на mine и затонул. О потерях в личном составе доложу по уточнении. Место гибели: 59.46 СШ, 25.18 ВД... Передана: 02:50, 24.08.1941. Принята: 03:00, 24.08.1941...»

24 августа 1941, 03:00 Главный хирург ВМФ, профессор Джанелидзе с трудом заставил себя подавить вспышку раздражения. Он завершил личный обход помещений, операционных и пунктов первой помощи теплохода «Андрей Жданов», мрачной затемненной громадой возвышающегося над пирсом Купеческой гавани.

Теплоход совсем недавно переоборудовали из военного транспорта в госпитальное судно, и должного медицинского порядка на нем еще не было, на что Джанелидзе с присущей ему резкостью указал сопровождающим его начальнику госпитального судна Лещеву и ведущему хирургу Богаченко. Всю ночь шла погрузка раненых на теплоход, которых приняли в числе более 800 человек. Все это были тяжелораненые, нетранспортабельные, жизнь которых висела на волоске и могла поддерживаться только в условиях стационарного госпиталя. По идее, после переоборудования «Андрей Жданов» должен был отвечать условиям стационара, но проведенное в страшной спешке переоборудование ос-

тавило массу недоделок, много некачественных работ и дефектов, на устранение которых уже не было времени. Задачей госпитального судна было в любой боевой обстановке оставаться строго лечебным учреждением, обеспечивающим раненым квалифицированную медицинскую и хирургическую помощь. Этим «Андрей Жданов» отличался от многочисленных санитарно-транспортных судов, которые с трудом обеспечивали раненым даже первую медицинскую помощь.

Все это было бы замечательно, если бы кто-нибудь когда-нибудь уважал статус Красного Креста в двух мировых войнах и, особенно, во второй. Близкие разрывы авиабомб подбрасывали госпитальные суда и клали их с борта на борт. Раненых сбрасывало с коек и с операционных столов. Вдребезги разбивалось хрупкое хирургическое оборудование, гас свет. Прямые попадания и взрывы мин убивали раненых и медицинский персонал. В густом дыму вспыхнувших пожаров искалеченные люди в гипсе и окровавленных бинтах, воя и крича, ломая костыли, ломая руки и ноги, пытались выбраться по разрушенным трапам наверх, кидались за борт, гибли в волнах или мертвыми страшными манекенами лежали на палубах.

Корабли охраны принимали оставшихся в живых. Кто-нибудь знает, что это такое — принять раненых с высоченных палуб транспортов на маленькие тральщики и морские охотники, чьи мачты ломались о леерные ограждения верхних палуб океанских гигантов?! И все это на волне, под авиабомбами и обстрелом с воздуха, в дыму пожаров и полной темноте. Сотнями гибли раненые, но сотнями и снимались. Ими набивались тесные помещения боевых кораблей. Измученных полуживых людей клали вповалку, чуть ли не друг на друга. Некому было менять мокрые окровавленные бинты. Кровь разлагалась, и долго на кораблях стоял трупный запах, смешанный с запахом мочи и экскрементов. Этот запах не выветривался на кораблях Балтики в 1941 году; он был частью романтики войны на море!

Более десяти часов санитары, главным образом, — женщины, таскали на «Жданов» раненых по крутым трапам в призрачно-голубом свете маскировочного освещения. И стонал, и кричал корабль человеческим голосом, вздрагивая от толчков проворачиваемых машин. Наби-

вались операционные, хирурги с воспаленными, дикими глазами сутками не отходили от операционных столов. Не хватало, а практически вообще не было, установок для переливания крови, не было запасов консервированной крови, не было анестезии, не хватало противостолбнячной сыворотки. Страшно кричали раненые, умирали от шока под ножами хирургов, умирали от заражения крови, от столбняка и просто умирали. Мало шансов было довести их живыми до Кронштадта. А что в Кронштадте? Кронштадт тоже был не готов к приему такого количества раненых.

Немного спасал кислород. По приказу Джанелидзе все госпитальные суда брали на борт как можно больше кислорода, благо базовые подзарядные станции могли его выделить в любом количестве. В этом отношении флот имел возможности, о которых армия не смела даже мечтать.

Пока врачи занимались своим делом, на мостике транспорта его командир, капитан-лейтенант Елизаров, ждал сигнала на выход в море. Опытный моряк не тешил себя иллюзиями: еще ни одно госпитальное судно не удавалось провести из Таллинна в Кронштадт, чтобы по дороге оно не подверглось бомбежке, обстрелу с воздуха, атакам торпедных катеров и подводных лодок, или, в лучшем случае, не подорвалось бы на mine. Каждый раз Кронштадт обещает воздушное прикрытие конвоя, но никто еще никогда не видел над кораблями своих самолетов. По документам у него на борту 860 тяжелораненых. Сколько он доведет до Кронштадта? «Молотов» довел половину, «Сибирь» — треть.

Елизаров прислушивался то к канонаде на берегу, то к автоматным очередям, звучавшим, казалось, уже почти у самой гавани. Ему казалось, что выстрелы горохом рассыпаются до самых пирсов. Вдали небо багровело от пожаров, бушующих в пригородах, и начинало сереть на востоке. День обещал быть пасмурным, накрапывал мелкий дождь. Это немного поднимало настроение, вселяя надежду, что нелетная погода прижмет немецкие пикировщики к земле...

24 августа 1941, 03:10

С наименьшей надеждой всматривался в гонимую порывистым юго-восточным ветром низкую облачность

командир эскадренного миноносца «Энгельс», капитан 3-го ранга Васильев. Его эсминец был назначен основной боевой единицей прикрытия уходящего в Кронштадт каравана, и капитан 3-го ранга Васильев хорошо понимал, как мало он сможет сделать, если на охраняемые им транспорты навалится авиация противника. Низкая облачность внушала надежду, как внушает надежду приговоренному к смерти поданная им апелляция, которую никто не собирается рассматривать. Эсминец дрожал и вибрировал, готовясь к снятию с якоря, как боевой конь, ожидающий зовущего в атаку бодрящего звука кавалерийского рожка. Из трех прямых, слегка откинутых назад труб валил густой дым — показатель низкого качества мазута и низкого качества котлов эсминца-ветерана.

Введенный в строй в разгар первой мировой войны корабль числился в Императорском флоте под названием «Десна», принадлежа к знаменитой плеяде «новиков». Уцелев в хаосе и неразберихе 1917 года, прорвавшись в 1918 году сквозь льды Гельсингфорса в Кронштадт, корабль три последующих года ржавел у стенки, но в 1922 году был отремонтирован и удостоен великой чести носить имя одного из основателей научного коммунизма — немецкого фабриканта Фридриха Энгельса. Еще только два корабля были удостоены подобной чести, но их уже нет. «Ленин» взорвали в Либаве чуть ли не в первый день войны, а «Карл Маркс» 8 августа мимоходом утопили немецкие бомбардировщики, направлявшиеся на первую в ходе войны бомбежку Кронштадта.

Сам «Энгельс» участвовал в боях с первого же дня войны. Увертывался от торпед, крутился под бомбами, как черт от ладана, прикрывая минные постановки, буксировал в Кронштадт оставшуюся на плаву кормовую половину переломившегося от взрыва торпеды эсминца «Сторожевой», каким-то звериным инстинктом обходил мины и даже пытался гоняться за немецкими транспортами в Рижском заливе.

Везение кончилось 7 августа, когда «Энгельс», находясь на рейде Рохукюля в бухте Мухувейн, принимал топливо, стоя у борта нефтеналивной баржи «Спиноза». В 18 часов 50 минут сигнальщики эсминца обнаружили три «юнкерса», летящих на большой высоте. На «Эн-

гельсе» сыграли боевую тревогу и стали поспешно выбирать якорь. Пикировщики, зайдя со стороны солнца, начали пикировать по одиночке: два с правого и один с левого борта. Оборвав швартовы, стали поспешно отходить от «Спинозы». Васильев едва успел прокричать: «Скорость двенадцать узлов!», как корабль сильно встряхнуло, раздался скрежет металла, мостик вместе с полубаком резко пошел вниз. Две 250-килограммовые бомбы упали за кормой в десяти метрах от эсминца, а одна — вблизи борта. Четвертая бомба угодила в корму баржи «Спиноза». Баржа стала тонуть, ее немногочисленный экипаж был почти полностью перебит.

Пикировщики, сбросив бомбы, ушли на юг, а на «Энгельсе», подобрав из воды сброшенных взрывами за борт матросов, стали выяснять полученные повреждения. Они оказались весьма серьезными. Корпус между машинными и котельными отделениями оказался переломленным, вышла из строя правая турбина, кормовые орудия сместились с фундаментов, были повреждены машинный телеграф, привод рулевой машины и магнитные компасы. Каким-то чудом не было потерь в личном составе. Старшину Стукалова и еще несколько человек, которых выбросило за борт, быстро подняли на палубу. Все они отделались испугом. Сидя на разорванной от борта до борта палубе, мокрый и вымазанный в мазуте старшина Стукалов радостно смеялся. Летя за борт, он больше всего боялся удариться головой о торпедный аппарат или шлюпбалку, но все обошлось; как нырнул, так и вынырнул.

С трудом довел Васильев свой искалеченный корабль до Таллинна, где «Энгельс» срочно поставили в док. Дни и ночи работали рабочие судоремонтного завода и команда, чтобы ввести эсминец в строй. Конечно, произвести качественный ремонт было невозможно. Кое-как залатали палубу, переломленный корпус закрепили, приварив по три рельса с каждого борта, правую турбину толком отрегулировать не удалось — прогнулся фундамент. По всем обычным критериям корабль нуждался в капитальном ремонте, но 18 августа его вывели из дока, считая снова введенным в строй.

Никто лучше капитана 3-го ранга Васильева не знал, в каком состоянии «выписан» его корабль из «госпиталя». Максимальная скорость некогда сверхбыстроходной

«Десны» упала до 16-ти узлов, фундаменты орудий — в аварийном состоянии, центровка правого вала никуда не годится: вал бьет и вибрирует, прогибая кронштейны, рулевые машины ненадежны. Вряд ли эсминец выдержит не только прямое попадание, но даже и близкий разрыв авиабомбы. А ему нужно обеспечить охранение такого каравана! Не считая тральщиков, из боевых кораблей идет только он один да вооруженный ледокол «Октябрь» — маленький кораблик водоизмещением 1100 тонн — бывший «Штадт Ревель», за которым в далеком 1918 году шел эсминец «Десна» в незабвенном ледовом походе. Вот и так пришлось снова встретиться кораблям-старикам.

Капитан 3-го ранга Васильев снял фуражку, подставляя свою огненно-рыжую шевелюру под мелко моросящий дождь. Его пальцы привычно заиграли никелированными рукоятками машинных телеграфов. Малым ходом сквозь пелену дождя эсминец направился к выходу из Минной гавани. В унисон с машиной старого эсминца стучали сердца 180 человек его экипажа, идущих на верную смерть...

24 августа 1941, 03:20

Старший лейтенант Радченко, стоя на мостике плавбазы «Аэгна», размышлял о превратностях судьбы. Еще и суток не прошло с тех пор, как командир бригады подводных лодок капитан 2-го ранга Орел приказал ему вступить в командование плавбазы и в составе конвоя перегнать «Аэгну» в Кронштадт, а затем в Ленинград для дальнейшего обеспечения действий бригады, если ей удастся вырваться из заблокированного Таллинна.

«Аэгна» — бывший каботажный пароходик водоизмещением всего 615 тонн — была куплена еще в 1935 году эстонцами у Германии и совершала рейсы с грузами и пассажирами на многочисленные острова, разбросанные у побережья Эстонии. После захвата Прибалтики «Аэгну» включили в состав КБФ и переоборудовали в плавбазу подводных лодок типа «Малютка». База имела длину 59,4 метра, одну палубу и два трюма грузоподъемностью 270 тонн. В жилых помещениях «Аэгны» можно было разместить до 300 человек. Паровая машина тройного расширения образца 1912 года обеспечивала судну скорость 14

узлов. Четыре шлюпки (одна из них моторная), пять плотиков и триста пятьдесят пробковых нагрудников составили спасательные средства плавбазы.

В переходе «Аэгна» должна была играть роль спасательного судна, и на ее борту находился старший врач бригады подводных лодок Кузьмин с командой санитаров. Выведя «Аэгну» на рейд, старший лейтенант Радченко занял позицию в кильватере танкера № 11, соблюдая установленную дистанцию в 2 кабельтова. За «Аэгной» высилась громада «Андрея Жданова». Еще не все суда каравана вышли на рейд, но в серых сумерках начинающегося рассвета Радченко видел, как тральщик «Ударник» и пять вспомогательных тральщиков типа «ижорец» выстроились строем уступа, на ходу выставляя тралы и ложась на первый рекомендованный курс. Радченко с тревогой поглядывал то на часы, то на небо. Начинало светать, а с первыми же лучами рассвета обещали воздушный налет. Успеть бы выйти до него. Но что-то запаздывает «Гидрограф», находящийся в Купеческой гавани...

24 августа 1941, 03:25

Капитан-лейтенант Лисица, командир ГИСУ «Гидрограф», нервничал, раздраженно поглядывая на часы. Только накануне вечером последовал приказ о переводе всего состава Гидрографического отдела на суда. Весь личный состав и оборудование отдела должно было быть эвакуировано на двух гидрографических судах: «Гидрографе» и «Рулевом». Все карты, штурманские приборы и другое имущество уже две недели находились на этих двух судах, и все снабжение кораблей флота велось с них. И то, что «Гидрографу» и «Рулевому» было приказано покинуть 24 августа Таллинн, лучше всех других признаков говорило о том, что дни Таллинна сочтены, удержать его не удастся.

Однако, когда начальник гидрографической службы флота, капитан 2-го ранга Зима, доложил контр-адмиралу Раллю — начальнику минной обороны флота, ведавшему формированием и движением конвоев, что гидрографические суда готовы к выходу в море, адмирал приказал уходить только «Гидрографу», а «Рулевому» ожидать следующего конвоя, который предполагалось

сформировать через 24 часа. Сам Зима решил уходить на «Гидрографе», пожелав своему военкому — полковому комиссару Пятышеву догнать его на «Рулевом». Все это привело к задержкам, перераспределению личного состава по двум судам и к томительному ожиданию, когда капитан 2-го ранга Зима закончит все свои дела в штабе.

Поэтому, когда капитан-лейтенант Лисица вывел «Гидрограф» к бонному заграждению, караван, построившись в одну кильватерную колонну, уже медленно двигался за тральщиками. Первым за тральщиками шел крупнейший на флоте танкер с бортовым номером 11, за ним — плавбаза «Аэгна», в кильватере которой двигался «Андрей Жданов». За турбоэлектроходом Лисица увидел вооруженный ледокол «Октябрь» и даже узнал на мостике знакомую фигуру его капитана Козлова. Вслед за «Октябрем» суровый латыш Пауль Брашкис вел свою «Даугаву», срочно переоборудованную, как и «Жданов», в госпитальное судно. На бортах «Даугавы» ясно виднелись наспех заделанные пробоины: 11 августа при следовании в Таллинн судно попало на южном фарватере под обстрел береговой батареи противника, выпустившей по пароходу тридцать шестидюймовых снарядов. Получив шесть пробоин, Брашкис все-таки довел «Даугаву» до Таллинна и, не завершив ремонта, встал под погрузку раненых. Далее следовал эстонский пароход «Эстиранна», имея на борту более тысячи человек рабочих-эстонцев, главным образом, с судоремонтного завода. Пять маленьких эстонских пароходиков, каждый водоизмещением около 400 тонн, следовали за «Эстиранной». Лисица пристроил «Гидрограф» в их кильватерную струю, внимательно следя за курсом.

Южный ветер усиливался, трехбальная волна в белых гребешках неслась навстречу набирающему ход каравану. С левого борта проплыли и остались за кормой высоченные сосны острова Аэгна. Следовавший с правого борта «Гидрографа» эсминец «Энгельс», как хороший пастух, пропустив караван мимо себя, пристроился в кильватере «Гидрографа». Далеко впереди каравана маленькими черточками прыгали на волне два катера «МО», обеспечивающие противолодочное охранение.

Неожиданно капитан-лейтенант Лисица услышал тревожные гудки с шедшего сзади эсминца «Энгельс» и

в ту же секунду крик собственных сигнальщиков: «Воздух!» Оторвав взгляд от карты, капитан-лейтенант выскочил на крыло мостика. Спрашивать, что случилось, не было нужды: в разрыве облаков высоко над караваном лениво кружилась «рама»...

24 августа 1941, 03:40

Контр-адмирал Дрозд, сидя в своем салоне на крейсере «Киров», зябко кутаясь в шинель, пил остывший чай. Одна нога у него была в сапоге, вторая — в валенке. Адмиралу было 33 года, но вряд ли кто-нибудь узнал бы в нем довоенного Дрозда, легендарного дона Рамона республиканского флота Испании, затем командующего Северным флотом вместо расстрелянного Душенова — командующего, не побоявшегося вступить в открытый конфликт со всемогущим сталинским наместником заполярья Иваном Папаниным. Этот конфликт стоил Дрозду должности, но не головы, как его предшественнику.

Переведенный на Балтику командиром Отряда легких сил и произведенный по этому случаю в контр-адмиралы, Дрозд делал все, что мог, чтобы поднять боевую подготовку командного и старшинско-рядового состава вверенных ему кораблей. Он не был, как говорится, моряком от рождения. Родившись в Белорусской глуши, Дрозд впервые увидел море, а, точнее, — Финский залив, только в 16-летнем возрасте, когда его семья в 1922 году переехала в Петроград. Попав в училище по путевке Путиловского завода в 1924 году, он учился там без всякого блеска, можно сказать даже, что очень тяжело, едва не был отчислен и окончил училище на год позднее своих сокурсников. Не хватало общего образования, не хватало любви к морю, которую трудно было ожидать от выходца из белорусских лесов. Однако, обладая сильной волей и незаурядной работоспособностью, Дрозд выковал сам из себя вполне приличного морского офицера в рамках военно-политических требований начала 30-х годов, когда после Кронштадтского мятежа пытались как можно скорее избавиться не только от офицеров старого флота, но и от матросов, хорошо помнивших как 1917, так и 1921 год.

Через пять лет после окончания училища Дрозд уже командовал эсминцем «Володарский», а вскоре был назначен старпомом на линкор «Марат». Рос опыт, а гражданская война в Испании привила ему даже некоторую флотскую лихость и проснувшуюся неожиданно любовь к эскадренным миноносцам. Эсминцы! Смертоносно-стремительное оружие морской войны, немыслимые скорости, торпедные вееры, как пальцы Юпитера-громовержца, огненные трассы скорострельных орудий, теплое тяжелое дыхание почти живых существ. Они уже доказали свои возможности в прошлом, а какое будущее открывалось перед ними на гребне новой технологии!

До середины 30-х годов единственными эсминцами в составе советского флота были доставшиеся в наследство от Императорского флота «новики», уцелевшие в огне мировой и гражданской войны, в грызне наркоматов и в путаных планах Советского Труда и Оборона. Затем советские заводы наладили серийное производство новых кораблей этого класса. Одним за другим входили в строй лидеры типа «Ленинград», эсминцы типа «7» и «7У», которые при всех своих недостатках являлись все же крупным шагом вперед по сравнению с морально и физически устаревшими «новиками».

Дрозд заботливо принимал новые корабли в свой отряд, отрабатывал с ними комплексы боевых задач, которые с каждой неделей боевой учебы становились все более сложными и максимально приближенными, как ему казалось, к боевой обстановке. Торпедные атаки колонны линкоров противника под прикрытием темноты по дивизионно с разных курсовых углов с одновременно координированной атакой торпедных катеров, с поддержкой береговых батарей и без нее, дневные атаки отряда линкоров и тяжелых крейсеров противника с применением дымзавес с одновременным наведением кораблей противника на минные поля и подводные лодки, развернутые заблаговременно согласно одному из вариантов оперативного плана. А как красивы были на ходу новые «семерки» и «семерки У» с их итальянско-средиземноморской грацией, задуманной проектировщиками фирмы «Ансальдо» и не очень испорченной нашими судостроительными заводами!

Адмирал Дрозд любил эти корабли, он наслаждался одним их видом, когда Балтийский флот, стяхнув, наконец, с себя последние липкие последствия Брест-

Литовского договора, снова вышел на просторы Балтики, и гордые эсминцы наконец смогли шегольнуть полными ходами без риска выскочить на камни или сесть на мель, оказывая при этом сильное воспитательное воздействие на население прибалтийских республик...

Адмирал Дрозд за первую неделю войны потерял три своих эсминца. Он не сходил с мостика, забыв о своем адмиральском звании, с ужасом убеждаясь, что почти никто ничего не способен делать в реальных боевых условиях, что вся система подготовки флота была не просто оторванной от реальности — она была преступно-фантастичной. Никто не видел ни линкоров, ни тяжелых крейсеров противника. Даже эсминцев не видели, хотя они многим мерещились. Хуже было то, что никто не видел, как немцы ставят мины и когда, хотя ночи были белыми. Но и это не самое худшее.

Хуже было то, что немцы знали о каждом шаге Балтийского флота на уровне каждого отдельного корабля, каждого транспорта до самого паршивого номерного буксира. И более всего это касалось буксиров. На маршрутах движения эсминцев всегда оказывались мины. Мины, не понятно как, оказывались и на секретных якорных стоянках, в местах рандеву и дозаправки топлива, определенных каких-нибудь 10 часов назад на секретном оперативном совещании. При любой облачности «юнкерсы», вываливаясь из туч, безошибочно опознавали стоящие под берегом замаскированные эсминцы, обрушивая на них дождь авиабомб. В районах патрулирования невозможно было находиться из-за непрерывных атак авиации. А наша собственная авиация, если она и вылетала на помощь, то никак не могла обнаружить собственные корабли, чтобы прикрыть их с воздуха. А ведь у нас была морская авиация, а у немцев ее не было. Не было у них и пилотов, имеющих большой опыт действий над морем. В то же самое время противник уверенно обходил наши минные заграждения, пользовался нашими же собственными секретными фарватерами и в такой тесной луже, как Рижский залив, умудрялся мастерски уклоняться от атак эсминцев, завлекая их на минные поля или в комбинированные засады торпедных катеров и авиации.

Понятно, что Прибалтика была чужой и враждебной. Понятно, что предвоенные волны арестов, высылки и расстрелов местного населения захваченных республик

только помогли немцам создать на территории Прибалтики разветвленную и надежную агентурную сеть. Понятно, что сотни настороженных и горящих ненавистью глаз следят с берега за передвижениями наших кораблей, сообщая об этом противнику. Но есть предел тому, что может выяснить сторонний наблюдатель даже с прекрасной военно-морской подготовкой. Ясно, что утечка информации, если ее можно назвать утечкой, а не потоком, идет от кого-то, кто в курсе самых сокровенных тактических планов флота и имеет возможность быстро и четко передавать эти сведения противнику. Этот кто-то должен находиться либо в его собственном, Дрозда, штабе, либо в штабе КБФ...

14 июля, получив сообщение разведки о движении в Рижском заливе нескольких крупных конвоев противника, адмирал Дрозд ринулся на перехват немецких транспортов, ведя за собой шесть эсминцев и два сторожевика — все, что осталось в строю ОЛС: «Стойкий», «Сердитый», «Сильный», «Гордый», «Стерегающий», «Энгельс», «Туча» и «Буря». Вдогонку штаб КБФ послал ему шифровку: по уточненным данным около тридцати крупных транспортов противника, груженых солдатами и боевой техникой, разделившись на несколько конвоев, следуют Рижским заливом в Ригу, пройдя, казалось бы, наглухо заминированный Ирбенский пролив. Дрозд запросил подкреплений — чтобы уничтожить такое количество транспортов, шести эсминцев и двух сторожевиков, конечно, было мало.

Из Таллинна на соединение к его отряду вышел новейший, введенный в строй всего две недели назад, эсминец «Страшный». Как разъяренные тигры, ворвались в Рижский залив эсминцы Дрозда. Разделившись на два дивизиона, эсминцы буквально перепахали все указанные разведкой квадраты, но ничего не обнаружили. Ничего, даже какой-нибудь самоходной баржи, везущей солярку для полевых электростанций для 18-ой армии генерала Кюхлера. Один из эсминцев — «Гордый», ведомый неукротимым агрессивным караимом, капитаном 3-го ранга Ефетом, в азарте охоты влетел даже в устье Даугавы, ибо господство на море было полным. Влетел, но опять же ничего не обнаружил.

А на рассвете 15 июля авиация противника обнаружила стоящие на якорях в бухте Кейгусты после неудач-

ной охоты эсминцы «Страшный» и «Свирепый». О том, что они остаются на ночь в этой бухте, знал штаб Дрозда и штаб КБФ. Четверка «юнкерсов», выскочив из-под низких облаков, ринулась на «Страшный», который, получив три прямых попадания в корму, вспыхнул, как спичечный коробок, и не погиб только благодаря мужеству матроса Огарева. Тяжелораненый и обожженный он успел затопить кормовые артиллерийские погреба. С полностью выгоревшими кормовыми помещениями «Страшный» пошел в Таллинн и подорвался на mine, лишившись носа. Это переполнило чашу терпения Дрозда, и он совершил поступок, совершенно немыслимый в строгой структуре флотского подчинения, да еще в военное время — он решил порвать все отношения как со штабом КБФ в Таллинне, так и со своим собственным штабом, размещенным на эсминце «Стерегушем», на котором адмирал держал свой флаг.

Бросив свой штаб вместе с шифровальщиками на «Стерегушем», адмирал перешел на «Сердитый» и, основываясь на данных собственной разведки, ушел в Рижский залив. Штаб КБФ забросал «Стерегающий» шифровками в адрес Дрозда, но, находясь на «Сердитом», адмирал, даже если бы и очень хотел, прочесть эти шифровки не мог — они были зашифрованы его личным шифром, а шифровальщики и шифры остались на «Стерегушем». Но, видимо, он и не хотел их читать.

Вместе с эсминцем «Грозный» он ринулся на перехват нового конвоя противника в составе 25 транспортов, которые 18 июля вошли в Рижский залив. Собственно, именно об этом и сообщали шифровки из штаба КБФ, но Дрозд в них не нуждался — он имел собственные источники информации. А на «Стерегушем» начальник штаба Дрозда, лихой и агрессивный капитан 2-го ранга Святков, пытался общефлотским шифром ретранслировать указания штаба КБФ на «Сердитый». «Стерегающий» и остальные эсминцы в это время принимали топливо. Об этом штаб КБФ знал. Но он не знал, где находится адмирал Дрозд с двумя эсминцами и что он намерен делать. Штаб не знал также, что капитан 2-го ранга Святков, прервав прием топлива на «Стерегушем» и бросив остальные эсминцы на рейде, имея в цистернах всего 300 тонн мазута, ринется, никому об этом не сообщив, на помощь своему командующему.

И впервые немцев удалось поймать врасплох уже почти у самого устья Даугавы. К сожалению, на «Сердитом» и «Грозящем» кончалось топливо после двухдневного патрулирования по заливу, а на «Стерегушем» топливные цистерны были наполовину пусты. Тем не менее пять немецких транспортов было потоплено артиллерией «Стерегающего», который один из трех мог еще дать на остатках топлива полный ход. Потеря пяти транспортов, конечно, не Бог весть что, но все равно, как говорится, пусть им будет обидно.

Собрав свои эсминцы на Косарском плесе, адмирал Дрозд не мог уже больше игнорировать вызовы из штаба КБФ. Доложив обстановку и результаты атаки конвоя и выслушав приказ явиться в Таллинн для объяснения своих действий, Дрозд уже собирался прямо на «Сердитом» отправиться в Таллинн, как вдруг, около пяти часов после полудня, четверка «юнкерсов» появилась над рейдом в просвете облаков и ринулась в крутом пике на «Сердитый», безошибочно опознав его среди многочисленных кораблей отряда. Дрозд чудом уцелел, когда попавшая в эсминец бомба вызвала взрыв котлов и страшный пожар выплеснувшегося из разорванных цистерн мазута; убила и ранила 117 человек. Слегка контуженный адмирал перешел с остатками экипажа на «Гордый», теперь уже точно зная, что изменник находится не в его штабе.

В Таллинне у него произошел резкий разговор с Трибуцем. Дрозду пригрозили трибуналом в случае повторения чего-либо подобного в будущем. В ответ Дрозд открыто заявил Трибуцу, что из штаба КБФ напрямую идет информация противнику. Дрозд готов был это доказать конкретными примерами боевых операций за июль. Трибуц прервал своего подчиненного, предложив ему заняться выполнением своих прямых обязанностей, не впадая в паникерство и шпиономанию. Отряд легких сил никогда бы не понес столь тяжелых потерь, если бы его командир вместо того, чтобы оправдывать свои поражения мифическими шпионами в штабе КБФ, позаботился бы повысить дисциплину и боевую подготовку как своих подчиненных, так и свою собственную. Почему-то всегда, когда из штаба КБФ поступает приказ атаковать противника, половина его кораблей не имеет топлива, а вторая половина находится неизвестно где

и даже не может сообщить своих точных координат, оперируя квадратами. Между отдачей приказа и выходом его эсминцев в море проходит столько времени, что конвоям противника нет нужды получать какую-либо информацию — они просто успевают за это время прийти в Ригу. Под этим натиском, где обвинение в паникерстве недвусмысленно сочеталось с обвинением в служебном несоответствии, Дрозду пришлось замолчать. Он ушел от Трибуца весьма далеким от убеждения, что не прав.

Далее события продолжались с таким же успехом, как и в прошлом. 21 июля на секретной стоянке подорвался на mine и затонул бесценный танкер «Железнодорожник», обеспечивающий его отряд топливом. 22 июля, возвращаясь с минной постановки, подорвался на mine эсминец «Грозный», с трудом задним ходом добравшийся до Моонзундского рейда, виновато полоща по ветру брейд-вымпел капитана 2-го ранга Святова. Через пять дней, 27 июля, в Ирбенском проливе, прикрывая минную постановку, взорвался эсминец «Смелый». При этом никто, включая его собственного командира, капитана 3-го ранга Быкова, не мог сказать, то ли эсминец подорвался на mine (опять же неизвестно — своей или немецкой), то ли был торпедирован катерами противника, которых обнаружить не удалось, что уже бывало неоднократно. Быкова отдали под суд, он куда-то пропал, и Дрозд за него уже не вступился.

Первая неделя августа прошла еще более-менее нормально — никто из отряда не погиб, но 7 августа был поврежден «Энгельс»; 8 августа потоплен «Карл Маркс»; 11 августа его флагманский эсминец «Стерегающий», опять идя под брейд-вымпелом Святова, подорвался на mine, конвоируя транспорт «Молотов»; 18 августа подорвался и, вспыхнув, затонул эсминец «Статный» почти прямо на таллинском рейде. Постепенно его корабли собирались на таллинском рейде, закоптелые, обгорелые, со смятыми бортами и искореженными надстройками, прошитые крупнокалиберными очередями, с пробитыми осколками дымовыми трубами, с матросами и офицерами в окровавленных бинтах, с убитыми, лежащими под брезентом на баке или на юте.

Не имея флота, противник вытеснял мощное соединение Дрозда из Рижского залива, а вчера, 23 августа,

был отдан приказ, отзывающий из Рижского залива два последних корабля: эсминцы «Суровый» и «Артем». В середине августа контр-адмирал Дрозд, сдав командование Отрядом Легких сил (ОЛС) капитану 2-го ранга Солоухину, подал рапорт о болезни: он был на грани нервного коллапса, болела раненая нога, давала себя знать контузия, полученная при гибели «Сердитого», а, главное, — его не оставляла мысль найти того, кто подставлял его корабли под бомбы и наводил их на мины*...

Зябко кутаясь в шинель и отхлебывая остывший чай, контр-адмирал Дрозд, постаревший за эти два месяца лет на двадцать, впервые по-настоящему осознал масштаб трагедии, обрушившейся на его отряд, на флот, на всю страну... Корабль рвануло. Жалобно зазвенела ложечка

*В сентябре 1941 года, после расформирования Отряда легких сил, контр-адмирал В.П.Дрозд был назначен командующим эскадрой КБФ. Под его руководством артиллерия надводных кораблей стала «огненным щитом» Ленинграда, внесшим известный вклад в оборону города. Обладая несомненным личным мужеством, адмирал Дрозд лично возглавил операцию по эвакуации гарнизона полуострова Ханко через ноябрьские, кишящие минами воды, которые опять кто-то заботливо подставлял под форштевни его кораблей. У многих сложилось впечатление, что адмирал Дрозд искал смерти в бою, очевидно, не без оснований ожидая ее с какой-то другой стороны. Неизвестно, что открыл Дрозд, проведя собственное расследование трагедии Балтийского флота в июле-августе 1941 года, неизвестно, какую роль он играл в интригах, раздиравших высший эшелон командования флотом в 41-42-х годах, однако его нелепая гибель в полынье в январе 1943 года породила много кривотолков. Говорили, что адмирал был убит шофером, который затем направил машину в полынью, или что его отравили по чьему-то приказу и он умер в машине, которая затем была сброшена шофером в полынью. Спасшийся шофер сказал, что последними словами адмирала якобы были: «Какая нелепая смерть». Была легенда уже послевоенного происхождения, что Дрозд первым уличил в шпионаже адмиралов Галлера, Алафузова и даже самого Кузнецова, за что и был убит. Но что бы то ни было, 37-летний вице-адмирал Валентин Дрозд погиб странной смертью, обстоятельства которой нуждаются в дополнительном расследовании. Недаром, чтобы пресечь циркулирующие на флоте слухи, именем Дрозда срочно назвали эсминец «Стойкий». И хотя подобной чести не был больше удостоен ни один из Балтийских адмиралов, Дрозд вполне это заслужил, поскольку был практически единственным плавающим боевым адмиралом Балтики в годы войны.

в стакане. Грохот бортового залпа неприятно ударил по тяжелой голове адмирала. «Киров» открыл огонь — значит немцы возобновили наступление на Таллинн. Дрозд взглянул на часы: было 3 часа 55 минут.

24 августа 1941, 03:55

Капитан 1-го ранга Сухоруков, командир крейсера «Киров», выскочив на левое крыло ходового мостика, с тревогой наблюдал, как четыре огромных грязно-серых столба воды, поднятых немецкими снарядами, медленно оседали в каких-нибудь 50 метрах от левого борта крейсера. Было совершенно ясно, что за ночь противник подтянул к городу тяжелую артиллерию, видимо, 152 или 203-миллиметровые орудия, и с рассвета начал обстрел гавани.

После того, как 22 августа в 20 часов 25 минут «Киров» открыл огонь орудиями главного калибра по стремительно наступающему на Таллинн противнику, капитан 1-го ранга Сухоруков, как, впрочем, любой из его подчиненных, практически не спал, забываясь только в тревожной дремоте в плетеном кресле на мостике. Бесперывно сыпались заявки сухопутного командования, просящего, молящего, взывающего об артиллерийской поддержке. Стоило крейсеру хотя бы на полчаса прекратить огонь, как радиорубка корабля взрывалась от панических запросов и истерических просьб: «Огня! Огня!» И три трехорудийные 180-миллиметровые башни «Кирова» непрерывно извергали огонь. Командир дивизиона главного калибра старший лейтенант Шварцберг, недавно переведенный на «Киров» с эсминца «Сметливый», подтвердил свою репутацию лучшего артиллериста на флоте: огонь крейсера был очень эффективным, и прорваться через него было фактически невозможно. Во всяком случае, войдя в зону поражения артиллерии «Кирова», немцы очень заметно замедлили темп своего наступления.

Но «Киров» был единственным крейсером на Таллинском рейде и единственным советским крейсером на Балтике — его однотипный собрат «Максим Горький», искалеченный в первые дни войны, ремонтировался в Кронштадте. И не мог один «Киров» обеспечить все участки сухопутного фронта, а поскольку он был один, было

несложно нейтрализовать его, а при удаче — тяжело повредить или даже утопить. Еще вчера полевые орудия противника навязали крейсеру контрбатарейную борьбу, отвлекая его внимание от поддержки сухопутных войск, выпустив по кораблю более 600 снарядов. Тесна была для маневра такого корабля как «Киров» акватория таллиннского рейда, к тому же перегороженная от Пириты до Пальясаара противолодочными боновыми сетями.

Но капитан 1-го ранга Сухоруков недаром слыл одним из опытнейших и самых решительных командиров на всем флоте. Награжденный еще в 1936 году «Орденом Ленина» за проводку Северным морским путем через арктические льды эсминца «Войков» во Владивосток и «Орденом Боевого Красного Знамени» за участие в ожесточенной зимней войне с Финляндией, он маневрировал вверенными ему 9500 тоннами стали на тесном рейде так, как не всякий командир мог бы маневрировать эсминцем и сторожевиком. Для помощи в маневрировании был придан «Кирову» маленький буксир, «С-103» под командованием капитана Гаврилова, который суетился то с правого, то с левого борта крейсера, то толкал его в корму, то появлялся у носа, помогая крутиться чуть ли не на одном месте и избегать прямых попаданий. И продолжал крейсер греметь своими орудиями, выбивая стекла в таллиннских домах, тяжелым басом включаясь в общий гул непрерывной канонады, висящей над городом, рейдом и гаванью, а 23 августа зенитные батареи правого борта крейсера даже подбили самолет-разведчик противника, который совершил вынужденную посадку на остров Прангли, попав в плен вместе с пилотами...

«Киров» — первенец советского большого флота — первый крупный корабль, построенный в советское время — был обязан своим появлением на свет, главным образом, тому, что Иосиф Виссарионович Сталин, как и большинство диктаторов всех времен, до конца своей жизни страдал гигантоманией. Не имея военно-морского, как, впрочем, и никакого другого образования, находясь в плену придуманных им же самим примитивных схем как внутренней, так и внешней политики, Сталин искренне считал, что на пути к мировой рево-

люции имеется только одна помеха — Англия с ее огромным флотом линкоров и линейных крейсеров. Почему именно Англия, а не Америка? Этого не знает никто. Возможно, что вождь об американском флоте вообще ничего не слышал до вступления США во вторую мировую войну. Но Гранд-флит Великобритании давил на его воображение. Именно на Гранд-флите зиждется императорская мощь Англии, считал он, а когда рухнет Британская империя, тогда до мировой революции уже и рукой подать.

В своем личном кинозале Сталин чуть ли не каждую неделю смотрел старую хронику Ютландского боя. Лес мачт огромного количества английских и германских дредноутов, черное небо от дыма из бесчисленных труб, залпы громадных орудий. Смелый вызов немцев британской имперской мощи, к сожалению, закончился неудачно. Следующий вызов бросит он, Сталин. Его воображение рисовало ему ютландские армады под советским флагом, идущие на битву с Гранд-флотом. Линкеры, линейные крейсера, равных которым нет в мире, окруженные эскадрами легких крейсеров и бесчисленными флотилиями эсминцев, громят англичан и разносят знамя пролетарской революции по всему миру. Вот авианосцев Сталин почему-то не любил, просто терпеть их не мог, считая их «буржуазными штучками», и никто даже не осмеливался произносить само слово «авианосец» в его присутствии.

К сожалению, между столь амбициозными планами товарища Сталина и их выполнением лежала полная неготовность промышленности начать строительство крупных кораблей, даже легких крейсеров. Огонь первой и гражданской войн, послевоенная разруха и революционные чистки почти полностью уничтожили специалистов-кораблестроителей, раскидали по весям опытных рабочих; да и сами судостроительные заводы находились в жалком состоянии. Однако мечта — это мечта: ее надо претворить в жизнь. И вот в годы, когда страна еще не успела подняться на ноги после нокаута 1914-1921 годов, когда целые области СССР вымирали от голода, когда по карточкам выдавались рубашки и дрова, в сухопутной стране начала осуществляться гигантская программа военного кораблестроения, не имеющая ничего общего с нуждами, истинными нуждами государственной обороны.

Советские эмиссары, легальные и нелегальные, ринулись в Западную Европу и США в целях приобрести или раздобыть другим способом проекты современных боевых кораблей. Основные морские державы мира, которые в те годы, наоборот, резали свой флот согласно положениям Вашингтонского договора, встретили советские предложения с некоторым смущением. Правда, «другим способом» проектов раздобыть удалось достаточно, но толку от них не было — в жизнь их все равно воплотить было невозможно без технической помощи с Запада.

Помогли новые друзья — Германия и Италия. Немцы готовы были продать нам проектные чертежи «Бисмарка», но нас это не устраивало — слабый линкор: артиллерия, смешно сказать, всего 381-миллиметровая. Да и дорого немцы драли за проект. А вот итальянцы сходу нам предложили купить у них проект тяжелого крейсера типа «Пола» по дешевке, обещая при этом самим его и построить. Нет, уж, построим мы сами, а вы давайте проект и комплектующие детали. Итальянцы согласились: они не меньше нашего нуждались в деньгах. Однако выяснилось, что «Полу» с ее 203-миллиметровыми орудиями нам не осилить. Пришлось торговаться на легком крейсере типа «Раймондо Монтекуколи» с шестидюймовой артиллерией, что было до обидного мало.

И тогда в чью-то гениальную голову (позже выяснилось, что в голову А.А.Флоренского) пришла идея вооружить итальянский проект нашими 180-миллиметровыми орудиями. Правда, международные соглашения предусматривали, что легкие крейсера не должны иметь калибр орудий более 155 миллиметров, но, поскольку, СССР эти соглашения не подписывал, то и, естественно, не обязан был их выполнять, а 180-миллиметровые орудия с длиной ствола в 57 калибров, с высокими баллистическими характеристиками уже были разработаны и испытаны на крейсере «Красный Кавказ».

Сказано — сделано: крестная мать советского военно-морского флота — итальянская фирма «Ансальдо» — прислала в СССР всю техническую документацию и чертежи крейсера «Раймондо Монтекуколи», комплект рабочих чертежей энергетической установки, саму энергетическую установку, включая два главных турбозубча-

тых агрегата, шесть котлов и весь каталог вспомогательных механизмов. Правда, из-за того, что вместо четырех двухорудийных башен 155-миллиметровых орудий на корабль пришлось устанавливать три трехорудийные башни 180-миллиметровых орудий, пришлось кое-что переделать, пересчитать и переработать, но в целом итальянский проект удалось не очень испортить, и 22 октября 1935 года на стапеле Балтийского завода в Ленинграде в присутствии Калинина и тогдашнего начальника морских сил СССР Орлова был заложен корабль, нареченный «Кировым» в память бывшего секретаря ленинградского обкома партии, который настолько открыто интриговал против товарища Сталина, что его пришлось пристрелить прямо в Смольном.

Корабль строился тяжело. Медленно шла листовая фондированная сталь из Магнитогорска и Краматорска, не хватало рабочих и инженеров. Назначенная на крейсер команда в количестве 850 человек была распределена по цехам завода. Руководство завода получило приказ спустить корабль на воду не позднее, чем через год после закладки. На немногочисленных инженеров домокловым мечом в любой момент могло свалиться обвинение во вредительстве. Вовсю применялись новые методы повышения производительности труда: корабль был объявлен стахановским, было организовано соцсоревнование за переходящее Красное знамя, работы шли круглосуточно, но уложиться в намеченные сроки не удалось.

В ноябре на завод нагрянула комиссия в составе Жданова, заменившего убитого Кирова; Буденного и Ворошилова. Последние двое специально прибыли из Москвы по приказу Сталина, который сам за все время своего пребывания у власти в Ленинград почему-то не приезжал, чего-то боялся, хотя бояться ему, конечно, было совершенно нечего. Комиссия, учитывая ее представительный состав, имела огромные полномочия, но практически сделать ничего не могла, кроме как припугнуть руководство завода и, собрав митинг рабочих, взять с них обязательство спустить крейсер на воду к 1 декабря 1936 года.

30 ноября 1936 года «Киров» был спущен на воду. Достройка крейсера шла все в том же лихорадочном темпе, и 12 марта 1937 года на «Кирове» впервые под-

няли пары, проверили ГТЗА, а 7 августа 1937 года корабль вышел в море на ходовые испытания. Во время испытаний, 12 августа, пробило главный паропровод, паром обварило 11 человек, в турбине был обнаружен «питтинг» (выкрашивание металла из зубьев шестерен). И хотя в авариях, надо честно сказать, виноваты были итальянцы и, в какой-то степени, страшная гонка при производстве монтажных работ, козлом отпущения почему-то сделали председателя государственной приемной комиссии Векмана, а также — уполномоченного постоянной комиссии капитана 1-го ранга Кюна. Обоих арестовали, и о их дальнейшей судьбе ничего не известно. Председателем государственной комиссии был назначен капитан 2-го ранга Долинин.

Все эти события, а также выявленные на испытаниях недостатки, столь свойственные итальянским крейсерам вообще, а на специфической балтийской волне — в особенности, задержали ввод «Кирова» в строй. Только 25 сентября капитан 2-го ранга Долинин, боясь разделить судьбу Векмана, решился подписать приемочный акт, а на следующий день, 26 сентября, на «Кирове» торжественно был поднят военно-морской флаг. «Первенец советского большого флота» действительно произвел фурор во всем мире, главным образом, потому, что весь мир не мог и предполагать, учитывая многочисленные военно-политические, экономические и географические факторы, что при такой массе нерешенных проблем, включая и проблемы военного характера, Советский Союз развернет столь гигантскую по масштабам программу создания океанского флота*.

*От программы действительно захватывало дух. До 1945 года предполагалось построить около 20 крейсеров, представляющих из себя различные улучшенные варианты типа «Киров», а также более 100 лидеров и эскадренных миноносцев. Но эти корабли представляли из себя лишь вспомогательную часть программы, а ядром ее были линейные корабли типа «Советский Союз» полным водоизмещением 65150 тонн, вооруженные девятью 406-миллиметровыми орудиями, и линейные крейсера типа «Кронштадт» водоизмещением 38360 тонн, вооруженные девятью 305-миллиметровыми орудиями. На заводах Ленинграда, Николаева и Северодвинска еще до войны началось строительство первых четырех линкоров: «Советский Союз», «Советская Россия», «Советская Украина» и «Советская Белоруссия», а также двух первых линейных крейсеров: «Кронштадт» и «Се-

25 октября 1939 года «Киров» в окружении эсминцев, неся флаг командующего флотом, появился на Таллинском рейде и произвел, как и положено в иностранном порту, салют наций. Экипаж, построенный по большому сбору, напряженно застыл на палубе. Башенные орудия «Кирова» были заряжены боевыми снарядами — можно было ожидать любого развития событий. После некоторого замешательства эстонская береговая батарея произвела ответный салют.

В Европе уже полыхала вторая мировая война. Раздраженный вместе с Гитлером Польшу, СССР решил воспользоваться случаем и вернуть себе то, что пришлось некогда отдать по кабальному Брест-Литовскому договору 1918 года. 28 сентября 1939 года при подписании договора о дружбе и границе с Германией Молотов прямо заявил о желании Советского Союза вернуть себе Прибалтику и Финляндию. Сталин искренне считал, что Ленин явно погорячился, предоставив Финляндии независимость. Немцы, которые также с неменьшей алчностью взирали на беззащитные прибалтийские республики, было заартачились, требуя дележки: Литва — нам, Эстония и Латвия — вам. Советский Союз решительно

востополь». Всего же до 1945 года предполагалось ввести в строй 14 линкоров типа «Советский Союз» и 6 линейных крейсеров типа «Кронштадт». При этом интересно отметить, что в составе подобной армады надводных кораблей из 14 чудовищных линкоров, 6 линейных крейсеров, 20 легких крейсеров и 100 эсминцев даже не предполагось иметь хотя бы один авианосец. «Даже страшно подумать, — воскликнул как-то (после смерти Сталина, конечно) адмирал Кузнецов, — что такой флот вышел бы в море, не имея в своем составе авианосцев!»

Предательство Гитлера, разорвавшего договор о дружбе с Советским Союзом, а равно и договор о ненападении, помешали выполнить эту прекрасную программу. До начала войны успели ввести в строй лишь четыре крейсера типа «Киров» (два на Балтике, два — на Черном море); «Советская Украина» и «Севастополь» были захвачены немцами на стапелях в Николаеве, остальные строящиеся мастодонты разобраны на металл.

Вторая мировая война на массе примеров в самом своем начале продемонстрировала, что линкор, как класс корабля, умер, уступив место авианосцу. «Бисмарк» и «Витторио Венето», «Мусаси» и «Ямато» — страшные, закованные в броню чудовища, оказывались неспособными отбиться даже от эскадрильи самолетов. Казалось, это было ясно каждому. Но товарищ Сталин остался верен своей первой любви.

возражал, ссылаясь на великие деяния Петра I. Наконец, немцам заткнули глотку обещаниями щедрых поставок зерна и нефти, в которых Германия уже ощущала острейшую нужду, так как развязала войну в Европе, будучи совершенно еще к ней не готовой в экономическом отношении.

Заручившись согласием немцев, СССР начал действовать стремительно и решительно. Для начала Прибалтийским республикам был навязан договор о праве базирования кораблей Балтийского флота в их портах, в силу которого «Киров» пришел в Таллинн, а через несколько дней направился в Либаву, где более часа пришлось ждать ответного салюта. Быстро оценив беспомощность Прибалтики в создавшейся международной обстановке, Сталин просто приказал присоединить их к СССР в качестве «равноправных союзных республик», а затем занялся Финляндией.

Однако финны, известные своим упрямством и нескговорчивостью, упорно не желали предоставлять свои порты под базы советскому флоту, не желали уступать ни пяди своей территории, не желали просто так, без выборов, допускать коммунистов в парламент. И тогда

Не успела окончиться война, продемонстрировавшая, помимо всего прочего, полную несостоятельность нашего флота, как по приказу Сталина в Ленинграде и Николаеве были снова заложены линейные крейсера типа «Сталинград» водоизмещением 43000 тонн, вооруженные девятью 305-миллиметровыми орудиями. Испепеленная войной страна, потерявшая в огне сражений более 26 миллионов человек, конечно же, в это время более всего нуждалась в линейных крейсерах для нового Ютландского боя с англичанами. Разрабатывались, на основе захваченных немецких документов, проекты новых линкоров с 18-дюймовыми и 12-дюймовыми орудиями. Закладывались и строились сотни новых эсминцев, сторожевиков и подводных лодок. Были достроены все крейсера типа «Чапаев» и развернуто строительство 24 легких крейсеров типа «Свердлов». Об авианосцах опять никто не заикался.

Правда, одно ЦКБ тайно работало над созданием авианосца, но, поскольку, само это слово было запрещено, то проектируемый корабль назывался ПБИА (плавающая база истребительной авиации). Однако дальше предварительных разработок дело не пошло, а смерть Сталина покончила с авантюризмом в планировании программ военного кораблестроения. К моменту смерти Сталина, в 1953 году, оба линейных крейсера были уже в весьма большой готовности по корпусу («Москва» — 92%).

Советский Союз, потеряв терпение и отбросив всякие приличия, объявил Финляндии войну. Огромная страна с населением 180 миллионов человек не постеснялась объявить агрессором, якобы готовившим нападение на СССР, маленькую страну с населением в 3 миллиона человек, что было меньше населения одного Ленинграда. При этом был применен старый прием, оправдавший себя в Прибалтике и применяемый почти без изменений до наших дней. Быстро было сформировано новое финское правительство под председательством Отто Киунсена, которое, объявив правительство в Хельсинки незаконным, запросило СССР об интернациональной помощи.

30 ноября 1939 года в кают-компании «Кирова» был собран весь командный состав. Тогдашний командир крейсера, капитан 2-го ранга Фельдман, и комиссар Столяров объявили офицерам, что, в связи с нападением (!) Финляндии на СССР, началась война. «Кирову» предстоит выйти в море и бомбардировать финскую береговую батарею на острове Руссаро у Ханко. На борту «Кирова» находился знаменитый корреспондент «Правды» Вишневский для передачи в газеты первой победной сводки.

1 декабря «Киров» подошел к острову Руссаро, но не успел корабль лечь на боевой курс, как был тут же накрыт огнем береговой батареи. Финские артиллеристы умели с первого залпа вести огонь на поражение. За первым накрытием последовало второе, затем третье. Вспыхнул пожар. 17 человек было убито, более 30 — ранено. Ошеломленные моряки метались в огне и дыму на пронзительном ветре, при двадцатиградусном морозе, не зная, что предпринять. Первые же боевые залпы показали низкий уровень боевой подготовки, особенно офицеров. Капитан 2-го ранга Фельдман поспешил вы-

Видимо, несмотря на саботаж строителей, находящихся в преступном сговоре с командованием ВМФ, оба корабля были бы спущены на воду в 1954 году и, вероятно, в 1957 году вошли бы в строй. Следовательно, в 1958 году, в начале ракетно-космической эры, в море вышли бы, на потеху всему свету, советские линейные крейсера с артиллерийским вооружением без прикрытия с воздуха. К счастью, этого не случилось. Не успели еще похоронить Сталина, как оба линейных крейсера начали разбирать прямо на стапеле.

вести «Киров» из боя. Многим запомнилась картина, когда буксиры тянули закоптелый, зияющий пробоинами «Киров» к стенке судоремонтного завода в Либаве, а толпы народа, собравшиеся вдоль берегов узкого канала, глядели на израненный корабль.

В своей корреспонденции Всеволод Вишневский, избегая подробностей, кратко отметил, что «Киров» получил боевое крещение. Для крейсера «Киров» война с Финляндией была окончена. Эта война, задуманная как молниеносная кампания по образцу, преподанному немцами в Польше, обернулась изнурительной и кровопролитной войной на истощение. За оружие, отстаивая свою национальную независимость, взялся весь народ Финляндии. Красная Армия, демонстрируя, несмотря на чудовищное превосходство в силах, полное неумение воевать, безнадежно застряла в снегах и лесах Карельского перешейка, а на Петрозаводском направлении даже стала отступать. 380 тысяч убитых, раненых и обмороженных, 35 тысяч пленных — вот цена нашей войны с финнами, армия которых не превышала при проведении мобилизации 100 тысяч человек, практически не имея в своем составе ни танков, ни авиации.

Именно война с Финляндией, показавшая полную военную неграмотность Красной Армии на всех уровнях от маршала до рядового, убедила Гитлера, что Советский Союз можно разгромить в ходе молниеносной кампании, и тот принял окончательное решение о падении!..

День 22 июня 1941 года застал «Киров» в Усть-Двинске. Пока на крейсере, отбивающем первые налеты авиации противника, пришли в себя от первого потрясения и смогли более-менее трезво оценить обстановку, противник уже подходил к Риге. На «Кирове» поняли, что попали в ловушку. Ирбенский пролив практически закрыт — там уже подорвался и чудом уцелел собрат «Кирова» — крейсер «Максим Горький» и погибло несколько других кораблей. Прорываться через Ирбены — самоубийство. Остается Моонзундский пролив, давно считавшийся несудоходным, особенно для кораблей такого класса как «Киров». Но альтернативы не было: либо бросить «Киров» в Риге, либо попытаться пробиться через Моонзунд. Выгрузив все, что было можно,

скрежеща днищем по дну пролива, ломая руль и винты, вынесенные итальянскими проектировщиками более чем на метр от основной линии корпуса для увеличения скорости и маневренности, «Киров» 29 июня вошел в пролив, следуя за целой флотилией буксиров и черпалок.

Капитан 2-го ранга Сухоруков, ювелирно управляя крейсером, вел его в тесном пространстве вех, спешно выставленных гидрографами. Ведя крейсер поистине шестым чувством, свойственным всем опытным командирам, капитан 2-го ранга Сухоруков то останавливал корабль, то снова давал ход; скрежет днища отдавался в сердце, за кормой корабля дыбом вставали рыжий песок, ил и грязь. На всех кораблях, уходивших через пролив вместе с «Кировым», затаив дыхание следили за крейсером.

Капитан 2-го ранга Сухоруков, внешне совершенно спокойный, отдавал четкие команды на руль. Он хорошо понимал, что пролив необходимо проскочить до скорого июльского рассвета. Если авиация противника утром застанет корабли в проливе, все будут уничтожены. Однако вскоре машину пришлось остановить, чтобы не сломать винты о грунт. Латвийский ледокол «Лачплесис» повел «Киров» на буксире. Руль и винты крейсера продолжали скрежетать по дну. Казалось бы, гидрографы и штурманы, готовясь к прорыву, с наибольшей точностью рассчитали курсы «Кирова», казалось бы, уже невозможно было точнее управлять кораблем, чем это делал капитан 2-го ранга Сухоруков, однако в 00:30 30 июня «Киров» всем корпусом тяжело сел на мель.

Находящийся на «Кирове» адмирал Дрозд позднее вспоминал, что все на мостике в этот момент «съежились». Ледокол «Лачплесис», разворачивая крейсер из стороны в сторону, пытался снять его с мели. Ничего не получилось — «Киров» прочно сидел на грунте. Напрягая всю мощь своих машин, ледокол попытался снять «Киров» с банки рывками. Один за другим рвались восьмидюймовые буксирные концы, заводили новые в отчаянной решимости: все понимали, что с ними будет, если «Киров» придется бросить в проливе. На крейсере началась перегрузка всего, что еще не успели

выгрузить, с носа на корму. Для облегчения носа на корму был переведен и весь экипаж. Наконец, как записано в официальном отчете, «начали сочетать перемещение краснофлотцев вдоль корабля с сильными рывками ледокола», то есть в отчаянии прибегли к способу незапамятных времен парусного флота. К 02:00 крейсер удалось содрать с банки.

Близился рассвет, но значительная часть пролива была еще впереди. За восемь с половиной часов следования проливом «Киров» еще пять раз садился на мель и все начиналось с начала. Еще восемь буксирных концов было разорвано, скидывали на подошедшие эсминцы все, что можно: боезапас, остатки продовольствия, воды и топлива, всех лишних людей. Давно рассвело, но немецкая авиация не появлялась. Возможно, немцы считали, что «Киров» застрянет в проливе, а, возможно, просто проглядели прорыв в запале наступления. Что им был этот крейсер, которому все равно дальше Ленинграда отступать было некуда, а взять Ленинград немцы надеялись в середине сентября. Немцы сами не ахти как умели воевать на море и над морем, и наша Балтийская трагедия произошла вовсе не от какого-то их умения, а от нашей собственной полной военно-морской безграмотности. Да уж и надоело повторять, что и флота у немцев на Балтике не было...

30 июня в 10 часов 30 минут ледокол «Лачплесис», наконец, вытащил «Киров» на большую воду. Выйдя из пролива Хари-Курк между островами Харилайд и Вирмси и повернув строго на север, корабли построились в боевой порядок: «Киров» в центре, охраняемый по бортам эсминцами, впереди — тральщики и морские охотники. Замыкала ордер подводная лодка «М-81». Она-то и подорвалась на mine, мгновенно исчезнув в пучине. На кораблях сочли это чудом, поскольку о ми-нах кратности на флоте мало кто слышал, а, скорее, не слышал никто, хотя считается, что эти мины изобрели в СССР.

Отбив по дороге довольно неуверенный налет трех «юнкерсов», «Киров» к вечеру 1 июля пришел на таллинский рейд. Корабль нуждался чуть ли не в капитальном ремонте. Корпус тек, как говорится, по всем швам. Донки были забиты песком. Рули сломаны, винты деформированы, кронштейны оборваны, боковые

кили смяты и сплющены, днище гофрировано в нескольких местах, обшивка подводной части корпуса смята. Нужен был док, но в Таллинне его не было, а док в Кронштадте был занят «Максимом Горьким». Слегка залатали своими силами. Кое-что подклепали, кое-что подцементировали, кое-что перебрали и выправили. Правда, скорость хода упала до 24 узлов, но уже никто не думал о бое на полных ходах с крейсерами из завесы Гранд-флита, а для конкретных условий корабль вполне сохранил боеспособность. И «Киров» включился в оборону города, став костяком этой обороны, ее символом, ее надеждой. Тем больше желания было у наседавшего противника уничтожить этот корабль...

Высокие столбы воды поднялись с правого борта «Кирова», на этот раз гораздо ближе, всего метрах в пятнадцати от борта. Капитан 2-го ранга Сухоруков, отработав телеграфом «полный назад», дал команду на руль. Стоявший на правом крыле мостика старпом крейсера, капитан 3-го ранга Дегтев, пролаял в мегафон команду на буксир. Взметнув по корме бурун, завибрировав и застонав от резкой перемены режима работы машины, подталкиваемый буксиром, «Киров» стремительно пошел кормой вперед. Столбы воды от следующего немецкого залпа поднялись метрах в тридцати по носу корабля. Сухоруков перекинул телеграфы на «стоп», затем на «самый малый вперед». Буксир, предугадав маневр Сухорукова, ринулся к левой скуле крейсера, упершись в нее носовым кранцем, сдерживая циркуляцию огромного корабля от положенного влево руля. Развернувшись почти на месте, «Киров» встал почти перпендикулярно своему прежнему курсу. Столбы воды поднялись и стали медленно оседать с обоих бортов крейсера. Осколки застучали по бортам и надстройкам. Корабль рвануло: обе носовые башни главного калибра полыхнули огнем, пытаясь подавить бьющую с закрытой позиции тяжелую батарею противника.

Отходя малым ходом от берега, капитан 2-го ранга Сухоруков с тревогой поглядывал на небо: уже совсем рассвело, с минуту на минуту можно было ждать воздушного налета. Низкая облачность и моросящий предосенний дождь внушали лишь слабую надежду, что налет не состоится. Приказав задымить рейд, Сухоруков, отойдя задним ходом почти до самой линии боновых

заграждений, развернул корабль вправо. Залпом грохнули все девять орудий главного калибра. Грохот непрерывной канонады разрывал уши и голову. Все ревело, звенело, вибрировало. Столбы черно-бурого дыма поднимались над городом и гаванью, стелясь над лесом мачт, смешиваясь с дымом и паром от бесчисленных дымовых труб боевых кораблей, транспортов и буксиров. Часы в боевой рубке крейсера показывали 04:30.

24 августа 1941, 04:30

Гром канонады сорвал с койки в каюте № 111 на транспорте «Вирония» корреспондента Вишневого, прославившегося еще до войны своими ультрапатриотическими пьесами, сценариями и статьями. Его знаменитая пьеса «Незабываемый 1919-й» стала одним из тех краеугольных камней, на которых, как на фундаменте, окреп и вырос уродливый, средневековой культ Сталина. Будучи в Испании, Вишневский посылал в Москву победные репортажи, так что и много лет спустя те, кто читали его корреспонденцию в «Правде», не могли толком сказать, чем же все-таки закончилась гражданская война в Испании. Он был крупной фигурой в Главном политуправлении флота, мог без доклада входить к самому начальнику ГлавПУРа Рогову — знаменитому Ивану Грозному, как его прозвали на флотах, был запросто с самим наркомом и вдохновенно нес, как позже напишут его биографы, «пламенное большевистское слово в матросские массы».

Активный по натуре, амбициозный, безусловно смелый и обладавший завидной энергией и работоспособностью, Вишневский носился с одного участка фронта на другой, посещал корабли, читал лекции и боевые листки, следил за настроениями, сигнализировал, предостерегал, информировал, опрашивал, заполняя бесчисленные записные книжки нервным, почти иероглифическим почерком.

В последнее время казалось, что Вишневский остался единственным, кто еще верил в то, что Таллинн удастся удержать. Он доказывал, стыдил, угрожал, доносил, произносил целые речи о мощных подкреплениях, идущих из Кронштадта, развив в этом отношении такую кипучую деятельность, что даже его коллеги-журналист-

ты, «аккредитованные» при штабе КБФ: Михайловский, Тарасенков, Рудный и Чаковский, предпочитали с ним не встречаться: того и гляди, напишет донос, обвинив их в паникерстве и пораженческих настроениях. Вишневого не без оснований побаивались даже в штабе флота. Видимо, Вишневский сам верил в то, что говорил, поскольку накануне, придя в политотдел флота и узнав, что все сотрудники политотдела получили приказ быть готовыми к немедленной погрузке на «Виронию», он искренне расстроился и впервые за трое суток появился в каюте на «Виронии», предоставленной в распоряжение флотских журналистов, а там, грохнувшись на койку, не раздеваясь, мгновенно уснул.

Разбуженный канонадой, Вишневский вышел на палубу «Виронии», некогда бывшей роскошным океанским лайнером, но потерявшей былую щеголеватость из-за боевого камуфляжа, которым были покрашены ее борта и надстройки. Первое, что он увидел, был отходящий от стенки минной гавани сторожевик «Циклон» с включенной аппаратурой химической защиты. Клубы густого, упругого, белого дыма, поднимаясь над кормой сторожевика, обволакивали рейд, укутывая, как в ватную упаковку, корабли и суда, скрывая их на какое-то время от зорких глаз немецких корректировщиков. Далеко на рейде был виден стремительный силуэт «Кирова» и суетящийся вокруг него буксир «С-103». Через каждые полторы минуты ослепительно вспыхивал огнем весь борт крейсера, и гул канонады смешивался с ревом тяжелых снарядов, летящих через гавань и город. В городе бушевали пожары, и Вишневский видел, как немецкие снаряды взрываются в парке Кадриорг. Маневрируя невычисленными курсами в тесной гавани, два лидера — «Ленинград» и «Минск» — вели огонь по берегу из своих стотридцаток. Становилось холоднее, но дождь перестал. Вдали над рейдом небо очистилось от туч, и двойная радуга повисла над морем.

Вынув записную книжку, Вишневский быстро записал: «Много пожаров... «Циклон» отошел от стенки... Дымзавеса... Противник прекратил артобстрел рейда... Черный дым... В небе два истребителя... Два тральщика... Выглянуло солнце... Буксиры... Два торпедных катера вошли в гавань... На «Виронии» готовятся к выходу в море... Много пожаров...»

Неожиданно, сквозь гром канонады Вишневский услышал рев строевой песни, доносящейся со стороны стенки. Перебежав на другой борт «Виронии», он увидел, что по стенке с винтовками на плечах идет строй матросов, судя по ленточкам на бескозырках, с «Кирова» и эсминцев. Моряки направлялись на фронт в дополнение к тем 14 тысячам своих товарищей, которых уже выплеснули корабли для нужд сухопутной обороны Таллинна. Значит, корабли отдают уже последних специалистов.

Неизвестно, о чем думал писатель, драматург и журналист Вишневский, глядя на этих молодых людей, идущих на верную смерть. Возможно, он вспоминал свои статьи, появлявшиеся чуть ли не в каждом предвоенном номере газеты «Красный флот», в которых он убеждал матросов, что война, любая война, которую будет вести Советский Союз, «будет вестись на чужой территории малой кровью», призывая моряков «сплотить ряды, повысить бдительность и разоблачить как можно больше врагов народа, затаившихся в их рядах». Возможно, он думал о чистках и интригах на флоте, к которым он приложил свою, любящую писать, руку. Неизвестно, о чем думал этот человек — один из мелких архитекторов нашей военной катастрофы, но о чем бы он ни думал, он решил весь сегодняшний день провести в своей каюте на «Виронии» и писать листовки с призывами к морякам, захлебывающимся в крови, пытаясь уже у самых стен города задержать наступление противника вдоль Нарвского шоссе.

24 августа 1941, 05:10

Адмирал Трибуц пытался унять нервную дрожь, только сейчас по-настоящему начиная осознавать случившееся. Два часа назад он чуть не попал в плен вместе с командующим сухопутной обороной Таллинна генералом Николаевым, членом военного совета КБФ, адмиралом Смирновым, и генералом Москаленко. Получив в 01:10 приказ главнокомандующего Северо-западным направлением о сосредоточении в районе Вирсту отряда численностью в 5000 человек с целью нанесения контрудара во фланг группировке противника, наступавшей вдоль приморского шоссе на Таллинн, командую-

ший КБФ срочно выехал на КП своего заместителя по сухопутной обороне базы, командующего X корпусом, генерал-майора Николаева.

Ознакомившись с приказом главкома, генерал пришел в ужас. О каком контрнаступлении можно сейчас говорить? Управление войсками нарушено. Потеряна связь с командирами секторов. В частности, командир восточного сектора обороны города, полковник Парафило, уже два часа не отвечает на радиотелефонные вызовы. Бригада полковника в районе Палдиски практически окружена. Артиллерии в частях нет, нет и ни одного танка. Моряки не умеют сражаться на суше. Нет-нет, они безусловно храбры, но, к сожалению, совершенно не обучены приемам сухопутного боя: они не умеют ни окапываться, ни ползать по-пластунски, ни рассыпаться в цепь, ни привязываться к местности. Словом, несут большие потери и, если говорить прямо, толку от них мало. Боевые порядки пехоты практически открыты для ударов с воздуха. Все зенитные батареи командующего ПВО флота, генерал-майора Зашихина, уже выдвинуты на передовые рубежи для борьбы с танками. Других средств противотанковой обороны фактически нет. Если бы не поддержка артиллерии флота, все бы уже давно рухнуло. Но сколько еще они будут способны поддерживать такой темп огня? Ну, еще день, два, три, а потом? Потом будет конец. Погибнет флот, погибнет гарнизон. Неужели в штабе Северо-западного направления этого не понимают?

Трибуц должен правдиво доложить обстановку в штаб маршала Ворошилова. Правдиво — это значит прямо сказать главкому, что обстановка безнадежна.

Адмирал Трибуц, молча слушавший генерала Николаева, наконец, прервал его, заметив, что получен приказ и его надо выполнять. А если он не нравится, то потом его обжаловать. Сначала выполнить приказ, а потом его обжаловать — таково главное армейское правило. Генерал Николаев пробовал отшутиться: в армии бытует другая поговорка: «Не торопись выполнять приказ, ибо его отменят», но если говорить серьезно, он не видит возможности выполнения приказа до выяснения обстановки на участке полковника Парафило, а связи с ним нет. Единственный выход — лично съездить на КП бригады морской пехоты, которой коман-

довал Парафило, и выяснить обстановку. Трибуц согласился, что другого выхода нет. Два адмирала и два генерала в машине Трибуца поехали на КП полковника Парафило — закаленного морского пехотинца, героя лыжных десантов кроваво-морозной войны с Финляндией.

Как выяснилось позднее, немцы около двух часов ночи, после короткого артналета, внезапной атакой выбили морских пехотинцев с позиций, отбросили и рассеяли бригаду. Сам полковник Парафило чуть не был захвачен на своем КП. Отстреливаясь из автомата, с группой офицеров своего штаба он укрылся в каком-то леске на окраине города, потеряв управление бригадой и не имея никаких средств связи, чтобы доложить о случившемся. Нарочные, посланные генералом Николаевым, не нашли полковника и не вернулись назад.

А между тем машина со всем высшим командованием морской и сухопутной обороны Таллинна, сопровождаемая полторкой с полувзводом автоматчиков личной охраны Трибуца, выехала на то место, где по вчерашним данным должен был находиться КП полковника Парафило. Это была не машина с эвакуируемыми детьми из пионерлагеря, случайно обнаружившая, что уже два часа едет по территории, занятой противником. Это была машина с опытнейшими военными, выше которых по должности не было в осажденном Таллинне. Никто лучше этих людей не знал общей обстановки на распадающемся фронте вокруг города. Они знали, что с полковником Парафило уже несколько часов нет связи, что нарочные, посланные на его КП, не вернулись, что противник наступает со всех направлений.

Можно ли было на основании этой информации предположить, что полковник Парафило убит или попал в плен, а его КП разгромлен или захвачен? Или, скорее, можно было предположить, что полковник Парафило не выходит на связь, экономя электроэнергию, а нарочных не отпускает, не накормив обедом? Почему же все-таки два генерала и два адмирала поехали на КП полковника Парафило? На КП, который, что должно было быть им совершенно ясно, уже был в руках противника. Смирнов, Николаев и Москаленко могут сказать, что это им приказал сделать Трибуц. А зачем поехал Трибуц? Чтобы лично убедиться в невозможности

выполнить приказ главкома Северо-западного направления, или чтобы избежать ответственности за невыполнение приказа? Или, поняв, что командование направлением решило пожертвовать им в большой стратегической игре, адмирал решил принять какое-то собственное решение? Или...

Реальная обстановка грубо нарушила ход мыслей Трибуца. Взрывы мин легли почти у самой машины. Еще серия взрывов — поодаль у обочины. Осколками были ранены несколько автоматчиков, сгрудившихся в кузове полуторки. Немцы, закрепившиеся на отбитых у морских пехотинцев позициях, вели спорадический огонь из минометов в направлении отхода бригады. Увидев машину Трибуца, они, не поняв в чем дело, усилили огонь. Не ожидая приказа, шофер развернул машину и, объехав полуторку с охраной, из которой сыпались на землю, расплзаясь по обочине, автоматчики, помчался обратно в город, не веря до конца в чудо — осколки мин не разорвали у машины скаты...

Вернувшись на свой КП, Трибуц бегло просмотрел пришедшие без него сводки. Сухопутный фронт трещал и рушился: прервалась связь с бригадой полковника Костикова, командир 156-го пехотного полка полковник Бородкин требовал артогня и подкрепления, откровенно грозя бросить позиции, одна батарея 242-го отдельного артдивизиона X корпуса прямо на марше была захвачена противником, в районах расположения других зенитных батарей повсеместно идут рукопашные схватки. Оперативные сводки сообщали Трибуцу то, что он сам отлично знал: гарнизон Таллинна держится из последних сил. Еще деньдва и все развалится...

24 августа 1941, 06:00

Командир зенитно-артиллерийского дивизиона правого борта крейсера «Киров» лейтенант Александровский, находясь в башенке стабилизированного поста наводки (СПН) правого борта вместе с двумя наводчиками и дальномерщиком, не успел дать никакой команды на подчиненные ему три одноствольные универсальные артиллерийские установки стомиллиметровых орудий. Пробив низкую облачность почти прямо над кораблем, два «юнкерса», как ястребы, камнем устремились вниз, ревя моторами

и завывая сиренами. Два огромных грязно-бурых столба воды обрушились на палубу и надстройки «Кирова». Корабль подбросило, он резко накренился на левый борт, выпрямился и также стремительно повалился на правый. На какой-то миг Александровскому показалось, что крейсер перевернется, но он быстро понял, что «Киров» кренился не столько от ударной волны упавших вблизи авиабомб, сколько от резко положенного на борт руля, что и позволяет ему избегать прямых попаданий.

Прильнув к визиру и положив руку на лимб кратности, Александровский напрягся в ожидании нового налета. Уже достаточно большой боевой опыт молодого лейтенанта подсказывал ему, что ждать придется недолго. Вслед за первой парой пикировщиков высоко под прикрытием облаков уже, конечно, разворачивается и ложится на боевой курс вторая.

В башенках СПН, возвышавшимся над правым и левым бортами «Кирова», было тесно, но уютно. Создавалась какая-то непонятная иллюзия безопасности. В них была смонтирована первая на советском флоте система управления зенитным огнем, без которой невозможно было решить задачу встречи снаряда с целью. Война развеяла всю методику предвоенных учений. Очень быстро комендоры-зенитчики поняли — немцы по заученным таблицам не летают: они маневрируют скоростью, высотой и курсом, атакуют стремительно, оставляя расчетам «универсалок» доли секунды для реагирования.

На пульте управления перед Александровским был «магический» выключатель: поворот-ревун — автоматически встали на место трубки дистанционных взрывателей... И вот они снова. Почти в том же месте, пробив облака, стремительно падая на левое крыло, в вое, визге и грохоте, еще одна пара «юнкерсов», выставив хищные когти пятисоткилограммовых авиабомб, устремилась на крейсер. Поворот выключателя — залпом грохнули стомиллиметровки. Огромные шапки разрывов встали далеко позади приближающихся с невероятной скоростью самолетов. Гром взрывов, на этот раз за кормой, стон и лягз извивающихся в смертельных напряжениях конструкций, уходящая из-под ног палуба, белые клочья дымзавесы, клубы откуда-то валящего черного дыма,

мечущийся около борта буксир, далекие пожары на рейде и берегу — все в какой-то калейдоскопической мозаике пронеслось перед глазами Александровского, и только одна четкая мысль не выходила из головы: как это «юнкерсам» удастся выскакать из облаков прямо над крейсером?

Этот вопрос не в меньшей степени занимал и находившихся на мостике «Кирова». Капитан 2-го ранга Сухоруков отлично понимал, что какие бы четкие и нужные команды он ни отдавал опытнейшему рулевому, главстаршине Андрееву, как бы филигранно ни выполнял эти команды главстаршина, но если немцы вот так будут вываливаться из туч прямо над крейсером, не давая возможности зениткам выставить завесу заградогня, сегодняшний день вполне может стать последним в истории крейсера «Киров». Кто так точно наводит на корабль авиацию противника? Радисты «Кирова» уже в течение нескольких дней в диком хаосе военного эфира пытались определить и запеленговать таинственную станцию наведения. Перекрестия пеленгов засекали, наконец, передатчик с непонятными сигналами в той части гавани, где стояло несколько каботажных пароходиков и эстонское рыболовное суденышко. Выбрали последнее.

Двенадцативесельный крейсерский баркас, наполненный вооруженными матросами под командованием военкома Столярова, подошел к эстонскому суденышку. Восемь человек команды не оказали сопротивления, держались молчаливо, никаких вопросов не задавали. На судне был обнаружен передатчик — редкость в общем-то на рыболовецких баркасах. Улика несомненная. Пытались допросить — эстонцы молчали; то ли делали вид, что не понимают по-русски, то ли действительно не понимали. При обыске у двоих были обнаружены пистолеты. Всех восьмерых свезли в Пириту, в лес, и расстреляли. Без суда и следствия. Никто из них не просил пощады. Вторая несомненная улика.

Возвращаясь с матросами на «Киров», комиссар Столяров увидел свой корабль весь окутанный дымом залпов и всплесками немецких снарядов. Вдруг тройка «юнкерсов», снова пробив облачность прямо над крейсером, устремилась на него почти в вертикальном пике. Три огромных столба выросли перед носом и с обоих бортов

корабля, совершенно скрыв его из вида. Водяные столбы оседали мучительно медленно, но когда они, наконец, осели, комиссар увидел свой корабль снова без видимых повреждений, с башнями главного калибра, развернутыми в сторону берега. Ослепительно полыхнули огнем все девять стовосьмидесятимиллиметровых стволов и тяжелые снаряды с гулом понеслись туда, где истекала кровью сухопутная оборона главной базы Балтийского флота, прижимая противника к земле, останавливая его танки и мотопехоту, не давая им возможности окончательно опрокинуть обороняющихся и, ворвавшись на их плечах в город, захватить 50 тысяч пленных и более двухсот кораблей и судов, которых каждая минута задержки приказа об эвакуации все более и более обрекала на плен или гибель.

24 августа 1941, 07:00

Лейтенант Дармограй — адъютант второй эскадрильи 71-го истребительного авиаполка КБФ — с тоской оглядел небольшой пятачок на мысе Пальяссаар за Минной гаванью, которому суждено было стать последней базой авиации флота в районе Таллинна. В течение суток горстка матросов из числа наземного персонала под руководством Дармограя рыла здесь капониры для самолетов, уравнивала то, что можно было лишь с большой натяжкой назвать взлетной полосой. Штатные аэродромы морской авиации в Лаксберге и Юлемисте, находившиеся под убийственным и непрерывным огнем противника, пришлось срочно бросить — проводить летные операции с них было уже невозможно.

«Пятачок» располагался на косе у рыбацкого поселка. Он представлял из себя полоску земли, крайне ограниченных размеров, между домами и урезом воды. Дармограй и его валяющиеся от усталости с ног люди наблюдали, как один за другим самолеты 71-го авиаполка садились на импровизированную полосу. От двух некогда мощных полков морской авиации остались три «чайки» и около десятка «ишачков» — И-16. Часть самолетов рассовали по капонирам, но большая часть стояла впритык к домикам рыбаков и между сараями, замаскированная сетями и чем попало. Вряд ли воздушная разведка противника опознает этот кусок песчаной косы как боевой аэродром.

А заявки на оставшиеся самолеты сыпались непрерывно. По одному, по два самолеты, подпрыгивая на неровной полосе, взмывали в воздух, подтверждая тот факт, что последние из оставшихся в живых пилоты морской авиации были мастерами высокого класса. Полеты с пяточка требовали большого, поистине ювелирного летного мастерства.

Горстка оставшихся самолетов пыталась прикрыть корабли в гаванях, с воем, на низкой высоте проносились над немецкими позициями, имитируя штурмовку, схлестывалась в ожесточенных воздушных боях со стремительными «мессершмидтами», превосходивших устаревшие «ишаки» и «чайки» по всему диапазону летных характеристик.

Но оставшихся в строю полтора десятка морских летчиков, уцелевших в страшной двухмесячной воздушной мясорубке, уничтожить было уже не так просто. Они не смогли выполнить свою задачу прикрытия кораблей с воздуха так же, как и ВВС не смогли выполнить задачу прикрытия сухопутных войск. Мало того, самолеты морской авиации избегали полетов в районах базирования кораблей КБФ. Приученные с начала войны, что все летающее принадлежит противнику, и рассматривающие красные звезды на крыльях как очередную военную хитрость немцев, корабли лупили по своим самолетам из всех орудий с той же яростью, как и по самолетам противника, но по закону подлости с гораздо большим успехом. На кораблях так же не умели опознавать свои самолеты, как и на самолетах не умели опознавать свои корабли, как, впрочем, и никакие другие. Баржи принимались за эсминцы, тральщики — за крейсера, плавбазы — чуть ли не за линкоры.

Тактически неправильно используемая, совершенно не умеющая и не обученная взаимодействию с флотом, возглавляемая тактически безграмотными генералами, морская авиация, несмотря на индивидуальный героизм ее летчиков, захваченная нарастающим водоворотом панического отступления, не смогла выполнить ни одной из поставленных перед ней задач, даже задачи сохранить костяк своих сил до лучших времен. Обескровленная и истерзанная морская авиация КБФ так же, как и флот, частью которого она являлась, будет не в состоянии придти в себя до самого конца войны.

Горстка оставшихся в Таллинне летчиков, конечно, не могла решать никаких оперативно-тактических задач. Но беспощадно-кровавый двухмесячный естественный отбор выковал из этой горстки пилотов настоящих воздушных асов, возвращающихся невредимыми с каждого боевого задания и обязательно — с индивидуальной победой. И счет индивидуальных побед неуклонно рос. Бомбы ливнем продолжали падать на корабли, на береговые батареи, на гавани, на боевые порядки войск, но и немцы в каждом налете что-то теряли: где-то истребитель, где-то разведчик, где-то бомбардировщик. Пусть не сбитыми, но подбитыми. Пусть даже не подбитыми, а просто с пулевыми пробоинами на крыльях и фюзеляжах, возвращались «юнкеры» и «мессершмитты» на свои полевые аэродромы, но и немцы сами уже чувствовали, что уничтожив все, что можно было уничтожить, они выковали из остатков морской авиации КБФ своего рода неуничтожаемую элиту... Жаль только, что эта элита была столь немногочислена, что никоим образом не могла уже повлиять ни на ход событий, ни, тем более, на их исход и ни на что вообще, кроме преумножения собственной славы.

Лейтенант Дармограй, руководивший, помимо всего прочего, и делопроизводством этого сборного авиасоединения, не удивился, когда на «пяточок» въехала «эмка» с членом военного совета КБФ, адмиралом Смирновым. Прервав на некоторое время лихорадочно-суетливую деятельность импровизированного аэродрома, произошла короткая торжественная церемония. Летчики построились напротив одного из свежевыврытых капониров. Здесь были все — вся элита, просеянная через шестьдесят два кровавых решета шестидесятидвух дней войны: Романенко, Коронец, Михалев, Соловьев, Абрамов, Гаврилов, Якушев, Батулин, Сатрадзе и Семенов. И хотя Романенко был полковником, Коронец — майором, а Семенов — младшим лейтенантом, они уже не различались по чинам — так мало их осталось.

Адмирал Смирнов вручил лейтенанту Михалеву Золотую звезду Героя Советского Союза за мастерски проведенный таран. Четверо других: Соловьев, Абрамов, Гаврилов и Якушев получили ордена Красного Знамени. Ордена Красной Звезды получили инженер эскадрильи Берзин и техник Макаров.

За грохотом канонады трудно было разобрать, что говорил награжденным адмирал Смирнов. Говорил он мало, то и дело поглядывая на густые клубы дыма, поднимавшегося над гаванью, в тесной акватории которой призрачными тенями двигались невычисленными курсами серые силуэты эскадренных миноносцев...

24 августа 1941, 07:40

Капитан 3-го ранга Ефет — командир эскадренного миноносца «Гордый» — взглянул на рубочные часы. Уже полтора часа его корабль, двигаясь по гавани переменными ходами с невычисленными курсами, вел огонь по скоплению танков противника на Нарвском шоссе. Все утро была надежная связь с заблаговременно развернутыми по берегу корректировочными постами, дающими целеуказания командиру БЧ-11 эсминца — старшему лейтенанту Дутикову, управляющему огнем четырех стотридцаток корабля. Передав управление эсминцем своему старпому, капитан-лейтенанту Красницкому, Ефет вышел из рубки на крыло мостика.

Машинально отметив, насколько крупнее стали «свечи» от немецких снарядов, падавших в гавани, Ефет взглянул на разгорающиеся на берегу пожары, на дым, стелившийся по поверхности гавани, на свои стотридцатки, каждые сорок секунд почти бесшумно извергавшие пламя в сторону берега в фантастической какофонии непрекращавшейся канонады; он почему-то вспомнил, как перед войной он требовал от своих офицеров знания оперативно-тактических данных немецкого линкора «Бисмарк», проверял их по-детально, по лично им вычерченной схеме линкора, повешенной в кают-компании, вел занятия по тактическим приемам выхода на «Бисмарк» в торпедные атаки. С затаенной завистью он читал в «Красной звезде» от 30 мая 1941 года о гибели «Бисмарка» в Северной Атлантике в огненном вихре снарядов и торпед разъяренных потерей «Худа» англичан. Но ничего! У империалистов, жаждущих покончить с Советским Союзом, еще много линкоров: только у Англии их 17, у американцев более 20, да и у немцев еще хватит: «Тирпиц», «Шарнхорст», «Гнейзенау», «Дойчлянд», «Шеер» да еще несколько на стапелях. Для этого и созданы прекрасные «семерки», к числу которых

принадлежит и «Гордый», чтобы страшными строеными клыками своих шести торпедных аппаратов рвать на части эти империалистические чудовища. Поэтому он, Ефет, так стремился перейти со старого эсминца «Карл Маркс» на новую «семерку».

Его мечта осуществилась в августе 1940 года, когда он принял «Гордый», стоявший на капремонте у стенки Балтийского завода. Полгода войны с Финляндией довели новейший эсминец, вступивший в строй лишь 23 ноября 1938 года, до капитального ремонта. А в Европе уже полыхала война, разгораясь с каждым днем.

В марте 1941 года Государственное Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР выпустило в свет книгу члена-корреспондента АН СССР Л.Н.Иванова под заголовком: «Вторая Империалистическая война на море». Ефет, внимательно следивший за всеми новинками военно-морской литературы, вдумчиво прочел эту книгу, как всегда с карандашом в руках, отмечая наиболее интересные места.

«Основной особенностью, отличающей текущую войну от войны 1914-1918 годов, — вещал личному составу флота член-корреспондент Иванов, — является то, что Советский Союз, последовательно осуществляя свою борьбу за мир, успешно противостоял всем провокационным маневрам, рассчитанным на втягивание его в орбиту второй империалистической войны. Великая социалистическая держава, осуществляющая под руководством партии Ленина-Сталина внешнюю политику, прямо противоположную по своим принципам политике империалистических держав, продолжая свою неизменную борьбу за мир, перед лицом нарастающей войны проводит политику нейтралитета. Расчеты англо-французских поджигателей войны на будущий советско-германский конфликт не оправдались. Отношения между обеими странами были урегулированы на основе пакта о ненападении от 23 августа и договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года.

Англо-французский блок 3 сентября 1939 года начал войну против Германии. Но эта война на море, так же как на суше и в воздухе, отнюдь не застала Германию неподготовленной... Необходимо использовать опыт войны на море применительно к растущему, могучему флоту, который строит наша страна под руко-

водством ленинской партии, под личным руководством товарища Сталина для грядущих победных боев за дело коммунизма...»

22 июня застало «Гордый» на рейде Роя в Усть-Двинске. По левому борту эсминца возвышалась серая громада только что вступившего в строй крейсера «Максим Горький», а по правому — стояли на якоре родные братья «Гордого»: эсминцы «Гневный» и «Стерегающий». Томительно долго на «Кирове», стоявшем в устье Даугавы, шло совещание командиров кораблей и замполитов. Наконец, в 17 часов 57 минут «Максим Горький», подняв вымпел начальника штаба ОЛС капитана 2-го ранга Святова, в сопровождении «Гордого», «Гневного» и «Стерегающего» вышел из Рижского залива и проследовал через Ирбенский пролив. Их курс лежал на север к устью Финского залива. Там, на линии Ханко-Осмуссаар, минные заградители «Марти» и «Урал», лидеры «Ленинград» и «Минск» под прикрытием эсминцев «Карл Маркс», «Артем» и «Володарский» ставили мины. Отряд Святова должен был прикрыть минную постановку.

Быстроходные корабли шли без сопровождения тральщиков с выставленными параванами. Обстановка была напряженной. Ждали встречи с надводными кораблями противника, ожидали и атаки самолетов. На мостике «Гордого», рядом с Ефетом, тревожно вглядывался в горизонт командир дивизиона эсминцев, капитан 2-го ранга Солоухин. Впереди и несколько правее «Гордого» вырисовывался силуэт «Гневного», идущего головным. Белел бурун за его кормой, легкий дымок, вырываясь из трубы, пугливо прижимался к воде. Справа на траверзе, разрезая воду острым форштевнем, грузно шел флагман-крейсер «Максим Горький»: стволы зенитных орудий сердито воткнулись в небо, от массивного корпуса широким веером разбегались волны. А дальше, за крейсером, в дымке виднелся силуэт «Стерегающего». Ход — 22 узла, курсы — переменные. Размерно гудели машины, привычно пахло дымом и горелым мазутом. Тревожно и радостно бились сердца: каждую минуту мог начаться бой с появившимися на горизонте немецкими линкорами и тяжелыми крейсерами — бой, которому была подчинена вся их жизнь с первого курса училища...

И вдруг тихое море рванулось от оглушительного раскатистого взрыва. Тревожно загудел корпус «Гордо-

го». Капитан 3-го ранга Ефет услышал испуганный крик сигнальщика: «Взрыв на эсминце «Гневный!» и метнулся к ограждению мостика: на месте «Гневного» он увидел клубы пара и медленно оседавший огромный столб воды. Окутанный туманом брызг и испарений «Гневный» — первенец всей серии «семерок» — беспомощно раскачивался на волнах. На палубе и надстройках металась люда, в воде вокруг корабля чернели головы выброшенных взрывом за борт. Ефет инстинктивно перевел ручки телеграфов на «стоп», а затем на «полный назад». «Гордый» задрожал от резкого изменения режима хода. Мостик сильнее заволокло дымом, на головы из труб полетела гарь. Над «Гневным» взвились красные ракеты: призыв к помощи. Над ходовым мостиком «Гневного» поднялся сигнальщик, лихорадочно махая флажками: «Начальнику штаба. Хода не имею, в корпус поступает вода. Нуждаюсь в помощи». Через минуту с «Максима Горького» передали приказ командиру «Стережущего», капитану 3-го ранга Збрицкому, оказать помощь «Гневному». Но «Стережущий» не мог выполнить приказ — на нем царил обстановка весьма близкая к панике, а капитан 3-го ранга Збрицкий, пытаясь навести порядок, подобно пирату старых времен, бегал по мостику с пистолетом в руках.

Тогда Ефет, видя, что и на «Стережущем» тоже что-то случилось, получив разрешение Солоухина, сам решил оказать помощь «Гневному». Выставив вперёдсмотрящих и наблюдателей по бортам и приготовив шлюпку к спуску, «Гордый» медленно, толчками приближался к тому месту, где несколько минут назад «Гневный» наткнулся на свою смерть. Напряжённая тишина стояла на ходовом мостике. Все понимали, возможно, ещё бессознательно, что кавалерийская лихость, с которой отряд мчался на долгожданную встречу с немецкими линкорами, привела его на минное поле, заблаговременно и незаметно выставленное противником в разгар белых ночей...

Наконец, нос «Гордого» приткнулся к корме «Гневного», и они сошлись корпус к корпусу — два брата, исходившие вместе не одну тысячу миль в условиях нечеловеческих морозов и зимних штормов финской войны. Стонали и кричали раненые. Вокруг «Гневного» сиротливо плавали матросские койки, аварийный лес,

щепки; кричали и зывали о помощи выброшенные за борт люди. Не верилось, что это — тот самый «Гневный», который еще несколько минут назад так смело шел головным в строю кораблей. Теперь — с оторванным носом, исковерканными взрывом магистралями, кабелями, листами бортовой обшивки и палубами — он, словно обезглавленная птица, раскачивался на волнах.

На корму «Гневного» спустили шторм-трап, и по нему на борт подорвавшегося эсминца поднялись комдив Солоухин и командир БЧ-У «Гордого» капитан-лейтенант Дергачов с аварийной партией матросов. Старпом «Гневного» капитан-лейтенант Дмитриев и комиссар Лужин доложили обстановку: убит командир БЧ-5 Ильин и политрук Васильев. Погибли 18 матросов и старшин. Тяжело ранены: командир корабля капитан 3-го ранга Устинов, лейтенанты Свидельский и Баландин, главный боцман Зайцев и много матросов, точное число которых уточняется. Борьба за живучесть, несмотря на все принятые меры, не принесла успехов: вода ломала переборки и затопляла одно помещение за другим.

Распорядившись начать эвакуацию раненых, Солоухин и Дергачев спустились в машинное отделение «Гневного». Быстро разобравшись, что спасти эсминец уже невозможно, Солоухин доложил об этом на «Максим Горький» Святову. Святов, заслуживший в первые же дни войны свою печально знаменитую кличку «Иван Топитель» за отдаваемые без минуты колебаний приказы добывать поврежденные корабли, распорядился снять с «Гневного» команду, а корабль затопить. На носилках пеньковыми канатами начали поднимать на приспутивший флаг «Гордый» убитых и раненых. Палуба «Гордого» заполняется воющими и стонущими, наспех забинтованными, обожженными и контуженными моряками «Гневного», многие из которых находились в состоянии шока.

Пока фельдшеры обоих эсминцев Бурбан и Пахоменко делали все возможное, чтобы поскорее распределить раненых по помещениям и каютам, тревожно поглядывавший на небо Солоухин приказал Ефету поспешить с отходом. Отходя малым ходом от «Гневного», Ефет увидел высоко в разрыве облаков два самолета, идущих на юг. Толком опознавать самолеты на кораблях никто не

умел. Решили, что это самолеты противника. Дали залп из зениток. Самолеты скрылись в облаках. Занятые самолетами все на мостике «Гордого» неожиданно вздрогнули от тяжелого взрыва. Высокий огненный смерч взметнулся выше мачт крейсера «Максим Горький». Когда вода опала, все увидели, что у «Максима Горького» оторвана носовая часть по первую башню. Ужас и оцепенение, близкие к шоку, прорвавшимся в общем, похожем на вой, крике, охватили всех на «Гордом».

На подорвавшемся крейсере у кого-то, то ли у самого Святова, то ли у командира крейсера капитана 2-го ранга Петрова, то ли у сигнальщиков от ужаса начались галлюцинации, поскольку на мачте «Максима Горького» поднялся сигнал: «Вижу подводную лодку противника». Идущий малым ходом «Гордый» на этот сигнал никак не мог отреагировать, но «Стерегающий», на котором капитану 3-го ранга Збрицкому удалось водворить порядок, начал сбрасывать глубинные бомбы. Они рвали море на части, устремляя к небу бело-зеленые султаны. Море стонало.

В 4 часа 47 минут к грохоту глубинных бомб присоединился взрыв мины в параване «Гордого». Корпус корабля сильно подбросило вверх, а затем накрыло волной. Погас свет. Ефет и все стоящие на мостике были сбиты с ног. Взрывом выбросило за борт матроса Немирю, но его тут же вытащили, схватив за волосы. Взрыв и наступившая темнота привели к панике. Ничего не соображая, матросы металась по кораблю. Многие бросались за борт. В темном кубрике электромеханической боевой части, куда поместили большую группу моряков из еще не опомнившегося экипажа «Гневного», началось настоящее безумие. Потеряв контроль над собой, обезумевшие от страха люди, давя друг друга в полной темноте, кинулись к трапу, ведущему на верхнюю палубу. Воем и хрустом костей огласились внутренние помещения «Гордого». Страшная давка на трапе не давала возможности вырваться наверх.

Старшина 1-ой статьи Анисимов и несколько матросов «Гордого» преградили им путь, пустив в ход деревянные кувалды для забития клиньев при заделке пробоин. Гулкие удары кувалдами по головам, ругань, вопли, тяжелая матерная брань смешались в темноте. Загоняя матросов «Гневного» обратно в кубрик, Аниси-

мов обещал разmozжить голову каждому, кто попытается без команды выйти на верхнюю палубу.

Через 10 минут на корабле вновь появился свет, заработали механизмы. Эсминец малым ходом, почти на ощупь, выбирался с минного поля. Ефет, сжав ручки телеграфа, был готов мгновенно рвануть их назад, если придется остановить корабль.

В 6 часов 2 минуты почти у самого левого борта коротко сверкнул второй взрыв. Ефету показалось, что залпом ударили сразу несколько орудий. Нос эсминца сначала подняло вверх, затем выгнуло среднюю часть палубы. «Гордый» задрожал и заскрежетал изгибающимся корпусом. Вылетели из гнезд репитеры гирокомпаса. В кают-компании сорвало с креплений столы. Лопнули плафоны освещения. Вышли из строя оптические приборы. Вновь погас свет. Остановилась вторая машина. В помещение третьего котельного отделения и в машины хлынула вода. Многим казалось, что это уже конец. Но на этот раз паники не было. Люди остались на своих местах. Шла яростная борьба за живучесть: крепились переборки, заводились пластыри. Все водоотливные средства работали с полной нагрузкой.

Едва живым выбрался «Гордый» с минного поля, а изуродованный корпус «Гневного» все еще покачивался на волнах. С идущего задним ходом искалеченного «Максима Горького» поступил приказ «Гордому» добить «Гневный» артогнем. Побледнев, артиллерист «Гордого», старший лейтенант Дутиков, дал установку и четыре стотридцатки эсминца сделали первый за время войны залп и не по противнику, а по собственному собрату. Залп за залпом давал «Гордый», в клочья разрывая все довоенные иллюзии и доктрины. После четвертого залпа на «Гневном» вспыхнул сильный пожар. Увеличивая дистанцию, «Гордый», не прекращая огня, отходил малым ходом. Пожар на «Гневном» все больше разгорался, а затем море вздрогнуло от страшного взрыва. Высоко взметнулся огненный смерч в сгустках черного дыма и летящих обломков. Когда столб огня и воды осел, «Гневного» на поверхности не было. Сняв вместе со всеми фуражку, капитан 3-го ранга Ефет понял, что, что бы не случилось в будущем, он никогда в жизни не забудет этого первого боевого выхода в море. Не знал он только, что жить ему и его кораблю судьбою было отмерено чуть меньше пяти месяцев.

На буксире канонерской лодки «Москва» «Гордый» пришел в Таллинн для ремонта полученных повреждений, что было большим сюрпризом для штаба флота, куда поспешили сообщить, что «Гордый» погиб вместе с «Гневным». Видимо, кто-то на «Максиме Горьком» решил на всякий случай подстраховаться. События последующих полутора месяцев запечатлелись в памяти Ефета как какой-то багрово-черный сон, сон человека, заснувшего после долгой бессонницы с острой зубной болью. Столбы воды, обрушивающиеся на палубу от близких попаданий авиабомб; метание по Рижскому заливу; матросы, перебравшиеся в кормовые кубрики на случай новых подрывов на mine; плачущий на корме «Гордого», обожженный, измазанный мазутом, потерявший фуражку капитан 3-го ранга Письменный — командир «Сердитого», с которого «Гордому» пришлось, как и с «Гневною», снимать команду; повреждение винтов о грунт в проливе Виртсу; доковый ремонт в Таллинне...

11 августа «Гордый» вышел из дока, и вскоре ему «нарезали» сектор обстрела между Нымме и Пиритой. Две недели у всех на эсминце, стоящем в Минной гавани и постепенно отдававшем одного за другим матросов своего экипажа в мясорубку сухопутного фронта, затаенно теплилась надежда, что противник не войдет в зону действия их не такой уж крупной артиллерии. Надежда эта таяла с каждым днем, а 24 августа эсминцам поступил приказ флагарта флота капитана 1-го ранга Фельдмана, переданный через флагманского артиллериста ОЛС Сагояна: выдвинув на берег корректировочные посты, открыть огонь по наступающему противнику. Огонь «Гордого» успокаивал Ефета. Наконец-то его корабль наносит реальный урон противнику. Если и не его кораблям, то хоть танкам и пехоте. Кончились мучительные дни хаоса и неразберихи — наконец, реальное дело.

На мостик поднялся военком эсминца Носиков. Он только что закончил политбеседу со свободными от вахты. Уже два месяца в глазах матросов, привыкших ничего не говорить вслух, светился немой вопрос: что же происходит? Почему поражения следуют за поражениями? Почему бежит сухопутная армия? Почему так нелепо используется флот? Привычные довоенные ссылки на троцкистов, на бухарино-зиновьевский блок, на

кулаков и вредителей всех мастей, на врагов народа всех оттенков и даже на международный империализм уже не годились. А нового ничего не было. Пришлось прибегнуть к старому, веками оправдывавшему себя приему — затронуть чуткие, хорошо реагирующие на любое прикосновение струны великорусского национализма. Россия — мать наша! Сколько раз она подвергалась нашествию. Вставайте, люди русские! Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр Великий, Суворов, Кутузов, Нахимов, Скобелев и Макаров, как выпущенные из тюрьмы духи после двадцатипятилетнего заключения, замелькали на плакатах, заставках боевых листов, стенгазет, многотиражек, врывались в центральную прессу. Правда, муки Дмитрия Донского перед бранью с Мамаем смотрелись несколько абстрактно в условиях конкретной военной катастрофы, но все-таки эта линия действовала.

Слово «Россия», почти запрещенное в течение двух десятилетий, снова получило право на существование и своим могучим звучанием вдохновляло измученных морально и физически людей. Идея, вбиваемая в головы тысячелетиями, в 1941 году полностью поглотила слишком сложные рассуждения о генеральной линии.

И комиссар Носиков, глядя на измученные, осунувшиеся лица немногих оставшихся на борту матросов, давно забывших о четырех вахтах и мечтавших хотя бы о трех, вдруг, впервые за многие годы, нашел для них простые слова, неначертанные в директивах ГлавПУРа ВМФ. Он не стал говорить ни о Чудском побоище, ни об артиллеристах Ивана Грозного, повесившихся на своих пушках, чтобы не попасть в плен, ни даже о великой мудрости товарища Сталина, видевшего вперед на сотни лет. Носиков знал, как мало эти вопросы беспокоили матросов. Сейчас в их глазах светился один вопрос: почему не уходим? Мы же все погибнем в этих лужах. «Немцы подходят к Ленинграду,» — сказал Носиков. Точных данных у него нет, но бои, кажется, идут уже около Луги. Мы здесь и сдерживаем несколько гитлеровских дивизий, не давая им принять участие в марше на Ленинград. Он не знает планов высшего командования, но даже если ими и решили пожертвовать во имя спасения Ленинграда и родного им всем Кронштадта, то им остается только выполнить свой долг.

Носиков нес отсебятину. Он сам ничего не понимал. Если Ленинград в опасности, то флот должен быть переброшен туда вместе с гарнизоном Таллинна, гарнизонами бесчисленными островов и с гарнизоном Ханко. Ленинград важнее всей этой чужой, враждебной и незнакомой территории. Каждая минута отсрочки эвакуации только увеличивает, по существу, напрасные потери в кораблях и личном составе. Даже если, как обещали на семинаре в политотделе, мы не сегодня-завтра перейдем в контр-наступление, ведомые гением Сталина, то как в этом контр-наступлении будет участвовать флот с искалеченными и износившимися кораблями, укомплектованными лишь наполовину по сравнению со штатами мирного времени?

Увидев командира на крыле мостика, Носиков козырнул ему и хотел уже рассказать о проведенной политбеседе, но увидел, что капитан 3-го ранга смотрит куда-то мимо него, в сторону берега. Переведя взгляд туда же, Носиков увидел, как далеко и низко над горизонтом чернела жирная туша привязного аэростата...

24 августа 1941, 08:20

Вскинув бинокль к глазам, капитан 2-го ранга Нарыков — командир эскадренного миноносца «Сметливый» — мгновенно оценил ситуацию. Немцы подняли привязной аэростат для прицельного расстрела кораблей и судов в гавани. Как в Порт-Артуре после взятия горы Высокой перед японскими корректировщиками открылись обе гавани со сгрудившимися там кораблями несчастной Тихоокеанской эскадры, что позволило их быстро и эффективно уничтожить артиллерийским огнем с берега, так и сегодня немцы за неимением сопков вокруг Таллинна решили использовать для этой цели привязной аэростат.

Нарыков видел, как со всех кораблей, как по команде, повалил белый дым химической защиты, и, приказав так же включить химию, удовлетворенно подумал, что аэростат — это все-таки не сопка: больше двух часов не провисит, да и уничтожить его несложно. На «Сметливом» кончалось топливо, и прекратив огонь, который он вел с рассвета по позициям противника, Нарыков повел корабль малым ходом в тот угол Мин-

ной гавани, где, прижавшись друг к другу, стояли нефтеналивные баржи. Самое неприятное — это прием топлива и боезапаса под обстрелом или под воздушным налетом противника, а иногда и одновременно — и под обстрелом, и под воздушным налетом. Тогда хода нет, у борта — баржа с мазутом или еще хуже — со снарядами. Но «Сметливому» пока везло. С тех пор, как Нарыков в марте 1940 года принял командование эсминцем, ему было грех жаловаться. Да и до этого корабль имел уже большую биографию.

Введенный в строй 6 декабря 1938 года в качестве очередного эсминца из серии «семерок», «Сметливый», вместе с «Гордым» и «Минском», первым 12 октября 1939 года прибыл в Таллинн — тогда еще столицу независимой Эстонии. 22 октября 1939 года «Сметливый» в сопровождении «Кирова» прибыл в Либаву, где его тогдашний командир, капитан 2-го ранга Кудрявцев, некоторое время представлял на берегу командование ОЛС.

Боевое крещение эсминца получил вместе с «Кировым» 1 декабря 1939 года при бомбардировке финской батареи на острове Руссаре. В отличие от «Кирова», «Сметливый» избежал прямых попаданий и отделался только потерей параванов, которые на большом ходу были засосаны под киль, перехлестнулись, оборвались и вылетели за корму. И справа, и слева, и за кормой рвались снаряды противника, над палубой свистели осколки... Замораживающие душу будни финской войны: борьба с обледенением, конвоирование «Ермака» из Либавы в Кронштадт, конвоирование «Коммуны» из Кронштадта в Таллинн, спасение пилотов с упавшего на лед «МБР-2», зимние штормы, снеговые бураны, когда казалось, что все уже теряло устойчивость, кренилось, падало, заливалось водой, обрастало льдом и даже срасталось со льдом. Старпома «Сметливого», капитана-лейтенанта Белякова, ударом волны сбросило с трапа на палубу. От удара спиной у офицера стали отниматься ноги, тяжело заболел военком, по всему кораблю разносился надрывный кашель простуженных, обмороженных, дошедших уже до предела своих физических сил матросов...

Нарыков принял эсминца, когда тот готовился к переходу по внутренним водным путям на Северный

флот. 17 мая 1940 года «Сметливый» пришел в Кронштадт. С него сняли артиллерийский и торпедный боезапас, 76-миллиметровые орудия, КДП, выгрузили ЗИП, срезали мачту. Все это погрузили на баржу, куда назначили лейтенанта Ильясова и шесть матросов. Баржа уже успела доплыть до города Вознесения, когда, как это часто бывает, приказ о переводе эсминца на север был отменен — «Сметливому» были приказано остаться на Балтике. Затем последовал гарантийный ремонт, испытания новых торпед, и только 30 мая 1941 года эсминец вышел в Таллинн, присоединившись к ОЛС на рейде Копли-Лахт, где капитан 2-го ранга Святловский произвел «Сметливому» смотр. Последующие две недели «Сметливый» провел в море, лишь однажды вернувшись в Таллинн для приема мин. Эсминец проводил артиллерийские и торпедные стрельбы, ночные и дневные минные постановки. Экипаж валился с ног от усталости...

15 июня 1941 года ОЛС начал большое учение. Глубокой ночью корабли снялись с якорей. Сырой ленивый ветер шевелил белые отвесы надстроек. За островом Найссаар корабли выстроились в две кильватерные колонны и легли курсом на Ригу. За «Кировым» шел 1-ый дивизион эсминцев: «Гневный», «Гордый», «Грозный», «Сметливый» и «Стерегающий». Командир дивизиона, капитан 2-го Солоухин, находясь на «Гневном», тщательно следил за маневрами «Сметливого» и «Гордого», которые так долго простояли в ремонте. С мостика «Сметливого» хорошо просматривались на фоне чистого неба строгие силуэты крейсера «Максим Горький» и шедшей за ним четверки новейших двухтрубных эсминцев типа «7-У», составлявших 2-ой дивизион: «Сторожевой», «Стойкий», «Сильный» и «Сердитый», под общим командованием капитана 2-го ранга Абашвили. Нарыков вздохнул, вспомнив, как Абашвили, баляясь новым пистолетом ТТ, нечаянно пристрелил на юте «Сильного» штурмана эсминца. Дело замяли...

19 июня корабли, закончив учения по обнаружению и разгрому корабельной группировки противника, вернулись в Ригу. В тот же день в 15 часов 15 минут вместе с другими кораблями «Сметливый» перешел в боевую готовность номер два. Ночью 20 июня Нарыков осторожно провел корабль к устью Даугавы и ошвартовался у деревянного пирса Усть-Двинска, принимая

мазут и боезапас. Ночью 21 июня по тревоге эсминец вышел в залив и стал на якорь.

22 июня прошло в шумном угаре митингов. К вечеру снялись с якорей эсминцы «Гордый», «Гневный» и «Стерегающий», а за ними — «Максим Горький». Построившись в походный ордер, они взяли курс на Ирбенский пролив. А «Сметливый», по-прежнему в полной боевой готовности, стоял на рейде. Разочарованный экипаж, рвущийся в бой, с завистью наблюдал, как уходили на ночную минную постановку «Стойкий», «Сердитый», «Энгельс» и «Сторожевой». Под флагом командира ОЛС, контр-адмирала Дрозда, эсминцы быстро скрылись в вечерних сумерках.

День 24 июня был таким же, как и предыдущий, — жарким и ясным. В кубриках и каютах стояла нестерпимая духота. Медленно тянулось расплавленное жарою время. Наконец, к вечеру эсминец получил приказ идти в Ирбенский пролив на смену несущему там дозор «Грозящему». На подступах к району дозора зеленела в воде оглушенная бомбовыми ударами рыба. Командир «Грозящего», капитан 3-го ранга Черемхин, флажным семафором передал Нарыкову: «Несколько раз атакован авиацией противника, с трудом удалось отбиться. Будьте внимательны...»

Линия дозора начиналась от южной оконечности эстонского острова Сарема и уходила на юг к латвийскому побережью, перехватывая узкое горло Ирбенского пролива. «Сметливый» экономным ходом шел вдоль этой линии. Шли часы, но ничего не случалось. Нарыков спустился отдохнуть, оставив за себя на мостике своего старпома, капитан-лейтенанта Климова.

И вдруг слева, буквально в десятке метров от ходового мостика, вздыбился огромный водяной столб, раздался страшный грохот. Прежде, чем кто-либо успел сообразить, что произошло, столб воды обрушился на мостик и палубу, окатывая и сбивая с ног людей. От взрыва корабль сильно вздрогнул, тяжело зарываясь носом.

Нарыков выскочил на мостик в белой рубашке, с мокрыми руками, не успев надеть китель. Девятка «юнкерсов» шла в атаку на эсминец. Две бомбы взорвались у самой кормы. Эсминец как будто взбрыкнул, клюнул носом, затрясся. Опасно затрещал корпус. Расчеты кор-

мовых орудий разметало по углам. С надстройки потоком воды смыло матроса Князева и поволокло по палубе. От сильного взрыва в районе левой машины деформировалась корма, разошлись швы масляного ящика, горячее масло под большим напором брызнуло в лицо матросу Балькову. Пронзительный крик огласил машинное отделение, но наиболее страшным было то, что прекратилась смазка подшипников, и их температура подскочила до критической. Левая машина начала сбавлять обороты, а затем и остановилась. Последний из «юнкеров» низко пронесся над кораблем, поливая его огнем из пушек и пулеметов.

Затем наступила тишина, замолкли орудия эсминца. Ковыляя под одной машиной, «Сметливый» снова лег на курс дозора. Немного придя в себя, Нарыков обратился к рассыльному: «Принеси мне, братец, китель». Революционный матрос, участник подавления Кронштадтского мятежа, он быстро усвоил традиционные привычки офицеров Императорского флота, осторожно, но настойчиво насаждаемые наркомом ВМФ. Ночью «Сметливого» в дозоре подменил СКР «Туча», а эсминец все так же под одной машиной, малым ходом вернулся на Рижский рейд.

27 июня, когда немцы уже вплотную подошли к Риге, корабли получили приказ перебазироваться на рейд Куйвасту. Первым, в сопровождении пяти эсминцев, туда ушел «Киров», а «Сметливый» конвоировал переход семи подводных лодок, их плавбаз «Иртыш» и «Смольный», а также нескольких транспортов. Эсминец пришел в Таллинн вместе с «Кировым». В Таллинне Нарыкову сообщили, что его эсминец временно переподчинен контр-адмиралу Раллю — командиру так называемой «Восточной позиции» — соединению кораблей, ставившему мины у Гогланда. Каждый день «Сметливый» заходил в гавань, принимал на палубу мины, а ночью вместе с другими кораблями под одной машиной уходил в Финский залив, ставил мины и ковылял обратно на базу.

Наконец, 14 июля командование сжалилось над искалеченным кораблем. «Сметливому» было приказано в составе конвоя перейти в Кронштадт для срочного устранения повреждений в машине. В конвой входили еще три подводные лодки, два тральщика и два малых сто-

рожевых катера. Ночной переход был тяжелым и нервным. Экипаж не отходил от боевых постов. Постоянно мерещились торпедные катера противника — ночную тишину разрывал грохот орудий. На траверзе Кунды в параванах тральщиков трижды взрывались мины, но до Кронштадта удалось добраться без повреждений. Немного постояв у Усть-Рогатки, «Сметливый» был введен в док. Как всегда, в помощь немногочисленным заводским рабочим были выделены матросы экипажа. Ремонтные работы шли круглосуточно, в лихорадочном темпе. Кроме устранения повреждений, вызванных бомбежкой в Ирбенском проливе, на средней надстройке «Сметливого» установили новые 37-миллиметровые автоматические зенитные орудия. 8 августа, по возвращении корабля в Таллинн, новые орудия оченьгодились при отражении налета немецкой авиации.

9 августа командира БЧ-11 эсминца, старшего лейтенанта Шуняева, вызвал флагманский артиллерист ОЛС, капитан 2-го ранга Сагоян, для определения «Сметливому» сектора обстрела на случай прорыва противника к городу. Эсминец получил специальный паспорт со всеми данными для ведения огня. 10 августа ночью снова произошел налет авиации. Вспышки корабельных залпов разрывали темноту, на мгновение высвечивая сами корабли. Над рейдом и городом в ночную темноту с характерным подвыванием неслись мощные зенитные снаряды. А где-то в темной пугающей высоте злобным звоном захлебывались вражеские самолеты. Бой с авиацией противника гремел всю ночь. Это было начало общего наступления немецких войск на Таллинн...

Обстановка в районе Таллинна стремительно ухудшалась, и сегодня на рассвете корректировщик «Сметливого», старший лейтенант Ильясов, запросил огня. «Сметливый» с рассвета вел огонь, выпустив 139 снарядов по танкам противника. С берега передали благодарность Военного совета флота за отличную стрельбу. Ильясов сообщил, что танки противника отошли, видимо, для перегруппировки, и пока необходимости в артподдержке нет. Воспользовавшись этим, Нарыков решил принять топливо. Глядя, как матросы быстро перебрасывают шланги на баржу, Нарыков нервно сжимал руками поручни мостика. Столбы воды от немец-

ких снарядов беспорядочно поднимались в разных местах гавани. Лишь бы какой-нибудь шальной снаряд не угодил сюда...

24 августа 1941, 09:30

Главстаршина Веретенников вытер катящийся по лбу пот и посмотрел на свои покрытые ссадинами и кровавыми волдырями руки. Он уже сам не мог вспомнить, когда последний раз держал в руках лопату. После окончания в 1939 году музыкального училища при Ленинградской консерватории Веретенников был призван на флот в Ансамбль песни и пляски КБФ. Будучи певцом и аккомпаниатором, Веретенников в жутких условиях финской войны провел бесчисленное количество концертов, сценой для которых была палуба кораблей, обледенелые мостки пирсов или заснеженные бункеры береговых батарей. Он боялся, что песни, которые он пел на страшном морозе, приведут к какой-нибудь хронической болезни горла и потере голоса. Но все обошлось, а медаль «За боевые заслуги», украсившая его грудь после окончания Зимней войны, позволяла чувствовать себя боевым ветераном. Эти медали «выбил» для артистов ансамбля адмирал Пантелеев, слывший на флоте покровителем искусств вообще и балерин из Ансамбля песни и пляски КБФ в частности.

В самый канун войны Веретенников хотел уже было уволиться в запас «по семейным обстоятельствам», чтобы продолжить свое музыкальное образование и, наконец, воссоединиться со своей молоденькой женой — студенткой консерватории, а также престарелыми родителями, оставшимися в Ленинграде. Война, заставшая его в Таллинне, перечеркнула эти планы.

Артисты ансамбля, располагавшегося в доме 20 по улице Лай, были переведены на казарменное положение. Вольнонаемных артистов-мужчин мобилизовали и всем выдали винтовки, патроны, гранаты и противогазы. Артистам было приказано ежедневно выделять по три человека для патрулирования улицы Лай: «Для поддержания порядка в районе своей части», как говорилось в приказе.

Стремительное продвижение немцев к Таллинну заставляло уже в первой декаде июля эвакуировать с глав-

ной базы некоторые тыловые службы, включая и ансамбль, который вместе с театром КБФ отплыл из Таллинна в Ленинград, погрузив на борт все свое имущество, включая огромный концертный рояль профессора Нахутина — в прошлом аккомпаниатора самого Шляпина, а в то время работавшего в ансамбле по вольному найму. Однако в Ленинграде Веретенникову пришлось пробыть недолго. Он был включен в состав фронтовой бригады, направлявшейся в Таллинн, куда прибыл на грузовике 4 августа, успев проскочить по пустынному приморскому шоссе, попав под артобстрел в районе Кунды. В Таллинне, Палдиски и на островах бригада успела дать более сорока концертов, пытаясь поднять настроение деморализованного поражениями личного состава флота и армейских частей. Именно такую задачу поставил перед артистами «патрон» ансамбля, батальонный комиссар Бусыгин из Политуправления КБФ...

Сегодня же, 24 августа, все артисты были подняты по тревоге около половины четвертого утра. Всем приказали построиться с оружием. Будучи старшим в бригаде, Веретенников построил своих солистов, танцоров и балерин во дворе казармы. Там же были построены и артисты театра КБФ во главе со своим режиссером Пергаментом. Перед строем появился военком Бусыгин и торжественно, как показалось многим, объявил, что концертной деятельности пришел конец. Пока конец. С этой минуты из артистов формируется пехотная рота, включенная в оборону Таллинна. Две бригады Веретенникова — «солисты» и «ансамблеры» — составили 1-ый взвод новой роты. Превратившись в командира взвода, главстаршина Веретенников повел своих подчиненных на отведенный взводу участок обороны в парке Кадриорг.

Идти пришлось долго по пустынным улицам, по которым стлался дым пожаров. Где-то, как казалось, очень близко, рвались снаряды. Со стороны Купеческой гавани, обгоняя бредущих без всякого энтузиазма артистов, прошла колонна моряков. В Кадриорге артистов построили у памятника «Русалке». Пожилой армейский сапер подкатил на телеге, которую тащила худая, постоянно вздрагивавшая лошадь. Телега была нагружена лопатами, ломami, кирками и ручными носилками. Перед строем артистов откуда-то появился армейский майор с дикими, красными глазами. Приказав поставить

винтовки в козлы, разобрать лопаты, кирки и ломы и начать под руководством саперов рыть окопы полного профиля в рост, майор услышал нервный смех Веретенникова. Зло взглянув на главстаршину, майор заорал, чтобы тот прекратил дурацкий смех. А засмеялся Веретенников, потому что представил, как будет рыть окопы балерина Дандрэ, никогда в жизни не державшая лопату в руках. Он вспомнил, как еще недавно, одетая в испанское платье, Дандрэ танцевала «Балеро» и «Тарантеллу». Воспользовавшись своим правом старшего и требованиями устава, Веретенников поставил Татьяну Дандрэ часовым к сложенным в козлы винтовкам. Остальные начали работу.

Солнце уже стояло высоко, накупала жара. Саперы-советники не советовали снимать рукавиц, но их мало кто слушался. Через несколько минут артисты были уже мокрыми от пота. Певица Маша Григорьева первая разодрала в кровь руки. Сердобольный сержант-сапер достал бинт и перевязал певице ладони. Работать она уже не могла и Веретенников поставил ее вторым часовым к оружию. Работа не клеилась. Появляясь время от времени, майор с красными глазами орал то на Веретенникова, то на режиссера театра КБФ Пергамента, считавшегося командиром роты. Лицо Пергамента покрывалось пятнами, но он молчал. Молчал и Веретенников. Совсем близко за памятником «Русалке» вставляли столбы огня и дыма — рвались снаряды и мины. Обомлевшие, необстрелянные артисты утыкались лицами в красноватую сухую землю, поднимаясь только на окрик саперов-советников: «Хорош филонить!» Наконец, к десяти часам утра, удалось отрыть что-то похожее на окопы. У Веретенникова и у всех остальных руки были стертые в кровь, спины не разгибались.

Пришел майор, критически осмотрел окопы, но орать не стал, а приказал разобрать оружие и занять в этих окопах оборону. Балерина Дандрэ и певица Григорьева были назначены санинструкторами роты. Сжимая своими тонкими белыми руками пианиста шершавое ложе винтовки, Веретенников прислонился к стенке окопа. Перевязанные руки горели и саднили. Неожиданно начавшийся мелкий дождь немного привел его в себя и с большим удивлением главстаршина осознал, что уже совершенно не реагирует на разрывы снарядов, которые

рвались все ближе и ближе к открытым артистами окопам...

24 августа 1941, 10:20

Военком 94-го отдельного артиллерийского дивизиона Ечин видел, как еще одна четверка «юнкерсов» разворачивается для атаки на батареи дивизиона. Четвертый налет за день, который фактически еще и не начинался! В общем-то это не удивительно — уж очень сильной помехой немецкому продвижению к городу являлись батареи дивизиона, дислоцированные на острове Аэгна.

Дивизион включал в себя три батареи: 305-миллиметровую башенную № 334, 152-миллиметровую № 183 и батарею полубашенных 100-миллиметровых орудий № 184. Кроме того, в состав дивизиона входили еще две батареи, одна из которых № 185 с полубашенными 100-миллиметровыми орудиями была развернута на полуострове Вирмси, а вторая — с 152-миллиметровыми — на мысе Рандвере. Помимо мощных береговых орудий, дивизион имел также собственную противовоздушную оборону. Полубашенные универсальные батареи № 184 и 185 способны были вести эффективный огонь не только по морским и сухопутным, но и по воздушным целям. Кроме того, каждая батарея имела штатные зенитные пулеметы и отряд прикрытия численностью более ста человек с приданным автотранспортом. Вся эта огневая мощь имела своей целью прикрытие главной базы КБФ с моря, а 305-миллиметровая батарея существовала еще с царских времен, будучи частью знаменитой минно-артиллерийской позиции времен первой мировой войны. Создаваемая в свое время для противодействия немецким дредноутам флота Открытого моря, эта мощная система береговой артиллерийской обороны и далее развивалась для борьбы с тяжелыми кораблями противника, если они вздумают прорваться в устье Финского залива.

Правда, легкомысленные эстонцы в период своей независимости, ни от кого не ожидая нападения, довели старую русскую батарею до состояния полного запустения. Но за год с небольшим, прошедший после аннексии Эстонии, на острове Аэгна была проделана

поистине титаническая работа. Достаточно сказать, что старые двенадцатидюймовые стволы были заменены на новые, а кто знает, как это делается, тот оценит проделанную работу, а кто не знает — тому и не рассказать.

Кроме того, были развернуты новые полубашенные 100-миллиметровые батареи, оборудована система центральной наводки, вырыты подземные посты управления огнем, улучшена связь и, конечно, не поздоровилось бы английским линкорам, сунься они к Таллинну под надуманным предлогом восстановления независимости Прибалтики.

Но английские линкоры не появились, не появились и немецкие, и всему этому мощному узлу береговой обороны совершенно неожиданно для всего личного состава пришлось действовать против танков и пехоты противника, отбиваясь от все усиливавшихся воздушных налетов. А всего этого на батареях делать не умели. Пришлось срочно переучиваться в стрельбе по танкам, учиться ходить в атаки, ползать по-пластунски, окапываться, равно как и прочим вкусным приемам пехотной тактики. Не очень доверяя противотанковым возможностям своих мощных морских орудий, моряки, в дополнение к ним, начали массовое изготовление бутылок с зажигательной смесью, названных «анисимовками» в честь их изобретателя командира батареи № 185 лейтенанта Анисимова. А помощник командира 305-миллиметровой батареи изобрел даже самоходную противотанковую пушку, установив ствол 37-миллиметрового учебного орудия на вагонетку.

С началом боев береговые батареи, как и корабли, начали отдавать своих моряков на сухопутный фронт. 94-ый дивизион еще в конце июля сформировал стрелковую роту, которую бросили в бой на Пярнуское направление в составе морского батальона капитана Шевченко. В то же время комендорами дивизиона укомплектовали железнодорожную батарею. В распоряжение пехотных частей передавались военные запасы дивизиона, пулеметы, винтовки, патроны, гранаты. Тяжелый личный состав, а неустойчивый вал немецкого наступления продолжал катиться к Таллинну.

20 августа 254-ая дивизия противника, наступая вдоль шоссе Нарва-Таллинн, вступила в непосредствен-

ный бой с батареями дивизиона. Первой открыла огонь с мыса Рандвере батарея № 186. В течение суток батарея потеряла половину материальной части и личного состава. От полного уничтожения батарею № 186 спас главный калибр дивизиона — двенадцатидюймовые орудия.

22 августа немецкая авиация нанесла первый удар по 12-дюймовой батарее, а затем самолеты противника стали появляться над позициями дивизиона почти каждые два часа. Спасая главный калибр, захлебывались огнем универсальные батареи и счетверенные зенитные пулеметы, принимая удар на себя. Гибла матчасть, гибли люди. Закованные в броню и залитые в бетон, двенадцатидюймовые орудия продолжали вести огонь, поддерживая сухопутные войска на всех участках обороны и наводя ужас, как на чужих, так и на своих. Огромные снаряды совсем не предназначались для непосредственной поддержки пехоты, уничтожая с одинаковой легкостью и волны немецкого наступления, и собственные укрепления, и эстонские домики с черепичными крышами. В районе Пирита огромный снаряд, предназначенный для английских линкоров, попал в костел, куда, по наивности, памятуя об экстерриториальности и неприкосновенности храмов в зоне боевых действий, собрались женщины, дети и старики близлежащих поселков. Сейчас там площадь и каменный обелиск, гласящий, что именно здесь держали оборону солдаты 5-го и 83-го полков 22-ой мотострелковой дивизии НКВД...

После грохота взрывов немецких авиабомб наступившая в штабной землянке тишина показалась военному Ечину какой-то сверх естественной, неживой. Он не любил тишины, она всегда казалась ему ненормальной, предвестницей какого-нибудь несчастья. Гораздо спокойнее он чувствовал себя в реве своих и чужих орудий, в грохоте авиабомб, в заливином лае крупнокалиберных пулеметов. И всегда эти несколько минут тишины между уходом очередного звена «юнкерсов» и поступлением первых докладов о потерях угнетали его, ложась какой-то страшной тяжестью на плечи и спину, выворачивая внутренности.

Тишина оборвалась пронзительным воем сирен, заглушающим стрекот зуммеров полевых телефонов: го-

рели склады боепитания и горюче-смазочных материалов. Потекли доклады из подразделений: на батарее №185 уничтожено два орудия, много убитых, включая командира батареи, лейтенанта Анисимова, на батарее № 183 уничтожен вместе со всем расчетом счетверенный зенитный пулемет, повреждено орудие. Много раненых, некому гасить пожары, исправлять повреждения.

Ечин выскочил из землянки, чтобы навести порядок, но первое, что он увидел — это четверку «юнкеров», стремительно заходящих в пике, как ему показалось, прямо на него. Падая на землю, военком пытался вспомнить: слышал он сигнал воздушной тревоги или нет. Возможно, этот сигнал был заглушен воем пожарных сирен...

24 августа 1941, 11:40

Адмирал Трибуц устало вздохнул, стараясь не глядеть в холодные голубые глаза Иоганнеса Лауристина — главы эстонского правительства. Возглавляя правительство Эстонии, Лауристин, в сущности, был помощником Трибуца по всем делам, касающимся порядка и спокойствия среди местного эстонского населения и лояльности этого населения по отношению к советской власти вообще и к советскому народу в частности. Именно за это отвечал Лауристин, и адмирал вызвал его, довольно резко отчитав за отсутствие порядка в городе.

Впрочем, «отсутствие порядка» это было совсем не то выражение, которым можно было бы охарактеризовать существовавшую в городе ситуацию. С чердаков, из окон, из подворотен велась стрельба по советским патрулям. Несколько моряков, следовавших в город по одиночке, бесследно пропали. Дело дошло до того, что автоматная очередь прошла машину начальника штаба флота адмирала Пантелеева, просто чудом никого не задев. В пригородах орудовали банды националистов — «айсаргов». Одного моряка, кажется с лидера «Минск», попавшего к ним в руки, они изжарили на медленном огне. Сколько это может продолжаться? Разве Лауристин не обещал ему, Трибуцу, что обеспечит порядок в тылу обороны? Что стоят его «истребительные батальоны», если банды националистов орудуют уже в центре города?

Лауристин молчал. Он мог бы ответить адмиралу, что его «истребительные батальоны», имеющие приказ расстреливать любого подозрительного эстонца и даже задерживать любого подозрительного русского, очень немногочисленны. И хотя их громко называют во множественном числе «батальоны», их личный состав по численности не составит и одного полного батальона. А «айсаргов», к сожалению, очень много. Было мало времени, чтобы по-настоящему перевоспитать эстонцев. Он, Лауристин, еще до войны представил куда следует списки подлежащих высылке из Эстонии, но этот план был выполнен едва ли на треть из-за нехватки транспорта. Эстонцы несознательны и страшно консервативны. Им не дано понять, какое счастье неожиданно обрушилось на их головы. Для того, чтобы они это поняли, необходимо время и комплекс различных воспитательных мероприятий.

Вслух же Лауристин заверил командующего КБФ, что правительство Эстонии приложит все силы с целью наведения порядка. Сказал он это не слишком уверенным голосом и неожиданно спросил, когда начнется эвакуация Таллинна. Трибуц очень хотел бы и сам знать, когда начнется эвакуация, но сделав вид, что ему-то все хорошо известно, сухо заметил Лауристину, что тот может не беспокоиться — для него самого и его сотрудников всегда отыщется место.

Секретная инструкция, с которой под расписку был ознакомлен Трибуц, гласила: под страхом строжайшей личной ответственности обеспечить эвакуацию членов эстонского советского правительства, а также работников НКВД, Прокуратуры и народных судов Эстонской ССР. При разработке плана эвакуации штаб КБФ распределил всех по боевым кораблям, у которых шансов прорваться из блокированного Таллинна было теоретически гораздо больше, чем у громоздких, тихоходных транспортов, тем более, что штаб пуще всего боялся подводных лодок и надводных кораблей противника.

Однако настырный эстонец (хотя злые языки и утверждали, что он никакой не эстонец, а швед из Коминтерна) столь же сухо ответил командующему флотом, что он понимает — его и его сотрудников за все хорошее, что они сделали с 1939 года, не бросят на растерзание собственному народу хотя бы для того, чтобы

не создавать на будущее столь неприятного прецедента. Но в данном случае речь идет совсем о другом: необходимо срочно эвакуировать ценности Государственного банка Эстонии. Адмирала совсем не похвалят, если он оставит противнику столь большое количество валюты в золотых монетах и ассигнациях.

Адмирал был, мягко говоря, озадачен. Он почему-то считал, что золотой запас Эстонии давно вывезен в Москву, а активы в зарубежных банках заморожены.

Лауристин уточнил: речь идет не о неприкосновенном золотом запасе. Тот действительно давно в Москве, а о текущих валютных фондах, которые составляют тем не менее достаточно крупную сумму в пересчете на фунты стерлинги. Трибуц попросил назвать сумму. Лауристин ответил, что он расчетов не производил, но по правительственным каналам имеет приказ любой ценой обеспечить доставку валюты из Таллинна. Сказано это было таким тоном, что многоопытный в таких вопросах Трибуц моментально понял, что в данном случае ему ничего больше знать не положено, а значит не положено задавать и никаких уточняющих вопросов.

Очень хорошо! Ему и без того достаточно ответственности: за оборону города, за сотни кораблей и десятки тысяч людей. Ему еще надо отвечать за какое-то золото... Пусть Лауристин сам и отвечает за это золото. В конце концов, кто он, Трибуц, такой? Он всего-навсего командующий флотом. Он даже не адмирал, а всего лишь вице-адмирал. А Лауристин — глава правительства Эстонии. Немедленно сменив командный тон на язык подчиненности, адмирал Трибуц сказал: «Хорошо. Обсудим на Военном совете, и я вам немедленно доложу...»

24 августа 1941, 12:30

Нарком военно-морского флота СССР, адмирал Кузнецов, тщательно пытался сдерживать учащенные удары сердца. Каждый раз, когда, вслед за кивком лысой, как бильярдный шар, головы Поскребышева, перед ним открывалась дверь сталинского кабинета, сердце адмирала было готово выскочить из груди. Потом адмирал успокаивался и даже после весьма резких разносов, которые ему порой устраивал Сталин, уходил из каби-

нета диктатора вполне спокойным. А вот при входе Кузнецов ничего с собой поделывать не мог — сердце стучало так, что адмирал, мужчина огромного роста и атлетического сложения, боялся потерять сознание.

Кабинет Сталина был знаком ему до мелочей: наглухо зашторенные окна, длинный стол для заседаний, портрет Маркса над дубовой облицовкой стены, маленький столик секретаря, где под лампой с зеленым абажуром лежали чистые листы бумаги и стояла простая чернильница с сиротливо прислоненной ученической ручкой с восемьдесят шестым пером.

Сталин стоял посреди кабинета, как всегда посасывая потухшую трубку и с видимым удовольствием вдыхая прокуренный едкий воздух своего кабинета. Бледное, испещренное оспой лицо диктатора сильно осунулось за последнее время. Густая паутина седины охватила голову и испятнала известные всему миру черные усы.

Тяжело дались Сталину первые два месяца войны. Сын грузинского сапожника, недоучившийся семинарист, ставший, по иронии судьбы и истории, единовластным повелителем самого большого в мире государства, Сталин искренне считал, что глобальный террор и несколько заученных догм, вроде «неизбежности войн в эпоху империализма», позволят ему без труда управлять не только собственной страной, но и всем миром. Предательство Гитлера, ставшего из почти союзника смертельным врагом, потрясло его до глубины души. В считанные дни Сталин из цветущего 62-летнего грузина превратился в дряхлеющего на глазах старика с согнутой спиной, седыми волосами и шаркающей походкой.

На всем протяжении фронта, от Балтики до Черного моря, его «сталинская армия» терпела такие поражения, которых Россия не знала со времен татарского нашествия, то есть с XIII века. В поисках выхода пришлось молить о помощи финансовую верхушку Соединенных Штатов и Англии — двух самых заклятых врагов, которых они с Гитлером еще полгода назад планировали уничтожить «как класс» в мировом масштабе.

Но кто мог подумать, что Гитлер — такой в общем-то неглупый человек, из рабочих, со столь смелыми и прогрессивными взглядами — окажется такой сволочью

и мразью?! Такой гнусной гадиной! Предателем! Да, да, именно предателем! Еще в январе 1941 года, сволочь, дразнил Сталина перспективами совместного похода в Индию для сокрушения британской колониальной империи, а ведь, наверное, уже тогда утвердил план нападения на СССР. Ну, ничего. Еще посмотрим, кто кого! Тварь! Два года почти воевал, подлец, на Западе на советской нефти и пшенице — и вот благодарность! Ничего, ничего.

К нему, к Сталину, уже приезжал личный посланник американского президента. Оказывается, президент США тоже не любит Гитлера и называет его не иначе как гангстером, то есть громилкой с большой дороги. Президент просил передать Сталину, что Соединенные Штаты всей душой на стороне его, Сталина. Президент, устами своего посланника Гопкинса, намекал, что в течение ближайших месяцев он покончит с изоляционистами в своем кабинете и конгрессе и превратит Соединенные Штаты из сочувствующей страны в военного союзника СССР. Он просит Сталина только продержаться это время. Президент уже распространил лендлиз на Россию, но большего он пока сделать не может.

Иметь в такой войне Соединенные Штаты в качестве союзника — это была перспектива, в которую даже страшно было поверить. Это означало, что победа становилась просто вопросом времени, что у Гитлера не будет никаких шансов даже на ничью. Это означало, что он, Сталин, прикажет взять его живым и публично распять на Красной площади. Нет, оставить его в клетке и возить по городам, заковав в цепи. Нет. Нужно придумать что-нибудь более интересное...

Но продержаться! Как продержаться, если одна военная катастрофа сменяет другую, если в гигантских котлах уже почти полностью уничтожена шестимиллионная армия мирного времени, если немцы уже объявили о взятии трех миллионов пленных, если жители западных провинций встречают гитлеровскую армию хлебом-солью и цветами, если целые воинские части переходят с оружием на сторону противника? Одна надежда на необъятные просторы страны, на огромные человеческие ресурсы. Они остановят вал немецкого наступления. Завязнут немцы, неизбежно завязнут: под

Москвой, за Москвой, на Урале — все-таки их слишком мало!

Желтые тигриные глаза диктатора впились в адмирала Кузнецова. Вот уж кого давно надо было расстрелять за все безобразия, происходящие на флотах! Что происходит на Балтийском и Черном морях? Что это — измена, вредительство, контрреволюция, преступное разгильдяйство или все вместе? Вот цена всех заверений флота, который во время заговора маршала Тухачевского публично клялся в личной преданности ему, Сталину — вождю всех народов, и он, поверив их лживым клятвам, приказал сократить масштаб «оздоровительных» мероприятий по сравнению с армией. Нет, никому верить нельзя — ни флоту, ни Гитлеру — никому!

Жестом приказав адмиралу сесть на один из многочисленных стульев, стоявших вдоль стола для заседаний, Сталин прошелся по кабинету, бесшумно ступая мягкими кавказскими сапогами по толстому ковру. Раскурил потухшую трубку, взял себя в руки, чтобы не дать волю накопившимся эмоциям. Сталин никогда ни на кого не повышал голоса. Говорил медленно и тихо. Волнение и возбуждение угадывались только в усиливавшемся грузинском акценте. И чем тише говорил Сталин, тем меньше шансов было у его собеседника дожить до утра. Пройдясь несколько раз взад-вперед по кабинету, Сталин повернулся к сидевшему на кончике стула адмиралу Кузнецову и сухо спросил, когда флот намерен приступить к осуществлению наступательных операций на Балтике и Черном море? Адмирал Кузнецов стал что-то сбивчиво говорить о трудностях переразвертывания сил флотов в конкретных условиях базирования, вспомнив, как при первой же попытке осуществить наступательную операцию на Черном море был потерян лидер «Москва» и чуть не потерян еще один лидер — «Харьков».

Особенно ненормальные условия базирования сложились на Балтике, продолжал нарком ВМФ, где почти весь флот сгрудился на тесных рейдах Таллинна, не обеспеченный прикрытием с воздуха, что увеличивает риск потери особо ценных боевых кораблей, включая

крейсер «Киров». Сталин вынул трубку изо рта: «Почему «Киров» в Таллинне? Разве не было приказа укрыть все крупные корабли в Кронштадте? Когда на флоте научатся выполнять приказы? Это просто безобразие!»

Адмирал осмелился напомнить, что «Киров» остался в Таллинне вопреки его, Кузнецова, мнению, по распоряжению товарища Жданова и главкома Северо-западным направлением, маршала, товарища Ворошилова. Он же, Кузнецов, как раз считает, что настало время эвакуации флота из Таллинна, пока не поздно.

Тигриные глаза Сталина сверкнули: почему пока не поздно? Командование Северо-западным направлением считает, что Таллинн вполне еще можно оборонять, и он, Сталин, согласен с мнением товарищей: можно оборонять и нужно оборонять до последней возможности. А что касается кораблей, то пусть уходят в Кронштадт — их час в этой войне еще не настал.

Адмирал позволил себе приподняться со стула: как могут уйти корабли, если они отдали почти весь личный состав на сухопутную оборону. Весь гарнизон Таллинна почти полностью состоит из экипажей боевых кораблей, и адмирал Трибуц считает... Сталин переломил в руках папиросу «Герцеговина-Флор»: этот Трибуц — известный паникер. Его нужно было расстрелять сразу после Либавы и даже еще раньше — во время Финской войны. Адмирал Кузнецов может передать Трибуцу, что тот отвечает головой за «Киров».

Приняв это заявление вождя к сведению, адмирал Кузнецов снова присел на кончик стула и напомнил Сталину, насколько катастрофически ухудшается положение под Ленинградом. Лучше перебросить под Ленинград гарнизон Таллинна, чем оставить его в Таллинне на верную гибель и, что самое главное, на совершенно бессмысленную гибель. Оборона Таллинна несколько не замедлила темпа немецкого наступления на Ленинград. Эта оборона напротив, еще и ослабила Ленинград, поскольку большая часть флота застряла в Таллинне и снабжается за счет Ленинграда.

Было видно, что адмирал Кузнецов, дай ему волю, еще скажет, что если немцы возьмут Ленинград, то флоту вообще некуда будет деваться, разве что интернироваться в Швеции. Сталин выпустил струю табачного голубого дыма. Он не любил, когда кто-либо, уже

зная его мнение, тем не менее продолжает настаивать на своем. А мнение Сталин не любил менять быстро, а если и менял, то обставлял этот процесс многочисленными, почти мистическими ритуалами типа «мы тут посоветовались и решили». Выслушав все, что хотел сказать нарком ВМФ, Сталин снова подчеркнул, что решение об эвакуации Таллинна должно принять командование Северо-западным направлением, а не Кузнецов в сговоре с Трибуцом. За Таллинн отвечает командование Северо-западным направлением, а за флот отвечают Кузнецов с Трибуцом. Таллинн далеко не блокирован. Корабли спокойно ходят в Ленинград и обратно. Таллинн надлежит оборонять до последней возможности, а эти возможности еще далеко не исчерпаны. И уже глядя в спину уходящему адмиралу, Сталин проговорил с очень сильным грузинским акцентом: «За «Кыров» галавой отвэчаете. Оба».

24 августа 1941, 13:40

С рассвета бригада морской пехоты полковника Костикова пыталась сдержать наступление противника на Палдиски. Моряки несли страшные потери. Помощь раненым фактически уже не оказывалась, и они лежали, кто на плащпалатках, а кто просто на земле в подтеках и лужах засохшей крови, забинтованные любым попавшим под руку материалом: обрывками форменок, тельняшек, кальсон. Бинтов не было, выбыл из строя почти весь медперсонал бригады. Кончались боеприпасы, а натиск противника, рвущегося вперед при поддержке танков и ударов с воздуха, с каждым часом становился все яростнее. Артиллерия бригады вся была уничтожена в предыдущих боях, а артиллерийская поддержка, которую пытались оказать канонерские лодки «Москва» и «Аргунь», оказалась малоэффективной, главным образом, из-за постоянно плохой связи с береговыми постами.

К полудню связи вообще не стало, а затем произошло то, чего полковник Костиков со страхом ждал каждую минуту: слабые, висящие в воздухе фланги бригады были смяты, опрокинуты, и бригада оказалась в окружении. Никаких средств для ведения боя в окружении уже не было. Последняя радиостанция была раз-

бита, и о случившемся уже невозможно было доложить в штаб обороны города.

Собрав вокруг себя уцелевших людей, число которых постоянно таяло под ураганным огнем противника, полковник Костиков принял самостоятельное решение: пробиваться с остатками бригады к городу. Это было тяжелое решение — приходилось бросать раненых и много боевого снаряжения, поскольку никакого транспорта в бригаде уже давно не было.

С револьвером в руке полковник Костиков повел своих людей на прорыв. Под прикрытием ураганного огня из пулеметов и минометов группы немецких автоматчиков несколько раз сходились с моряками врукопашную. Люди дрались прикладами, ножами, зубами и кулаками. Полковник Костиков, раненый и истекающий кровью, давно уже потерял управление своим отрядом и с трудом шел, поддерживаемый матросами, еще оставшимися около него.

Но и те несколько человек, которые окружали полковника, вскоре были убиты, и Костиков остался один. Стрельба и крики удалялись в сторону Палдиски. Полковник попытался ползти, опираясь на руки и волоча перебитые ноги. Кровь и пот заливали ему лицо, сознание мутилось. Каким-то уже почти звериным чутьем он почувствовал, что кто-то подходит к нему, и только потом увидел неясные тени и услышал гортанные звуки чужой речи. Подняв наган, он выстрелил по приближавшимся теням, а затем рывком поднес ствол револьвера к виску и прострелил себе голову...

Лишь немногим морякам из бригады Костикова удалось пробиться из окружения к Палдиски. Многие были убиты, многие попали в плен. Из прорвавшихся был срочно сформирован отряд, которым стал командовать полковник Сутырин. Задача была прежней: не дать немцам прорваться на Палдиски. Полковник Сутырин отлично понимал — еще несколько часов и его сводный отряд так же будет смят, частично уничтожен, частично рассеян и отброшен к городу, где уже невозможно будет организовать фронтальное сопротивление, помешать противнику прорваться к гаваням и завершить ликвидацию Балтийского флота и гарнизона Таллинна. И хотя многие события выходили за рамки того, что положено знать полковнику Сутырину, опытный офи-

цер хорошо понимал, что у командования флотом, видимо, очень крепко связаны руки, если до сих пор не отдан долгожданный приказ об эвакуации. Каждый час промедления увеличивал жертвы и делал все более рискованной, если не сказать невозможной, операцию по прорыву в Ленинград. Но из штаба обороны города продолжал поступать только один приказ: «Держаться! Держаться любой ценой!»

24 августа 1941, 14:50

Капитан-лейтенант Лисица — командир судна «Гидрограф» — с удовольствием опустил на брезентовый стул, стоявший на мостике, и, сняв фуражку, поставил голову под легкий бодрящий ветерок. День был прекрасным. Ясное небо, яркое солнце, легкий ветерок с севера — остаток надвигавшейся с утра непогоды. А главное, — все спокойно. Уже более десяти часов конвой находился в пути и, если не считать спорадического появления на горизонте немецких самолетов-разведчиков, до сих пор никаких происшествий. Тишина стояла над морем, и под ее впечатлением люди успокаивались, оживали, освобождаясь от напряжения предшествовавших дней. Эсминец «Энгельс» ушел вперед, в голову конвоя, и «Гидрограф» стал замыкающим. Впереди шел эстонский пароход «Эстиранна» с рабочими, эвакуируемыми в Кронштадт. Легкий плеск волны, легкий ветерок, блики, играющие по поверхности залива...

Лисица не слышал ни крика «Воздух!», ни какого-либо другого сигнала тревоги, когда два пикирующих бомбардировщика «Ю-87», выскочив из-под солнца, стали стремительно приближаться к концевым судам конвоя. Забыв о минной опасности, Лисица резко положил руль на борт, с чувством облегчения наблюдая, как бело-грязный столб от упавшей далеко за кормой бомбы медленно, как бы нехотя, оседает в приглушенном рокоте подводного взрыва. Приведя «Гидрограф» на курс, Лисица с удивлением взглянул на идущую впереди «Эстиранну». На эстонский пароход, суда по всему, также были сброшены бомбы, но Лисица не мог сказать точно, получила «Эстиранна» повреждения или нет. Во всяком случае, визуально пароход был совершенно цел, но то, что он делал, мягко говоря, вызывало недо-

умение. Описав небольшую циркуляцию, «Эстиранна» легла на обратный курс. На палубе ее толпились люди. Неожиданно пароход остановился, и часть находившихся на палубе людей стала прыгать за борт. Через несколько минут, не поднимая людей из воды, «Эстиранна» дала ход и стала удаляться в сторону острова Кэри*.

Караван ушел уже далеко вперед, и капитан-лейтенанту Лисице не оставалось ничего другого, как начать вылавливать из воды выбросившихся с «Эстиранны» людей. Были развернуты импровизированные пункты первой помощи, где женщины-синоптики во главе с Е.Корниловой стали оказывать поднятым из воды медицинскую помощь.

В течение часа «Гидрограф» выловил из воды около ста человек, из опроса которых выяснилось, что сразу же после налета самолетов капитан «Эстиранны» объявил с мостика, что он принял решение покинуть караван и идти к немцам. Кто не хочет, может прыгать за борт. Эстонцы ответили на слова капитана криками восторга, а русские, сопровождаемые свистом и руганью, стали кидаться за борт.

Пожалев, что на его «Гидрографе» нет орудий, чтобы вцепиться вслед уходящему дезертиру пару снарядов, Лисица стал думать над тем, что же делать дальше. Людей он спас, но его собственное положение значительно ухудшилось, так как караван ушел, и «Гидрографу», помимо всего прочего, грозила опасность потери протраленного фарватера, который и так имел ширину не более одного кабельтова и, естественно, никак не был обозначен. Кроме того, оставшись в одиночестве без охранения, «Гидрограф» мог в любую минуту подвергнуться атакам авиации и, что было еще страшнее для невооруженного судна, — нападению торпедных катеров противника.

Глядя с мостика на стоящих, сидящих и лежащих на палубе «Гидрографа» мокрых ошеломленных людей, выкинувшихся с «Эстиранны», которых даже не во что было переодеть, капитан-лейтенант Лисица вздохнул и малым ходом направил свое судно в сторону скрывшегося за горизонтом конвоя, уже не надеясь его догнать.

*Позднее выяснилось, что «Эстиранна» выбросилась на камни у острова Кэри, и была там захвачена противником.

Однако, вопреки опыту прошлого, надежда дойти в одиночку без происшествий до Кронштадта еще теплилась где-то в глубине души.

Эта надежда растаяла без следа, когда на горизонте появились характерные буруны — усы трех финских торпедных катеров, идущих строем пеленга прямо на «Гидрограф». Положение было катастрофическое: кроме нескольких винтовок и револьверов, на судне не было никакого оружия, а отбиваться из винтовок от торпедных катеров — такого не предусматривала ни теория, ни практика войны на море. Палубы «Гидрографа» были забиты людьми и становилось страшно от мысли, что с ними будет, если финны, просто проходя мимо, прочешут «Гидрограф» очередями крупнокалиберных пулеметов. В войне на море финны отличались особой жестокостью: редко кого подбирали из воды, а если и подбирали, то часто выбрасывали обратно за борт, дав предварительно тесаком по поджилкам или перебив руки. Немцы же, напротив, если была возможность, скрупулезно всех из воды подбирали, порой даже рюмку шнапса давали и только на берегу уже начинали разбираться: кто комиссар, кто коммунист, а кто еврей... Интересным было это сочетание традиций «кайзермарине» с гитлеровской идеологией.

Пока Лисица лихорадочно обдумывал, что ему предпринять: поднять флаг «Красного Креста», затопить судно или героически погибнуть, произошло чудо — встречным курсом, наперерез финским катерам появились вдруг появившиеся наши морские охотники, возвращавшиеся в Таллинн из Кронштадта. Морские охотники, быстро оценив обстановку, открыли огонь по финнам. Финны были лихими моряками, но открытых морских боев среди бела дня не любили. Быстро изменив курс, финские катера развернулись и, лениво отстреливаясь, полным ходом скрылись за горизонтом. Морские охотники, повернув, полным ходом прошли по левому борту «Гидрографа». Лисица и все находившиеся на мостике радостно махали им руками и фуражками. На мостике головного охотника Лисица увидел знакомую фигуру помощника флагманского штурмана флота, капитан-лейтенанта Ковеля. Тот помахал в ответ фуражкой, и через мгновение катера-охотники уже скрылись из вида в юго-западном направлении.

На «Гидрографе» царило радостно-возбужденное настроение, как всегда бывает с людьми, которых неожиданно миновала смертельная опасность. Подобранные с «Эстиранны» рабочие что-то шумно обсуждали, показывая то в ту сторону, куда скрылись финские торпедные катера, то в ту сторону, где еще маленькими черточками чернели уходящие в сторону Таллинна наши морские охотники. Однако радость капитан-лейтенанта Лисицы по поводу столь чудесного спасения от неминуемой гибели или плена улетучилась столь же быстро, как и надежда добраться до Кронштадта без происшествий.

Справа по носу, всего в каких-нибудь 10-15 метрах от «Гидрографа», на блестящей от солнца поверхности залива плясал на небольшой волне зловеще-черный рогатый шар. Поодаль еще один, а за ним еще. Было очевидно, что эти мины подсечены тральщиками ушедшего вперед конвоя. Значит, конвой идет через минное поле. Лисица с ужасом вспомнил, что осадка «Гидрографа» более 3 метров, и что он, помимо всех прочих недостатков, является самым глубокосидящим гидрографическим судном на флоте. И при всем при том, никак не обозначен протраленный фарватер. Но выхода не было. Конвой уже все равно не догнать, а в Кронштадт идти надо. Не возвращаться же в Таллинн!.. Выставив наблюдателей по носу и бортам, снабдив матросов и спасенных рабочих шестами, чтобы отталкивать плавающие мины, Лисица малым ходом повел «Гидрограф» вперед, по возможности оставляя мины с подветренного борта.

По мере продвижения «Гидрографа» вперед Лисица все с большей и большей тревогой всматривался вдаль, где далеко и низко над горизонтом черными точками роились самолеты. Опыт подсказывал, что столь непременно в воздухе могут себя вести только самолеты противника. Неожиданно над горизонтом вместе с клубами дыма поднялись мачты и трубы нескольких судов. Сердце у Лисицы дрогнуло: ему удалось нагнать конвой. Еще не задавая себе вопрос, как это могло произойти, командир «Гидрографа», мигом забыв о минной опасности, увеличил ход до полного и быстро пошел на сближение с кораблями и судами родного конвоя...

24 августа 1941, 15:40

Старший лейтенант Радченко — командир плавбазы «Аэгна» — схватившись за поручни мостика, на мгновение закрыл глаза. Взрывная волна, рванувшая судно, хлыстом ударила по ушам и глазам офицера. Огромный столб воды поднялся между идущими впереди тральщиками, и грохот мощного взрыва мины прокатился по заливу. Конвой находился на траверзе мыса Юминда-Нина, уже захваченного противником. Придя в себя, Радченко услышал тревожные крики вперёдсмотрящих, докладывавших о появлении плавающих мин с разных курсовых углов. «Аэгна» все также шла в кильватере танкера № 11, имея за кормой санитарный транспорт «Андрей Жданов». Радченко приказал сократить дистанцию до танкера и стал держать нос «Аэгны» в струе его винтов, чтобы уменьшить вероятность столкновения с плавающими минами. На траверзе «Жданова» виднелись мачты «Энгельса», прикрывавшего транспорт от возможных атак подводных лодок противника. Два катера МО, шедшие впереди конвоя, периодически сбрасывали глубинные бомбы, ведя профилактическое бомбометание — сигнальщикам постоянно мерещились перископы.

Столб воды, неожиданно поднявшийся между танкером и «Аэгной», заставил Радченко почти автоматически перевести машинный телеграф на «стоп». Предупредив тревожным свистком идущий сзади «Жданов», Радченко малым ходом стал отходить от танкера. Еще один столб воды встал в сорока метрах от левого борта танкера, затем другой — метрах в тридцати от правого. Грохот разрывов, свист осколков, зазвеневших о нос «Аэгны» — все это подсказывало Радченко, что идет артобстрел. Но откуда? Кораблей противника в видимости не было. Огонь велся с берега. Видимо, немцы развернули уже на мысе Юминда береговую батарею — судя по столбам воды, не менее, чем шестидюймовую. К счастью, батарея стреляла очень неточно и вскоре прекратила огонь, видимо, экономя боеприпас для более «жирных» целей.

Конвой продолжал движение. Продолжая держать «Аэгну» в кильватере танкера № 11, Радченко услышал почти одновременный крик своих сигнальщиков и вперёдсмотрящих: «Воздух!» Справа, на курсовом 170, на высоте 3-3,5 тысячи метров, параллельно курсу конвоя

шли несколько пикирующих бомбардировщиков противника. Радченко видел, как ведущий самолет стал падать на крыло, заходя в атаку то ли на «Аэгну», то ли на танкер № 11...

24 августа 1941, 17:00

Матрос Князев — комендор второго орудия на эсминце «Энгельс» — услышав сигнал «Дробь», стал разворачивать свое орудие по диаметральной плоскости корабля. Он уже устал ворочать тяжелую стопятку то на левый, то на правый борт в ответ на тревожные крики сигнальщиков: «Перископ справа по носу 40» или «Слева по корме 30. Ясно вижу перископ!» Подводные лодки мерещились постоянно. Сказывались годы предвоенного обучения, когда матросам и офицерам постоянно вдалбливали, что главную опасность для надводных кораблей Красного флота представляют подводные лодки.

Стоя на амортизационной подушке, Князев вращал штурвал горизонтальной наводки орудия, почему-то вспомнив, как еще до войны в Кронштадте в один из выходных дней, когда он был в увольнении и «тралил» девочек на танцплощадке в парке, туда неожиданно явился командир эсминца, капитан 3-го ранга Васильев, со старшиною Стукаловым, исполняющим обязанности комиссара. Увидев, как неуклюже танцует Князев, командир подозвал его и сказал: «Хорошо бы вам подучиться танцевать, а то что это за моряк!» Да, только учиться танцевать и не хватало. Тут у орудия так натащуешься, что и дорогу в Петровский парк забудешь. Рядом с Князевым толпились расчеты двух кормовых орудий: командир 2-го орудия Корнеев, комендоры Кузенин и Хурманенко и подносчик снарядов Наумкин — молчун, мечтавший поскорее вернуться в свою деревню где-то в Мордовии и все свободное время изучавший устройство трактора...

С правого борта эсминца возвышалась громада теплохода «Андрей Жданов». Палубы его были забиты эвакуируемыми легкоранеными. Они толпились на палубах, белея повязками.

Князев не мог толком сказать, что он услышал раньше: взрыв мины в тралах впереди идущих тральщиков, крик сигнальщика: «Слева по носу плавающие мины!»

или команду: «Воздух!» Но он ясно видел, как с правого борта, из-под берега, вызывающе ревя моторами, выставив неубирающиеся шасси, как когтистые лапы огромных хищных птиц, на корабли каравана стремительно заходили пикирующие бомбардировщики с видимыми невооруженным глазом огромными знаками свастики на хвостовых стабилизаторах.

Князев видел, как два пикировщика ринулись на танкер № 11. Через мгновение раздался взрыв огромной силы, и над кормой танкера взметнулось пламя. Судно стало стремительно крениться на левый борт и садиться на корму. Последнее, что успел заметить Князев, было то, что «Энгельс» стал описывать циркуляцию вправо, то ли обходя плавающие мины, то ли пытаясь зайти между берегом и конвоем, чтобы по возможности прикрыть суда от атак авиации. Князев не слышал взрыва мины, рванувшего под кормой эсминца. Он только успел почувствовать, как какая-то страшная сила оторвала его от орудия, подняла в воздух и грохнула об палубу, потащив по ней в потоке хлынувшей откуда-то воды. Князев потерял сознание...

24 августа 1941, 17:04

Капитан 3-го ранга Васильев, схватившись за поручни мостика, с трудом удержался на ногах. Стоявший на крыле мостика старшина Стукалов тоже успел за что-то ухватиться, а сигнальщика, стоявшего рядом с ним, выбросило за борт. Корабль подбросило из воды и резко опустило вниз. Огромный водяной столб обрушился на корму, разметав и смыв за борт расчеты кормовых орудий и торпедного аппарата. Корабль потерял ход, вышло из строя управление рулем, и эсминец стало сносить ветром на плавающие мины, которые остались у него на левом траверзе на расстоянии 40-50 метров.

Васильев приказал срочно отдать левый якорь. Дрейф корабля замедлился, но он продолжал покачиваться на волне без хода, оседая кормой. Связались с румпельным отделением. Находившийся там турбинист, старшина 1-ой статьи Гаврилов, доложил, что помещение заливается водой, которая дошла ему до груди. Единственный люк, через который он мог бы спастись, деформирован взрывом и не отдраивается; остальные

люки, двери и горловины задраены снаружи. Вода продолжает прибывать, рулевые машины повреждены и затоплены водой. Гаврилов что-то продолжал кричать захлебывающимся голосом. На мостике разобрали только «Прощайте!», и через мгновение наступила тишина. Слыша захлебывающиеся крики Гаврилова, старшина Стукалов понял, что не забудет этого до конца жизни. Голос погибающего моряка будет всегда звучать в его ушах...

«Энгельс» продолжал дрейфовать, якорь держал плохо, корма все глубже погружалась в воду, верхняя палуба на корме уже затоплена до третьего орудия. К месту катастрофы подходили ледокол «Октябрь» и «МО-201». Последний пытался на ходу подобрать выброшенных взрывом за борт моряков «Энгельса». Капитан 3-го ранга Васильев приказал комиссару Сахно идти на ют, навести там порядок и эвакуировать тяжелораненых на подходящий охотник. Из машинного отделения доложили, что главные машины работают хорошо. Продолжают действовать опреснительные и испарительные установки. Магистралы целы, ни один сальник не парит. Хода нет, видимо, от того, что взрывом сорвало или сильно повредило винты...

24 августа 1941, 17:08

Придя в себя, матрос Князев услышал голос комиссара Сахно, отдающего какие-то распоряжения. Комендор лежал на палубе не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Рядом лицами вниз лежали убитые взрывом подносчик снарядов Наумкин и сброшенный с кормового мостика пулеметчик Бусько. Громко стонал раненый командир 3-го орудия Белов. Командира 2-го орудия Корнеева выбросило за борт, а комендор Кузенин, которого взрывная волна так же понесла за борт, успел ухватиться руками за фальшборт и, не в силах подтянуться, громко звал на помощь.

Матрос Хурмаченко вытащил Кузенина на палубу и бросился помогать комиссару Сахно, который вместе с матросами из боцманской команды пытался фуштоками отвести плавающую мину от борта корабля. Корпус мины оказался скользким, она только вращалась вокруг своей оси, не желая отходить от борта.

Эсминец продолжало сносить, вода на корме уже подбиралась ко второму орудью. Слышались чьи-то крики и тяжелая, смачная ругань. Затем по переговорным трубам прозвучала команда: «Всем собраться на полубаке! Приготовиться к эвакуации!»

Снова теряя сознание от боли, Князев почувствовал, как какие-то руки подхватили его и потащили в носовую часть корабля. Князев пришел в себя, лежа на шкафуте. Сахно куда-то исчез, зато слышался зычный голос начснаба корабля Баранова. Снова кто-то подхватил Князева, и комендор, опять теряя сознание, понял, что его передают на подошедший к борту эсминца морской охотник...

24 августа 1941, 17:15

Старшина Стукалов видел с мостика «Энгельса», как ледокол «Октябрь» малым ходом осторожно подводит свою украшенную внушительным кранцем корму под нос эсминца. Стоявшие на корме ледокола матросы готовились передать на эсминец толстенный буксирный конец с оганом-мертвяком. Зачем это нужно, Стукалов понять не мог: из разговоров командира, старпома и поднявшегося снова на мостик комиссара было ясно, что корабль обречен. На подошедший охотник уже были переданы секретные документы, а командир минно-торпедной боевой части получил приказ заложить подрывные патроны в первый артиллерийский погреб.

С правого борта к месту катастрофы подходил тральщик «ТЩ-45». Полубак эсминца поднимался все выше и с мостика Стукалов хорошо видел, как бушевало пламя над накренившимся танкером № 11, возле которого сгрудилось несколько судов, сновали шлюпки. Теплоход «Андрей Жданов» пытался обойти это скопление судов. Видимо, и в него попала бомба: огромный столб дыма поднимался над госпитальным судном, завиваясь спиралью по мере циркуляции теплохода.

Стукалов видел, как два малых тральщика, идущих в голове конвоя, почти одновременно исчезли в огне, дыму и водяных столбах минных разрывов. Когда столбы воды исчезли, на поверхности моря не было никого и ничего: ни обломков, ни людей. И тут только Стукалов заметил, что конвой все еще бомбят самолеты про-

тивника. Три пикировщика, идя один за другим вниз по огромной дуге, пикировали на отчаянно маневрировавший транспорт «Даугава»...

24 августа 1941, 17:22

Капитан Брашкис с мостика «Даугавы» видел, как они приближаются: один за другим в довольно пологом пике. Или пилоты неопытные, или просто не желают показывать свое искусство против громоздкого неуклюжего транспорта. «Даугава» шла малым ходом, стараясь не наскочить на плавающие мины. Ее палубы были заполнены пассажирами и легкоранеными. Примерно полчаса назад, когда немецкая береговая батарея начала обстрел танкера № 11, один из снарядов на перелете попал в корму «Даугавы», причинив незначительные повреждения и ранив осколками 8 пассажиров. Только что на глазах у всех стоявших на мостике и сгрудившихся на верхней палубе огненно-водяные смерчи в одно мгновение поглотили два головных тральщика, не оставив от них даже следа. После подрыва «Энгельса» и попадания авиабомбы в танкер № 11 ордер конвоя распался, и Брашкис считал себя в праве действовать самостоятельно. Он направил транспорт туда, где только что погибли два тральщика, считая, что своей гибелью они расчистили ему путь.

Увидев самолеты противника, Брашкис еще какое-то мгновение надеялся, что их целью является не «Даугава». Поняв свою ошибку, Брашкис сжал зубы. Маневрировать на узкой протраленной полосе среди плавающих мин было почти невозможно. Приходилось выбирать между подрывом на минах и авиабомбами.

И все же, увидев самолеты прямо над головой, Башкис круто положил руль вправо, закладывая крутую циркуляцию. Это спасло «Даугаву» от прямого попадания. Первая бомба рванула у правого борта. Осколками на палубе убило 38 пассажиров и 5 членов экипажа. Раздался вой ужаса и боли. Многие посыпались в море. Вторая — подняла огромный столб воды за кормой, убивая бросившихся в море, а третья — грохнула у самого левого борта. Осколками пробило борт и главную магистраль паропровода. Несколько человек обварило. Корабль окутало клубами дыма и пара, со свистом выходящего из

пробитых магистралей под аккомпанемент криков и стонов раненых и обожженных пассажиров на верхней палубе, корабль остался на плаву. Старший механик «Даугавы» Пуц, старший машинист Берзин и кочегар Пинкис, несмотря на то, что их лица и руки были ошпарены, немедленно приступили к ремонту паропровода...

24 августа 1941, 17:34

Старшине Стукалову показалось, что «Энгельс» еще можно спасти. Корабль прекратил погружаться кормой. Из машинного отделения доложили, что кормовая переборка, хотя и вспучилась, воду держит хорошо. Поданный с ледокола «Октябрь» буксирный конец обернули вокруг носовых кнехт. Стоявшие у бортов «МО-201» и «ТЩ-45» стали медленно отходить. Капитан 3-го ранга Васильев пролаял в мегафон команду на «Октябрь» и ледокол самым малым ходом пошел вперед, натягивая буксирный конец.

В этот момент страшный взрыв мины под днищем в районе шкафута, казалось, разорвал эсминец пополам. Громом и огненным смерчем сдетонировал кормовой артиллерийский погреб. Высоко в небо взметнулся столб пламени, дыма и обломков. Рухнула грот-мачта, высоко в воздух взлетело сорванное со станины третье орудие. Подводную часть корабля от кормы до первой машины разорвало. Оба машинных отделения и четвертое котельное отделение мгновенно были затоплены водой, которая, круша переборки, с ревом стала заполнять корабль. Эсминец стал стремительно уходить в воду кормой вперед, свечой задирая нос.

Стукалов испуганно взглянул в безумные глаза командира. «Бросайся за борт», — крикнул ему капитан 3-го ранга Васильев. Прямо с высоты уходящего куда-то вверх мостика старшина бросился в море. Он сразу же почувствовал, как воронка от уходящего на дно «Энгельса» схватила и закрутила его, таща вниз. Он закричал, отбиваясь руками и ногами, стремясь отплыть как можно дальше от места катастрофы. Вынырнув на поверхность, Стукалов успел заметить нос эсминца, вертикально торчащий из воды, и услышал глухой рокот взорвавшихся котлов. Из разорванных цистерн эсминца хлестал мазут, заливая все вокруг.

И вдруг Стукалов услышал пронзительный рев сирены. Сначала он подумал, что капитан 3-го ранга Васильев остался на мостике и, погибая вместе с «Энгельсом», дает прощальную сирену. Но в тот же момент, не так уж далеко от себя, Стукалов увидел мелькнувшую в волнах рыжую шевелюру командира. Его почему-то занимала мысль о сирене. Кто включил ее? Видимо, успел подумать он, когда корабль опрокидывался, рычаги под собственной тяжестью откинулись назад, пошел пар — от того и начался такой рев. Старшине под руки попался толстый деревянный брус. Он схватился за него, оседлал и лег. Никаких кораблей вокруг не было. Сознание мутилось. Его начало рвать, желудок извергал мазут...*

24 августа 1941, 17:40

Теперь капитан-лейтенант Лисица понял, почему ему удалось догнать конвой: корабли стояли на месте, часть из них горела, другие спустили шлюпки, подбирая оказавшихся в воде людей. Еще издали с «Гидро-

*Как выяснилось позднее, из 180 человек экипажа эскадренного миноносца «Фридрих Энгельс» спаслось 11 человек: командир корабля, капитан 3-го ранга Васильев, комиссар корабля, батальонный комиссар Сахно, начснаб Баранов, старшина сигнальщиков Стукалов, командир отделения химиков Андреев, комендоры Князев, Кузенин, Корнеев, Хурманенко, Белов и Бусько. Старшину Стукалова уже после наступления темноты подобрали и доставили на Гогланд номерные буксиры, посланные специально для поиска людей с разгромленного конвоя. Там, на Гогланде, Стукалов встретил командира, капитана 3-го ранга Васильева, без фуражки, с ног до головы в мазуте. Вместе они обнаружили еще четверых матросов с погибшего эсминца. Это не удивительно: «Энгельс» погиб так быстро, что никто из нижних помещений не успел выскочить наверх. Суда конвоя отбивались от очередного налета авиации противника, спасали людей с танкера № 11, подбирали выброшенных за борт с «Даугавы»... Удивительно другое. В наших немногочисленных источниках, где и упоминается о гибели «Энгельса», везде дается понять, что после второго взрыва была дана команда покинуть корабль, организовано была проведена эвакуация раненых, экипаж перешел на другие корабли, а капитан 3-го ранга Васильев, как ему и положено, покинул корабль последним. См., например: Степанов и Цветков «Эскадренный миноносец «Новик».

графа» заметили дрейфующий с сильным дифферентом на корму эсминец «Фридрих Энгельс». Затем неожиданно над эсминцем вырос столб пламени, корабль мгновенно принял вертикальное положение и за несколько секунд был поглощен клокочущей вокруг него водой, извергая огонь, клубы дыма и пара, ревя, как показалось Лисице, наподобие погибающего огромного зверя. Мгновение — и над поверхностью моря осталось только облако пара. Покрытая мазутом вода клокотала, булькала, чавкала, как ненасытное чудовище, закручиваясь в огромном водовороте. На «Гидрографе» все без команды сняли фуражки.

Невдалеке от места гибели «Энгельса» лежал на борту танкер № 11. На палубе сотни людей удерживались за различные надстройки, многие плавали в нефти среди обломков. Странно, что не было пожара. Подойдя к гибнущему судну, Лисица присоединился к одинокому тральщику, пытавшемуся осуществлять спасательные работы. Теперь он, капитан-лейтенант Лисица, стал старшим в конвое и должен был принять решение, что делать дальше. Но пока «Гидрограф» набивался спасенными. Почти все помещения судна превратились в до отказа заполненные лазареты, где оказывалась помощь тяжелораненым. Остальные — забили верхнюю палубу, все проходы и коридоры небольшого судна...

24 августа 1941, 17:50

Старший лейтенант Радченко с тревогой поглядывал в небо. Скученность судов каравана у места гибели танкера и эсминца представлялась ему очень опасной. «Аэгна» тоже спустила свои шлюпки и принимала участие в спасении людей с танкера. Особенную тревогу вызывал теплоход «Жданов», забитый ранеными. В него уже попала бомба, убив многих на верхней палубе и вызвав сильный пожар. Тревога увеличивалась еще и потому, что Радченко не знал, кто является старшим в караване. Был командир «Энгельса» капитан 3-го ранга Васильев, но сейчас, после гибели эсминца, способен ли он выполнять свои обязанности? Да и на каком корабле он находится? Во всяком случае, с ледокола «Октябрь», который в момент катастрофы находился ближе всех к «Энгельсу», не поступало на этот счет никаких

сигналов. Возможно, Васильев погиб вместе со своим кораблем.

Увидев подошедший «Гидрограф», Радченко запросил его семафором о дальнейших действиях. В ответ на запрос на мачте «Гидрографа» поднялся флаг старшего каравана. Подведя «Аэгну» малым ходом к «Гидрографу», Радченко провел своего рода короткое совещание с Лисицей. Было решено, что «Аэгна» проведет «Жданов» дальше по курсу в какое-нибудь относительно безопасное место, оставив все шлюпки здесь для спасения людей, а затем вернется за своими шлюпками.

Спуская на ходу шлюпки, которые одна за другой отходили в сторону погибающего танкера, Радченко, по совету своего политрука Колобутина, послал с ними двух бывших у него на борту эстонцев Удраса и Тамменияги, чтобы те служили переводчиками, так как на борту танкера № 11 находилась целая эстонская воинская часть.

«Аэгна», все еще идя малым ходом, сопровождаемая двумя катерами «МО», зашла вперед «Андрея Жданова» и повела его за собой. С левого борта «Аэгны» стояла без хода, вся окутанная клубами пара, подбитая «Даугава». Радченко приказал запросить: «Нуждаетесь ли в помощи?» С «Даугавы» ответили: «Нет»...

24 августа 1941, 18:00

Капитан Брашкис облегченно вздохнул. Из машины доложили, что ремонт паропровода закончен, и судно может дать ход. С высоты мостика Брашкис осмотрел палубу «Даугавы». Убитых сложили под брезент на корме. Раненым оказывалась посильная помощь. Буфетчица «Даугавы» Альма Хорст, вместе с несколькими добровольцами из числа экипажа транспорта, раздавала на верхней палубе пассажирам галеты и кипяток. Сколько человек выбросились за борт или были выброшены взрывами — осталось неизвестным и неизвестно, удастся ли это когда-нибудь уточнить.

Брашкис дал по переговорной трубе команду в машину: «Малый вперед!», и продублировал команду машинным телеграфом. «Даугава» двинулась вслед удалявшемуся «Жданову», стараясь держаться в его створе. Брашкис перевел телеграф на «Средний вперед» и в этот

момент услышал крик сигнальщика: «Воздух!» Два «юнкерса» в крутом пике падали на транспорт. Первая бомба с грохотом разорвалась у правого борта в районе носовой надстройки. Взрывом снесло половину командного мостика и спасательные шлюпки правого борта. В ходовой рубке все были сбиты с ног. Вместе с половиной мостика за борт унесло несколько сигнальщиков. Та же судьба постигла пассажиров, толпившихся у спасательных шлюпок. Носовая надстройка оказалась разрушенной и пылала.

Капитан Брашкис сам бросился к штурвалу. Неуправляемое судно стало закладывать циркуляцию влево. Брашкис закрутил штурвал, выправляя курс, но в этот момент вторая бомба грохнула у левого борта ближе к корме. Судно рвануло. Легкораненые, сгрудившиеся на палубе, с воем посыпались за борт.

Буфетчица Альма Хорст в этот момент делала перевязку легкораненому в предыдущем налете бойцу, когда взрывная волна и обрушившийся на палубу огромный столб воды подхватили ее, перебросили через фальшборт и кинули в воду. Оказавшись в воде, девушка закричала, зовя на помощь. Вокруг море кишело от человеческих голов. Стоял крик, переходящий в вой. Горящая «Даугава», волоча за собой хвост черного дыма, быстро удалялась. Альма почувствовала, что теряет сознание. Она пришла в себя от боли в голове. Кто-то схватил ее за волосы и тянул вверх. Прошло некоторое время, когда Альма поняла, что находится на палубе маленького тральщика, забитого людьми. Она лежала голой, среди голых и полуголых мужчин, измазанных кровью, мазутом и испражнениями. Кто-то стонал, кого-то бешено рвало. Переполненный людьми тральщик сидел в воде почти по верхнюю палубу. Малым ходом тральщик подошел к стоящему невдалеке от лежавшего на борту и все еще не желавшего тонуть танкера № 11 маленькому каботажному эстонскому пароходоку «Саарема» и стал передавать на него спасенных.

Альма почувствовала, как кто-то подхватил ее и куда-то понес. Девушка потеряла сознание и очнулась от жжения в горле. Какой-то человек, что-то говоря по-эстонски, вливал ей столовой ложкой спирт в полуоткрытый рот. Альме выдали матросскую робу и брюки. У нее едва хватило сил одеться, и она снова в изнемо-

жении опустилась на палубу, переполненную стоящими, сидящими и лежащими людьми. Откуда-то доносился пронзительный детский плач, шипение пара. Пахло горелым маслом.

Альма так и не поняла, что случилось, как страшный взрыв разорвал маленький пароходик пополам. Грохот и темнота обрушились на нее, и все исчезло, как в лавине горного обвала...

24 августа 1941, 18:30

«Торпедные катера противника!» — пролаял сигнальщик на мостике «Аэгны». Старший лейтенант Радченко вскинул к глазам бинокль. Три шюцкоровских катера, стремительно появившись из-за горизонта, ринулись на суда, сгрудившиеся вокруг танкера № 11, и, совершив последовательно разворот влево, выпустили торпеды. Радченко видел, как в грохоте торпедных взрывов, поднявших столбы пламени, воды и обломков, исчезли два каботажных эстонских парохода. Мгновенно исчезли, как будто их и не было. Как тральщики час назад.

Между тем финские катера, чуть подправив курс после разворота влево, столь же стремительно кинулись на «Аэгну» и теплоход «Андрей Жданов». «Три катера противника! Курсовой 15 левого борта!» — срывающимся голосом снова прокричал сигнальщик. Катер «МО», идущий с правого борта «Аэгны», обрезав нос плавбазы, устремился наперерез финнам. За ним, чуть отстав, полным ходом пошел второй охотник. Расстояние между сближавшимися катерами молниеносно сокращалось.

На «Аэгне» затаили дыхание: чем кончится этот бой двух малых охотников против трех торпедных катеров противника? Но, верные своей тактике, финны неожиданно отвернули и скрылись на север к опушкам родных шхер, чтобы дозаправиться топливом, принять торпеды и подождать более удобного случая. На «Аэгне», приветствуя возвращающиеся катера, кричали «Ура», махали руками и фуражками. Радченко посмотрел на часы: пора уже возвращаться за своими шлюпками. Минное заграждение вроде бы форсировано и можно рискнуть, чтобы «Жданов» самостоятельно шел по курсу.

Мысли старшего лейтенанта были прерваны сигналом воздушной тревоги. Четыре пикирующих бомбар-

дивовщика, появившись со стороны южного берега, описывали круг прямо над «Ждановым» и «Аэгной». Неожиданно разделившись, они ринулись в атаку: двое — на «Жданов», двое — на «Аэгну». Бомбы рванули далеко по правому борту и, когда «Жданов» и «Аэгна», выходя из крутой циркуляции влево, ложились на курс, бомбардировщики, разочарованно ревя моторами, уже уходили на юг.

Радченко приказал передать семафором на «Жданов»: «Следовать по курсу! Иду на спасение людей к танкеру!» На «Жданове» еще не успели отрететовать сигнал, как тревожные свистки и крики сигнальщиков возвести о новом воздушном налете. На этот раз семерка «юнкерсов» приближалась с северо-западного направления. Шесть из них ринулись на «Жданов», а один пикировщик, включив для устрашения сирены, стал, как ястреб, падать на «Аэгну». Рванув телеграф на себя, Радченко приказал положить руль право на борт. Бомба грохнула метрах в двадцати слева по носу. Судно рвануло, нос до самой рубки накрыло волной, положившей плавбазу с борта на борт. Стараясь удержаться на ногах, Радченко успел заметить, как шестеро пикировщиков, построившись кольцом, кружатся над «Ждановым», поочередно пикируя на беззащитное судно. Стена воды от близких разрывов авиабомб закрыла плавучий госпиталь. Сердце у Радченко сжалось. Если «Жданов» с таким количеством раненых на борту будет утоплен, спасти не удастся никого — на «Аэгне» нет ни одной шлюпки...

24 августа 1941, 19:00

Увидев шестерку «юнкерсов», кружащуюся в зловещем хороводе над его судном, капитан-лейтенант Елизаров в какой-то момент подумал, что это уже конец. В предыдущих атаках он делал возможное и невозможное, чтобы уклониться от авиабомб, и ему удалось избежать прямых попаданий. Но и близкие разрывы авиабомб наделали много бед. «Жданов» получил 38 пробоин, обе перевязочные были разрушены, вспыхнул крупный пожар, который удалось потушить с большим трудом. На верхней палубе многие были убиты, многих выбросило за борт, многие выбросились сами. Не вы-

держивали нервы у измученных людей, когда очередной пикировщик, ревя моторами и воя сиренами, стремительно падал на госпитальное судно, поливая его огнем из пушек и пулеметов, а затем, сбросив бомбу, с воем выходил из пике почти на высоте мачт парохода.

Спасало, ох как спасало то, что не было у немцев на Балтике опытных морских пилотов, что заходили они в атаку по одному из кольца, давая возможность маневрировать. А умели бы они, как японцы и американцы, по четыре с разных курсовых, тогда — крышка, тогда никуда и не сманеврируешь. Впрочем, ни японцы, ни американцы все, что умели, еще в бою не испытали, а вот перебрось немцы свою знаменитую 33-ю эскадру «штукасов» из Средиземного моря на Балтику, то, как не кошмарны были потери и без того, вообще страшно подумать, что могло бы произойти...

Первый «юнкерс», вывалившись из «кольца», заваливаясь на крыло, стал падать на «Жданов». Захлебывались огнем пулеметы на охотниках, но их огонь был совершенно неэффективен. Наметанным глазом капитан-лейтенант Елизаров заметил, что неправильно выбрал немец точку захода и бомба упадет за кормой. Не сбило бы только руль и не повредило бы винты. Елизаров скомандовал самый полный вперед, начав циркуляцию влево, чтобы защитить корму от прямого гидравлического удара. Как он и предполагал, бомба взорвалась справа по корме метрах в тридцати. Судно рвануло, закорезило, казалось, подбросило из воды, и «Жданов», как испуганный конь, стал быстро набирать ход, на этот раз описывая циркуляцию вправо.

Вторая бомба рванула метрах в десяти от правого борта. С визгом застучали по палубам и надстройкам осколки, застонали изрешеченные борты, пароход резко повалило на левый борт. Уже не стоном, а каким-то общим всхлипом отозвалась стоящая на палубах толпа легкораненых и пассажиров. «Жданов» почти лег на левый борт, и Елизарову показалось, что пароход уже не выпрямится. Он видел, как, сорвавшись с палубы, катятся за борт десятки людей: живые вперемежку с мертвыми и умирающими.

Судно еще лежало на левом борту, когда очередной пикировщик с предельно малой высоты сбросил третью бомбу. Бомба была нацелена точно и наверняка попала

бы прямо в середину палубы, находясь корабль на ровном киле. Но «Жданов» продолжал мучительно долго лежать на левом борту, и взрыв бомбы пришелся метрах в семи от почти вертикально стоящей над водой палубой парохода. Взрывом в нескольких местах проломило палубу, захлестнуло водой дымовую трубу, снесло за борт уже разбитые в предыдущих налетах спасательные шлюпки левого борта. Но ударная волна сделала и доброе дело. Судно стало медленно выпрямляться, стало на ровный киль и повалилось на правый борт. Находившиеся на палубе люди, представляющие из себя уже одну бесформенную, мокрую, черную воющую массу, стали сползать на противоположный борт. Просто чудо было, что из них еще кто-то ухитрился уцелеть и удержаться на палубе. На мостике все были сбиты с ног. Неуправляемое судно вильнуло вправо, разворачиваясь поперек волны и тяжело раскачиваясь с борта на борт.

Вскочив на ноги, капитан-лейтенант Елизаров бросился к штурвалу. Кровь заливала ему глаза. Видимо, он обо что-то ударился головой, но в горячке этого не почувствовал. Рулевой и вахтенный штурманы лежали в углу ходовой рубки то ли мертвые, то ли оглушенные. По переговорной трубе Елизаров справился, как дела в машине. Ему спокойно ответили, что все в порядке. Корпус держит, подводных пробоин нет. То, что «Жданов» какое-то время никем не управлялся, дрейфуя по воле ветра и волн, видимо, сбilo немецких пилотов с толку. Три бомбы одна за другой упали далеко по носу с правого борта. С удовлетворением глядя, как оседают столбы воды от разрывов авиабомб, и ощущая, как послушно судно реагирует на все движения руля, Елизаров впервые с момента налета попытался представить себе, что творилось несколько минут назад в операционных, перевязочных, в палатах и коридорах, набитых тяжело-ранеными...

Хирург Богаченко не помнил, сколько он пролежал без сознания. Очнулся он от острой боли в затылке. Перед глазами плыли какие-то красные и синие пятна. Чей-то голос, очень далекий, как ему показалось, спрашивал, как он себя чувствует и может ли встать. Память, медленно пробиваясь через раскалывающуюся от боли голову, восстанавливала картину того, что произошло.

С момента выхода из Таллинна Богаченко не отходил от операционного стола. Раненые шли конвейером. Единственной анестезией была водка. Сестры давали стакан водки раненым минут за десять до операции. Затем два санитар-матроса клали раненого на операционный стол, один наваливался ему на ноги, второй прижимал к столу голову и руки. Два других матроса поддерживали Богаченко, и он приступал к операции. Раненые заходились криком от боли. Это было хорошо: крик — лучшая гарантия от шока. Богаченко не реагировал на крики. Кричали оперируемые, кричали и стонали те, кому уже была сделана операция. Они лежали на тонких, пропитанных кровью, гноем и мочой матрацах, а некоторые и прямо на палубе — живые, еще живые и уже умершие.

Осколки и пулеметные трассы, пробив без труда тонкие переборки, искромсали почти всех находящихся в операционной. Богаченко уцелел чудом, двое его ассистентов были убиты. Вспыхнул пожар. В густом дыму Богаченко выскочил из помещения. Плотный дым стоял в поперечном коридоре. Казалось, что весь теплоход охвачен огнем. В дыму метались матросы пожарного дивизиона. Мощные струи воды сокрушили остатки операционной, обмыв трупы только что прооперированных Богаченко. Теплоход дрожал, грузно раскачиваясь. В дыму слышался голос начальника госпитального судна Лещева, отдающего распоряжения медперсоналу. Судя по его командам, и вторая операционная была также разрушена. Разбиты были перевязочные и пункты первой помощи.

Богаченко выскочил на верхнюю палубу. Жадно глотнул сырой воздух, успев заметить, что почти все корабли конвоя сгрудились у какого-то тонущего корабля. Подбежавшая медсестра, радостно выразив свое удивление по поводу того, что Богаченко остался жив, сказала, что его ищет Лещев.

Решительный и энергичный начальник госпиталя уже разворачивал в нижних помещениях новые операционные и перевязочные пункты. В помещениях еще стоял дым, пахло горелой краской и горелым мясом. Медсестры и санитары проверяли оставшихся в разбитых операционных. Это было чудо войны, что хоть кто-то из них еще был жив. Палубой ниже Богаченко встре-

тил Лещева. Доктор был мрачен, измазан в копоти и крови. Обе установки по переливанию крови разбиты, сообщил он, погибло много лекарств и медикаментов. Кончается перевязочный материал. Кровь на повязках разлагается, увеличивается опасность заражения. Нужно спасти, кого можно еще спасти. Кислород, кислород! Больше использовать кислород... и спирт.

Во вновь развернутой операционной Богаченко продолжал оперировать раненых. Двое поддерживали его, двое — раненого, двое — ассистировали. Кто-то вошедший рассказал, что погиб «Энгельс», танкер, «Даугава» и еще какой-то пароход. Богаченко взглянул на часы. Семь часов вечера. Это значит, что он уже 15 часов не отходил от операционного стола. Перед ним положили нового раненого. Медсестра прочла карточку: Медведев Никанор Васильевич, 1922-го года рождения, проникающее ранение в грудь, задето легкое, контузия живота, левая нога перебита в голени. Ранен 18 августа, поступил в госпиталь 24 августа.

Кто-то бежал по коридору, крича: «Налет! Налет!» «Бомбить сейчас будут, товарищ военврач», — сказал один из поддерживающих Богаченко матросов, с тревогой глядя в потолок. «Крепче держите меня», — приказал хирург, склоняясь над раненым.

Палуба под ногами задрожала, судно заходило ходунном, стон людей слился с жалобным стоном бортов и переборок. Мигнуло освещение. Рука Богаченко со скальпелем застыла в воздухе. В следующий момент страшный удар сбил с ног и его, и державших его матросов. Раненого сбросило с операционного стола. Теплоход резко повалился на левый борт. Прооперированные, ужасающе молча, покатались и сползли к левому борту. Свет погас. Послышался звон разбиваемого стекла, крики. Кто-то упал на Богаченко, он стукнулся обо что-то головой и потерял сознание.

Придя в себя, он почувствовал, что теплоход выпрямляется и тут же ложится на правый борт. Вскочив на ноги и ступая в темноте по чьим-то телам, хирург выскочил в коридор. В синем свете блеклых ламп аварийного освещения, похожие на призраков из самых страшных фантазмагорий Уолесса, по коридору, извиваясь, ползали раненые. Считая, что судно гибнет, они смяли санитаров и бросились в коридор, надеясь до-

браться до верхней палубы. Тщетно санитары пытались остановить их. Паника передалась медперсоналу. Все пытались добраться до трапов, ведущих наверх. Отчаянные крики, тяжелый мат, звон, скрежет металла — все слилось для Богаченко в единый вой. Теплоход снова подбросило. Палуба вновь ушла из-под ног хирурга. Он упал, ударился о переборку и снова потерял сознание...

Приходя в себя, Богаченко почувствовал, как чьи-то руки поднимают его с палубы. Где-то вдалеке, как ему показалось, слышался голос Лешева: «Кислород! Всем тяжелораненым кислород! Навести порядок! Мертвых на верхнюю палубу!» Зажегся свет. В операционной царил хаос и разгром. Живые и мертвые лежали вперемежку друг на друге. Откуда-то лилась вода. Теплоход еще тяжело раскачивался, но шел на ровном киле. Богаченко подошел к операционному столу. Никанор Медведев был сброшен на пол и лежал лицом вниз. Богаченко приказал снова положить его на стол и приготовить инструменты. Боец был без сознания, но еще жив. Склоняясь над ним, Богаченко подумал, что столько пережив, сколько пережил этот солдат, заслуживаешь право на жизнь...

24 августа 1941, 19:30

Старший лейтенант Радченко не верил своим глазам. Сплошная стена водяных столбов, поднятых немецкими бомбами, медленно осела, и перед взором всех на мостике «Аэгны» предстал совершенно невредимый теплоход, выходящий из циркуляции на курс. Все еще не веря собственным глазам, Радченко запросил «Жданов»: «Нуждаетесь ли в помощи?» Елизаров ответил: «Нет!» Немецкие бомбардировщики, на ходу строясь клином, гудя, как разозленные шмели, уходили куда-то на юго-запад. Один из них, набирая высоту после сброса бомбы, низко пронесся над «Аэгной», сопровождаемый свистом и улюлюканием стоявших на палубе. Ни бомб, ни боезапаса у немца, видимо, уже не оставалось. Проводив взглядом скрывающиеся за горизонтом самолеты противника, Радченко снова приказал передать на «Жданов»: «Следовать курсу. Возвращаюсь к танкеру». «Аэгна» легла на обратный курс, направляясь к месту гибели танкера № 11...

На подходе Радченко увидел, что танкер № 11 все еще лежит на борту, упорно не желая тонуть. От эстонских пароходиков не осталось и следа. Верхние палубы «Гидрографа» и «Октября» были до отказа забиты людьми. Оба судна сидели в воде почти по ключу. Набитые людьми спасательные шлюпки направились к «Аэгне». Приказав боцману расставить матросов вдоль правого борта и приготовиться к приему людей, а находившемуся на борту флагманскому врачу бригады подводных лодок Кузьмину — развернуть пункт первой помощи, Радченко малым ходом подвел свое судно к «Гидрографу».

Капитан-лейтенант Лисица сообщил, что все его судно забито до отказа. Очень много раненых, особенно с потопленных торпедами каботажников. Практически все нижние помещения «Гидрографа» превращены в лазареты. перевязочных материалов не хватает. У него на борту, не считая собственного экипажа и взятых в Таллине пассажиров, 308 спасенных. 350 человек принял «Октябрь». Осадка у «Гидрографа» сейчас более четырех метров. Он не может идти головным. Радченко должен взять на себя старшинство в конвое. Радченко согласился, но, глядя на поток людей, поступавших на «Аэгну» со спасательных шлюпок, вздохнув, подумал, что и у «Аэгны» будет такая осадка, что под ней начнут рваться мины, поставленные для тяжелого крейсера. Чтобы отделаться от этих мыслей, он спросил Лисицу: «Что будем делать с танкером? Буксировать? Врагу же ничего нельзя оставлять. Есть приказ».

Дрейфующий на борту танкер ветром и волнами сносило к южному берегу. То, что буксировать танкер невозможно, было ясно, и почему Радченко спросил об этом, он и сам не знал. Быстро порешили, что танкер нужно добить, а единственный способ это сделать — использовать семидесятипятку на «Октябре», который остался единственным вооруженным судном конвоя. Нужно спешить, чтобы успеть все сделать до наступления темноты...

24 августа 1941, 20:15

Грузно и медленно ледокол «Октябрь» стал приближаться к лежащему на борту танкеру № 11. Радченко видел, как на носу ледокола сверкнуло пламя. Ветер

донес рокочущий звук орудийного выстрела. Ледокол в упор расстреливал упрямо не желавший тонуть танкер. Еще выстрел, еще и еще. Закрыв глаза, Радченко считал залпы: семь, восемь... десять. Вздохнув, он открыл глаза. Танкер № 11, перевернувшись, медленно погружался, задирая носовую часть. Радченко знал, что глубина залива в этом месте не превышала семидесяти метров, а длина корпуса танкера составляла более ста метров. Вряд ли танкер удастся утопить окончательно. Так и получилось. Упершись ахтерштевнем в грунт, танкер перестал погружаться. Над водой осталось торчать более четверти корпуса. Ничего сделать больше не представлялось возможным. Солнце садилось, и терять времени на раздумья было уже нельзя.

Поднявшись на мостик, старший политрук Колобугин доложил, что на борт «Аэгни» со шлюпок поднято 217 человек, включая одну женщину. Радченко поинтересовался, откуда взялась женщина. Колобугин ответил, что она — буфетчица с «Даугавы». Сбросило за борт взрывной волной. Она называла свое имя, но он, Колобугин, его не запомнил. Какое-то прибалтийское: не то Агма, не то Элма. Потом разберемся...

«Аэгна» медленно выходила в голову выстраивающегося конвоя. Теперь старшим конвоя стал Радченко. С «Аэгни» семафором передали его первый приказ: «Иду головным, за мной следовать «Октябрю», затем — «Гидрографу», скорость десять узлов, курс 77, иметь полное затемнение, световые сигналы запрещаю, дистанция между кораблями один кабельтов». В 20 часов 54 минут радиостанция «Аэгни» передала в Таллинн командующему флотом: «Затонули «Энгельс», танкер и два малых парохода. Все люди с танкера сняты. Продолжаем следовать в Кронштадт».

Старший лейтенант Радченко напряженно всматривался в сгушавшиеся сумерки. В любую минуту можно было ждать нападения торпедных катеров противника, а впереди — курс в узком и неверном коридоре между своими и чужими минными полями...

24 августа 1941, 21:00

В штабном помещении на «Виронии» адмирал Пантелеев твердым и четким почерком заполнял рабочую

тетрадь: «Под Ленинградом дела плохи. И мы тоже переживаем критические дни. Начали постановку тылового минного заграждения к северу и югу от острова Сескар. Думал ли я, что когда-нибудь здесь будем ставить мины?! Ведь это — всего в пятидесяти милях от Кронштадта и шестидесяти милях от Ленинграда! Выставили около четырехсот мин. В Таллинне отошли на рубеж реки Пирита; с палубы «Виронии», куда перешел штаб флота, в бинокль отчетливо видим противника. Корабли и береговые батареи весь день грохочут всеми своими калибрами...»

Звонок телефона оторвал адмирала от заполнения рабочей тетради. В трубке раздался хриплый, усталый голос генерала Николаева: «Комфлот обещал нам батальон курсантов». Пантелеев сжал зубы. Десятый корпус медленно и верно выпивал последнюю кровь из флота, пожирая последних специалистов, а теперь уже добрался и до будущего флота — курсантов училища имени Фрунзе. «Раз обещал, значит, будут», — резко ответил Пантелеев и, бросив трубку, с ненавистью взглянул на карту. Несмотря на ураганный огонь, который боевые корабли не прекращали ни на минуту, десятый корпус, непрерывно откатываясь, уже очутился на линии Кейла-Лагеди-Ям. Морская пехота отходила все ближе к Палдиски. Рукопашные бои шли у Пирита.

Адмирал поднялся на мостик «Виронии» и взглянул на рейд: кораблям было явно тесно. В замкнутом прямоугольнике от берега до берега медленно двигался крейсер «Киров» и эсминцы. Мористее встречными курсами двигались длинные низкие лидеры «Минск» и «Ленинград». Огонь кораблей не прекращался ни на мгновение. «Страшный износ артиллерии, — подумал адмирал, — а когда и где удастся заменить орудия?»

С мостика «Виронии» Пантелеев видел, как на стенке минной гавани выстроился отряд курсантов училища имени Фрунзе. Пантелееву показалось, что сумрак этого серого вечера неожиданно расцвел золотом морских блях и синих воротников, подобно василькам в поле. Рослые стройные семнадцатилетние мальчишки, еще не бывавшие в бою, да и совершенно не обученные приемам сухопутного боя... Вряд ли кто-нибудь из них вернется из этой кровавой и бессмысленной мясорубки. Почему-то мелькнула мысль: зачем курсантов

нарядили в форму первого срока? У адмирала сжалось сердце. Он не мог дать себе точного отчета, кого ему было более жалко — этих мальчуганов, как таковых, или того, что флот и в будущем не будет иметь правильно обученных офицерских кадров? Пантелеев видел, как перед строем курсантов появился адмирал Трибуц и начал что-то говорить им, жестикулируя правой рукой. Вряд ли курсанты слышали что-либо из напутствий командующего флотом из-за непрекращавшегося грохота канонады. Четко печатающая шаг — это было все, чему их успели научить — отряд курсантов скрылся за воротами гавани.

Адмирал Пантелеев вернулся в штабное помещение и сел за стол, закрыв на минуту глаза. Мысли мешались, а грохот канонады уже не оказывал никакого другого действия, кроме успокоения. Даже убаюкивал. Приглушенный зуммер телефона заставил Пантелеева встрепенуться. Докладывал комендант острова Аэгна: противник прорвался на полуостров Вирмси. Адмиралу не было нужды смотреть на карту — это означало, что немцы уже вышли на берег Таллиннской бухты...

24 августа 1941, 21:40

«Военному совету КБФ. Секретно. Шифр комфлота.

24.08.1941. НКВМФ. Москва. 19:45 Под вашу личную, строжайшую ответственность, повторяю, строжайшую ответственность, обеспечить безопасный вывод из Таллинна крейсера «Киров» и наиболее ценных в боевом отношении кораблей. ГКО считает необходимым продолжение обороны. Санкцию на эвакуацию должен дать главком Северо-западного направления. Кузнецов.

Передано по ВЧ через штаб ЛВО. Принята штабом КБФ 21:27».

Ни Трибуц, ни Пантелеев не нуждались в разъяснении, что означают слова «под вашу личную, строжайшую ответственность», дважды повторенные наркомом в столь короткой радиограмме. Опыт у адмиралов был уже достаточным для того, чтобы понять — в случае невыполнения этого указания, явно исходящего от самого Сталина, их ждет расстрел на месте. Но если в этом отношении разъяснения были не нужны, то все остальное содержание радиограммы нуждалось в обду-

мывании. Ясно, что нарком докладывал Сталину, и тот не разрешил начать эвакуацию, сославшись на мнение командования Северо-западным направлением. В то же время Сталин, видимо, приказал убрать из Таллинна боевые корабли и, в первую очередь, «Киров». Но как это сделать?

Если немедленно отдать приказ о выводе в Кронштадт «Кирова», новых эсминцев и лодок, то оборона города немедленно лопнет, как тухлое яйцо под сапогом. Только артиллерия кораблей сдерживает немецкое наступление. Но если боевые корабли, оставшись почти с третью своего штатного экипажа, могут вести огонь с рейдов, то для перехода в 200 миль до Кронштадта через минные поля, через зоны действия надводных кораблей, подводных лодок, авиации и береговых батарей противника им нужно вернуть экипажи, уже задействованные в боях на сухопутном фронте. Как обеспечить их вывод? Если начать отзывать матросов и офицеров с сухопутного фронта, все станет ясно, и в войсках, которые и так держатся из последних сил, начнется паника. Все рухнет, и противник, прорвавшись к гаваням, не даст возможности уйти из Таллинна даже ни одному катеру. Что делать?

Кроме того, в радиограмме наркома не сказано, должен ли штаб КБФ уходить с кораблями или он должен разделить судьбу гарнизона. Хотя слова «под вашу личную строжайшую ответственность», помимо всего прочего, предполагают, что командование флотом должно уходить вместе с кораблями. Это в общем-то логично. Передать руководство обороной командованию X корпуса, составить мощный ордер вокруг «Кирова», бросить в прорыв все тральщики и уходить. Это, конечно, печально, но приказ — есть приказ. Но есть ли такой приказ?

Радиограмма наркома конкретно указывает только «Киров». Это и понятно — любимый корабль товарища Сталина. Если перестараться, их обвинят в паникерстве, в сдаче города немцам, а то и в дезертирстве. Но в любом случае, на корабли нужно вернуть экипажи, провести обширные тральные работы, обеспечить авиацию прикрытия.

А что означает «наиболее ценные в боевом отношении корабли»?

Означает ли это только военные корабли? А транспорты, буксиры, гидрографы, плавбазы и прочие суда, без которых немислимо существование военного флота? Их можно бросить в Таллинне или нельзя?

О людях и говорить нечего. Ясно, что их предполагается бросить на милость победителей. Хотя об этом ничего не сказано в радиограмме. Обсуждение радиограммы наркома, которую оживленно вели Трибуц и Пантелеев, так как присутствующий на совещании контр-адмирал Смирнов предпочитал отмалчиваться (упаси Бог, еще не то скажешь: ведь о приказе самого товарища Сталина речь), было прервано приходом капитана 1-го ранга Питерского, молча положившего перед адмиралом Пантелеевым бланк другой расшифрованной радиограммы. Это было донесение старшего лейтенанта Радченко с «Аэгны». Пробежав глазами донесение командира плавбазы, Пантелеев передал его Трибуцу. Тот прочел ее и передал Смирнову. «Энгельс» и танкер № 11 погибли. Были ли они «наиболее ценными в боевом отношении кораблями»? Как они погибли? Какова судьба «Жданова» и «Даугавы»? Почему конвой возглавляет Радченко? На все эти вопросы пока не было ответов, но это все выяснится в самом ближайшем будущем. Это — не неясности в радиограмме наркома ВМФ. Здесь почти все ясно — вот что ждет на переходе и более, и менее ценные в боевом отношении корабли. Что же все-таки делать?!

«Делать нечего,— подвел итог совещания адмирал Трибуц.— Нужно выбить у Ворошилова приказ на эвакуацию. Составьте, Юрий Александрович, такое донесение, чтобы они там, наконец, поняли: еще немножко промедлим и погибнет все: и гарнизон, и город, и флот, и мы с вами».

Адмирал Пантелеев кивнул головой. Он был совершенно согласен с командующим. Единственный выход — эвакуация. Адмирал Смирнов продолжал молчать.

24 августа 1941, 22:20

Откинувшись на заднем сидении «эмки», адмирал Трибуц ехал по безлюдному Таллинну, выглядевшему еще более мрачно в надвигавшихся сумерках. Армейские и флотские патрули. Сгоревшие и разрушенные

дома, выбитые стекла, пустые глазницы окон. Порывистый ветер трепал на обгоревших стенах пожелтевшие плакаты, призывы коменданта. Навстречу шли машины и повозки с ранеными. Раненые, раненые, раненые... Они брели, опираясь на самодельные костыли, держась за стенки, бледные, почти потерявшие человеческий облик, перевязанные кто чем, а то и просто зажимая раны руками, из-под которых брызгала кровь.

Адмирал ехал на КП командующего ПВО КБФ, генерала Зашихина, расположенный вблизи памятника морякам с эсминцев «Автроил» и «Спартак», которые в далеком 1919 году, пытаясь бомбардировать Ревель, сами попали в расставленную англичанами ловушку и были захвачены в плен. У самого КП Зашихина — окопы переднего края, наполненные еще живыми моряками. Заросшие лица, воспаленные глаза, угрюмые взгляды, уже лишённые надежды, что начальство предпримет что-либо для их спасения. И раненые, кругом раненые, лежащие прямо на земле...

Выйдя из машины, адмирал смотрел на все это красными от бессонницы глазами. Он смотрел на раненых, но думал не о них. Он думал о крейсере «Киров», от судьбы которого уже зависела не просто его карьера, а его жизнь. Это ведь просто чудо, что немцы еще не утопили крейсер. Но ведь это может произойти в любую минуту и завтра, и сегодня, и... С места, где находился КП генерала Зашихина, хорошо был виден залив и стоявшая на рейде армада кораблей. Вот он, «Киров», оцетинившись орудиями, маневрирует, уклоняясь от прицельного огня вражеской артиллерии. По воде стелется густой шлейф дымзавесы, а ветер доносит сюда взрывы тяжелых снарядов. Медленно оседают султаны вздыбленной воды. В любую минуту не этим, так следующим залпом немецкие артиллеристы накроют «Киров» и тогда...

Выслушав рапорт Зашихина, Трибуц приказал всю зенитную артиллерию флота сосредоточить для прикрытия места маневрирования «Кирова» и лидеров. Генерал Зашихин — тридцатипятилетний крепыш, с небольшой рыжей бородкой и светло-синими отчаянными глазами, выслушав приказ, спросил: «Что делать с теми дивизионами, которые развернуты на прямую наводку против танков? Их тоже стянуть к гавани?» «Да», — от-

чеканил Трибуц, понимая, что говорит глупость. «Будем уходить?» — поинтересовался Зашихин. Адмирал посмотрел на него пустыми глазами: «Выполняйте приказ!», — и пошел к машине. Где-то в надвигающейся темноте захлебывались зенитки. Со стороны Ласномяз доносились взрывы мин, пулеметная и ружейная стрельба. Факелами горели дома в Козе и Пирита. Какой-то человек, стоявший на тротуаре, показал Трибуцу кулак и юркнул в подворотню. Адмирал вжался в сидение, ожидая автоматной очереди из темного зева подворотни. Но ничего не последовало.

Вернувшись к себе, Трибуц позвонил Лауристину и срывающимся голосом заорал на него, что в городе нет никакого порядка, стреляют в спины патрулям, наводят самолеты на корабли, кулаки показывают. Лауристин уставшим голосом пытался возразить: «Не задерживать же каждого, кто зло на тебя косится?» «Всех подозрительных — задерживать, — заорал в ответ Трибуц, — а сигнальщиков, распространителей паники и злостных слухов — расстреливать на месте!»

24 августа 1941, 23:00

Прислонившись спиной к стенке свежевырытого окопа, главстаршина Веретенников тревожно прислушивался к взрывам мин и треску пулеметных и автоматных очередей. Ему казалось, что все это происходит совсем рядом, прямо на их, созданной с грехом пополам, линии обороны. Но никто не отдавал никаких приказов и вообще не тревожил артистов театра КБФ с того самого времени, как мрачноватый майор, критически осмотрев вырытые ими окопы, вздохнул и, уходя, приказал ждать дальнейших распоряжений. Видимо, о них забыли.

Неожиданно снова появился тот самый уже знакомый артистам майор. Казалось, что за это время он еще больше похудел и даже стал меньше ростом. Из окопа навстречу майору выскочил режиссер Пергамент, пытаясь отрапортовать по всем правилам строевого устава. Майор прервал его. «Ведите свою рать в казарму», — усмалось приказал он. Пергамент неизвестно зачем стал что-то доказывать майору, явно не соглашаясь с полученным приказом. Майор, который, видимо, совершенно

не был склонен дискутировать с режиссером на тему о подвиге и долге, оборвал Пергамента, объявив, что это приказ свыше...

Уставшие артисты, сгибаясь под тяжестью винтовок и противогазов, долго брели обратно по темным улицам Таллинна, освещаемым лишь отблесками пожаров. Навстречу попался отряд курсантов училища имени Фрунзе, спешащий на передовую, да пара армейских патрулей. Было уже совсем темно, когда рота артистов добралась до дома № 40 по улице Пинк к помещению театра КБФ, где им было приказано разместиться. Пробравшись за кулисы сцены, главстаршина Веретенников забрался на какие-то старые декорации и, смастерив подушку из бушлата и противогаза, мгновенно заснул.

25 августа 1941, 00:05

«Главкому Северо-западным направлением Ворошилову, Наркому ВМФ Кузнецову. Срочно. Совершенно секретно.

Приказание об обороне выполняется, все способные дерутся, все оружие брошено на боевые участки, с кораблей сняты все люди, без которых можно обойтись. Тылы, штабы сокращены, однако, под давлением превосходящих сил противника кольцо вокруг Таллинна сжимается.

Части 10-го стрелкового корпуса несут большие потери. Линия обороны в нескольких местах прорвана. Резервов для ликвидации прорыва нет. Корабли на рейде находятся под обстрелом. На 10 часов вечера 24 августа осуществлен прорыв врага юго-восточнее города с целью отрезать полуостров Вирмси. С юга и юго-запада наступают превосходящие силы противника, под давлением которых части 10-го стрелкового корпуса и полк Сутурина отошли на линию обороны города. Танки врага вошли в лес Нымме. Артиллерия кораблей, береговой обороны, зенитная артиллерия ведут сильный огонь. Гавани, рейд обстреливаются противником. Военный совет, докладывая создавшуюся обстановку, просит Ваших указаний и решения по кораблям, частям 10-го стрелкового корпуса и береговой обороне флота на случай прорыва противника за черту города и отхода наших войск к морю. Посадка на транспорты в этом

случае невозможна... Трибуц, Пантелеев, Смирнов».

Лампочка в помещении штабного блиндажа в Вышгороде, наконец, перестала действовать на нервы своим бесконечным миганием и, вроде, даже стала светить несколько ярче, освещая бледные лица собравшихся в блиндаже адмиралов. Бледные лица, встревоженные, красные от бессонницы глаза, резкие складки вокруг губ. Адмирал Пантелеев машинально отметил, как за эти несколько дней постарели его, еще относительно молодые, коллеги. Ничто так не старит, как страшный груз ответственности, да еще с не менее тяжким грузом безысходности, усиленной отсутствием права принимать самостоятельные решения, диктуемые обстановкой. Даст ли, наконец, главком Северо-западного направления разрешение на эвакуацию, или уже где-то наверху приняли решение пожертвовать флотом во имя каких-то непонятных стратегических замыслов? Но как все это совместить с последней радиограммой наркома ВМФ?

Карта обстановки не вызывала уже никаких иллюзий. Город сможет продержаться хорошо если еще сутки. 254-ая дивизия противника, наступающая вдоль Нарвского шоссе, уже подошла вплотную к городу, 61-ая дивизия вышла на рубеж Раз-озеро-Юлемисте, 217-ая дивизия заняла Нымме, а штурмовая группа Фридрихса из 291-ой дивизии оседлала шоссе Кейла-Палдиски. Противник перегруппировывает силы и, как сообщила разведка, подтягивает к Таллинну новые батареи тяжелой артиллерии, чтобы с рассвета возобновить наступление. Отрезан полуостров Вирмси. Тягостное молчание после окончательного редактирования радиограммы маршалу Ворошилову несколько затянулось. Было ясно, что никому говорить не хочется, поскольку говорить пока не о чем. Пока все ясно.

Молчание прервал командующий флотом. Машинально то расстегивая, то застегивая крючок на воротнике кителя, он указал собравшимся, что независимо от ответа, который придет из штаба Северо-западного направления, нужно готовиться к эвакуации. Все молча согласились. Отозвать эсминцы «Суровый» и «Артем» из Рижского залива, пока их там еще не утопили. Дать приказ Кронштадту, чтобы тот подготовился к встрече флота. И, конечно, протралить весь маршрут движения, особенно — палец Трибуца уперся в карту — у мыса

Юминда-Нина. Судя по сообщениям, именно здесь противник поставил минные заграждения наибольшей плотности. Все присутствующие уже знали последнюю новость о гибели «Энгельса» почти со всем экипажем.

Командующий минной обороной базы, контр-адмирал Ралль, сжал губы, отчего его пожилое лицо стало еще более угрюмым. Бывший офицер Императорского флота, каким-то чудом проскочивший живым через многочисленные всесоюзные, партийные и флотские чистки и даже вышедший из них контр-адмиралом, Ралль научился молчать, но выражение лица у него было такое, как будто он постоянно испытывал зубную боль.

Унаследовав от старых времен внешнюю приветливость и безупречную вежливость, контр-адмирал Ралль в свое время сделал очень много для воспитания новых кадров флота, возглавляя училище имени Фрунзе и ряд учебных центров. Однако он, видимо, лучше других знал подготовку свбих учеников, поскольку, командуя с начала войны так называемой «Восточной позицией», затерроризировал всех штурманов, постоянно проверяя расчеты и выкладки через голову командира корабля, видимо, не желая быть поставленным к стенке из-за низкой компетентности своих подчиненных. Опытный и осторожный Ралль почти постоянно держал свой флаг на эскадренном миноносце «Калинин» и, благодаря его въедливости, пока ни с его эсминцем, ни с другими кораблями, находящимися в его подчинении, ничего не случилось.

А ставили они мины чуть ли не с первого дня войны, ибо «Восточная позиция» по старой доброй традиции должна была преградить путь немецкому флоту Открытого моря в восточную Балтику, хотя никакого флота Открытого моря у немцев, по-существу, не было, а то что было, настолько уже завязло на Западе, что после гибели «Бисмарка» им уже и думать нечего было о каких бы то ни было авантюрах.

Выслушав приказ Трибуца о тралении всего трехсоткилометрового пути от Таллинна до Кронштадта, контр-адмирал Ралль не сказал ни слова. Какими силами он будет это траление проводить? Лучшие тральщики возят бомбы на Эзель и гибнут без всякой пользы. Скрыть от противника минно-тральную операцию такого масштаба, конечно, не удастся, а это означает, что во вре-

мя ее проведения погибнут или будут тяжело повреждены те немногие тральщики, которые еще остались в строю и могут с грехом пополам обеспечить эвакуацию. Трибуц вопросительно взглянул на командующего минной обороной. Не меняя угрюмого выражения лица, Ралль ответил: «Надо будет — протралим». Трибуц молча кивнул головой. Все понимали бессмысленность этого, пока совершенно академического, вопроса. Все с нетерпением и затаенной надеждой ждали ответа из штаба главнокомандующего Северо-западным направлением.

25 августа 1941, 00:50

Капитан 2-го ранга Солоухин и капитан 2-го ранга Андреев, стоя на крыле мостика эскадренного миноносца «Суровый», с напряжением вглядывались в ночную тьму. Эсминец стоял на якоре, кормой к причалу Рохукюля, имея приказ поддержать огнем сухопутные части в районе Хаапсалу. Приказ был весьма абстрактным. Никто не позаботился выдать эсминцу целеуказания, но уже шел третий месяц войны, и ни Солоухин — командир 1-го дивизиона эсминцев, ни Андреев — командир «Сурового» уже ничему не удивлялись. Когда эсминец подошел к пирсу Рохукюля, то какой-то человек, назвавшийся секретарем парторганизации колхоза, название которого никто не запомнил, сообщил, что весь район Хаапсалу уже захвачен противником, и поддерживать огнем, собственно говоря, некого. Но, продолжал таинственный парторг, он может дать координаты скоплений вражеских войск и техники, по которым неплохо было бы нанести огневой удар. Выдвигать куда-то в ночную неизвестность корректировочный пост совершенно не хотелось и, несмотря на всю фантастичность предложения, его приняли. Оставалось согласовать только мелкие детали и процедуру связи.

Почти у самого причала в каком-то заброшенном помещении ночной парторг указал на телефон. Пусть кто-нибудь сядет здесь и ждет его звонка. Он знает номер. Так и поступили. Телефон зазвонил примерно через час. Парторг давал координаты, которые затем мегафоном передавались на эсминец. «Суровый» открыл огонь и, пользуясь данными столь импровизированной корректировки, успел выпустить 82 снаряда, когда связь

неожиданно оборвалась, и больше ее восстановить не удалось. Так и не узнав, по кому они вели огонь, решили его прекратить и отойти подальше от причала, на котором в любую минуту могли появиться немецкие автоматчики.

Не зажигая огней, «Суровый» малым ходом шел в окутывавшей его спасительной темноте августовской ночи, направляясь к той безымянной бухточке одного из крошечных островков Моонзундского архипелага, где у полузатопленной баржи с мазутом базировались два последних советских эсминца, оставшиеся еще в Рижском заливе — сам «Суровый» и «Артем».

«Суровый» — новейший эсминец типа «7У», с полным водоизмещением более 2500 тонн, в принципе, отличался от своих предшественников «семерок» наличием двух труб вместо одной, эшелонированным расположением машинных отделений и несколько большими размерами. Имея те же четыре «стотридцатки» и два торпедных аппарата, что и «семерки», «улучшенный» вариант отличался более отвратительной мореходностью и еще более слабым корпусом, чем его предшественники. Даже на самой небольшой волне полубак эсминца так скрежетал, вибрировал и стонал, что казалось он вот-вот отвалится. А заливаемость «семерок У» вызывала трепет у всех сторонних наблюдателей: вид корабля, уходящего в воду по носовую надстройку, постоянно производил впечатление, что эсминец тонет по какой-то неведомой причине.

«Суровый» поднял военно-морской флаг 31 мая 1941 года и покинул построивший его Балтийский завод в Ленинграде, начав программу обычной отработки экипажа и различных корабельных систем. Война заставила скомкать всю программу оперативных испытаний и боевой подготовки.

В середине июля эсминец прибыл в Таллинн. Наскоро устранив обнаруженные дефекты, неизбежные у вновь построенного корабля, «Суровый» уже 23 июля вышел в район Нарвы для артиллерийского удара по переправам противника. Войдя под конвоем тральщиков и катеров МО в Нарвский залив, эсминец встал на огневую позицию. Прямо по прибрежному шоссе в район Нарвы был направлен корректировочный пост во

главе со старшим артиллеристом с недавно погибшего эсминца «Сердитый» капитан-лейтенантом Бурчаковым. В 14 часов 30 минут с дистанции 103 кабельтова «Суровый» открыл огонь по скоплению войск противника в деревне Долгая Нива. И хотя деревня была своя, это было первое боевое соприкосновение с противником. Боя, в сущности, не было. Никто не вел по «Суровому» ответного огня, а корректировочный пост коротко доложил, что деревня накрыта и горит. Но все чувствовали себя как в настоящем бою: и капитан 2-го ранга Андреев, и артиллерист, старший лейтенант Мешков, и командиры орудий, старшины Левушкин, Апраксин, Зубинин и Першин.

Выпустив 186 снарядов, эсминец вернулся на Таллиннский рейд. И, как всегда бывает в таких случаях, на корабле царил уверенность, что наступление немцев на Ленинград, если не сорвано огнем «Сурового», то уж; по крайней мере, надолго остановлено. Это обычная реакция первого боя, особенно если он проходит без противодействия противника.

Затем начались метания по Рижскому заливу в страстной надежде и желании нанести противнику как можно больший урон. Гонки за почти неуловимыми немецкими конвоями, отчаянное маневрирование под ударами авиации противника, базирование на дикие бухты Моонзундского архипелага, износ матчасти, невыносимый в мирное время, все более удручающие сводки с сухопутного фронта, гибнущие один за другим корабли отряда легких сил и слабые, почти нулевые, результаты их боевой деятельности.

Уже к 10 августа все уцелевшие корабли ОЛС включились в оборону Таллинна. «Суровый» остался в Рижском заливе вместе со своим однотипным собратом, эсминцем «Статный», тщетно пребывая в томительном ожидании данных разведки о противнике. Поздно вечером 18 августа прямо на их тайной стоянке в районе острова Саарема «Статный» подорвался на mine в таком месте, где глубины, казалось, исключали какую-либо возможность постановки минного заграждения. В огне и грохоте страшного взрыва охваченный пламенем «Статный» быстро стал валиться на правый борт, содрогаясь от новых взрывов. На месте взрыва было настолько мелко, что левый борт «Статного» остался торчать

над водой горящим памятником нашей неготовности к борьбе с новыми образцами минного оружия.

Когда на «Суровом» опомнились от шока, вызванного мгновенной и совершенно непонятной гибелью «Статного», капитан 2-го ранга Андреев приказал спустить шлюпки и принял на борт десятка полтора раненых, контуженых, обожженных и измазанных в мазуте моряков с только что грациозно скользившего по бухте красавца-эсминца. Остальные, в числе более ста человек, включая и командира «Статного» капитана 3-го ранга Алексеева, погибли, так и не узнав о новых немецких магнитных минах.

После гибели «Статного» на «Суровом» все были уверены, что их отзовут в Таллинн для усиления обороны города. Но мысли начальства неисповедимы, как пути Господни, и «Суровому» было приказано оставаться в Рижском заливе, а на смену погибшему «Статному» был прислан «Артем» — старый эсминец типа «Новик», построенный еще в годы первой мировой войны и прославившийся в гражданскую войну, когда он, действуя в составе ДОТа Балтийского флота еще под старым своим именем «Азарт», утопил английскую подводную лодку Л-55. Несмотря на почтенный возраст, «Артем», к затаенной зависти экипажа «Сурового», обладал гораздо лучшей мореходностью, прекрасно держался на волне, разрезая ее, подобно стилету, почти не заливался и не клевал носом, имея возможность действовать орудиями в таких условиях, которые и не снились «Суровому» — новейшему эсминцу, последнему детищу предвоенного советского кораблестроения.

20 августа в 20 часов 30 минут воздушная разведка КБФ обнаружила в районе Вентспилса три судна, идущих в сопровождении сторожевых катеров на север. Предполагая, что конвой идет в Ригу, штаб КБФ отдал приказ Солоухину перехватить противника в Ирбенском проливе и уничтожить его. Надо сказать, что данные воздушной разведки по несколько раз в день поступали на эсминцы, но на деле в координатах, указанных на основании данных воздушной разведки штабом КБФ, как правило, никого и ничего не оказывалось, кроме авиации противника, которая вновь и вновь заставляла корабли крутиться под бомбами в смертельном хороводе.

Почти так же случилось и на этот раз. 21 августа в 4 часа 50 минут в полной темноте «Суровый» и «Артем» двумя призрачными тенями выскользнули с рейда Рохукюля, направляясь на перехват противника к Ирбенскому проливу. Капитан 2-го ранга Солоухин запросил штаб КБФ об уточнении координат обнаруженного накануне конвоя. Вылетевший с первыми лучами рассвета самолет-разведчик не обнаружил ничего ни в Ирбенском проливе, ни в прилегающих к нему районах. Когда же эсминцы вышли в точку предполагаемого перехвата, то опять-таки же ничего не обнаружили. Только пустынные волны с белыми гребешками пены, носящиеся взад и вперед с громкими криками чайки и плывущие высоко в небе предвестники осени — перистые облака, из-за которых в любой момент могли появиться бомбардировщики противника.

Посоветовавшись с командиром «Сурового», Солоухин решил «прочесать» залив. Увеличив скорость, эсминцы повернули на юг. Свежело. Ветер нагонял встречную волну. Десятки настороженных глаз следили за небом и горизонтом. Летели часы. Ничего, кроме пустынных свинцовых вод залива и чаек. Наконец, эсминцы вышли к подходному рижскому бую у косы Даугавгрива. Дальше идти было невозможно. Развернувшись и перестроившись в строй фронта, эсминцы пошли на север вдоль западного побережья залива.

Солоухин уже подумывал о прекращении поиска, когда в 11 часов 39 минут на дистанции 95 кабельтовых открылись дымы. Увеличив ход до полного, «Суровый» и «Артем» пошли на сближение и вскоре обнаружили два небольшие транспорты и моторную шхуну, идущие под охраной нескольких сторожевых катеров. За ними в 4-5 милях синел берег. Тот ли это был конвой, который накануне обнаружила авиация или какой-то другой, разбираться было некогда. Сигнальщики впились глазами в небо: теперь-то уж авиация противника появится непременно. Солоухин быстро распределил цели: «Артему» — головной транспорт, «Суровому» — второй, шхуна — шут с ней. Уменьшив ход до 11 узлов, эсминцы легли на курс, параллельный курсу конвоя.

Заметив эсминцы, противник стал действовать, видимо, по давно отработанной инструкции. Транспорты и шхуна быстро повернули к берегу, держа курс на мели

мыса Мерсгарс. Катера охранения, летая вокруг охраняемых транспортов, как водяные жуки по пруду, ставили дымовую завесу. С дистанции 40 кабельтовых эсминцы открыли огонь. На часах было 11:54. Через минуту с транспортов открыли ответный огонь. Снаряды противника падали с перелетом 6-10 кабельтовых. Сторожевые катера ринулись на эсминцы. Их приняли за торпедные и начали маневр уклонения от возможного торпедного залпа. В ключьях дымзавесы, порой, совершенно закрывающей идущие к берегу транспорта, в тучах брызг, вспышках огня, всплесках своих и чужих снарядов трудно было увидеть результаты огня. Транспорты уходили. В 12 часов 10 минут эсминцы прекратили огонь.

Солоухин видел, что палуба идущего впереди «Артема» завалена стреляными унитарами. Люди, выскочив из люков, стали сбрасывать их за борт, освобождая пространство для расчетов палубных орудий. Командир дивизиона приказал идти на сближение с противником. В 12 часов 21 минут эсминцы снова открыли огонь. Пришлось развернуться бортом к волне. Эсминцы кидало с борта на борт: накрытия удалось добиться только с третьего залпа. Солоухину казалось, что он ясно видит пожар на одном из транспортов. Другой шел с сильным креном. Чуть в стороне сквозь ключья завесы разливались сполохи яркого пламени и с бело-желтым дымом завесы смешивался черно-бурым дым горящего бензина. Видимо, горел один из катеров охранения. Через мгновение завеса снова закрыла противника.

Эсминцы снова прекратили огонь, и не успел Солоухин отдать команду увеличить ход, чтобы, сблизившись с немецкими транспортами, окончательно уничтожить их, как услышал звенящие от волнения, тревожные крики сигнальщиков: «Воздух!» Шестерка пикировщиков, разделившись на две группы, стремительно вынырнув из облаков, шла на эсминцы с неумолимостью рока. Было 12:25. В этот момент в полутора кабельтовых от носа «Сурового» поднялись всплески. Из-за дымзавесы их приняли за огонь с транспортов, но в действительности это уже вела пристрелку по эсминцам береговая батарея противника на мысе Мерсгарс.

В 12 часов 26 минут самолеты были уже над головой. Капитан 2-го ранга Андреев, выскочив из рубки,

следил в бинокль за первым из упавших на крыло пикировщиков, давая отрывистые команды на руль. Эсминец задрожал и застонал от резкой перемены режима работы машин и круто положенного на борт руля. С грохотом разорвалась первая бомба, угодив в полукружье кильватерного следа «Сурового», вспенившегося за кормой. Взрывная волна жесткой оплеухой накрыла корабль. На момент замолкли турбины с выбитыми взрывной волной предохранителями. Мигнул и погас свет. Полубак в каскадах срывающейся воды и в тучах брызг с шумом снова появился на поверхности, зажегся свет, задрожал корпус от вновь запущенных турбин, и «Суровый» самым полным ходом стал уходить на северо-восток. О конвое мгновенно забыли.

Огромный столб воды от близкого разрыва почти полностью закрыл «Артем». Столб оседал мучительно долго и, так и не увидев, что стало с «Артемом», на «Суровом» снова пришлось резко менять курс, уклоняясь от второй бомбы, которая грохнула метрах в двадцати от правого борта. Казалось, что корабль полностью выбросило из воды. Со скрежетом и визгом он изогнулся, затем выпрямился, как пружина, и стремительно стал валиться на левый борт, выпрямился, припал на правый борт и снова рванулся вперед, как затравленный олень.

В этот момент Солоухин успел заметить, что внешне совершенно невредимый «Артем», высоко задрав свой тупой форштевень, несется полным ходом, яростно отстреливаясь от кружащих над ним самолетов. Столб воды снова закрыл «Артем», и в этот момент третья бомба рванула за кормой «Сурового».

Два часа немецкие самолеты, меняя друг друга, гоняли «Сурового» с «Артемом» по Рижскому заливу. Отчаянно маневрируя, крутясь чуть ли не вокруг своей оси, корежась от близких разрывов, отстреливаясь из всего, что могло стрелять, эсминцы отходили к Моонзунду. Все новые и новые самолеты врага появлялись над ними. С резким грохотом, заглушая рев зениток, лопались авиабомбы, с бреющего полета самолеты поливали эсминцы очередями крупнокалиберных пулеметов. Летели щепки палубного настила, ждали убитые и раненые. Выбивало турбины, их запускали вновь, раскаленный воздух гудел в изрешеченных осколками дымовых трубах. Наконец, в

14 часов 30 минут, наступила тишина. Самолеты больше не появлялись. По понедельникам, а день 25 августа 1941 года был понедельник, после обеда немцы летать не любили, занимаясь плановыми регламентными работами на матчасти. Уменьшив ход, эсминцы, продолжая идти к Моонзунду, постепенно остывая от боя, стали выяснять полученные повреждения.

Вокруг снова пустынные воды залива, чайки, высокие облака. Как будто ничего и не было: ни нападения на конвой, ни двухчасового боя с пикировщиками, сбросившими на два корабля более ста бомб.

С «Артема» доложили: 6 человек убито, 12 ранено, в основном — легко. Несколько пробоин в корпусе и надстройках, временно выведена из строя левая машина. На «Суровом» и того меньше: 3 человека убиты, 2 ранены, осколками пробиты надстройки и трубы.

В общем, на эсминцах царило ликование — все понимали, что отделались дешево. Подсчитали, что в бою «Суровый» израсходовал 145 130-миллиметровых снарядов, а «Артем» — 133 102-миллиметровых снарядов. Экипажи поздравили с успешным боем, объявив потопленными два немецких транспорта и два сторожевых катера охранения. Было так или не было, никто вопросов не задавал. Все искренне верили, что так оно и было, ибо иначе нельзя на войне, особенно в период ежедневных поражений и катастроф. Если уж в такое время ты побывал в бою и уцелел, то это уже победа, а детали тут не имеют большого значения*. Главное — это поднять боевой дух измученного поражениями личного состава.

*Набеговая операция, проведенная «Суровым» и «Артемом» 21 августа 1941 года в Рижском заливе, интересна не столько своими результатами, которые весьма спорны, сколько тем, что это была последняя попытка за весь период Великой Отечественной войны на Балтике использовать эскадренные миноносцы как таковые. Впоследствии, уцелевшие корабли этого класса использовались лишь в качестве быстроходных транспортов или плавбатарей. Характерно, что за весь период боев за господство в Рижском заливе с июня по август 1941 года наши эсминцы ни разу не использовали имеющееся у них мощное торпедное вооружение. То ли немецкие транспорты были такими, что на них жалко было тратить торпеды, предназначенные для линкоров Гранд-флита, то ли ими просто не умели пользоваться.

Подобно пиратам средневековья, эсминцы несколько последующих дней отсиживались в тихой бухточке между одним из крошечных безымянных островков архипелага и полуостровом Рамси. На «Артеме» повреждение в машине оказалось более серьезным, чем ожидали, и на бомбардировку Хаапсалу «Суровый» вынужден был отправиться в одиночку...

Экономичным ходом «Суровый» возвращался к месту стоянки. Черное небо предосенней Балтики низко висело над кораблем. Накрапывал мелкий дождь. Капитану 2-го ранга Солоухину подали расшифрованную радиограмму. Штаб КБФ приказывал «Суровому» и «Артему» не позднее рассвета 27 августа вернуться в Таллинн. Командир дивизиона передал бланк радиограммы капитану 2-го ранга Андрееву. Офицеры обменялись понимающими взглядами. Не было нужды обсуждать текст радиограммы в присутствии матросов. Все было ясно и так: Таллинн сможет продержаться лишь до 27 августа.

25 августа 1941, 01:30

Старший лейтенант Дицкий — командир артиллерийской боевой части эскадренного миноносца «Артем» — вместе со своими комендорами приводил в порядок кормовые орудия эсминца, пришедшие почти в негодное состояние после той бешеной стрельбы, которую им пришлось вести в бою с конвоем и самолетами противника 21 августа. Всего три дня оставалось жить эсминцу-ветерану, представителю легендарной плеяды «новиков», но одной из самых больших милостей, которые нам дарит судьба — это незнание ее предначертаний, что и зовется надеждой на лучшее. Дицкий попал на «Артем» сразу после окончания училища, служил на нем всего чуть больше года, но уже любил свой эсминец, как только может молодой офицер самозабвенно любить свой первый корабль.

В отличие от «Сурового», который был в строю еще неполных три месяца, а 23 августа отметил всего лишь первый месяц своего участия в боях, «Артем», как уже упоминалось, воевал уже четвертую войну. Эсминец вошел в строй 10 октября 1916 года под именем «Азард» — в честь знаменитой Сенявинской 16-пушеч-

ной шебеки, которая, будучи захвачена абордажем у французов, лихо воевала под тем же названием, но уже под русским флагом в Архипелаге в кампанию 1806 года. «Азард» еще не успел толком войти в строй, как над Россией вообще и над флотом в частности и в особенности пронесли революционные бури, окончательно добив Российскую Империю, и без того уже тонущую в пучине первой мировой войны.

Захваченный водоворотом событий, сметающих целые государства, эсминец «Азард» героически пытался удержаться на плаву и идти нужным курсом. Он пробивался через льды из Гельсингфорса в Кронштадт в 1918 году, сражался в составе ДОТа в 1919 году, чудом уцелел, когда 21 октября 1919 года на английских минах погиб весь дивизион, в который входил «Азард». Три однотипных с «Азардом» «новика»: «Гавриил», «Константин» и «Свобода» пошли на дно на глазах у экипажа «Азарда». Эта история — весьма темная и по сей день не выясненная до конца. Поговаривали, что командир дивизиона Ростовцев хотел сдать англичанам все вверенные ему корабли, но коварные англичане выставили в обусловленном месте мины. То ли — место, где дивизион собирался ставить мины в Копорском заливе, было выдано англичанам кем-то из штаба ДОТа, чуть ли не самим Дмитриевым. То ли — имело место обычное головотяпство, которыми насыщена история нашего флота. Но факт остается фактом: три «новика» погибли, а «Азард», под хладнокровным командованием своего тогдашнего командира Несвицкого, осторожно, задним ходом выбрался из минной ловушки и вернулся в Кронштадт.

Но не это чудесное спасение принесло эсминцу громкую славу, а другое событие, произошедшее несколько ранее. 4 июня 1919 года «Азард» и «Гавриил», ведя разведку в Копорском заливе, обнаружили подводную лодку, идущую в надводном положении. Пока на мостике Ростовцев с Несвицким пытались понять, что это за лодка и что все это значит, комендор носового орудия «Азарда» Богов без команды выстрелил по лодке. Все видели, как снаряд попал в основание рубки, как поднялся огромный столб воды черного цвета, как полетели в разные стороны поднятые взрывом обломки и как в образовавшемся затем водовороте пенилась

и бесновалась вода от выходящего с огромной силой воздуха. Это видели все, но никто не знал, что это была за лодка. Поэтому комендор Богов был немедленно арестован за «открытие огня без команды» и доставлен в Кронштадт для суда. К счастью, в Кронштадте выяснили, что все подводные лодки ДОТа целы, и всю историю, в принципе, удалось замять. Англичане ни о каких потерях не сообщали, мы ни о каких победах — тоже.

Только через семь лет тральщик «Клюз», ведя контрольное траление в этом районе, зацепил обо что-то тралом. Это что-то оказалось прицелом с орудия подводной лодки. Спущенные водолазы установили, что на дне залива покоится со всем экипажем английская подводная лодка «Л-55».

Шел уже 1926 год. «Азард» уже давно (с 1922 года) носил новое имя — «Зиновьев» — в честь любимца Ленина Гриши Зиновьева-Аппельбаума, занимавшего пост председателя Коминтерна. И хотя звезда самого Зиновьева, а равно и возглавляемой им организации, уже явно стала закатываться, звезда эсминца, носящего его имя, стала, напротив, восходить к зениту в связи с потоплением «Л-55». Каких только легенд не напридумывали об этом инциденте в те годы, создавая из подводной лодки в 950 тонн водоизмещением некое чудовище, набитое агентами «Интеллиженс Сервис», имеющих своей целью взорвать все от Кронштадта до Кремля. Создавалось впечатление, что «Азард» → «Зиновьев» выиграл Гражданскую войну и спас социалистическое отечество. В 1928 году подводная лодка «Л-55» была поднята, останки моряков переданы англичанам, а сама лодка номинально включена в состав РККФ.

К этому времени звезда Зиновьева-Аппельбаума закатилась настолько, что его погнали со всех постов, а через несколько лет расстреляли. Это событие привело к новому переименованию эсминца «Азард» → «Зиновьев», названного на этот раз «Артем». Кто такой «Артем», по началу на Балтике не знал никто. Никто даже толком не знал имя — это, фамилия или кличка, хотя на торжественном митинге в честь переименования эсминца, имевшем место 27 ноября 1928 года, и было разъяснено, что «Артем» — это парткличка товарища Сергеева Федора Андреевича, профессионального революционера

1883 года рождения, из крестьян, прославившегося, главным образом, созданием рабочей партии в Австралии, где он вынужден был скрываться от царской охранки, и погибшего 24 июня 1921 года под Харьковом во время каких-то загадочных испытаний таинственного аэровагона. Так ли это или нет, толком не знают и до сих пор. «Артем» — так «Артем». В те годы уже научились вопросов не задавать. Ясно было только, что кем бы ни был Артем, он явно не входил в число вождей мирового пролетариата, как, скажем, Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин или даже Урицкий, Володарский и Карл Либнехт. Даже разжалованный Зиновьев и тот был рангом повыше.

Хотя это обстоятельство несколько обидело экипаж эсминца, особого значения новому имени корабля никто не придавал, поскольку все находились в полной уверенности, что через пару лет эсминец снова переименуют. Ведь не пристало же эсминцу, которого никто иначе не называл, кроме как «наиболее прославленный корабль Красного флота», носить столь скромное имя.

А престиж эсминца рос с каждым годом. 24 июля 1939 года на Неве состоялся первый военно-морской парад в честь нововведенного Дня флота. Несмотря на то, что этот день пришелся на понедельник, никто не работал. Нева пестрела флагами, горела огнями корабельной иллюминации. Ленинградцы впервые могли взглянуть на крейсер «Киров» и на блестящие свежей краской бортов новенькие «семерки». Но не эти новейшие корабли были, как говорится, «гвоздем программы». Им был «Артем». Вокруг эсминца был устроен целый аттракцион. Метрах в десяти от носа «Артема» стояла капитально отремонтированная «Л-55», сохранившая латинские литеры на рубке, хотя уже и переименованная в «Безбожник». От носового орудия «Артема» к рубке лодки шел кабель, увешанный гирляндой лампочек, последовательное мигание которых и яркая вспышка нескольких десятков лампочек на рубке должны были имитировать знаменитый выстрел комендора Богова двадцатилетней давности.

Затем для «Артема» последовало холодное безумие зимней войны с Финляндией. Двадцатисантиметровый лед мял и рвал обшивку эсминца-ветерана, забивал решетки холодильников, выводя из строя машины, осколки метких финских снарядов звенели по обледенелым

надстройкам. Была высадка десантов на Гогланд, поддержка огнем левого фланга армии, завязнувшей в снегах Карельского перешейка. Обмороженные и простуженные офицеры и матросы, обледенелые палубы и трапы, ампутированные пальцы, выпавшие зубы и волосы и, наконец, вместе с долгожданным миром — долгий ремонт в Кронштадте.

С первых же дней войны с Германией «Артем» находился в море. Постановка мин на центральной минно-артиллерийской позиции для предотвращения возможного прорыва немецкого флота в Финский залив, томительное ожидание действий противника, походы семиузловым ходом за минными заградителями «Урал» и «Марти», смертельные хоробы под бомбами, боязнь своих и чужих мин, политруки, прячущие глаза на политинформациях и пытающиеся объяснить причины военной катастрофы, внезапно обрушившейся на страну, мнящую себя непобедимой и неуязвимой, и эвакуации, эвакуации, эвакуации... Базирование на Кунду, формирования и переформирования, все более удручающие события и на море, и на суше, матросы, списываемые на берег, поломки, ремонты на ходу и, наконец, откомандирование в Рижский залив, лихой набег 21 августа на конвой и радость еще одного чудесного спасения под дождем авиабомб...

Старший лейтенант Дицкий вытер руки паклей. Накатники 102-миллиметровых орудий никуда не годились. Может удастся подремонтироваться в Таллинне на заводе? Вряд ли, конечно. Скорее всего, пошлют в Ленинград. Но с такими орудиями воевать уже невозможно. Артиллерист спустился в кают-компанию. Воентехник 1-го ранга Молодцов — командир группы котельных машинистов — клевал носом за столом. машинально помешивая ложечкой остывший чай. Когда Дицкий сел за стол, Молодцов поднял голову и, странно мигая слезящимися красными глазами, сказал: «Суровый» вернулся. Приказано уходить в Таллинн. Хоть немного подремонтируемся».

Глотнув остывшего чая, Дицкий поднялся на мостик. Стоявший на вахте лейтенант Круглов сообщил Дицкому, что командир «Артема», старший лейтенант

Сей, вызван на «Суровый» к комдиву. Приказано вернуться в Таллинн, но еще неизвестно, удастся ли: побережье почти все контролируется немцами, в проливах — мины, тральщиков нет. Может быть, придется взорвать корабли и пробиваться по суше. Дицкий вздохнул. С мостика было видно, как у носового орудия под брезентом копошились комендоры. Впереди, мористее, чернел силуэт «Сурового». Бледная луна угадывалась в облаках, низко плывущих над Моонзундским архипелагом.

25 августа 1941, 01:55

Громкий крик сигнальщика Роберта Гринберга: «След с левого борта!», заставил капитана Брашкиса броситься к зияющему пролому оторванного крыла мостика. Тонкий бурун, словно бы прочерченный пером, бежал по штилевой воде по направлению к «Даугаве». Торпеда! Брашкис рванулся к машинному телеграфу, почти инстинктивно дав команду на перекладку руля. Торпеда прошла за кормой, исчезнув в пене кильватерной струи. Кто ее выпустил — неизвестно, а может, это и не торпеда была. Мало ли что может померещиться ночью в море после такого кошмарного дня.

После разгрома конвоя, «Даугава» продолжала следовать по курсу самостоятельно. Это просто чудо, что самолеты противника, столь настойчиво атакуя неуклюжий транспорт, наскоро переоборудованный в эвакуогоспиталь, так и не потопили его. Конечно, тут очень помогла «хозяйственная» жилка старшего помощника Брашкиса — Берга. Перед уходом из Таллинна Берг обнаружил на причале целый штабель каких-то круглых банок. Штабель никто не охранял, и старпом, решив, что это краска (а какой старпом не мечтает о «дармовой» краске?), приказал матросам погрузить банки на «Даугаву». Украденные банки спрятали под брезентом, а когда вышли в море, то обнаружили, что это вовсе не краска, а дымовые шашки. Злой от досады Берг уж было приказал выбросить все банки за борт, но Брашкис приказал их не выбрасывать — еще как могут пригодиться. И еще как пригодились. Густые волны белого и черного дыма, встававшие над «Даугавой» во время воздушных налетов, недаром создавали у всех наблюдателей с

других кораблей впечатление, что транспорт горит и с ним уже покончено.

И с ним действительно чуть не покончили, имея возможность немецкие пилоты более тщательно прицелиться при сбросе бомб. Тем же взрывом, которым сбросило за борт буфетчицу Альму Хорс и матроса Яниса Дышлера, убило и ранило, как потом выяснилось, многих находившихся на палубе. Многие раненые были ранены вторично, а третьего штурмана Берзиня взрывной волной бросило на дверь рубки с такой силой, что выбило эту дверь, а сам Берзинь с выбитыми зубами и переломанными ребрами в бессознательном состоянии был унесен вниз. Осколками бомбы выбило стекла иллюминатора штурманской рубки, где на койке лежал эвакуируемый капитан 2-го ранга. Вторично раненый офицер, фамилию которого никто не знал, также был отправлен в операционную в очень тяжелом состоянии.

Но больше всего бед натворила та бомба, из-за взрыва которой рухнули мачты, была снесена половина мостика и вдребезги разбиты спасательные шлюпки. Никто не знал точно, сколько человек и кого именно взрывом этой бомбы убило и выбросило за борт. Многие бросались за борт сами, особенно когда пробило паропровод, и белое облако со свистом вырывающегося пара смешалось с клубами черно-белого дыма завесы и бурого дыма бушующего под мостиком пожара. Когда же стали уточнять потери, выяснилось то, что Брашкис до конца своих дней считал самым страшным воспоминанием войны.

В числе полутора тысяч эвакуируемых и раненых на «Даугаве» находилось пятнадцать курсантов училища имени Фрунзе. Совсем мальчишки. Они стояли, сгрудившись у шлюпбалок левого борта, что-то оживленно обсуждая, задрав вверх головы, следя за кружащими на небольшой высоте пикировщиками. Врыв бомбы, обрушивший шлюпки левого борта и тяжело накренивший судно, убил и унес за борт четырнадцать из этих мальчишек. Уцелел один. Как он уцелел, не знал никто, даже он сам. Бледный, с трясущимися губами, потрясенный мгновенной гибелью всех своих товарищей, он был близок к безумию. А на палубе чумовым вихрем нарастала паника. Люди вопили, выли, рычали, катались в истерике, лупили друг друга, бились о палубу, бросались за

борт, пронзительно визжали женщины, прижимая к себе детей, многие из которых были ранены и истекали кровью.

«Бери винтовку,— приказал Брашкис уцелевшему курсанту.— Некогда сейчас раскисать! Видишь, что творится на палубе? Если паника не прекратится, погибнем все. Спустись в твиндеки к раненым. Объяви им, чтобы никто не двигался с места. Скажи им, что получил приказ стрелять в случае неподчинения, и стреляй в каждого, кто не подчинится!» Подтянувшийся курсант, заметно успокоившись, ринулся выполнять приказ. Лучший способ успокоить людей — это их чем-то занять. Но остальных на палубе занять было уже нечем, кроме как угрозой расстрела на месте...

Наконец наступила спасительная ночь. Спасительная от авиации, но не от мин и подводных лодок, хотя Брашкис надеялся, что малая осадка «Даугавы» позволит ей избежать мин, а что касается подводных лодок, то капитан «Даугавы», в отличие от большинства своих коллег, не верил, что противник развернул в Финском заливе так уж много подводных лодок. Пара финских, пара немецких — не больше. Театр не тот. Мелко, тесно. Но торпеда? Или это галлюцинация, массовая галлюцинация, что так часто случается на море под стрессом даже в период мирного времени. Неся на себе более двухсот пробоин, «Даугава» приближалась к Гогланду, не зная, что испытания предыдущего дня обессмертят имя старого парохода уже хотя бы за то, что он уцелел и спас более тысячи человеческих жизней.

Построенная в 1891 году в Швеции, «Даугава» сначала носила имя «Любовь», а затем была переименована в «Веру» и была приписана к Рижскому порту. Сравнительно большой транспорт водоизмещением 1428 тонн и машиной в 600 лошадиных сил не мог не обратить на себя внимание командования флотом в дни первой мировой войны, и в июле 1915 года «Вера» была мобилизована, начав уныло-тяжкую службу военного транспорта в кишасшем минами Финском заливе. Вместе с другими кораблями Балтийского флота «Вере» пришлось пережить все революционные бури и прорыв из Гельсингфорса в Кронштадт сквозь льды Финского залива в 1918 году. В июле 1918 года судно переименовали в «Федерацию», и оно, первым из советских торговых судов, вышло в за-

граничное плавание в порты Дании и Швеции. Судно вышло в море 11 ноября 1918 года, а в феврале 1919 года «Федерация» пришла в Стокгольм. На судне не успели отдать якорь, как на палубе появился отряд шведской королевской полиции, объявившей, что судно конфискуется, поскольку является незаконно присвоенной советским правительством чужой собственностью. Экипаж был свезен на берег и интернирован, а судно передали Латвийской республике, где оно и было переименовано в «Даугаву».

После аннексии Прибалтики в 1940 году «Даугава» вместе с другими судами торгового флота Латвии была передана в распоряжение НКМФ. С начала войны «Даугава» совершила уже не один рейс под бомбежками и обстрелами, с врывающимся холодным ветерком сквозь разбитые стекла штурманской рубки, освежающим разгоряченные лица вахтенных, стала самым памятным в истории старым пароходом, которому, в отличие от сотен других, суждено было пережить войну и дожить до 1956 года.

«Даугава» продолжала идти через ночь. Пассажиры на палубе успокоились, где-то внизу, в трюмах и на твиндеках стонали, метались и бредили раненые, метались врачи и медсестры с безумными от бессонницы и пережитого глазами, плакали эвакуируемые дети, многие из которых были ранены, обожжены, контужены, ушиблены и обварены. Рыдали и причитали матери, потерявшие своих детей. Погибшие были сложены под брезентом на палубе, а судьба остальных находилась в руках капитана Брашкиса. Эти руки сжимали латунные рукоятки машинного телеграфа, готовые в любую секунду тем или иным маневром уйти от очередной опасности. Сжав зубы, подставив исцарапанное осколками стекла и дерева лицо под прохладный ветер ночного залива, Брашкис упорно продолжал вести свой избитый и искалеченный пароход к Ленинграду.

25 августа 1941, 02:05

Старший лейтенант Матиясевич, старпом подводной лодки «Лембит», и командир лодки, капитан-лейтенант Полешук, настроженно глядели в сине-черную мглу балтийской ночи. Лодка шла в позиционном положе-

нии, возвращаясь в Таллинн из своего первого боевого похода. Связи с базой не было уже давно. Какая-то финская, а может, и немецкая станция в Або заглушала все частоты радиосвязи, видимо, очень хорошо известные противнику. Никто на лодке не знал, в чьих руках находится Таллинн, оставлен он или нет. Но идти больше было некуда, поэтому шли в Таллинн. Матиясеви́ч вздохнул, вспомнив, как он стал подводником. Еще год назад он бы сам не поверил, если бы ему кто-нибудь предсказал старпомство на подводной лодке, да еще в военное время.

Всю свою жизнь Матиясеви́ч прослужил на судах торгового флота, прошел путь от матроса до капитана, избородив при этом, как говорится, все моря и океаны. Профессиональный моряк, он любил свое дело и не мыслил себя ни на каком другом поприще. Ему шел уже тридцать шестой год, когда его неожиданно мобилизовали, присвоили звание старшего лейтенанта и направили на Высшие специальные классы командиров подводных лодок. Ошеломленный моряк, который в своих будущих мемуарах честно напишет, что он совсем не радовался подобной перемене в своей жизни, не мог понять, чем вызвано то, что его, опытного капитана торгового флота, человека гигантского роста, мало подходящего для подводных лодок, и, прямо скажем, не такого уж молодого, вдруг отобрали в качестве кандидата в подводники.

А дело объяснялось довольно просто. Дело в том, что Германия, готовясь, как известно, захватить весь мир, имела к началу войны в боевой готовности 49 подводных лодок. Империалисты США и Англии, вынашивая такие же, как и Германия, планы, имели соответственно в строю 96 и 69 лодок. Советский Союз же, который, как тоже хорошо известно, не вынашивал никаких планов, кроме пятилетних, имел к началу войны в строю 212 подводных лодок шести различных типов и около полусотни — в постройке. Лихие действия немецких подводников в годы первой мировой войны, чуть не поставившие на колени гордый Альбион, зывали к подражанию и вызывали вдохновение.

Именно немецкие подводники, оставшиеся безработными в силу статей Версальского договора, наладили нам еще в двадцатых годах проектирование и конвейерное

производство подводных лодок. И дело пошло. Где только ни строились подводные лодки: и на Россельмаше, и на Уралмаше, и в более глухих местах, где ни один шпион в мире не мог бы этого заподозрить. План был грандиозен. Пока сталинские линкоры будут громить надводные флоты буржуев, сотни подводных лодок, выйдя в океан, быстро подорвут хилую, зависящую от ежедневного подвоза, экономику островных и неостровных империй, стремительно приблизив тем самым время мировой пролетарской революции. Естественно, что для такого громадного подводного флота экипажей сразу же не стало хватать, и эта нехватка превратилась в вечную, так никогда и нерешенную проблему.

Подводниками делали кого только могли. Срывали комсостав с торговых судов и с судов вспомогательного флота, расформировывали кавалерийские дивизии, посылая офицеров и сверхсрочников, а часто и рядовых переучиваться на подводников (благо, лошадь к чему бы ни привязывалась, но всегда морским узлом).

Как и следовало ожидать, когда началась война, подводники не имели ни толковых методик, ни опыта, ни комплектных экипажей, но, что было хуже всего, — они не имели противников. Англичане автоматически стали союзниками, американцы вот-вот должны были ими стать, а у немцев на Балтике почти ничего не было, на что не жалко было бы истратить торпеду. В один день, 23 июня, погибло семь подводных лодок. В течение следующего месяца погибло еще восемь лодок, а пять — получили тяжелые повреждения.

Лишь 28 июня подводная лодка «С-10» под командованием капитана 3-го ранга Бакунина сумела добраться до Данцигской бухты, где, по данным штаба КБФ, и яблоку негде было упасть от огромного количества немецких транспортов, возящих руду из Швеции и солдат на Восточный фронт. Любая добравшаяся туда лодка, как полагал штаб, могла чувствовать себя акулой, попавшей в пруд с зеркальными карпами, тем более, что основные силы немецкого флота находились далеко в Северном море и Атлантике, еще не выйдя из шока, вызванного гибелью «Бисмарка». Однако лодка не успела обнаружить ни одной цели, как была в буквальном смысле слова разорвана на куски немецкими катерами ПЛО, чья гидроакустика, как бы плоха она ни

была, если верить немецким источникам, все-таки как-то сработала. А на наших кораблях ее вообще не было. На всех предвоенных учениях подводники привыкли, что их «ловят» по кончику перископа. «С-10» успела передать в эфир: «Терплю бедствие, нуждаюсь в немедленной помощи». Видимо, лодка всплыла под градом глубинных бомб, уже тяжело поврежденная, и была добита. Спасенных с нее не было.

В тот же день подорвалась на mine от югу от Ханко подводная лодка «М-99», которой командовал старший лейтенант Попов. С нее также никто не спасся.

Опять-таки 28 июня подводная лодка «Л-3» под командованием капитана 3-го ранга Грищенко была отогнана с позиции в районе Мемеля катерами противника. По возвращении на базу у лодки неожиданно отказали горизонтальные рули, и она стремительно стала проваливаться на глубину, которая составляла в этом месте 220 метров. Лодку удалось удержать на глубине 92 метра. Рули не действовали, пришлось всплывать. К счастью, в море было пустынно. Выяснили, что от близких разрывов глубинных бомб лопнул стяжной болт шарнира привода кормовых горизонтальных рулей. Необходим был срочный ремонт, но капитан 3-го ранга Грищенко решил более не искушать судьбу... Но не искушать ее было невозможно, так как единственным выходом было где-то отлежаться на мелководье до наступления темноты, а это означало, что надо идти в надводном положении к берегу, занятом противником. Но выбора не было. Так и поступили. Все знают, какая «темнота» бывает на Балтике в конце июня — светло, как днем. И все же всплыли, три часа ремонтировали рули на виду у всего берега и 29-го пошли на базу.

В этот день подводная лодка «М-72» пыталась выйти на просторы Балтики, но подорвалась на mine, чудом не погибла, вторым чудом сумела вернуться в Кронштадт, где была поставлена на капремонт с поднятием на стенку.

В тот же день, возвращаясь из похода, подводная лодка «С-6» под командованием капитан-лейтенанта Кульбакина вошла в бухту Кихельонна для встречи с катерами сопровождения. Ожидая катеров, встали на якорь. Капитан-лейтенант Кульбакин командовал лодкой всего три месяца после окончания классов. То, что

лодка вернулась целой из боевого, хотя и безрезультатного, похода, настолько взбудрило его, что он, совершенно не зная обстановки, и, основываясь только на прекрасной погоде, разрешил команде купаться. Глубина в этом месте составляла всего десять метров. Неожиданно из-под солнца выскочил самолет противника, атаковав лодку и купальщиков. Лодка стала спешно сниматься с якоря, чтобы отойти на глубокое место и погрузиться. Самолет сбросил бомбу, разорвавшуюся в массе купавшихся, и сделал два захода на лодку, поливая ее очередями из крупнокалиберных пулеметов. Лодка получила повреждения, три человека были убиты, шесть — ранены, а сам Кульбакин, получив семнадцать пулевых и осколочный ранений, сдал командование лодкой капитан-лейтенанту Кулыгину и навсегда закончил свою военно-морскую карьеру.

1 июля подводная лодка «М-81» под командованием капитан-лейтенанта Зубкова, следуя при прорыве из Моонзунда в надводном положении в кильватере крейсера «Киров», подорвалась на mine буквально в кильватерной струе крейсера. Лодка переломилась пополам и мгновенно затонула на глубине 20 метров. Стоявшего на рубке капитан-лейтенанта Зубкова взрывом сбросило за борт. Когда его вытащили из воды, он был мертв. Весь экипаж лодки погиб, кроме электрика Преображенского, которому удалось открыть люк и всплыть с глубины 20 метров.

Все эти и подобные случаи, хорошо известные на курсах командиров подводных лодок, где учился старший лейтенант Матиясевич, совсем не создавали радостного настроения у слушателей*. У самого Матиясевича нервное состояние и напряжение, вызванное столь резким поворотом в его судьбе, вылилось в то, что впервые за 36 лет у него, человека отменного здоровья с железными нервами полярного капитана, на лице вско-

*Всего в 1941 году на Балтике было потеряно 28 советских подводных лодок. По сообщениям военного времени, попавшим и в послевоенные источники, за первые полгода войны советскими лодками потопили на Балтике 73 транспорта противника общим водоизмещением 50385 тонн и одну подводную лодку (И-144). Однако, анализ послевоенных документов показал, что за этот период наши лодки утопили 3 парохода (4849 тонн) и подводную лодку.

чил огромный фурункул, а поднявшаяся температура бросала будущего подводника то в жар, то в озноб. Заклеив фурункул пластырем и сложив свои нехитрые пожитки в немецкий чемодан (память о довоенных заграничных плаваниях), Матиясевич шел по затемненному Кронштадту, когда после окончания курсов получил назначение старпомом на подводную лодку «Лембит», ремонтирующуюся в одном из кронштадтских доков. Пластырь на лице, заграничный чемодан и новенькая, еще плохо сидящая на его долговязой фигуре, офицерская шинель — все это привело к тому, что он был схвачен патрулем и до утра просидел в комендатуре на предмет выяснения личности. К счастью, к утру личность его была установлена, и Матиясевич, с трудом отыскав «Лембит» около одного из плавдоков, представился командиру лодки, капитан-лейтенанту Полешуку.

На недавно выведенной из дока лодке заканчивался ремонт. Матиясевич, который всего полгода назад и в страшном сне не мог представить себя подводником, получил назначение на лодку, построенную не где-нибудь, а в Англии на заводе фирмы «Виккерс-Армстронг». История всего этого дела уходила корнями в смутное время 1918 года, когда англичане захватили и передали Эстонии два советских эсминца «Автроил» и «Спартак». Переименовав эсминцы соответственно в «Ленук» и «Вамбола», эстонцы эксплуатировали их без малого 14 лет, а затем, в 1933 году, продали оба устаревших эсминца Перу, а на вырученные деньги, к которым приплюсовали деньги, полученные от специальной лотереи, заказали в Англии две современные подводные лодки. Обе лодки (одна из которых была названа «Лембит» в честь средневекового вождя мятежных эстов, а вторая — «Калев» в честь героя народного эпоса) были переданы Эстонии в 1937 году и три года плавали под эстонским флагом. После аннексии Эстонии в 1940 году обе лодки, сохранив названия, были включены в состав КБФ.

«Лембит» очень отличалась от лодок советской постройки. Имея меньшую автономность и глубину погружения (90 метров), по сравнению с советскими лодками, «Лембит» в целом была гораздо совершеннее современных ей советских прототипов. Лодка имела большее количество гидравлических устройств для управления различными механизмами, была оборудована

ледовым поясом для плавания во льдах в надводном положении, а ее форштевень был выполнен из литой стальной конструкции. Вооружение лодки составляли четыре носовых торпедных аппарата с четырьмя запасными торпедами в первом отсеке. В булях по бортам имелись минные шахты на 20 мин, причем постановка мин могла вестись как из надводного, так и из подводного положения. На подъемной платформе в специальной герметической шахте была установлена 40-миллиметровая автоматическая зенитная пушка системы «Бофорс», для приготовления которой к стрельбе требовалось при всплытии не более полутора минут. Кроме пушки, имелся также один пулемет системы «Льюис».

Лодка была разделена на пять водонепроницаемых отсеков, причем в первом и пятом отсеках имелись люки, снабженные тубусами для аварийного выхода из лодки людей. Многие системы «Лембита» были настолько сложны для наспех обученного советского личного состава, что, скрепя сердцем, на лодке пришлось оставить эстонцев-старшин по всем специальностям. Всем им присвоили мичманские звания и в феврале 1941 года привели к присяге.

Начало войны застало «Лембит» в Либаве, откуда ей чудом удалось вырваться и прибыть 4 июля в Кронштадт, где она и была поставлена на ремонт. К моменту прибытия Матиясевича лодка уже приняла в Минной гавани торпеды и провела пристрелку торпедных аппаратов, после чего была отбуксирована в Купеческую гавань. 2 августа «Лембит» покинула Кронштадт и перебазировалась в Таллинн, где приняла на борт мины и запас продовольствия для предстоящего первого боевого похода. Лодке предстояло выйти в южную Балтику на линию морских коммуникаций противника, поставить мины во вражеских водах, а затем, по возможности, топить суда противника торпедами.

12 августа «Лембит» вышла в море. Ей предстояло пройти в подводном положении почти все Балтийское море. Когда лодка выходила из Таллинна, было тепло и тихо. Ничто не напоминало о войне, пока в тралах, выводящих лодку «ижорцев», не взорвалась мина, затем — вторая.

Медленным был путь за тральщиками к устью Финского залива, где «Лембит» распрощалась с эскортом и

пошла далее самостоятельно. Погрузившись на глубину 20 метров, лодка продолжила путь к нужной позиции. Двое суток лодка шла на юг, никого не встречая. Погода была хорошая, волнение моря не превышало 3-х баллов. Однако на третьей сутки похода Балтика неожиданно разбушевалась. При всплытии для подзарядки батарей на лодку обрушился шестибальный шторм. Лодку бросало с борта на борт, волны перекатывались через нее, зачастую накрывая мостик, где находился Полешук, Матиясевиц и сигнальщик — старшина 2-ой статьи Корнеев. Потоками лил дождь. Вдали, на занятом противником берегу, внезапно вспыхивали прожекторы, ощупывая море и воздух, и так же неожиданно исчезали. Водяные брызги секли глаза стоящих на мостике, а внизу, в отсеках, болтанка выворачивала людей наизнанку, особенно у дизелей. Запах подгорелого масла во влажном горячем воздухе внутренних помещений лодки смешался с запахом блевотины.

Вдруг лодку ударило волной так, что она совершенно повалилась на борт, едва не выбросив в бушующее море стоявших на мостике людей. Лодка еще не успела выровняться, как последовал доклад, что вертикальный руль не переключивается. Лодку стало быстро разворачивать в сторону от курса. Пришлось уменьшить, а затем и вовсе застопорить ход. Бортовая качка клала «Лембит» с борта на борт. Казалось, что лодка вот-вот опрокинется. Волны с ревом накатывались на мостик и через рубочный люк каскадом врываются в центральный пост. Неуправляемую лодку несло к вражескому берегу.

Полешук спустился внутрь лодки и вместе со старшим инженер-механиком капитан-лейтенантом Моисевым пытался обнаружить и устранить повреждение. Причина, в принципе, стала ясна быстро. Стрелка манометра в главной гидравлической магистрали виновато дрожала около нуля. Быстро понижался уровень масла в цистерне, питавшей гидравлическую систему. Оказалось, что ударами волн повреждена магистраль привода носовых горизонтальных рулей, проходящая в надстройке вне прочного корпуса. Магистраль отключили, наполнили маслом расходную цистерну, что на такой «болтанке» напоминало Матиясевичу акробатический трюк с жонглированием воронкой, ведром и

лейкой. Все облегченно вздохнули, когда давление в магистрале поднялось до нормального, и руль снова стал действовать.

Но шторм не утихал. Все ближе подступал вражеский берег со слепящими клинками прожекторов. Выведенные из строя носовые горизонтальные рули теперь болтались вверх-вниз, удары их сотрясали носовую часть лодки. Хотя не была еще окончена подзарядка батарей, Полещук приказал погружаться. Оставаться долее в надводном положении означало подвергаться риску возникновения новых аварий, что в условиях шторма могло привести к последствиям, о которых не хотелось и думать.

Однако не успели погрузиться, как столкнулись с новой проблемой. Оказалось, что заклепки, крепящие фланцы носовых рулей к прочному корпусу, так расшатались, что вода через них мощными струями поступала в лодку. По мере погружения мощность водяных струй увеличивалась. Экипаж первого отсека во главе со своим командиром лейтенантом Столовым отчаянно боролся с водой. Моряки чеканили и конопатили дыры, подводили под них резиновые маты, но вскоре стало ясно, что все эти меры бесполезны, если носовые рули не будут застопорены. Пришлось снова всплыть и закрепить рули в поднятом положении. Привязавшись концами, командир группы торпедистов, мичман Аартее, и двое матросов спустились на ходящую ходуном палубу «Лембита», пробрались на нос лодки и, работая на ощупь, в темноте, закрепили рули стальным тросом. Волна то вздымала их выше рубки, то погружала в пучину, накрывая свирепыми водоворотами разъяренной пены. Но работа была выполнена, и лодка снова погрузилась.

Болтанка прекратилась, наступила тишина. Измученные матросы прибрались в отсеках и пообедали. Обогнув с запада остров Борнхольм, лодка вышла в указанную ей позицию. Все чаще и чаще слышался шум винтов проходящих над «Лембитом» кораблей. Выставив мины, решили возвращаться на базу. С бездействующими носовыми горизонтальными рулями заниматься торпедными атаками было равносильно самоубийству...

Полещук и Матиясевич продолжали напряженно вглядываться в ночную мглу. Лодка всплыла в точке

установленного рандеву с кораблями эскорта, но никто не ждал ее, чтобы провести в гавань через минные поля. Связи по-прежнему не было. Гидравлика с шипением выдвинула на палубу 40-миллиметровую пушку на случай непредвиденных встреч. В этот момент на мостик из центрального поста поднялся комиссар «Лембита» Собколов. Удалось установить связь. Таллинн еще наш! Сейчас подойдут катера, чтобы провести «Лембит» в гавань. Матиясевич облегченно вздохнул. Старые подводники всегда говорили: самое страшное — первый боевой поход.

25 августа 1941, 02:30

Адмирал Пантелеев стиснул зубы. Он всегда шутил, что ничто так не укорачивает жизнь, как чтение секретных оперативных документов в военное время. Только что пришло сообщение, что два часа назад у банки Глотова подрывалась на mine и погибла со всем экипажем подводная лодка «М-103»... Мины! Флот оказался практически бессильным в борьбе с этим видом оружия, главным образом, из-за нехватки тральщиков. О широкомасштабной организации тральных работ и говорить нечего. Лучшие тральщики гибнут, доставляя бомбы на Эзель. По расчетам, сегодня уже вышли из Кронштадта с бомбами на борту еще три тральщика: «Патрон» (Т-203), «Вистурис» (Т-998) и переоборудованный в тральщик СКР «Коралл». Тоже, наверное, не дойдут до Эзеля и погибнут по пути без всякой пользы. А кто поведет флот в Кронштадт, когда будет дан приказ на эвакуацию, которого они ждут с минуту на минуту? Судьба вышедшего вчера конвоя показала, что может ждать флот на переходе. «Энгельс» погиб, танкер погиб. Да, легче посчитать кто уцелел: «Гидрограф», «Аэгна», «Октябрь» и «Жданов». Судьба «Даугавы» пока неизвестна. Уничтожено больше половины конвоя*. И снова погиб-

*Интересно, что пишет в своих мемуарах «Морской фронт» адмирал Пантелеев о разгромленном 24 августа конвое: «...из Таллинна в Кронштадт сегодня ночью шел конвой в составе девяти транспортов с ранеными, имея достаточно сильное охранение. Конвой обстреляла фашистская батарея с мыса Юминда. Некоторые корабли получили незначительные повреждения, но остались на ходу». Восхитительно!

ло несколько бесценных тральщиков. Сегодня для пробы этот путь пройдут «Рулевой» и «Трувор» под эскортом двух тральщиков и катера МО. Ничего хорошего тоже ждать не приходится. Командующий уже несколько раз справлялся, пришел ли ответ из штаба Северо-западного направления. Конечно, они дадут разрешение на эвакуацию. В конце концов, кто-то ведь должен понять наверху, что происходит в Таллинне! Не хочется верить, что ими всеми решили пожертвовать во имя какой-то неведомой очередной стратегической глупости. Адмирал Трибуц, в силу своих каких-то тайных контактов с наркомом ВМФ и с Ждановым, вероятно, убежден, что разрешение на эвакуацию будет получено в течение ближайших четырех часов.

По его приказу была уже составлена, подписана Военным советом флота и отправлена в Кронштадт радиограмма на имя командира Кронштадтской военно-морской базы, копия которой лежала перед Пантелеевым. Он еще раз перечитал ее: «Контр-адмиралу Иванову. Для помощи боевым кораблям и судам, прорывающимся из Таллинна, и их встречи создать группу кораблей и вспомогательных средств, которую возглавить на острове Гогланд капитанам 2-го ранга Ф.В.Зозуле и И.Г.Святову. Трибуц, Пантелеев, Смирнов».

Радиограмма отправлена, а разрешения нет. Предвосхищать решения начальства очень опасно... Но если Трибуц уверен, то он и отвечать будет. От бессонных ночей и перенапряжения путались мысли. Адмирал взглянул на часы. Было без четверти три ночи. Стояла непривычная тишина. Ни обстрелов, ни налетов с воздуха. Молчат и корабельные орудия. Передышка. Надо поспать хотя бы полчаса, а то невозможно будет работать.

Однако в этот момент к Пантелееву без стука и привычного «Разрешите?» вошел один из операторов штаба, положив перед адмиралом очередную сводку. Сводка была посвящена положению под Ленинградом. Адмирал пробежал ее глазами, не надеясь обнаружить что-либо хорошее и обнадеживающее: «На новгородско-чудском направлении войска 11-ой и 34-ой армий отошли под напором превосходящих сил 10-го армейского и переброшенного сюда 56-го моторизованного корпусов на рубеж реки Ловать...» Адмирал вздохнул.

Две армии откатываются под «превосходящим» напором двух корпусов. Интересно, это у него в штабе так обработали сводку или она так и пришла? Видно, как немецкие клещи нацелились на Любань, Тосно и Мгу. Немцы правильно рассчитали, что форсировать Неву следует где-то в районе Ивановских порогов. Похоже, что Ленинград будет не сегодня-завтра отрезан и окружен. А куда же деваться флоту, что на приморском направлении?

«22.08 противник силами четырех дивизий после мощной артподготовки начал наступление на Котлы и Копорье. Части 8-ой армии и приданная им 2-ая отдельная бригада морской пехоты майора Лосякова, неся большие потери от авиации и артиллерии противника, отходят на Войносолово». На Карельском перешейке финны подошли к Выборгу. Разгром! Все эти дни адмирал гнал из головы это слово, но оно все время возвращалось, все более главенствуя в его мыслях. Если Таллинн служил для отвлечения немцев от главной цели их наступления на этом направлении — Ленинграда, то он помог мало. Очевидно, что гарнизон Таллинна и боевые корабли сейчас принесли бы гораздо больше пользы под Ленинградом, чем в этой проклятой мышеловке. Бросив сводку на стол, адмирал Пантелеев, не раздеваясь, лег на небольшую кушетку, что стояла прямо за его рабочим столом, и провалился в пустоту.

25 августа 1941, 02:55

Сердце у старшего лейтенанта Радченко упало. Внепредсмотрящие, выставленные на нос «Аэгны», обнаружили на 30 градусов с правого борта силуэты двух катеров и вполголоса доложили об этом на мостик. Радченко начал разворачивать плавбазу носом к катерам. От перенапряжения его бил озноб. Катера, безусловно, принадлежат противнику, и нетрудно представить, что произойдет, если они нападут на три практически небооруженных судна, переполненных спасеными с потопленных накануне судов. Тени катеров промелькнули и исчезли, затем появились снова с левого борта. Опасаясь торпеды, Радченко снова развернул «Аэгну» на силуэты катеров. То ли катера не замечали три уцелевших от конвоя судна, то ли выполняли

какую-то другую задачу и не хотели отвлекаться, во всяком случае, покругившись вокруг минут десять, катера растворились в темноте и больше не появлялись.

Остатки конвоя продолжали на ощупь идти вперед. Радченко про себя последними словами ругал тральщики. Куда они все подевались? Двое погибли на его глазах. Но где же остальные? Ведь целый дивизион «ижорцев» прикрывал конвой. Ежесекундно ожидая подрыва на mine, «Аэгна» продолжала вести за собой «Гидрограф» и «Октябрь». Палубы всех трех судов были переполнены дрожащими от холода измученными людьми. Ужас пережитого не уменьшал страха перед грядущим. Ночная темнота могла в любую минуту озариться багровыми взрывами мин и торпед или разноцветными трассами крупнокалиберных очередей. До Гогланда оставалось еще около двух часов хода.

25 августа 1941, 03:20

Минер 8-го дивизиона тральщиков, лейтенант Мудрак и командир тральщика № 47, старший лейтенант Белов коротали ночь на мостике. Ночью идти по непротраленным фарватерам было рискованно, и оба «ижорца» № 47 и 43 покачивались на якоре. За ними в полукабельтове темнела громада «Андрея Жданова». «Ижорцы» подобрали плавгоспиталь, когда он, после атак, авиации малым ходом продолжал идти вперед в полном одиночестве. Ведущая группа тральщиков почему-то полным ходом, не выставив тралов, ушла вперед. «Аэгна», «Гидрограф» и «Октябрь» где-то отстали. Куда девалась «Даугава», никто не знал. Тральщики повели «Жданов», а вскоре к ним присоединились два катера МО, вступившие в охранение плавгоспиталя.

Измученный воздушными налетами командир «Жданова», капитан-лейтенант Елизаров, постоянно подавал сигналы на тральщики: «Прошу увеличить ход!» С выставленными тралами «ижорцы» с трудом выжимали 5-6 узлов. Елизаров пытался было выйти из створа тральщиков и, обогнав их, следовать полным ходом к Гогланду. «Следуйте строго за тралами, — ревел ему в мегафон Белов. — Подорветесь на mine, кто будет отвечать?»

Когда спустилась темнота, вдали уже смутно маячили очертания Гогланда. Остров, словно мираж, то по-

являлся, то исчезал. Когда решили встать на якорь, чтобы не искушать в темноте судьбу, Елизаров, который более всего страшился именно рассвета и возобновления воздушных атак, забросал тральщики просьбами дать ему разрешение идти самостоятельно. «Мне курс известен, навигационные приборы исправны, дойду до Гогланда без тралов. Отпустите меня», — мигал прожектор со «Жданова». Никто не сомневался, что Елизаров — опытный моряк, плававший на международных линиях, — знает дорогу в Кронштадт. Но никто и не хотел брать на себя ответственность за возможные последствия. Итак, было совершенно ясно, что поведение дивизиона станет предметом специальной разборки. Как случилось, что тральщики фактически разбежались, бросив суда конвоя? Где они все, эти суда? Хоть бы «Жданов» довести целым. Белов боялся темноты, а Елизаров — рассвета. Ничего, пусть подождет. Везде риск. Днем — свой, ночью — свой. Елизарову было категорически приказано прекратить «канючить» и встать на якорь.

Однако Елизаров долго не мог успокоиться. Он ругался в мегафон. К счастью, ветер уносил большую часть его эмоций. Белов и Мудрак слышали только, видимо, конец фразы: «Без вас я уже давно был бы в Кронштадте!» «Без нас ты уже давно был бы у миног», — проворчал обычно немногословный Белов. Он и Мудрак были единственными бодрствовавшими на тральщике. Измученные событиями предыдущего дня матросы, выбрав тралы, спали прямо на палубе вповалку.

Стояла тихая, темная и теплая ночь. Небо было усеяно мириадами мерцающих звезд. Лейтенанту Мудраку казалось, что было даже жарко и душно от непрерывной работы машин и механизмов. Ночное безмолвие нарушалось только звоном склянок, отбиваемых каждые тридцать минут. В направлении Гогланда то вспыхивал, то гас прожектор. Что бы это могло быть? Может быть, дает свои позывные командир дивизиона с ушедших вперед тральщиков, а может, — это противник занял позицию на пути вероятного подхода наших кораблей и судов? Решили послать в разведку один из малых охотников. Правда, было рискованно оставлять «Жданов» под охраной одного катера МО, но еще хуже было бы нарваться на засаду, выставленную противником на пути к Гогланду.

Морской охотник исчез в темноте и, казалось, что пропал навсегда. Наконец, в темноте сверкнули проблиски позывных. С тральщика фонарем «ратьера» ответили: «Ясно вижу». Возвращался охотник. Подойдя к борту тральщика, его командир сообщил, что он подошел к западной части Гогланда и обменялся позывными с береговой батареей. Кораблей противника поблизости нет. Лейтенант Мудрак без всякой радости подумал, что хоть одна беда их миновала.

25 августа 1941, 03:40

Капитан 2-го ранга Петунин — командир лидера «Минск» — лежал, не раздеваясь, в своей каюте. Несмотря на страшное перенапряжение последних дней, когда его корабль, маневрируя под огнем противника, сам почти непрерывно вел огонь по заявкам сухопутных войск, почему-то не спалось. Волна плескалась о борт, а из кают-компания доносились звуки песни «Синий платочек»: кто-то, несмотря на ночное время, гонял патефон!

Лидер «Минск» имел уже достаточную историю, пусть не такую длинную, как «новики», но и не такую короткую, как «семерки» или тем более «семерки У». Само понятие «лидер эскадренных миноносцев» придумали, естественно, англичане, основываясь на опыте Ютландского боя. «Лидер», представляя из себя нечто среднее между эсминцем и легким крейсером (лучше вооруженный, чем первый, и с гораздо большей скоростью, чем второй), должен был по замыслу вести в торпедные атаки дивизионы эсминцев, прикрывая, в случае необходимости, их огнем от атак вражеского прикрытия и, само собой разумеется, самостоятельно атакуя намеченные цели.

Поскольку наша довоенная доктрина предусматривала сражение с Гранд-флитом, то было совершенно ясно, что нам никак нельзя обойтись без лидеров, которые вели бы в атаку на английские линкоры дивизионы «новики», обладая при этом такой скоростью, чтобы никто не успел на эту атаку среагировать. Поэтому еще в начале 1925 года Научно-технический комитет ВМС РККА получил указание в трехмесячный (!) срок разработать проект

эсминца, способного вести бой с легкими крейсерами противника, охранять главные силы от атак вражеских эсминцев и поддерживать атаки своих.

Столь лихое техническое задание весьма озадачило специалистов, и, хотя предполагалось для начала построить 8-12 таких кораблей, при утверждении в 1926 году шестилетней программы военного кораблестроения от строительства лидеров уклонились, главным образом, из-за некоторой фантастичности технического задания и неготовности промышленности решать столь масштабные задачи. Однако «задурить» голову товарищу Сталину подлодками, сторожевиками, катерами и разными там минно-тральными соединениями, а равно и вредительскими ссылками на специфику наших военно-морских театров не удалось, и в феврале 1929 года Совет Труда и Обороны утвердил новую пятилетнюю программу военного кораблестроения, предусматривающую постройку по меньшей мере трех лидеров для Черного моря, ибо нападение Гранд-флита более всего ожидалось через Дарданеллы.

Узнав об этом, тогдашнее командование Морских сил Балтийского моря, у которого в силу «дарданелльской» теории отняли единственный крейсер «Профинтерн» и перебросили его вместе с линкором «Парижская коммуна» на Черное море, потребовало новых кораблей, доказав, что скорее всего Гранд-флит пойдет не через Дарданеллы, а через Бельты. Командующий морскими силами Балтики Викторов и тогдашний начальник ВМС Муклевич, не зная, видимо, что «дарданелльская» теория является любимой теорией товарища Сталина, осмелились апеллировать к Наркомвоенмору т. Ворошилову, чья высокая компетентность в военно-морских вопросах была общеизвестна.

Наркомвоенмор Ворошилов — тот самый маршал Ворошилов, который в описываемое нами время был главкомом Северо-западного направления, внес такой большой личный вклад в катастрофу 1941 года и в последующую девятьсотдневную блокаду Ленинграда, что на этом фоне вклад фельдмаршала фон Лееба и его хвального штаба кажется весьма незначительным. Ворошилов доложил мнение адмиралов товарищу Сталину. Хотя товарища Сталина давно уже раздражали эти умники из ВМС, осмеливающиеся постоянно учить, что надо де-

лать, а что не надо, вождь приказал включить в программу три лидера и для Балтики.

Беда, однако, заключалась еще и в том, что никто толком пока не знал, каким должен быть запланированный корабль. В мае 1928 года было выдано тактико-техническое задание на разработку эскизного проекта «эскадренного миноносца для Черного моря»; заданная составляла скорость 40 узлов, вооружение: четыре-пять 130-миллиметровых орудия и два-три трехтрубных торпедных аппарата. Главными требованиями были: скорость 40 узлов и дешевизна. Однако ориентировочный вес энергетической установки и четырех 130-миллиметровых артиллерийских орудий загонял водоизмещение будущего корабля куда-то к трем тысячам тонн, то есть уже почти к водоизмещению легкого крейсера и к его цене. Не лучше ли сразу строить легкие крейсера? Разрушенная судостроительная промышленность еще не была готова и к эсминцам, а к крейсерам и подавно. Проект залихорадило.

В августе 1928 года на утверждение был представлен проект эсминца, у которого, при той же скорости, вооружение состояло из четырех 102-миллиметровых орудий, то есть как и у «новики», только при значительно большем водоизмещении и расходах. Это уже напоминало вредительство в чистом виде. Именно тогда у Сталина и появилась мысль, воплощенная несколько позже в виде «Рамзиновской шарашки» (чтобы не умничали, а работали!). Перепуганные грозным рыком сверху, проектировщики к октябрю 1928 года выдали, наконец, проект эсминца водоизмещением в 2100 тонн, вооруженного пятью 130-миллиметровыми и четырьмя 37-миллиметровыми орудиями, четырьмя пулеметными и двумя трехтрубными торпедными аппаратами.

Эскизный проект корабля утвердили, но дело тормозилось тем, что к проектированию энергетической установки еще даже не приступали. Только в 1930 году для этой цели создали СКБ под руководством инженера Сперанского. Проектируемую мощность каждого ГТЗА довели до 22000 лошадиных сил, расположение выбрали пошелонное, детали подработали по результатам международного конкурса, так что не прошло и двух лет, как ГТЗА был представлен на стендовые испытания. Однако было ясно, что в проектные 2100 тонн

водоизмещения уложиться не удастся и что минимальная цифра, о которой можно говорить, это 2600 тонн. И хотя эскизный проект был утвержден в августе 1930 года и был приказ 1 декабря того же года заложить два первых корабля этого типа, но шел уже 1932 год, а все еще оставалось на бумаге.

Это объяснялось прежде всего яростной борьбой внутри командования флотом и в правительстве по поводу общей концепции развития военно-морских сил. Задуманный Сталиным план создания океанского флота имел очень много противников, которые, ссылаясь на Ленина, определившего океанский флот как «орудие империалистической политики», срывали глобальные замыслы вождя, а открутить им всем головы еще не позволял политический момент.

Наконец, 29 октября 1932 года в Николаеве заложили два первых лидера для Черного моря, а через неделю, то есть 5 ноября, в канун 15-ой годовщины октябрьского переворота, на Балтийском заводе в Ленинграде был заложен первый балтийский лидер «Ленинград», который стал головным в серии. 18 ноября 1933 года «Ленинград» был спущен на воду и после трехлетней достройки вошел в строй в декабре 1936 года. На испытаниях в стандартном водоизмещении корабль показал 41 узел полного хода! Задание по скорости было выполнено. Хорошо известно, что корабль — это «плавающий компромисс». Всегда чем-то жертвуешь во имя чего-то. В случае с лидерами всем пожертвовали во имя скорости. (На одном из пробегов «Ленинград» при водоизмещении 2225 тонн и мощности машин 67250 лошадиных сил развил скорость 42 узла, а однотипная с ним «Москва» на Черном море развила скорость почти 44 узла (43,57) при состоянии моря в три балла).

Но поводов для общего ликования, увы, не было никаких. Водопадом обрушились на сдатчиков и государственную приемную комиссию дефекты новых кораблей. Прежде всего выяснилось, что на режиме полного хода опасно задирается нос, а корма уходит под воду ниже уровня верхней палубы, что создает аварийную ситуацию и не позволяет эффективно действовать системам вооружения; что на режиме среднего хода лидер плохо слушается руля, а на малых ходах вообще не слушается; что корпус получился слишком слабым, на-

столько слабым, что невозможно действовать всей артиллерией одновременно на один борт; что опасные напряжения в районе стыковки полубака с корпусом создают риск перелома корабля пополам в случае динамического роста этих напряжений, вызванных, например, подрывом на mine, попаданием снаряда или даже сильным штормом (об авиабомбах почему-то никто тогда не думал, хотя в составе Гранд-флита были уже к тому времени пять авианосцев); что остойчивость у корабля только чуть выше критической, а запас плавучести столь мал, что мог любое повреждение подводной части превратить в катастрофу.

Но самый главный сюрприз ждал впереди. Когда, после первого цикла испытаний, лидер поставили в док, то с ужасом обнаружили, что все три его винта опасно деформированы. Комли лопастей были изуродованы канавками шириной 15 мм и глубиной 20-25 мм! Это уже было похоже на «вредительство». Совсем недавно отшумел по всей стране процесс Промпартии, после которого слова «инженер» и «вредитель» стали почти синонимами. Вот при таких обстоятельствах советским кораблестроителям впервые пришлось столкнуться с явлением кавитации. Как ни заделывали образовавшиеся канавки самыми прочными инструментальными сталями, ничего не получалось, а проводившиеся параллельно лабораторные исследования показывали, что ничего и не получится. А это означало, что новым кораблям нельзя превышать барьер 36-узловой скорости, если они не хотят вообще остаться без винтов. Это был скандал! Если бы в задании по скорости сразу же стояла цифра 36 узлов, корабль можно было бы сделать гораздо лучше вооруженным и боеспособным.

Однако у создателей лидера еще теплилась слабая надежда, и заключалась она в изменении способа крепления гребных валов. Дело в том, что для достижения максимально возможной скорости корпус «Ленинграда» имел очень острое образование кормы, а гребные валы не имели традиционных кронштейнов и выходили наружу через выкружки, называемые штанами. Корму срочно перепроектировали, сделав ее более полной, а валы решили крепить на кронштейнах. В связи с этим проект № 1, по которому строился «Ленинград», переименовали в проект № 38, и по этому проекту решили

достроить второй балтийский лидер «Минск», который был заложен на том же стапеле Балтийского завода, что и «Ленинград», 5 октября 1934 года.

Строительство крупных боевых кораблей всегда дело непростое, требующее полного напряжения физического и умственного труда, а в те годы оно представляло из себя сплошной каторжно-мучительный процесс для всех: от главного конструктора до последнего разнорабочего, убирающего мусор в цеху предварительной сборки. Всюду преобладал ручной труд: кувалда — она и гнула, она и клепала, и рихтовала, и подгоняла. За каждую ошибку и инженеры, и рабочие могли ответить головой. Производительность труда объективно не могла быть в таких условиях высокой. Работа шла на ощупь. Весь опыт, накопленный до революции русскими кораблестроителями, улетел в трубу гражданской войны и послевоенной разрухи. Единственным нововведением был плакат, повешенный на стапеле, где строился «Минск»: «Заставим работать сердце завода большевистскими темпами!» Но, понятно, что этот лозунг, составленный в столь туманных выражениях, мало мог помочь. Как должно биться большевистское сердце? Сердце завода-то билось еле-еле...

«Минск» существовал еще лишь в днищевом наборе, когда 1 декабря 1934 года произошло убийство Кирова. Чудовищная правительственная провокация, с помощью которой Сталин устранил наиболее опасного конкурента в борьбе за власть, заставила лихорадочно забиться сердце всей страны, но особенно — сердце Ленинграда. Расстрелы, аресты, административные высылки в 48 часов обрушились на город-колыбель трех революций, как его любили называть некоторое время.

А «Минск» продолжал строиться, медленно вырастая на пронзенном ледяными вьюгами заснеженном стапеле. Отсутствие квалифицированных рабочих сказывалось на каждом шагу. Клапанная коробка свежего пара для вспомогательных механизмов «Минска» отливалась 46 (сорок шесть) раз, пока не получилась отливка, пригодная для эксплуатации. Запаздывали с поставками контрагенты, и унылые простои добавляли еще больше мрачности серым будням завода.

Но как бы медленно, на ощупь, ни шло строительство лидера, оно все-таки шло, и 6 ноября 1935 года

лидер был спущен на воду в присутствии делегации столицы Белоруссии, взявшей шефство над кораблем. Достройка «Минска» на плаву шла еще более мучительно и долго, чем сборка на стапеле. Страну продолжало лихорадить: одна волна репрессий сменяла другую, вылившись в девятый вал 1937 года, когда провал заговора маршала Тухачевского бросил в кровавую мясорубку чисток «цвет командного состава Вооруженных сил», включая три тысячи морских офицеров всех рангов и тысячи работников судостроительной промышленности. В самый разгар репрессий весной 1938 года «Минск» отошел от стенки завода и начал сдаточные испытания. Более полные обводы кормы и наличие кронштейнов гребных валов решили проблему кавитации очень просто: скорость корабля упала примерно на 3,5 узла. Испытания показали, что при полной мощности механизмов 66000 лошадиных сил скорость едва достигала 40 узлов. Лишь форсируя механизмы и доведя мощность до 68000 лошадиных сил, удалось достичь проектных 40,5 узлов.

Таким образом, сверхскоростным лидер не получился, но, не унаследовав у своего предшественника скоростных качеств, «Минск» унаследовал у «Ленинграда» все отрицательные характеристики. Он так же плохо управлялся на средних и малых ходах, стонал под тяжестью собственного полубака, падал с борта на борт под ударами жестких балтийских волн, но, что самое главное, — был для своего водоизмещения почти в 3000 тонн весьма слабо вооружен.

10 ноября 1938 года лидер был сдан флоту, а 23 февраля 1939 года на нем был торжественно поднят военно-морской флаг, и «Минск» вступил в строй под командованием капитана 3-го ранга Волкова. На весенне-летних учениях 1939 года «Минск» поразил всех меткостью торпедных стрельб, завоевав первый приз. Старшина минно-торпедной группы Угольков получил премию военного совета КБФ, а минно-торпедной БЧ лидера было вручено переходящее Красное знамя военного совета. Это было как бы реабилитацией лидера, когда он ранее, еще даже не введенный в строй официально, был сорван штормом с якорей и ударился кормой о нос крейсера «Киров», повредив корпус и винты. Тогдашнего командира «Минска» капитана 3-го

ранга Петрова сняли с должности, а на его место назначили переведенного с Каспийской флотилии капитана 3-го ранга Лежаву.

Требовательный и строгий, с явными признаками самодура, капитан 3-го ранга Лежава столь быстро вывел «Минск» в передовые корабли, что на капитана обратили внимание, назначив сначала флагштурмом бригады эсминцев ОЛС, а затем и командиром бригады. Оставив «Минск» своим флагманским кораблем, Лежава деятельно принялся наводить порядок в бригаде, выбивая из подчиненных последние остатки послереволюционной флотской вольности. Его быстрая, хоть и неправая, расправа с командиром «Сметливого» Овчинниковым послужила примером для всех остальных, включая и командира «Минска» капитана 3-го ранга Волкова, имеющего сомнительное удовольствие общаться с Лежавой чаще других.

В конце июня 1939 года в Кронштадт прибыл вновь назначенный нарком ВМФ адмирал Кузнецов. Большой кронштадтский рейд был заполнен кораблями: два линкора, «Киров», два лидера, четыре новых «семерки», дивизионы «новиков» и сторожевых кораблей. Стеньговые флаги, флаги расцветивания, вымпелы, сигнальные прожекторы, вой корабельных сирен, дым из десятков труб, приподнятое до нервозности настроение личного состава — все это говорило о том, что флот, в который уже раз возродившись из пепла, снова готов к действиям, чтобы в пепел обратиться в стальном спиральном витке неумолимой истории.

Начинался первый большой поход Балтфлота со времен жаркого лета 1914 года. Длинной кильватерной колонной шли корабли по Финскому заливу мимо островов Сескари, Лавенсари и Гогланд. На следующий день, обогнув эстонское побережье, флот вышел в открытое море. Притихшие прибалтийские республики и Финляндия никак не отреагировали на этот военноморской демарш. Лишь четыре немецких миноносца, держась на горизонте, наблюдали за реальной силой, нежданно-негаданно появившейся из мертвого ржавого металлолома двадцатых годов. На мачте «Марата» вился флаг наркома, а на мачте «Минска» — вымпел командира ОЛС капитана 1-го ранга Птохова. И как всегда бывало между войнами, флот казался мощным, несокру-

шимым и непобедимым. Захлебываясь от восторга, газета «Красный Балтийский флот» в номере за 20 июля 1939 года сообщала, что задача «разгрома крупной корабельной группировки противника огнем линкоров и торпедами эсминцев» успешно решена. Корабли прошли более тысячи морских миль, из них пятьсот миль по счислению...

30 августа 1939 года «Минск» под вымпелом Лежавы вывел бригаду эсминцев в Копорский залив. Лежава, ставший уже капитаном 2-го ранга, «муштровал» бригаду. Возглавляемые «Минском» шесть эсминцев ходили, разрезая штилевые воды залива, маневрируя малым ходом на курсах 90-270 градусов. Вода в заливе млела под лучами жаркого солнца, накаленные надстройки, палуба и орудия дышали зноем. Томительно шло время. Курс 90 градусов, гул вентиляторов и машин, плеск воды за бортом, тишина. Сигнал. Поворот на 270 градусов и все сначала.

Неожиданно на мачте «Минска» взвился сигнал боевой тревоги. Пронзительные звонки и вой ревунов скрасили унылое однообразие учений. Над бригадой появился самолет с конусом. Загрохотали зенитки. Конус медленно плыл в раскаленном голубом небе. Пять эсминцев и лидер били по нему из всех орудий. Прозвучал отбой тревоги. Сбитый конус медленно опускался невдалеке от бригады на синюю гладь залива. В небе рассеивались облачка разрывов зенитных снарядов. Жара и яркие краски создавали какой-то оттенок нереальности всего происходящего, как на цветной открытке.

Из Копорского залива Лежава привел бригаду на рейд Ручьи и разрешил отдых. На эсминцах переливались гармони, из динамиков корабельной трансляции звучали песни Лидии Руслановой.

А между тем штаб флота никак не мог связаться с бригадой. Радисты «Минска», бросив вахту, лихо отплясывали «яблочко» на баке. Ничего страшного в этом, в принципе, не было. Корабли стояли на одном из рейдов главной базы, и нести круглосуточную радиовахту не было острой необходимости.

Однако, пока команда «Минска» и возглавляемой им бригады эсминцев наслаждалась прекрасным вокалом Лидии Руслановой, железный кулак Германии обрушился на Польшу. Началась вторая мировая война, на ко-

торой Сталин мечтал погреть руки в рамках концепции «малой кровью на чужой территории». По секретному договору с Германией Красная Армия должна была нанести удар по Польше с востока не позднее 18 сентября, чтобы не позволить полякам перебросить стратегические резервы с востока страны на запад, навстречу наступающим немецким армиям. В штаб флота только что пришли секретные сведения о его задачах «в связи с началом второй империалистической войны в Европе». В сущности, дело шло к окончательной ликвидации позорных статей Брест-Литовского договора, то есть к возвращению России ее «исконных» территорий: Прибалтики, Финляндии и Польши («чудовищного порождения Версальского договора», как скажет о них Молотов через месяц, на сессии Верховного совета). И вот, в преддверии столь великих событий, пропала связь с бригадой эсминцев.

Ошалевший от хлынувших на него лавиной секретных директив, совершенно секретных приказов, инструкций и разъяснений, адмирал Трибуц не нашел ничего лучше, как выскочить из штаба, кинуться на ближайшую, стоящую у пирса «шуку» и приказать ей следовать на рейд Ручьи, где и накрыл нерадивую бригаду, услаждавшую себя музыкой. Вырвав мегафон из рук командира подлодки, Трибуц в гневе закричал: «В Европе идет война, а вы на рейде филармонию устроили. Немедленно по тревоге в Кронштадт!»

На кораблях были проведены митинги, где политработники сами ничего, как обычно, не понимая, пытались разъяснить личному составу, что происходит на белом свете. «Минск», как и другие корабли, принимал полный боевой комплект снарядов, торпед, мин, топлива, продовольствия и воды. Флотские газеты накаляли атмосферу, повествуя о действиях в Финском заливе «неизвестных» подводных лодок, явно намекая, что эти лодки польские. Просто другими они и быть не могли. В Нарвском заливе потоплен советский транспорт «Металлист»; сухогруз «Пионер», уклоняясь от нападения неопознанной подводной лодки, выбросился на камни у башни Вигрунд. Покончить с пиратством польских лодок, нападающих на мирные суда!

17 сентября Красная Армия под пропагандистский вой об освобождении братских народов Западной Ук-

раины и Западной Белоруссии вторглась в Польшу, начав наступление навстречу уже подходившим к Варшаве немецким войскам. (Много пишут о встрече на Эльбе в апреле 1945 года, но совсем не пишут о встрече на Висле в сентябре 1939 года, когда русские и немецкие войска, который уже раз в истории, разодрали Польшу пополам).

18 сентября на кораблях бригады была объявлена боевая тревога. На мачте «Минска» взвился флаг заместителя наркома, флагмана 2-го ранга Исакова. Полоща по ветру флаг заместителя наркома, «Минск» повел бригаду на поиск и уничтожение польских подводных лодок. За флагманом шел его однотипный собрат — лидер «Ленинград» — под флагом командира ОЛС, капитана 1-го ранга Птохова. Далее шли эсминцы «Гордый», «Гневный», «Стремительный» и «Сметливый». По Кронштадтскому створу корабли шли плотным кильватерным строем. Идущим сзади приходилось то и дело стопорить машины, чтобы не наскочить на идущего впереди. Оставив слева финский остров Лавенсари, корабли разделились: «Минск», «Гордый» повернули на юг, остальные — на север, держа курс к финским шхерам.

Солнце уже садилось за горизонт, когда «Минск» привел отряд в Нарвский залив. Слева, зубчатой лесистой возвышенностью, рисовался пологий берег Кургальского полуострова, впереди — угадывалась пограничная река Нарова, вправо от нее начиналась чужая, эстонская земля. Никто на кораблях, даже флагман 2-го ранга Исаков, тогда еще не знал, как мало времени осталось прибалтийским республикам числиться «заграницей». На рассвете, обогнув эстонское побережье, корабли вышли в Балтийское море. Никаких подводных лодок они, естественно, не обнаружили, поскольку их там никогда не было*. Отряд вернулся в Кронштадт, где комфлотом приказал «Минску», «Гордому» и «Сметливому» в море не ходить, корабли покрасить, заменить брезентовые обвесы, команде выдать новое обмундирование и быть в готовности.

Никто не понимал смысла всех этих мероприятий и особенно того, что матросам неожиданно выдали яркие

*Поскольку ныне уже точно известно, что никаких польских лодок, кроме интернированного в Ревеле «Ожела», в Финском заливе не было, то возникает интересный вопрос: чья же лодка утопила «Металлист» и «Пионер»? Есть над чем подумать.

медные пуговицы, приказав заменить ими черные пуговицы на бушлатах. По палубам и кубрикам «Минска» ползли самые невероятные слухи, подогреваемые прибытием в отряд начальника ГлавПУРа.ВМФ, армейского комиссара 2-го ранга Ивана Рогова, вполне заслужившего свою кличку «Иван Грозный» (если учесть его личный вклад в большое кровопускание, которое было сделано флоту в предыдущие годы). Худой, стриженный под машинку, с мрачным лицом, испещренным морщинами, несмотря на сравнительно молодой возраст, с угрюмыми горящими глазами, Рогов очень напоминал пуританского фанатика начала XVII века, а, по существу, им и являлся. Побыв немного на «Минске» и не удостоив даже командира парой слов, он отбыл на «Сметливый».

10 октября 1939 года «Минск», «Гордый» и «Сметливый» вышли на большой Кронштадтский рейд. Связь с берегом была прекращена. На всех кораблях провели митинги. На «Минске» командир ОЛС, капитан 1-го ранга Птохов обратился к экипажу с речью, объявив, что предстоит поход в столицу буржуазной Эстонии — Таллинн, где, в соответствии с договором о дружбе и взаимопомощи между СССР и Эстонией, кораблям Балтийского флота предоставлялось право на базирование. Морьякам раздали еще пахнущие типографской краской номера свежего выпуска «Красной Звезды» с передовицей Всеволода Вишневского «Новая страница в истории Красного Балтийского флота».

11 октября в 6 часов утра корабли отряда стали сниматься с якорей. На мачте «Минска» полоскался флаг начальника ОЛС. За ним на «Сметливом» шел Рогов, окруженный многочисленной свитой из офицеров ГлавПУРа и корреспондентов центральных газет. Как и все корабли такого класса, «Минск» плохо слушался руля на малых и средних ходах, что создавало особые трудности для идущих за ним в кильватере кораблей. «Точнее держать на курсе!» — постоянно покрикивали на рулевых командиры «Сметливого» и «Гордого». «Черт за ним удержит, — огрызались рулевые в адрес идущего впереди «Минска». — Виляет кормой, как лисица хвостом».

В 15 часов 39 минут с мостика «Минска» открылись еще неясные вдаль очертания Таллинна. На мостике царило молчание. Это была та таинственная заграница,

от которой столь эффективно была ограждена вся страна знаменитым «железным занавесом», который товарищу Сталину удалось выковать на редкость прочно и добротно.

В 15 часов 54 минуты «Минск» и идущие за ним эсмейцы легли на Екатерининентальский створ. Выскочивший из таллиннской гавани катер на ходу передал на «Минск» советского военного атташе, представителя советского посольства и лейтенанта эстонского флота Тебуса. Прибывшие поднялись на мостик, где стали объяснять командиру ОЛС, капитану 1-го ранга Птохову, командиру дивизиона, капитану 3-го ранга Маслову, и командиру «Минска» Волкову тонкости протокольного ритуала при визите военных кораблей одной страны в порт другой страны. Лейтенант Тебус не совсем уверенно спросил, найдется ли на «Минске» национальный флаг Эстонии? Военный атташе и представитель посольства настороженно переглянулись и вопросительно посмотрели на капитана 1-го ранга Птохова. Тот глазами дал им понять, что все будет нормально, тренировались.

В 17 часов 10 минут, прогрохотав якорь-цепью на таллинском рейде, подняв на мачте красно-белые национальные флаги Эстонии, «Минск» произвел салют наций, который клеветнические буржуазные газеты, вышедшие в тот же вечер, назвали погребальным салютом по независимости Эстонии. Газеты также утверждали, что в самом скором будущем большевики проведут массовые аресты и насильно создадут колхозы. Мрачный тон эстонских газет никак не соответствовал настроению, царившему на банкете, который командование эстонского флота давало в честь советских моряков в помещении бывшего ревельского морского офицерского собрания.

13 октября маленькие эстонские буксирчики, дымя и захлебываясь паром, медленно потащили «Минск» к причалу Минной гавани. Маслов и Волков следили за их маневрами с мостика. Накануне они, вместе с командирами «Сметливого» и «Гордого», осмотрели гавань, выяснив, что она имеет очень узкий вход, ограниченный каменными молами. В середине гавани бельмом на глазу торчала груда камней, мешавшая маневрам кораблей. Было ясно, что входить в гавань и выходить из нее

придется только под буксирами. Ни Маслов, ни кто другой из командиров, не предполагал тогда, что не пройдет и двух лет, как ту же самую гавань, которая несколько не станет просторнее, лидеры и эсминцы будут покидать без всяких буксиров на режиме полных боевых ходов под ураганным обстрелом противника. А пока, переключаясь гудками, буксиры до тошноты лениво разворачивали «Минск» у входа в гавань и, наконец, кормой вперед потащили к причалу. Не доверяя маломощным буксирам, Волков держал наготове прогретые машины и подготовительные якоря на случай, если вдруг придется внезапно останавливать движение лидера или давать ход. Все окружающие гавань холмы были усеяны жителями города, из здания штаба эстонские офицеры наблюдали за входом «Минска» в бинокли.

Место, куда подтащили «Минск» эстонские буксиры, стало штатным местом базирования лидера. Из Минной гавани уходил он в ледяное горнило финской войны, из Минной же гавани ходил в Ригу и Либаву, эскортируя «Киров» или имея на борту знаменитого товарища Вышинского (автора и изобретателя «королевы доказательств» — собственного признания), который проводил в аннексированной Прибалтике как раз то, о чем предупреждали эстонские газеты в тот день, когда «Минск», подняв эстонский флаг, салютовал городу и крепости — о предстоящих массовых арестах и высылках. Это было в июне 1940 года. А в сентябре «Минск», после тяжелого шторма, вернулся в Минную гавань с расползшимися швами корпуса и долго стоял в ремонте. Именно в Минной гавани его застал день 22 июня 1941 года, когда сигнальщик Прошин принял приказ командующего эскадрой, контр-адмирала Вдовиченко, принять мины и находиться в полной готовности к выходу в море.

Сам Вдовиченко получил полчаса назад приказ адмирала Трибуца: «Отрядам минных заградителей и эсминцев под прикрытием авиации сегодня в ночь выйти на минную постановку. С запада вас будет прикрывать Отряд легких сил в составе крейсера «Максим Горький» и 1-го дивизиона эсминцев. Вам — находиться на лидере «Минск».

Стоя на мостике рядом с адмиралом Вдовиченко, капитан 2-го ранга Петунин, недавно принявший лидер,

наблюдал, как вслед за грузными заградителями «Марти» и «Урал» на выход из гавани один за другим пошли: лидер «Ленинград», эсминцы «Карл Маркс», «Володарский» и «Артем». В серых сумерках белой ночи силуэты кораблей казались призрачными. Петунин думал, что как ни ругали в училище бездарных царских адмиралов за то, что они с началом первой мировой войны вместо проведения активных действий предпочитали укрываться за центральной минно-артиллерийской позицией, а вот началась война, и мы делаем то же самое: идем ставить мины между Ханко и Осмуссааром, только делаем это явно с опозданием, хотя нет у немцев сейчас их знаменитого Хохзеефлотте, которого так боялись в 1914 году.

Для «Минска» июнь-июль 1941 года прошел в том же багровом кошмаре, как и для других кораблей КБФ: постановка мин, эскортирование, заячьи петли под бомбами, постоянный страх нападения подводных лодок и торпедных катеров, минная боязнь, доходящая до маниакальных депрессий. Слегка отдышались в Таллинне, куда прибыли в начале августа, но только слегка.

Война разворачивалась во всей своей кровожадно-первобытной жестокости и нелепости. 25 августа патруль с «Минска» арестовал эстонскую семью: муж, жена и взрослая дочь. Подозревались в шпионаже, а, может, и были шпионами: не было времени разбираться. Отвели в глухой двор и расстреляли. А совсем недавно, неделю назад, 19 августа, эстонские партизаны поймали врасплох патруль с «Минска», проводивший прочесывание у хутора Харку. Трех убили, а торпедного электрика Евгения Никонова захватили раненым в плен. Неизвестно, что они хотели выяснить у Никонова. Да и что может знать рядовой матрос? То, что Никонов — с лидера «Минск», было ясно по его бескозырке. Что противника могло интересовать о «Минске» — он и так о нем все знал, уж наверняка больше, чем Никонов. В общем неизвестно, что они хотели от Никонова, но, привязав раненого матроса к дереву, подвергли его жесточайшим пыткам: кололи ножами, жгли, выкололи глаза и, наконец, сожгли заживо. Обугленное тело Никонова нашли через три дня.

Петунин вздохнул, стиснув зубы. Жестокая война, таких жестоких вроде еще и не было. Война на истребление...

Его мысли прервал вошедший в каюту рассыльный, доложивший, что прием топлива закончен. Одев фуражку, Петунин поднялся на мостик. Светало. В рассветной дымке бесформенно темнели силуэты кораблей. Тишина показалась оглушающей, а тускнеющее зарево далеких пожаров — видением кошмарного сна...

25 августа 1941, 03:42

С первыми же лучами рассвета лейтенант Белов — командир тральщика № 47 — приказал пробить боевую тревогу. Быстро светало. Горизонт прояснялся, громада «Жданова» начинала принимать четкие очертания. Лейтенант Мудрак, руководя постановкой тралов, видел, как на мачте тральщика поднялся сигнал «буки»: «Сняться с якоря. Приготовиться к походу». Терять времени было нельзя, в любой момент могла появиться авиация противника. Через несколько минут тральщики, выставив тралы, дали ход, направляясь к Гогланду. Белов быстро перевел ручки машинного телеграфа со «среднего» на «полный вперед», пролаяв в мегафон на ют: «Усилить наблюдение за тралами, личному составу быть в готовности номер один!»

Мудрак, поднявшись на мостик, с удовольствием отметил, как, несмотря на свою молодость, четко распоряжается Белов. Не отрывая бинокль от глаз, он осматривал горизонт и следовавший за тральщиками «Жданов», который снова стал что-то семафорить, видимо, опять прося разрешение следовать в Кронштадт самостоятельно. «Сигнальщик, — резко приказал Белов, — передайте семафор: командиру «Жданова» — Следовать строго за тралами, дистанция полкабельтова, не выходить из протраленной полосы».

Пока сигнальщик передавал очередной приказ неугомонному Елизарову, Белов снова впился глазами в бинокль. «Прямо за кормой три судна на курсе сближения!» — прокричал сигнальщик, но Белов уже видел их сам. Екнуло сердце, что это могли быть торпедные катера противника, но сразу отлегло — слишком медленно нагоняют. А вскоре все стало ясно: вот они, про-

павшие остатки конвоя — «Аэгна», «Гидрограф» и «Октябрь». Живы, слава Богу! Уже невооруженным глазом были видны три небольших судна с переполненными людьми палубами. «Встать в кильватере «Жданова», — просигналили с тральщика. — Следовать за мной».

Приближался Гогланд, где конвой ожидал приятный сюрприз. У бухты Сюркуля увидели разбежавшиеся накануне тральщики, стоявшие там, как ни в чем не бывало. На головном вился брейд-вымпел командира конвоя. «Вот так», — сказал Белов, ни к кому не обращаясь. Но командир конвоя обратился именно к Белову, требуя от него сведений о судьбе «Даугавы» и эстонских каботажников. «Следовал в охранении «Жданова», — приказал передать Белов. — Сведений о других судах не имею». С флагмана засемафорили: «Идти на Гогланд. Днем отстаиваться у берега под прикрытием артиллерийских батарей. В Кронштадт двигаться только ночью за тралами».

Увидев новое начальство, снова не выдержал Елизаров. Схватив мегафон, он прокричал уже с какими-то истерическими нотками в голосе: «Разрешите следовать в Кронштадт самостоятельно».

«Запрещаю!» — отрезал командир конвоя. Корабли медленно входили в бухту

Сюркуля. На востоке, из-за Кронштадта, поднимался ободок восходящего солнца.

25 августа 1941, 03:45

Старший лейтенант Матиясевич, стоя на правом фланге выстроившегося на палубе экипажа подводной лодки «Лембит», ошвартовавшейся в Минной гавани, наблюдал, как с подводной лодки С-5 по переброшенным с лодки на лодку сходням на «Лембит» направляется целая процессия большого начальства во главе с командиром бригады подводных лодок, капитаном 1-го ранга Египко. Прижавшись к стенке гавани и к борту плавмастерской «Серп и Молот», в ужасной тесноте стояло 10 подводных лодок: С-5, четыре «щуки»: Щ-301, 307, 308 и 322 и четыре «малютки»: М-79, 95, 98 и 102. Несколько отдельно от них, между бортом плавмастерской и молотом, стоял родной брат «Лембита» — «Калев».

Капитан 1-го ранга Египко, сопровождаемый комиссаром бригады Обушенковым и командиром дивизиона, капитаном 3-го ранга Аверочкиным, перешел по сходням на палубу «Лембита», хмуро взглянув на рубку лодки, где вместо обычной для всех советских подводных лодок красной звезды, красовался со времен эстонской независимости серебряный трезубец с названием «Лембит» на латинице и девизом, написанным по-латыни, означающим в переводе: «Будь достоин своего имени». Давно все это надо было срубить, но командование, по каким-то соображениям высшей политики, никак не давало на это разрешения. С тем же хмурым выражением лица капитан 1-го ранга Египко выслушал рапорт капитан-лейтенанта Полещука. Матиясевич впервые видел Египко, имя которого, известное каждому советскому подводнику, уже стало обрастать легендами.

Выпускник первого набора УОППа (Учебного отряда подводного плавания РККА), Египко еще в мае 1932 года получил в числе семидесяти двух других офицеров квалификацию командира подводной лодки и был назначен командиром подводной лодки Щ-117 «Макрель», секции которой строились на Балтийском заводе в Ленинграде и по железной дороге отправлялись во Владивосток на Дальзавод, где лодку окончательно собрали и ввели в строй 28 января 1935 года. В марте 1935 года Египко вывел лодку в автономное плавание, однако имя его стало известно всей стране несколько позже.

В начале 1936 года, когда окончательно начала формироваться океанская стратегия с главной задачей сокрушения Британской Империи, встал вопрос о резком увеличении автономности находящихся в строю подводных лодок, чтобы они, как это чуть не удалось их немецким коллегам и учителям в годы минувшей войны, поставили, наконец, на колени гордый Альбион и обеспечили предпосылки для пролетарской революции в мировом масштабе. В силу этой доктрины нарком обороны Ворошилов поставил перед подводниками задачу — отработать плавание лодок на полную их автономность. 11 января 1936 года Египко вывел свою «Макрель» в море и вернулся на базу лишь 20 февраля, пробыв в автономном плавании 40 суток, что примерно в

2,5 раза превышало проектную автономность «шук» того времени! За это время лодка прошла 3022,3 мили, из них 315,6 мили под водой, пробыв в подводном положении 340 часов 35 минут и установив рекорд пребывания подводной лодки в подводном положении на ходу без регенерации воздуха. За это плавание Египко получил орден Ленина, весь экипаж лодки был награжден орденами, и «Макрель», таким образом, стала первым в истории советского флота кораблем, экипаж которого полностью состоял из орденосцев.

Но настоящую славу Египко принесли его почти невероятные приключения во время гражданской войны в Испании. На подводных лодках республиканского флота, в отличие от других кораблей и соединений, советские офицеры были не военными советниками, а командирами. Командовать им приходилось через переводчиков. Дело было очень трудным, так как большинство офицеров-подводников испанского флота сражались на стороне генерала Франко. Корабли мятежников вели в Бискайском заливе блокадные действия, поддерживая наступление своих войск в Андалузии. Их войска рвались к порту Хихон, где базировались республиканские корабли. Подводным лодкам приходилось постоянно прорывать блокаду, выходя в море. Египко командовал подводной лодкой «С-6». Во время одного из таких прорывов лодку преследовали семь больших кораблей и несколько торпедных катеров мятежников. Семь раз торпедные катера забрасывали лодку глубинными бомбами, и каждый раз Египко выводил ее из-под удара, несмотря на то, что на лодке вышли из строя горизонтальные рули и другие механизмы и была сильно изношена аккумуляторная батарея.

Авиация мятежников ожесточенно бомбила Хихон. Подводные лодки «С-2» и «С-4» ночью 26 августа покинули базу и укрылись во французских портах, но лодка Египко осталась. Вскоре она прорвалась в Кантабрийское море и несколько раз выходила в торпедную атаку по крейсеру мятежников «Альмиранте Сервера», но из-за плохого качества фиумских торпед успеха добиться не смогла. При очередном прорыве из охваченного пожарами Хихона Египко удалось потопить канонерскую лодку мятежников, обстреливавшую республиканские войска.

18 октября 1937 года во время воздушного налета на Хихон две бомбы разорвались у самого борта подводной лодки. В легком и прочном корпусе образовались пробоины, была разрушена аккумуляторная батарея, дизеля дали трещины, оказались деформированными водонепроницаемые переборки. Лодка потеряла боеспособность, и морской министр принял решение ее затопить. 19 октября 1937 года в 23 часа 30 минут Египко вывел на буксире лодку «С-6» из Хихона и взорвал ее в трех милях от порта. После этого Египко было приказано сформировать новый экипаж подводной лодки «С-2», находившейся в ремонте во французском порту Сен-Назер. В списке личного состава лодки он числился как младший машинный офицер. Официально при сношении с французскими властями выступал машинный офицер Росс. Обычные ремонтные работы практически превратились в сражение за корабль. Многие из присланного из Испании экипажа открыто сочувствовали мятежникам и не скрывали своей ненависти к коммунистам.

Как и по всей Испании, на лодке начала активно действовать «пятая колонна». На лодке была выведена из строя новая аккумуляторная батарея и взорвана трюмная помпа, что на два месяца задержало выход лодки из ремонта. При проведении послеремонтных испытаний французские власти запретили лодке производить погружение в порту и вообще во французских территориальных водах, предупредив, что после выхода в море «С-2» уже не сможет зайти ни в один французский порт, иначе она будет интернирована. И тогда Египко с чисто русской удалью ночью на свой риск испытал лодку в бассейне Сен-Назера, а затем, 17 июня 1938 года, вывел лодку в море без необходимых механизмов и при отсутствии десяти очень нужных специалистов, начав рискованное плавание в Испанию. Ему предстояло миновать страшный своими штормами Бискайский залив, обогнуть Пиренейский полуостров, прорваться через узкий Гибралтарский пролив и выйти в Средиземное море.

В самом начале перехода дали о себе знать низкое качество ремонтных работ и активность «пятой колонны». Вышли из строя перископы, отказал гирокомпас, выявилось немало и других дефектов. И как будто все-

го этого было мало, радисты лодки перехватили радиопередачу из Саломанки, где размещался главный штаб генерала Франко. Мятежники сообщили о переходе лодки «С-2» из Сен-Назера в один из портов, контролируемых коммунистами, подчеркнув, что лодка ожидается у Гибралтара 21-22 июня. На поиск лодки были брошены морские силы мятежников, а также итальянские и немецкие катера.

В ночь на 24 июня «С-2» подошла к Гибралтару. Стояла хорошая, ясная погода, и лодка была быстро обнаружена. Сопровождаемый взрывами глубинных бомб, Египко увел лодку на глубину. «С-2» несколько раз меняла курс, ориентируясь на показания эхолота. Для экономии электроэнергии многие механизмы были переведены на ручное управление. В 22 часа лодка всплыла в Средиземном море в 25 милях восточнее Гибралтара. Около полуночи на траверзе захваченной фалангистами Малаги лодка уклонилась от двух итальянских крейсеров и благополучно прибыла на главную базу республиканского флота в Картахену.

Много еще трудилась лодка «С-2»: вывозила ценности, эвакуировала людей, спасла от верного плена генерала Малиновского, патрулировала у побережья, создавая нервную обстановку на кораблях блокадного флота. Фалангисты много раз широко оповещали о потоплении лодки «С-2» и даже о ее захвате.

После возвращения в СССР капитан 2-го ранга Египко Указом Президиума Верховного Совета от 22 февраля 1939 года получил звание Героя Советского Союза, став вторым подводником, удостоенным этой высшей в СССР награды за воинскую доблесть.

В годы финской войны, будучи уже командиром бригады подводных лодок, Египко не сумел подтвердить своей былой славы. Видимо, будучи прекрасным командиром подводной лодки, он достиг уровня своей некомпетентности, став командиром бригады. И хотя лодки, полностью господствуя на театре военных действий, так и не смогли прервать подвоз морем снаряжения в финские порты; не смогли, взаимодействуя с надводными кораблями, уничтожить всего две имевшиеся у финнов субмарины и даже умудрились потерять одну лодку, подорвавшуюся на mine, по нашим данным, или потопленную лодкой противника, по финским данным, все-

таки следует помнить, в каких условиях шла война. Корпуса обмерзали, лодки получали дополнительную положительную плавучесть, мешавшую срочному погружению. Под тяжестью льда рвались антенны, ломались леерные стойки. Обмерзала оптика перископов. Выходило из строя оружие: пушки превращались в ледяные глыбы, у торпед замерзала вода в вырезах вертушек инерционных ударников, застывала смазка. Продираясь через льды, ломая обшивку легких корпусов, все лодки готовили себя к длительным послевоенным капремонтам. И если командиры лодок могли как-то проявить себя в таких условиях, то командиру бригады это было сделать очень трудно.

Но кончилась, наконец, изматывающая душу война с финнами, и можно было уже снова думать о новых планах, тем более что значительно улучшилась схема базирования подводных лодок КБФ — из Либавы можно было, не проходя никаких узостей, попадать прямо в открытое море.

Египко, став уже капитаном 1-го ранга, командовал 1-ой бригадой подводных лодок, которая частично перебазировалась на Либаву, а частично — на Усть-Двинск. Египко учил своих подчиненных тактике действий на просторах Атлантики со смутными намеками на возможность базирования в немецких портах Северного моря. А почему бы и нет? Приводил же «Дойчлянд» свои призы в Мурманск, а как «Комет» оказался в Тихом океане, пройдя северным морским путем? Мы вправе были ожидать ответных услуг от своих друзей, а может быть, и союзников в грядущей, последней схватке с империализмом.

Но для всех, в том числе и для Египко, война началась и пошла совсем не так, как планировалось. А главное, она шла в немыслимом для нас темпе, учитывая вязкое болото нашей тридцатисуточной мобилизации. Сухопутная армия, продемонстрировав полное неумение воевать, бежала быстрее, чем наступал противник. Капитан 1-го ранга Египко, потеряв в первые же недели войны более половины своей бригады, смог, как говорится, перевести дух, только собрав остатки двух бригад в Таллинне и только там сообразив, что попал в мышеловку похуже, чем в Хихоне. Перспективы были мрачные: либо взорвать вторую половину

бригады в Таллинне, как взорвали первую половину в Либаве, либо прорываться в конвоях вместе с остальными кораблями и судами флота в надводном положении под ударами авиации, ежесекундно рискуя подорваться на минах.

На совещаниях в штабе флота Египко предлагал в случае прорыва флота из Таллинна в Кронштадт послать его лодки в завесу к северному, финскому берегу залива, чтобы предотвратить удар немецких и финских надводных кораблей по прорывающимся конвоям. Трибуц слушал его с каменным лицом, не говоря ни слова. Когда Египко набрался смелости и в упор спросил адмирала, будет ли поставлена какая-либо задача его лодкам или их собираются сгноить в Минной гавани, Трибуц стрельнул в него взглядом и сухо ответил: «Если задача будет поставлена, вы узнаете о ней первым». Пока что от своих друзей из аппарата адмирала Пантелеева Египко, хотя и не первым, но узнал, что все его лодки распределены по конвоям, что привело его в уныние.

Именно этим и объяснялось хмурое выражение лица комбрига, с которым он выслушивал рапорт командира «Лембита» Полещука, хотя самому Полещуку и всем стоявшим в строю во главе с Матиясевицем, естественно, казалось, что комбриг крайне не доволен действиями «Лембита», и сейчас начнется разнос. Но капитан 1-го ранга ничего не имел против «Лембита»: слава Богу, что вернулись живые. Поздравив экипаж с возвращением на базу и пройдя в сопровождении Полещука и Матиясевича по отсекам лодки, Египко поднялся на палубу, приказав Полещуку пришвартоваться к «Калеву», закончить ремонт, принять полный груз мин и торпед и ждать дальнейших распоряжений. Ничего большего он сказать не мог.

25 августа 1941, 03:55

Командир подводной лодки «Калев», капитан-лейтенант Нырков, видя, как к нему приближается «Лембит», помахал рукой своему старому другу — капитан-лейтенанту Полещуку. Как уже упоминалось, «Калев», как и «Лембит», был построен в Англии для эстонского флота и был включен в состав КБФ после аннексии

Эстонии в 1940 году. Нырков принял лодку 3 октября 1940 года еще будучи старшим лейтенантом. Вообще, его карьера шла медленно, видимо, сказывалось далеко не-пролетарское происхождение.

Родившись в 1911 году в Петербурге в семье чиновника Министерства иностранных дел, согласившегося, в отличие от большинства своих коллег, работать с большевиками, Нырков большую часть своего детства провел в Иране, где в советском торгпредстве работал его отец. Благодаря этому, будущему командиру «Калева» удалось получить, образно говоря, старорежимное воспитание. В семье Ныркова свободно говорили по-французски, немецки и персидски. Мальчика учили античной истории и истории изящных искусств. Продолжая свои аристократические замашки, Нырков, заканчивая среднюю школу уже в Ленинграде, увлекся плаванием на спортивных яхтах, быстро получив диплом командира яхты.

В 1930 году он поступил в Ленинградский кораблестроительный институт, а в 1931 году на яхте «Металлист» участвовал в спортивных походах из Ленинграда в порты Эстонии, Финляндии и Швеции. Со второго курса института Ныркова призвали на флот и направили на курсы ускоренной подготовки командного состава. Окончив курсы в 1935 году, Нырков получил назначение на Балтику, став штурманом, а затем исполняющим обязанности командира подводной лодки «М-71». В феврале 1938 года, получив звание старшего лейтенанта, он был назначен командиром подводной лодки «М-91». Непонятно, как Нырков, бывший сыном царского дипломата и свободно говорящий на нескольких иностранных языках, не говоря уже об умении играть на фортепьяно, проскочил 1937-й год. Более того, в апреле 1938 года его приняли в партию, а его лодка была награждена грамотой военного совета КБФ. Пути Господни неисповедимы...

Когда же встал вопрос о назначении командира «Калева», то лучшей кандидатурой посчитали именно Ныркова — документация лодки была на английском языке, а старшины групп — старые эстонские кондукторы — по-русски не говорящие, но понимающие, как и все моряки старой школы, по-английски. Да и сам

нарком ВМФ адмирал Кузнецов постоянно отмечал, пока, правда, в узком кругу, что морской офицер без знания иностранных языков — это не офицер.

К сороковому году таких офицеров на флоте можно было по пальцам пересчитать. Сам нарком втихаря учил английский, хотя завершить более-менее свое образование ему удалось гораздо позже, находясь в отставке и глубокой опале.

После назначения командиром «Калева», Нырков вскоре получил звание капитан-лейтенанта. За этот же период Египко, например, прошел путь до капитана 1-го ранга, но дело даже не в этом. Дело в том, что в штабе и разведотделе КБФ к началу войны не было практически никого, кто бы умел слету читать немецкие военно-морские документы или слушать эфир. Были девочки-переводчицы, но как они знают и понимают военно-морскую специфику — общеизвестно. Такой офицер, как Нырков, был прямо кладом для разведотдела, учитывая еще и накопленный им опыт в качестве командира лодки. Но его предпочли «использовать» на подводных лодках.

В то время командиры подводных лодок, базировавшихся в Таллинне, жили на частных квартирах. И нет ничего удивительного, что Нырков, будучи холостяком, влюбился в дочь своей квартирной хозяйки — Шурочку Осипову. Дочь погибшего в море рыбака, изящная и общительная двадцатичетырехлетняя блондинка, взявшаяся обучить Ныркова эстонскому языку, казалось, самой судьбой была создана для столь тонкого и интеллигентного человека, каким был командир «Калева».

Зима 1940-41 годов была временем любви. В начале лета 1941 года «Калев» получил приказ перебазироваться в Либаву. Перед уходом лодки старомодный Нырков сделал Шурочке официальное предложение. Он рассчитывал в июле пойти в отпуск, и молодые люди наметили день свадьбы. Вскоре Нырков отправил Шурочке открытку, написанную в спешке во время короткой стоянки «Калева» в Риге: «Добрый день, Шурочка! Сегодня пришли в Ригу и сегодня же уходим отсюда. Поплавал хорошо, все идет прекрасно. Погода стоит чудная, я изрядно загорел, и ты, наверно, меня сразу и не узнаешь. Скучаю без тебя, из Либавы напишу подробнее. Целую, Борис».

Нырков успел из Либавы написать своей невесте только одно письмо. День 22 июня 1941 перечеркнул

жизненные планы многих миллионов людей, в том числе и командира «Калева». 23 июня «Калев» и «Лембит», выполняя приказ командира Либавской военно-морской базы, перешли в Виндаву, а в ночь с 24 на 25 июня, вместе с подводной лодкой «С-7» в сопровождении тральщика «Фугас» и двух катеров МО, спешно перешли в Усть-Двинск. Стремительное наступление противника и фактическое крушение фронта заставляло и корабли флота, оставляя одну базу за другой, откатываться на восток.

4 июля «Калев» прибыл в Кронштадт, где встал на ремонт. Все попытки Ныркова связаться с Таллинном успеха не имели. Некоторые его друзья и знакомые, служившие на уходивших в Таллинн кораблях, обещали постараться найти Шурочку, но проходили дни, и никаких сведений о своей невесте Нырков не получал. Тем временем, ремонт, проходивший в лихорадочной спешке, подходил к концу, и 7 августа Нырков получил первое боевое задание.

Ему поручалось выставить минное заграждение на фарватерах, ведущих к Виндаве и Либаве, а затем вести патрулирование между параллелями от маяков Овези и Ужава, уничтожая суда противника на правах неограниченной подводной войны на море.

На рассвете 8 августа «Калев» вышел из Таллинна, сопровождаемый пятью тральщиками и двумя морскими охотниками. С рубки своей подводной лодки Нырков, подавив вздох, глядел на устремившиеся к небу готические шпили старого города. От церкви Святого Николая всего минут двадцать ходьбы до дома, где живет Шурочка. За трое суток стоянки в порту Нырков еще надеялся вырваться в город, и, может, это ему и удалось бы, будь Шурочка его женой. Найти семью — это одно, искать знакомую девушку — совсем другое. «Своих девиц будете разыскивать после войны...» Все еще считали, что война закончится месяца через два. Хорошо еще, что не было времени предаваться горестным мыслям.

Одна за другой в тралах, выводивших «Калев» тральщиков, рванули три мины. Еще две мины, подсеченные тралами, всплыли и были расстреляны пулеметами морских охотников. Тральщики вывели «Калев» до меридиана на острове Даго. Далее Нырков пошел самостоя-

тельно. До назначенного района лодка добралась без особых происшествий. Несколько дней Нырков выявлял фарватеры, по которым двигались суда противника. Тогда еще многие рассчитывали увидеть на Балтике крупные корабли немцев. Но никаких крупных кораблей и даже судов не было и в помине. Небольшие каботажники, рыбацьи шаланды, тральщики и катера проплывали через окуляр перископа. Они выходили из Виндавы и Либавы по фарватерам и, дойдя до глубин 15-18 метров, поворачивали и шли вдоль берега в северном и южном направлениях. Была еще надежда, что тральщики проверяли пути для крупных судов.

Около полуночи 12 августа «Калев», следуя семнадцатиметровыми глубинами, выставил минное заграждение из десяти мин с углублением от поверхности воды три метра. Шли дни томительного ожидания, но транспортов противника не было видно. Наконец, 18 августа появились два транспорта. Они шли с юга под охраной двух тральщиков и торпедного катера. Нырков решил немедленно атаковать. Когда лодка легла на боевой курс, расстояние до головного транспорта, выбранного командиром для атаки, было 24 кабельтова. При очередном подъеме перископа Нырков увидел торпедный катер, мчавшийся прямо на перископ. Пришлось опускать перископ и срочно уходить на глубину в томительном ожидании взрывов глубинных бомб. Но взрывов не последовало. Видимо, катер выполнял обычный противолодочный маневр, но «Калева» не обнаружил. Нырков нервничал. Его люди в реальной боевой обстановке действовали крайне неумело. Сказывался психологический стресс настоящего боя при полном отсутствии боевого опыта.

Катер, промчавшись над «Калевым», стал удаляться. Маневрируя на глубинах 16-18 метров, Нырков, нервничая, совершил несколько ошибок, усугубленных нечетким выполнением его команд. Поэтому, когда лодка снова подвсплыла и подняла перископ, транспорты уже подходили к повороту на Виндавский створ. Нырков увеличил ход до полного и лег на курс 31 градус, считая, что можно будет произвести залп, когда транспорты повернут в гавань. Однако ничего не получилось. Транспорты повернули прежде, чем лодка легла на новый курс. Опять сказались нечеткость при выполнении команд и ошибки в маневрировании.

21 августа лодка вернулась в Таллинн и ошвартовалась у плавмастерской «Серп и Молот». Город уже считался на осадном положении, бои шли в районе парка Кардиорг, искать Шурочку было бы безумием, да и никто бы не позволил командиру лодки отлучаться в город даже под охраной взвода матросов. Лихорадочно производя ремонт неизбежных после похода повреждений, спешно принимали на борт мины, каждую минуту ожидая выхода в море или гибели от попадания немецкого снаряда или авиабомбы. Только замирало сердце, глядя на густые клубы дыма, поднимавшегося над городом. Где-то там, в самом центре этого огненного ада, находилась его невеста, которой не хватило всего недели мирного времени, чтобы стать его, Ныркова, женой...

Ныров не расслышал, что ему кричал Полещук с подходящего «Лембита». С пронзительным воем несколько снарядов пронесли над гаванью туда, где медленно маневрировал крейсер «Киров». Вдоль низкого и длинного корпуса крейсера белыми саванами вспыхнули первые пристрелочные всплески. И в ту же секунду загрохотал главный калибр крейсера. К пронзительному свисту снарядов и грому заговоривших тяжелых орудий прибавился выматывающий душу вой сирен воздушной тревоги. Им вторили пронзительные гудки десятков кораблей, сгрудившихся в гавани, которые, как огромные звери, криками предупреждали друг друга о надвигающейся опасности. Новый боевой день начался...

25 августа 1941, 04:00

Капитан 3-го ранга Осадчий — командир эскадренного миноносца «Славный» — наблюдал с мостика, как под вой ревунов, свист боцманских дудок и трель электрических звонков экипаж разбегается по боевым постам. Эскадренный миноносец «Славный» принадлежал к новейшей серии эсминцев типа «7У».

Корабль был заложен 31 августа 1936 года на Балтийском заводе в Ленинграде и более трех лет простоял на стапеле, пока его, под руководством главного строителя Самойлихина, переделывали из «семерки» в «семерку У». Только 19 ноября 1939 года эсминец был спущен на воду и начал достроечные работы.

Тогда же с других кораблей на него были списаны старшины-специалисты, вокруг которых впоследствии сформировался будущий экипаж «Славного». Это были: командир центрального поста, мичман Просвирнин, боцман, главстаршина Колосов, старшина машинной группы, главстаршина Леонтьев, и командир кормового орудия, главстаршина Дериков.

24 ноября 1940 года в котлах «Славного» впервые подняли пары, и корабль вышел на сдаточные испытания, взяв курс на Таллинн. 13 мая 1941 года в Нарвском заливе «Славный», эскортируемый эсминцем «Карл Маркс», провел сдаточные артиллерийские стрельбы, а 31 мая новый эсминец был официально введен в строй военно-морского флота. Капитан 3-го ранга Осадчий хорошо запомнил этот солнечный день — последний день весны 1941 года. Большой Кронштадтский рейд. Флаги расцвечивания. Свежепокрашенные к началу летней кампании корабли. На «Славном», как и на всяком только что введенном в строй корабле, работ еще было невпроворот, но настроение было приподнятое и даже игривое, будто солнечные блики на штилевой глади кронштадтского рейда...

В первый же день войны «Славный» эскортировал в Кронштадт линкор «Октябрьская Революция». Замоdernизированная до неузнаваемости громада старого «Гангута» медленно плыла на восток, а вовсе не на запад, как уверяли предвоенные плакаты. Но на эсминце еще царило воинственное настроение. В разгоряченных головах моряков «Славного» еще звучали предвоенные марши лихих торпедных атак и артиллерийских боев, прорывов в Северное море и обстрелов побережья противника. Миражи таяли быстро. Из Кронштадта вышли, конвоируя минные заградители «Марти» и «Урал». Тревожные белые ночи, пятиузловый ход, противолодочные зигзаги, томительно долгая постановка мин, и никого ни на горизонте, ни в небе. 16 июля «Славный», вместе со «Статным» и «Суровым», вернулся в Таллинн. Сразу же последовал приказ сдать на берег все стрелковое оружие. При проходе вблизи побережья, считавшегося своим, нарвались на пулеметную очередь из кустов. Погиб старшина 1-ой статьи Кураев — первая военная жертва из экипажа эсминца. А дальше было, как у всех: смертельный танец под бомбами, редеющий,

уходящий в мясорубку сухопутных боев экипаж, артиллерийская поддержка откатывавшихся к побережью войск...

Взволнованные голоса корректировщиков «Славного» дали координаты целей: противник после короткой артподготовки начал новое наступление на город.

25 августа 1941, 04:05

Курсант Высшего военно-морского училища имени Фрунзе старшина 2-ой статьи Климчук, назначенный за неимением офицеров командиром взвода, занимал вместе со своими однокурсниками оборону возле поселка Ассаку у самого Тартуского шоссе. Взвод входил в так называемый батальон особого назначения, сформированный из курсантов училища. Командовал взводом капитан 3-го ранга Петренко. Где тогда находился Петренко и штаб наспех сформированного батальона, никто не знал. Курсантскими взводами и полуротами, а то и отделениями, пытались заткнуть все дырки трещавшего и разваливавшегося сухопутного фронта. Вооруженные курсанты были с винтовками, с двумя обоймами на брата, имели несколько гранат и один единственный ручной пулемет. (Выяснить точно систему пулемета не удалось. Как-то уж по традиции все считают, что это был ручной пулемет системы Дегтярева (РПД), однако некоторые данные говорят о том, что курсанты имели пулемет «Льюиса» времен первой мировой войны).

Распорядок противника уже был достаточно изучен. Без крайней необходимости немцы в ночные бои не лезли. Не то, чтобы они не умели воевать ночью, умели и притом хорошо, но не любили. В боевой обстановке подъем у них был обычно в 3 часа 30 минут утра, затем — завтрак, подготовка, осмотр и — в бой где-то в самом начале пятого.

Так и случилось в день 25 августа. В самом начале пятого даже без артподготовки немцы пошли в атаку. Климчук прильнул к пулемету. Резкий треск коротких очередей и разноразличной винтовочных выстрелов нарушили рассветную тишину. Огнем курсантов никто не управлял. Каждый стрелял, куда хотел. Никто не был толком обучен сухопутному бою, а юношеский энтузиазм

и отвага не могли компенсировать отсутствие должной боевой подготовки.

Немцы залегли, прячась за неровностями местности и пустили в ход ротные минометы — наиболее страшное оружие 1941-го года. Мины обрушились на наспех отрытые окопчики курсантов. Почти одновременно со взрывом первой мины Климчук был смертельно ранен осколками. Санинструктора среди курсантов не было. Товарищи пытались его перевязать с помощью индивидуальных пакетов, но старшина через несколько минут умер. Несколько человек было убито наповал, стонали или немели в шоке раненые, а мины продолжали с глухим шумом рваться среди курсантов. Каждое немецкое отделение пехоты имело три штатных миномета, и именно эти минометы в 1941 году проложили им путь до Москвы и Ленинграда.

Но удивительно, пулемет остался цел. Курсант Семочкин прильнул к нему, вглядываясь сквозь оседавшую пыль минных разрывов, через которую угадывались перебегающие фигуры-тени немецких пехотинцев. Треск очереди пулемета и снова шквал мин. Семочкин был убит наповал. Его сменил уже дважды раненый курсант Доценко.

Кто-то крикнул: «Танки! Обходят!» Слева от позиции курсантов, по ложбине, в тучах пыли угадывались приземистые тени нескольких танков. За ними перебежали пехотинцы. Вся надежда теперь была на то, что в тылу танки встретит огонь корабельной артиллерии. По соседству, курсанты точно не знали, где именно, сидели корректировщики с какого-то эсминца.

Все произошло так быстро, что вначале никто не обратил внимания на то, что лежащий за пулеметом курсант Доценко тоже уже убит. Две автоматные пули попали ему в голову. За пулемет лег курсант Буркин и стал бить длинными очередями в неясные, маячащие впереди тени. Что-то ударило его сперва в плечо, потом в голову. Ему казалось, что он продолжает бить из пулемета, но уже не в тени, а в какие-то красные круги, чередой идущие перед его глазами. Он ясно слышал звук пулеметных очередей, столь резкий и характерный.

Но стрелял из пулемета уже не он, а курсант Шульга. Сам Буркин тяжелораненым лежал в полузабытьи рядом. Немцы снова залегли, и снова 80-миллиметро-

вые мины обрушились на позиции курсантов. Мины лопались со смачным шумом, отдаленно напоминая звук пробки от шампанского. Зловеще шелестели осколки. Шульга лежал, уткнувшись головой в песок, напрягшись всем телом, ожидая своей участи. На него сыпались комья земли, камни, какие-то щепки, но когда обстрел прекратился, он понял, что остался невредим. Рядом стонал пришедший в себя Буркин.

Шульга огляделся. Вокруг в разных неестественных и страшных позах лежали убитые товарищи. Из всего взвода уцелели Буркин и он. Где-то позади ухали взрывы, поднимались клубы черного и багрового дыма. Горел поселок Ассаку, а по Тартускому шоссе двигалась колонна мотоциклистов. Шульга инстинктивно прильнул к пулемету. Но пулемет молчал. Кончились патроны. Было 4 часа 17 минут. Все продолжалось около двенадцати минут. Нужно было уходить. Только поднявшись, Шульга обнаружил, что ранен в ногу. Сжав зубы, неся на себе две винтовки и пулемет с пустым диском, прихрамывая на раненую ногу и поддерживая тяжелораненого Буркина, Шульга побрел в тыл, надеясь где-нибудь встретить своих.

Почему-то вспомнилось, как еще вчера, еще вчера в новеньком обмундировании первого срока, синие отглаженными воротничками, они, полные отваги, были выстроены на пирсе, и сам адмирал Трибуц говорил, что только они — надежда и смена флота — способны остановить врага, рвущегося к главной базе КБФ. Понадобилось всего десять минут боя, чтобы от них — надежды и смены флота — не осталось практически ничего, кроме груды убитых, обрывков тельняшек, форменок, залитых кровью бескозырок и брошенных винтовок, ржавые останки которых еще много лет будут единственными свидетелями этих событий...

25 августа 1941, 04:15

Главнокомандующий Северо-западным направлением, маршал Ворошилов, довольно невнимательно слушал, что ему объяснял адмирал Исаков, водя указкой по южному побережью Финского залива на огромной карте, висевшей на стене одной из зал Гатчинского дворца, где маршал развернул свою передовую ставку.

Адмирал доказывал необходимость эвакуации Таллинна. По его мнению, разрешение на эвакуацию должен был дать он, маршал Ворошилов.

Как плохо ни разбирался в военном деле бывший нарком РККА, а ныне — главком одного из главных стратегических направлений, он все-таки тоже понимал, что еще немного промедления, и весь гарнизон Таллинна, что еще терпимо, но и лучшая часть флота, чего ему никогда не простят, погибнут или будут захвачены противником. Но как он может дать разрешение на эвакуацию, если совершенно ясно, что идет какая-то интрига, в которую втянуты и Генштаб, и наркомат ВМФ, и сам Сталин. Откуда он знает, не его ли, Ворошилова, голова является конечной целью маккиавеливского замысла Сталина. Почему, когда об эвакуации открыто попросил адмирал Кузнецов, Сталин вместо того, чтобы взять и разрешить эвакуацию, заявил, что разрешение должен дать он, Ворошилов. Слишком хорошо Ворошилов знал Сталина, чтобы понимать, что все это неспроста. Нет уж, дураков нет. Пусть Сталин сам дает приказ об эвакуации Таллинна. Но с другой стороны, если в Таллинне погибнет флот, опять же на кону его голова. А может быть, и не его? Может быть, Сталин все это придумал, чтобы, наконец, расстрелять Жданова и кое-кого из умников Ленинградской партийной организации. Вот так — дашь разрешение и сорвешь план вождя.

Особенно много думать Ворошилов не любил. Бывший луганский люмпен, малограмотный, случайно попавший в отраженные лучи славы стратегического таланта бывшего царского подполковника Клюева и казачьей лихости вахмистра Буденного, вознесенный смутными временами гражданской войны на немыслимую для себя высоту члена военного совета 1-ой конной, он, возможно, ушел бы в тень или на тот свет, если бы именно на него не обратил своего внимания Сталин, когда сразу же после смерти Ленина столкнулся со страшной военной оппозицией.

Дело в том, что Ленин в последние годы жизни, видя, какой ужасный и неработоспособный, но пожирающий все живое аппарат породила созданная им структура партийного руководства страной, мечтал о

чем-то более динамичном и менее вороватом. В итоге этих мечтаний Владимир Ильич задумал назначить себе в преемники никого другого, как Фрунзе, занимавшего пост главкома вооруженных сил. Другими словами, мысли великого вождя склонялись к военной диктатуре, а потому, после смерти Ленина, пришлось срочно убирать и Фрунзе, от греха подальше. Заодно была проведена быстрая и эффективная чистка РККА и реформа всей ее структуры, в результате чего наркомом обороны нежданно-негаданно стал почти никому до этого неизвестный Ворошилов.

Надо отдать должное товарищу Сталину: ничтожество он угадывал с первого взгляда и быстро выдвигал их на крупнейшие государственные должности. Именно Сталин придумал, разработал и гениально применил на практике теорию так называемого обратного естественного отбора: умные люди не нужны — нужны люди послушные. Не просто послушные, но беспредельно преданные. А Ворошилов устраивал его еще и тем, что тот, не имея никаких военных знаний, никогда не бывши военным, но занимая высший военный пост в стране, будет сидеть тихо и слушать, что ему прикажут, а заодно строго присматривать за всеми этими умниками из недорезанных военспецов и крикунами из старой гвардии Фрунзе. И лучшего человека на эту роль трудно себе представить. Сталин боялся армии, боялся почти панически, и Ворошилов делал все от него зависящее, чтобы вверенные ему вооруженные силы страны представляли бы как можно меньшую опасность для самого Сталина.

И руководимая Сталиным служба пропаганды быстро сделала из Ворошилова народного героя. О нем писались поэмы и слагались песни. «По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем», «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и Ворошилов в бой нас поведет!»

А Ворошилов делал все от него зависящее, чтобы понизить боевую готовность армии. Именно он придумал «индивидуальные стрелковые ячейки», заменив ими проверенные опытом войны окопы полного профиля. Но в окопе солдаты, не дай Бог, могут сговориться, а там — либо к противнику перебежать, либо еще и похуже что придумать. И именно через индивидуальные

стрелковые ячейки, как нож через масло, прошли наступательные клинья немецких армий.

Когда же недорезанные умники, вроде маршала Тухачевского, начали доказывать необходимость формирования танковых и механизированных корпусов, товарищ Сталин вовсе лишился покоя, представляя танковые лавины, идущие на Кремль, и несчастных своих чекистов, беспомощно размахивающих маузерами. В итоге формирование танковых соединений было прекращено, и товарищ Ворошилов со свойственным ему революционным задором заявил на XVII съезде партии, что пора, наконец, прекратить эти вредительские разговоры об отмирании лошади в армии и о том, что глупая машина, именуемая танк, может заменить пролетарского красноармейца, вооруженного самой передовой в мире сталинской военной наукой. Речь наркома, как и водится, была встречена овацией. С тем же рвением Ворошилов боролся и с внедрением в армии автотранспорта — он якобы демаскирует передвижение пехоты слышным издали шумом моторов, а ночью — еще и светом фар.

Все это было настолько нелогично и противоречиво государственным интересам, что независимо от того, придумывал ли столь блестящие идеи сам Ворошилов, или ему их подсказывал Сталин, рассматривавший все вопросы внешней и внутренней политики только с точки зрения своей личной безопасности, становилось неизбежным столкновение Сталина и Ворошилова с остальным руководством вооруженными силами страны. И когда это столкновение произошло, Ворошилов превзошел сам себя. Он лично председательствовал на заседаниях военного суда, приговаривал к расстрелу маршалов, генералов и адмиралов; он любовно составлял списки врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов и франко-польско-японских шпионов. Не остановил его сам Сталин, вооруженные силы СССР просто бы перестали существовать. Вся эта деятельность, конечно, не сделала Ворошилова военным человеком, но отточила в нем те задатки врожденного авантюриста, которые позволяют находить выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, интуитивно находя путь, гарантирующий собственную безопасность.

Как-то, в 1937 году, случилось Ворошилову побывать на Балтийском заводе в Ленинграде и выступить на

митинге в одном из цехов. После оваций и здравиц в честь товарища Сталина и президиума ЦК, после очередной, но никогда невыполняемой клятвы — вдвое повысить производительность труда — произошло нечто неожиданное.

Поскольку, по легенде, Ворошилов считался слесарем из Луганска, то рабочие попросили первого маршала оказать их коллективу великую честь — поработать у верстака и показать молодежи слесарное искусство старых времен. Даже не взглянув на смертельно побледневшие лица секретаря парткома и директора завода, Ворошилов, весело улыбаясь, пошел к верстаку, хотя никогда в жизни не был слесарем и весьма смутно представлял себе, что это за профессия. Взяв в руки рашпиль, Ворошилов наклонился над верстаком, но в этот момент хорошо вышколенный адъютант, как бы поскользнувшись, случайно толкнул маршала, и тот рассек себе рашпилем руку. Брызнула кровь. Несколько человек подскочили к на этот раз побледневшему маршалу. Врача и даже аптечки в цеху, естественно, не оказалось. В те времена еще не было принято, чтобы членов правительства в поездках сопровождали реанимационные бригады. Рабочие молчали, онемев от благоговения. Наконец, прибежал врач с ремонтировавшегося на заводе эсминца «Ленин» и наложил маршалу такую повязку, что создавалось впечатление, будто Ворошилову ампутировали руку по локоть. Придя в себя, маршал весело помахал перевязанной рукой. Партком завода, а затем и весь цех завопили «Ура!», и кто-то затянул песню «С нами маршал Ворошилов — первый красный офицер». Все были довольны результатом: Ворошилов — тем, что выкрутился от испытания напильником, рабочие — невиданным зрелищем, а руководство заводом — тем, что маршал сразу же не объявил все это провокацией со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Трескучая пропаганда, беззастенчиво занимающаяся ложью и мифотворчеством, имеет ту особенность, что в повторяемую ежедневно ложь начинают верить даже те, кто ее сам и придумал. Все уверовали в военный и стратегический талант Ворошилова, а равно и в то, что именно он выиграл гражданскую войну, так что после нападения немцев Ворошилов был назначен главкомом Северо-западного направления, наконец, став военным человеком.

Июнь 1941 года на всех направлениях продемонстрировал полную неспособность наших войск решать даже простейшие оперативно-тактические задачи, но нигде разгром не был столь полным и быстрым, как именно на Северо-западном направлении. Вверенные Ворошилову армии бежали с потрясающей быстротой, обнажая правый фланг армий центрального направления, откатывавшихся к Москве. И, мало забот, тут ему еще подвесили этот Таллинн. И так, изо дня в день ждешь, что тебя отзовут в Москву и расстреляют. Два часа назад пришла телеграмма за подписью наркома ВМФ адмирала Кузнецова, что, дескать, товарищ Сталин разрешил провести эвакуацию Таллинна по усмотрению главкома Северо-западным направлением. Товарищ Сталин и сам мог подписать телеграмму, но ведь не подписал! И что там Исаков машет этой телеграммой и что-то там показывает на карте!.. Читать эту карту Ворошилов все равно не умеет. Что там за полуостров, из-за которого весь сыр-бор?

«Как ты назвал это место? Полуостров...» — спросил Ворошилов адмирала.

«Полуостров Вирмси, товарищ маршал», — ответил Исаков.

«Ну и что?» «Немцы прорвались на полуостров, — кривя тонкие аристократические губы, уточнил адмирал. — А это значит, что они вышли вплотную к гаваням Таллинна и могут заблокировать выход в море, как в Порт-Артуре».

Как в Порт-Артуре! Как будто Ворошилов знает, как было в Порт-Артуре и когда. Умник! Книжки пишет. Из бывших. Эсминцем вроде командовал до революции. Как ему голову-то не отвернули за это время. Как в Порт-Артуре! Я тебе дам, как в Порт-Артуре. Приставили тут соглядатая, чтобы флоту в случае чего отмазаться от ответственности. Мы бы, мол, Ленинград спасли, да в Таллинне пришлось затопиться...

«Пусть высадят десант и собьют немцев с полуострова», — медленно произнося слово за словом, сказал Ворошилов.

«Какими силами?» — поинтересовался Исаков. «Наличными силами!» —

отчеканил маршал. «Но...», — начал было Исаков, но Ворошилов прервал его: «Все. Приказ. Пусть наберут

людей с батареей, с островов, с кораблей, откуда хотят. Эвакуация преждевременна. Все понятно?»*

«Так точно», — ответил Исаков, наклонив голову, украшенную безукоризненным старорежимным пробормом.

25 августа 1941, 04:20

Сержант Васильев — командир роты 3-го батальона 186-го стрелкового полка — понял, что оставаться на занимаемых его ротой позициях бессмысленно. Противник давно уже обошел их с обоих флангов. Немецкие мотоциклисты потоком двигались по шоссе. Связи с полком не было. Все офицеры были перебиты уже давно. Васильев даже не помнил, когда он в последний раз видел живого офицера. Ленинградец, ветеран финской войны, он встретил нападение немцев почти на самой границе и уже два месяца отступал в раскаленной пыли прибалтийских дорог. В июне сержант был командиром отделения, через две недели стал командиром взвода, еще через неделю — командиром полуроты, а ныне уже командовал ротой. Его июньское отделение насчитывало 20 человек, а августовская рота — 16.

На отходе снова попали под минометный обстрел. Отлежались — никто не пострадал. Солдаты все были опытные, обстрелянные. Таких просто не возьмешь.

Уже совсем рассвело, когда Васильев вывел остатки роты к развалинам старинного монастыря, где занимала позицию батарея 242-го зенитного дивизиона их 10-

*Полная военная бездарность Ворошилова привела, в частности, к тому, что он просмотрел ключевое значение Мги в обороне Ленинграда. Немцы заняли Мгу сходу, практически без потерь, блокировав Ленинград на долгие 900 дней. Когда же Мга была взята, то, видимо, парализованный страхом и растерянностью, вкупе с таким же ничтожеством, как и он, секретарем Ленинградского обкома Ждановым, Ворошилов не доложил об этом событии в Москву. Сталин узнал об этом из перехвата немецкого сообщения. Его ярость в данном случае может быть понятна любому военному человеку. Ворошилов был отозван в Москву. Все, да и он сам, считали, что в Москве его неминуемо ждет расстрел. Однако, Ворошилов как-то выкрутился и на этот раз. У товарища Сталина были свои слабости и странности. В дальнейшем Ворошилова, сохранивший звание маршала, занимал чисто номинальный пост главкома партизан-

го корпуса. Там же находились в количестве, составляющем примерно взвод, матросы. Матросы были почти все поголовно ранены, но бодрились, особенно в присутствии людей Васильева. Перед пехотой хныкать не пристало. Толком же никто ничего не знал. Будет эвакуация или нет?... Боезапас кончался и на батарее, и у людей Васильева — по две обоймы на брата, а у матросов и вовсе уже патронов не было — одни штыки, да ножи «бебуты». Все были измотаны до последней степени. Пока Васильев выяснял обстановку у заросшего щетиной, измазанного в копоти и крови старшего сержанта, командовавшего батареей, его солдаты, привыкшие спать впрок, попадали, где стояли, и заснули, не выпуская винтовок из рук. Все вокруг грохотало и горело. Над монастырем стлался черный дым. Но было понятно, что сам монастырь пока под обстрелом не находится, а рядом пусть грохочет. И солдаты спали, в отличие от матросов, которые еще не понимали, что война на суше не делится на вахты и подвахты.

Старший сержант Кузьмин, вступивший в командование батареей после гибели всех офицеров, очень обрадовался появлению Васильева и его солдат. «От одного пехотинца пользы больше, чем от взвода матросов». Три его орудия, как и большая часть 33-х зенитных батарей базы, не учитывая прямых обязанностей ПВО, были включены в систему сухопутной обороны. Измотанные непрерывными боями артиллеристы-зенитчики дремали около орудий.

ским движением, а после войны был назначен заместителем председателя совмина, оставаясь членом президиума ЦК. Каким-то образом Ворошилова удалось склонить к участию в февральском заговоре 1953 года против его благодетеля Сталина. После успеха заговора при распределении постов он получил внушительный, хотя и чисто церемониальный пост председателя президиума Верховного Совета. Когда в 1960 году на XXII съезде партии Никита Хрущев поднял вопрос о преступлениях Ворошилова в годы так называемого «культа личности Сталина», продолжения все это не имело, а очередной дворцовый переворот 1964 года, свергший Хрущева, вообще заморозил весь процесс десталинизации. Ворошилов, ушедший с официальных постов после речи Хрущева, жил на покое, оставаясь членом президиума до самой своей смерти в 1969 году. Ему были устроены пышные государственные похороны у Кремлевской стены.

Кузьмин выделил имевшийся на батарее станковый пулемет в распоряжение Васильева, соответственно распределив и обязанности: батарея занимается танками, задача людей Васильева — отсекать немецкую пехоту от танков, заставляя ее окапываться или отходить. Танк без пехоты тоже многого не наворочает. Моряков же будут гонять в штыковые контратаки, если понадобится. Так что еще денек в общем-то продержимся точно. А там, Бог даст, и боезапас подвезут. Позиция хорошая, здесь минами нас не очень-то подолбаешь. А деваться-то уже некуда. Куда отходить? Только уже в город. А орудия на чем тащить?

Рассуждения старшего сержанта были прерваны громом разрывов. Тяжелые корабельные снаряды, поднимая тучи земли и обломков, стали рваться в лошине за косогором, примерно в полутора километрах от монастыря. Флот ставил огневую завесу перед практически последним рубежом обороны города. Однако из-за этого огненного смерча вынырнули четыре немецких танка и зловеще поползли к монастырю, ведя за собой не меньше двух пехотных рот. «Батарея, к бою!» — хриплым голосом закричал Кузьмин. Два снаряда, видимо, танковых, разорвались во дворе монастыря, обрушив какую-то стену, подняв багровое облако кирпичной пыли. Затем снаряды стали прилетать откуда-то с тыла. То ли флот неправильно определил координаты, то ли немцы уже обошли монастырь, и какая-то их батарея садила по нему прямой наводкой.

Тяжелый, черный, упругий дым от горящего немецкого танка гнало ветром на позицию батареи. Сержант Васильев, лежа за рычащим и откатывающимся назад пулеметом, выбивающим колесами искры из кирпичной кладки монастырской стены, бил короткими очередями по перебегавшим согнутым фигурам немецких автоматчиков.

25 августа 1941, 04:27

Военком 94-го отдельного артдивизиона береговой обороны Ечин еще до рассвета выехал на свой пост по корректировке огня, располагавшийся в Коже в восточном секторе обороны. Голова гудела от легкой контузии, полученной вчера во время непрерывных бомбежек

батареи. Но мощные бункеры береговых двенадцатидюймовок разбомбить с воздуха было не так-то легко. Батарея жила и, повернув свои мощные орудия на сухопутный фронт, включилась в оборону базы, ожидая только точных целеуказаний. Двенадцатидюймовые снаряды, каждый из которых был способен смести с лица земли целый поселок, нуждались в очень точной корректировке. Малейшая ошибка могла привести к страшным последствиям. Сухопутный фронт, превратившись в «слоеный пирог», — это не линкоры Гранд-флита, для которых эти снаряды предназначались.

Прибыв в расположение бригады морской пехоты полковника Парафило, Ечин сразу же попал в обстановку ожесточенного боя. Моряки отбили одну атаку противника, и теперь их передний край методично выбивался минометным огнем, спасения от которого не было. Кричали и стонали раненые, в неестественных позах лежали убитые, а мины продолжали рваться вокруг неумело отрытых окопчиков, кося новых людей. Не выдержав, часть морских пехотинцев, бросив позиции, побежала в тыл. Какой-то командир, махая наганом, остановил их, получив в живот осколок разорвавшейся мины.

На КП батальона какой-то капитан с перевязанной головой и дикими глазами прохрипел Ечину: «Подавите минометы!» «Давить» минометы двенадцатидюймовой артиллерией было очень нерентабельно. Один снаряд стоит дороже, чем все немецкие минометные батареи, задействованные на этом участке. Но делать было нечего. Еще немножко и вся оборона бригады рухнет, выбритая минами под нулевку. Ечин залез на дерево и в полевой бинокль стал искать минометы противника. Но, сколько он и командир наблюдательного полка не вглядывались в бинокль, обнаружить немецких минометчиков они не могли. Видны были только клубы дыма от рвущихся мин, окровавленные тельняшки и бинты и все новые группы моряков, в панике бросавшие окопы и бежавшие в тыл.

Очевидно, это видели и с немецких наблюдательных постов, поскольку неожиданно на Нарвском шоссе, на окраине леса, показалась колонна немецких автомашин. Срывающимся голосом Ечин передал координаты на батарею. Минуты через три два огромных взрыва две-

надцатидюймовых снарядов башенной батареи с острова Аэгна разметали немецкую колонну. Рвущуюся вперед пехоту остановили и заставили залечь бризантные гранаты включившейся в бой 186-ой батареи стомиллиметровых орудий. Немцы отхлынули, но их наблюдатели уже обнаружили корректировочный пост и обрушили на него огонь. Ечин и командир поста слезли с дерева и, пережидая шквал огня, залегли у каменной изгороди хутора, видя, как уцелевшие морские пехотинцы снова занимают свои позиции.

Ечин знал обстановку лучше, чем командование морской пехоты. Противник уже давно обошел эту позицию. Его пехота и мотоциклисты просочились к побережью в районе Вирмси, нависнув над Минной гаванью и угрожая последнему аэродрому. Необходимо было посетить и поддержать огнем тяжелой артиллерии еще несколько участков Пярнуского направления.

25 августа 1941, 04:28

Контр-адмирал Ралль — начальник минной обороны Таллинна — подавил тяжелый вздох, изучая карту минной обстановки. Карту обстановки представил адмиралу штаб КБФ, и всего полчаса назад она была откорректирована и дополнена штабом минной обороны — собственным штабом Ралля.

Картина была безрадостной. Минные поля противника обкладывали главную базу флота со всех сторон, но даже те заграждения, которые удалось выявить, тралить было фактически нечем. Адмирал снова вздохнул и отхлебнул глоток остывшего чая из стакана в массивном серебряном подстаканнике с изображением несущегося на полном ходу четырехтрубного миноносца с отлитой под ним надписью «Подвижный». Этим миноносцем адмирал Ралль командовал в годы первой мировой войны, будучи старшим лейтенантом Императорского флота. Старый четырехтрубный «сокол» давно уже был разжалован в тральщики, и именно на нем старший лейтенант Ралль познавал все тонкости искусства минно-тральной войны на Балтике, войны, которой руководили такие знаменитые, хотя и забытые ныне, мастера своего дела, как адмиралы Канин, Непенин и Киткин. До 1917 года потери русского флота на минах

были ничтожны, а потери немцев, которые ринулись воевать, будучи совершенно не готовыми к настоящей минной войне, можно назвать впечатляющими, а можно и катастрофическими. Достаточно вспомнить гибель на минах практически всей 10-ой флотилии немецких эсминцев в течение всего трех неполных суток с 9 по 11 ноября 1916 года.

Воспоминания нахлынули на адмирала не только потому, что он изучал до боли знакомые воды, где ему были известны каждая коса, банка и вежа, каждое дерево на берегу, по которому можно было бы определить-ся, но и потому, что находился он в данный момент не в своей каюте на эсминце «Калинин», а в салоне старого минного заградителя «Амур» — современника и активного участника всех тех событий, о которых вспоминал адмирал.

Построенный в 1909 году по тем же чертежам и с тем же названием, что и прославленный «Амур» Порт-Артурской эскадры, новый «Амур» с первого до последнего дня первой мировой войны ставил именно те мины, которые наглухо закрыли немецкому флоту вход в Финский и Рижский заливы до марта 1917 года, когда немецкие агенты, играя роль революционных матросов, разгромив штаб Балтийского флота на «Кречете» и убив командующего флотом адмирала Непенина, похитили совершенно секретные кальки минных постановок. Это позволило немцам в недельный срок выместить русский флот из Рижского залива и открыть себе дорогу на Петроград. И тогда наступили хаос и крах, приведшие к октябрьскому перевороту, в котором «Амур» сыграл гораздо большую роль, нежели разрекламированная «Аврора», стоявшая без боезапаса с очумевшим от бесконечного ремонта анархически настроенным экипажем. Прибыв накануне из Кронштадта, «Амур» доставил в Петроград более двух тысяч моряков, тех самых моряков, которые захватили все ключевые позиции в городе, захватили Зимний, охраняли Смольный и беспощадно подавили мятеж столичных военных училищ 27 октября, почти поголовно перебив мальчишек-юнкеров, единственных, кто, хотя и запоздало, но все-таки попытался оказать сопротивление новому режиму. Девять stodвадцатимиллиметровок «Амура» готовы были мгно-

венно подавить любой очаг сопротивления. Именно на нем был развернут штаб руководства и координации действий морскими отрядами в захваченной столице.

Затем об «Амуре» забыли, и с сентября 1918 года он гнил в Кронштадте, хотя где-то еще существовали планы его капитального ремонта и восстановления. Кронштадтский мятеж, решивший судьбу большинства кораблей Балтийского флота, чуть не решил и судьбу «Амура». Комиссия, обследовавшая заградитель в начале 1922 года, нашла, что восстановление его невозможно и приговорила «Амура» к разборке. Однако привести этот приговор в исполнение было по тем временам не так-то легко, и «Амур» продолжал гнить на кладбище кораблей в Кронштадте. Так продолжалось до 1929 года, когда ОСААВИАХИМ попросил для своих нужд какой-нибудь старый корабль для создания на нем военно-морской учебной станции и получил на это «Амур».

В мае 1930 года буксиры притащили «Амур» к причалу кронштадтского Морского завода. Страшное зрелище предстало перед рабочими завода: ржавый корпус, насквозь проржавевшие трубы, покосившиеся мачты со сломанными стенгами, на которых болтались на ветру обрывки такелажа. Во внутренних помещениях громоздились груды обломков и мусора. Все корабельные системы были полностью разрушены, электроэнергия не было, от электропроводки не осталось даже следа. Заводу страшно было приниматься за такого, в буквальном смысле слова — выходца с того света, и он всячески оттягивал начало работ. Неизвестно вообще, чем бы кончилось это дело, если бы Всеволод Вишневский и вновь назначенный на «Амур» командир, известный писатель-маринист Абрамович-Блэк, не воззвали через газету «Красный Балтийский флот» к энтузиазму масс.

Это возымело действие, и в свободное время на «Амур» стали гонять курсантов военно-морских училищ, проходивших практику в Кронштадте. Кое-как «пошкрябанный» и покрашенный «Амур» был 21 июля 1930 года прибуксирован к набережной Красного флота в Ленинграде, и 1 августа на нем был поднят флаг, учрежденный для «судов допризывной подготовки» — голубой с белой полосой посередине, с наложенным на нее адмиралтейским якорем с красной звездой на штоке. До 1938 года «Амур» служил базой для подготовки допризывни-

ков, а затем был передан КБФ в качестве базы подводных лодок. Старый заградитель был переоборудован и к концу лета включен в состав флота, став сперва плавбазой 14-го дивизиона подводных лодок, а с марта 1941 года — плавбазой учебного дивизиона подводных лодок учебного отряда подводного плавания имени Кирова.

А между тем, в Таллинне, ставшем к этому времени главной базой КБФ, флот задыхался от тесноты. Совершенно негде было размещать экипажи подводных лодок и малых кораблей. Срочно требовались новые плавбазы, пусть даже несамоходные. Снова вспомнили об «Амуре», и последовал приказ перевести корабль в Таллинн. Пройдя планово-предупредительный ремонт в Кронштадте, «Амур» 21 июня 1941 года в 10 часов 25 минут на буксире ледокола «Трувор» вышел в Таллинн. Каким образом немецкая авиация просмотрела «Трувор» с «Амуром» — неизвестно, но 22 июня в 6 часов 58 минут оба судна вышли на видимость сигнально-наблюдательного поста на острове Найссаар. На базе уже царил переполох, вызванный началом военных действий. Бухали зенитки, хотя никаких самолетов над базой не было. «Трувор» и «Амур» отдали якоря и сутки стояли на внешнем рейде. На следующий день «Трувор» куда-то ушел, а «Амур» получил приказ пришвартоваться к борту линкора «Октябрьская Революция». Линкор, однако, тоже вскоре ушел, и несамоходный «Амур» целую неделю болтался на якоре на внешнем рейде.

Наконец, его втащили в Купеческую гавань и поставили на швартовы. Старый заградитель стал чем-то вроде плавотеля. К его борту швартовались и лодки, и тральщики, и торпедные катера, и буксиры. На нем размещались подводники, катерники, минеры, морские пехотинцы, а также некоторые подразделения тыла, чьи береговые помещения уже были разрушены. Трюмы «Амура» служили временными складами различного военно-морского имущества и мин. И именно на нем 23 августа был развернут штаб минной обороны Таллинна, потеснив, да и просто выкинув на «улицу», представителей некоторых других служб.

Адмиралу Раллю надоело руководить минно-тральными соединениями с борта вечно мечущегося по рейду «Калинина». Ему захотелось спокойной, насколько возможно, штабной обстановки, чтобы тщательно рас-

планировать действия своих мизерных сил в предстоящей вот-вот эвакуации. Его лучшие тральщики были подряжены возить авиабомбы на остров Эзель для бомбардировщиков полковника Преображенского, совершающих чисто рекламные налеты на Берлин. Адмиралу обещали, что тральщики, сдав бомбы на Эзель, вернуться в Таллинн в его полное распоряжение. В его полное распоряжение...

Вчера три эскадренных тральщика, которых всего-то кот заплакал, три лучших тральщика: «Кнехт», «Бугель» и «Верп», спешно погрузив тонные и полутонные авиабомбы, вышли на Эзель. Шли, соблюдая строгую секретность, в сопровождении двух катеров-МО. Шли курсом, рекомендованным штабом КБФ, и этот курс привел их прямо на мины. Первым в страшном взрыве сдетонировавших бомб исчез «Кнехт» вместе со своим командиром, лейтенантом Тимофеевым, и всем экипажем. Через мгновение взлетел на воздух «Бугель». Весь его экипаж погиб, и только командира, старшего лейтенанта Гадяцкого, каким-то чудом унесло с мостика и взрывом отбросило далеко в море. Его вытащили в бессознательном состоянии на морской охотник. Командир «Верпа» старший лейтенант Бадах, придя в себя от шока, приказал идти в Таллинн. Он и находящийся на «Верпе» штурман дивизиона тральщиков, старший лейтенант Иванушкин, с бледными, дергающимися лицами, докладывая Раллю о случившемся, задали вопрос: почему все рекомендованные штабом флота курсы ведут либо на мины, либо под бесконечные удары авиации противника?

Адмирал Ралль выслушал их молча. Он привык молчать и не обсуждать отвлеченных вопросов ни с начальниками, ни с подчиненными. Выслушав офицеров и зная, что приказ о бомбах отдала Ставка, то есть лично Сталин, он приказал Бадаху немедленно выходить в море, сдать груз на Эзеле и быстро возвращаться в Таллинн, хотя, глядя на карту минной обстановки, не надеялся увидеть их снова. Он знал также и то, что не положено было знать старшему лейтенанту Бадаху: несколько часов назад еще три тральщика, погрузив бомбы, вышли на Эзель.

25 августа 1941, 04:30

Старший лейтенант Ефимов — командир тральщика «Патрон» (Т-203) — с тревогой поглядывал то на небо, то на следовавший тихоходный тральщик «Вистурис» (Т-298) старшего лейтенанта Соколова. Маленький отряд подходил к острову Лавенсари. Пока шло все хорошо. Адмирал Ралль ошибался, думая, что на Эзель везут бомбы три тральщика. Шли только два.

Накануне, 24 августа около 16 часов, старший лейтенант Ефимов был вызван в штаб Кронштадтской военно-морской базы к оперативному дежурному. «Пойдете в Ораниенбаум. Примете там на палубу тридцать авиабомб и взрыватели к ним. Вы назначены командиром отряда, в составе которого сторожевик «Коралл», тральщик «Вистурис» и охранение — МО-208. Ефимов пробовал отделаться от навязанных ему тихоходов, но оперативный успокоил его: «Вы же через мины пойдете, а у этих кораблей — малая осадка. Кроме того, необходимо доставить на Эзель максимальное количество бомб, а посылать уже некого». Дежурный отдернул шторки с висящей на стене карты. Ефимов вздохнул: минные поля немцев были на ней обозначены условно, и никто не знал, насколько точно. Кроме того, данные были позавчерашние, а где и сколько немцы успели поставить новых мин, кто знает? Штаб КБФ прислал из Таллинна рекомендуемый курс с учетом обстановки на «ноль» часов 24 августа. Ефимов еще раз вздохнул, выслушал последние слова дежурного о совершенной секретности операции, ответил «Есть» и повел «Патрон» в Ораниенбаум.

В Ораниенбауме береговой кран стал по одной спускать на палубу тральщика огромные авиабомбы в больших решетчатых контейнерах. Цепи и талрепы минных креплений, перекрещиваясь и продавливая рейки контейнеров, прижимали бомбы к палубе. Вся команда, включая самого Ефимова, его помощника, лейтенанта Спорышева, и военкома, инженер-лейтенанта Ванюхина, трудилась под руководством боцмана Шевченко на погрузке авиабомб. Боцман Шевченко поинтересовался у Ефимова, куда они пойдут. Ефимов ответил, что сам не знает, мол, конверт с приказом вскрыют в море. Он нервничал: время шло. Хорошо бы проскочить большую часть пути ночью. «Патрон» был уже готов, на

«Вистурисе» работы так же шли к концу, и Соколов доложил о готовности к выходу. Но задерживал «Коралл». Бомбы он вроде уже погрузил, но на нем что-то суетились и бегали, а доклада о готовности к выходу не было. Наконец, на «Патрон» явился командир «Коралла», капитан-лейтенант Подвеселов, и доложил, что в море выйти не может из-за неисправности механизмов. Все средства опробовали, но механизмы не работают. Неудобно было орать на старшего по званию, но Ефимов все-таки сказал ему пару «теплых» слов. Подвеселов вздохнул и ответил: «Я все понимаю...»

Проклиная напрасно потерянное время, Ефимов повел маленький отряд в море. Остались позади затемненные причалы Ораниенбаума, прошли Большой Кронштадтский рейд и окунулись в темноту августовской ночи Финского залива. Шли кильватерным строем, без огней. Волны хлестали в невысокие борта, где-то вдали поблескивали и гасли огоньки, настораживая и вместе с тем успокаивая — двойственность психологии ночного плавания.

На подходе к Лавенсари, еще в полной темноте, над отрядом прогудели моторы самолета. Он повесил над отрядом светящуюся «люстру» и ушел в восточном направлении. Это был сюрприз. Значит немцы их ищут. Противнику известна их задача? В это верить не хотелось.

Ушедший на восток самолет скоро вернулся и снова повесил «люстру». Радисты «Патрона» перехватили длинную передачу немца на базу. Слишком длинную, если учесть, какую ничтожную цель они представляли. Конечно, в том случае, если противнику неизвестно, какой груз они везут. С рассветом обнаружили прямо над собой, на большой высоте, самолет-разведчик противника, выглядевший зловещим крестом на фоне серого предрассветного неба. Разведчик сделал два круга над тральщиками, и снова радист «Патрона», старшина Кузнецов, перехватил длинное сообщение, посланное немецким пилотом на базу. Сообщение шло открытым текстом по-немецки. Никто ничего не понял, но опять же настораживала длина сообщения. Было ясно: противник ночью искал именно их, нашел и, видимо, примет все меры, чтобы они не дошли до Эзеля.

Однако размышлять о том, как их операция, готовившаяся в полной секретности, стала известна против-

нику, было некогда. Пять «юнкерсов», появившись с восточной стороны, стремительно ринулись на маленькие корабли. Крик сигнальщика, старшины 2-ой статьи Большакова, звонки боевой тревоги, взрыв у борта первой бомбы и треск зенитных пулеметов произошли, как показалось Ефимову, одновременно. Руки Ефимова сами бросили ручки машинных телеграфов на «вперед, самый полный»: «Лево на борт!»

Рулевой, старшина 1-ой статьи Бойцов, резко закрытил штурвал, «Патрон» почти лег на борт в крутом повороте. Посыпались за борт с палубы орудийные и пулеметные гильзы. Тральщик подбросило взрывной волной упавших невдалеке бомб, корму накрыло волной. Неожиданно все смолкло. Самолеты ушли. Корабли отряда продолжали идти на запад. Ефимов понимал, что это еще не конец. Если немцы знают об их задаче, будет много налетов, и чем они кончатся — сказать очень трудно, но таким кораблям, как его «Патрон», как «Вистурис» и МО, достаточно прямого попадания, даже одного удачного близкого разрыва, чтобы с ними было покончено.

25 августа 1941, 04:35

Военфельдшер Амелин, стоя на корме катерного тральщика «ТЩ-47», с тревогой смотрел на клубы черного дыма, поднимающегося над Таллинном. Два маленьких «ижорца», идя трехузловой скоростью, выводили из Таллинна для проводки в Кронштадт ледокол «Трувор» и гидрографическое судно «Рулевой».

Первым за тральщиками шел «Трувор» — солидное судно водоизмещением почти 1200 тонн, ветеран Балтики, участник первой мировой войны, ледового похода, финской войны, проплававшее множество навигаций и в составе Мортрана, и в составе НКМФ. Придя в Таллинн 22 июня 1941 года с «Амуром» на буксире, «Трувор», приказом от 5 июля, снова был зачислен в состав отряда судов тылового обеспечения КБФ. Но разницы между тылом и фронтом на Балтике уже не было. Ледокол-ветеран, ежедневно рискуя отправиться на дно от мины или авиабомбы, осуществлял связь между Таллинным и Моонзундским архипелагом, совершал одиночные рейсы в Кронштадт, эвакуируя раненых,

перевозя боеприпасы, буксируя баржи с горючим, продовольствием и людьми. Сегодня на нем уходили службы тыла КБФ, семьи флотских интендантов и 150 раненых, в основном моряки, посланные с кораблей на сухопутный фронт.

За ледоколом шел гидрограф «Рулевой» с остатками гидрографического оборудования штаба КБФ, основная часть которого была эвакуирована накануне на «Гидрографе». Маленькое судно водоизмещением всего 200 тонн казалось утенком, плывущим за толстой мамой-уткой, «Трувором». Однако «Рулевой», если и уступал «Трувору» по размерам, был такого же, что и ледокол, почтенного возраста. Построенный в 1913 году в Петербурге в качестве портового судна, «Рулевой» участвовал в первой мировой войне, гнил в порту до капитального ремонта в 1928 году, а затем снова нес лоцманскую службу в составе КБФ. В сущности, судно уже не называлось «Рулевой», поскольку в 1932 году было официально переименовано в «Базис», но все по старой памяти называли его «Рулевой».

Амелин видел, как небольшая встречная волна разбивалась о тупой нос ледокола, который утюгом подминал волну под себя, медленно идя за тралами. Переводя взгляд с идущих за ними судов на клубы черного дыма над городом, ощущая под собой вибрирующую, покачивающуюся палубу маленького тральщика, Амелин еще до конца не мог осознать, что он — моряк Балтийского флота, что на Балтике идет война, и он в ней участвует. Ему казалось, что он все это смотрит в кино, вроде «Мы из Кронштадта», «Броненосец Потемкин» или «Морской Ястреб», благо все эти фильмы снимались и, в первую очередь, демонстрировались у них на Черном море, где он родился, вырос, и где перед самой войной успел окончить Керченский медицинский техникум, получив назначение в одну из больниц Балаклавы.

Когда началась война, он был немедленно призван в армию и получил с Черного моря назначение на Балтику — случай поистине чрезвычайно редкий. Добравшись до Ленинграда, а затем — до Кронштадта, Амелин, пройдя аттестацию, получил назначение на тральщик «Володарский», который в тот момент находился в море. Командир стоящего в Кронштадте ПК-

47, лейтенант Ивлев, согласился подбросить фельдшера к месту службы — его «ижорец» шел как раз в это же место. Но когда они дошли, выяснилось, что тральщик «Володарский» подорвался на mine и погиб со всем экипажем. Амелину оставалось только поблагодарить судьбу, что он так долго добирался до Ленинграда по забитым железным дорогам июня 1941 года, и что при аттестации из-за некоторых бюрократических формальностей дело шло не так быстро, как ему хотелось. Иначе он был бы на «Володарском» или, другими словами, иначе его уже не было бы.

На ТЩ-47 фельдшер отсутствовал, да по штатам мирного времени его и не полагалось. Но шла война, и врач дивизиона приказал Амелину оставаться именно на этом тральщике. Серьезный и добросовестный Амелин с полным знанием дела оборудовал крошечный медпункт на тральщике, готовый оказать кому угодно любую медицинскую помощь: бинты, гипс, йод, спирт и даже ампулы с морфием были заготовлены им в большом количестве, ожидая своего часа. Амелин с гордостью носил на рукаве кителя две командирские нашивки. Это был его первый боевой поход. Фельдшер еще раз с тревогой посмотрел на удаляющиеся клубы дыма над Таллинном и спустился вниз — комиссар дивизиона приказал ему подготовить по случаю этого похода «Боевой листок».

25 августа 1941, 04:40

Капитан-лейтенант Абросимов, стоя на рубке своей подводной лодки «С-4», с тревогой всматривался в клубы дыма, гари и копоти, поднимавшиеся над Таллинном. Лодка находилась в море почти три недели и, в отличие от многих других лодок, возвращалась с победой.

10 августа, находясь на позиции между Клайпедой и Либавой, «С-4» в 12:10 обнаружила у маяка Папензее конвой противника в составе танкера и транспорта, идущих в охранении трех тральщиков, двух вспомогательных судов и пяти сторожевых катеров. Конвой шел по мелководью, прижимаясь к берегу курсом 170 градусов. Глубины в этом месте были недостаточны для действий подводной лодки, но Абросимов все же решил

атаковать конвой. Ситуация была подходящей: волна 4-5 баллов, видимость 40-50 кабельтовых.

Видимо, немцы считали, что на таких глубинах, не превышающих 18-22 метра, атака подводной лодки невозможна, и не вели противолодочного охранения. Это позволило Абросимову сблизиться с танкером до 6 кабельтовых и в упор выпустить в него две торпеды. Крупный танкер (впоследствии выяснилось, что это танкер «Кайя» водоизмещением в 3223 тонн) взорвался и быстро затонул. В момент залпа лодку из-за нарушения балластировки выбросило почти на поверхность. Сторожевые катера противника гудящим стальным веером ринулись прямо на нее. Абросимов дал команду на срочное погружение и приказал увеличить скорость. На глубине 22 метра лодка сходу врезалась в грунт. Раздался скрежет, зазвенело стекло, погас свет. И в этот момент начали рваться вокруг глубинные бомбы. Лодку било, рвало, швыряло из стороны в сторону. Определив место лодки с помощью гидроакустических приборов, катера противника делали заход за заходом над местом, где лежала «С-4», сбрасывая сериями глубинные бомбы. В некоторых отсеках началась течь, и только малая глубина спасала подводников. Бомбежка лодки с небольшими перерывами продолжалась около 12 часов. Затем неожиданно все стихло.

Было уже за полночь, когда Абросимов решил всплыть. Противника вблизи не оказалось, но вокруг были поставлены буи с постоянным освещением, а в центре — большая деревянная крестовина. Вокруг расплылось большое масляное пятно. Откуда оно взялось, было неизвестно, возможно, от затонувшего немецкого танкера, но, видимо, именно это пятно и спасло лодку, послужив противнику доказательством ее гибели. Немецкие катера обвеховали ее и ушли.

«С-4» текла, как решето. Некоторые повреждения по корпусу были очень серьезны: перекосило фундаменты дизелей, било гребной вал, были деформированы винты. Но уходить из этого опасного района нужно было немедленно. Кое-как доковыляли до одной из бухточек Моонзундского архипелага, где стали срочно приводить лодку в порядок своими силами. Целую неделю конопатили, шпаклевали, резали, варили и, наконец, вышли в Таллинн.

Сейчас, ожидая тральщиков у входного буя и глядя на кипящий чуть ли уже не в самом городе бой, капитана-лейтенанта Абросимова охватило чувство, что он попал из огня в полымя. В гаванях то и дело вставали высокие столбы воды от падающих со всех сторон снарядов. Артогонь велся и со стороны Вышгорода, и со стороны Пириты, и даже с полуострова Вирмси. Не надо было быть военным стратегом, чтобы просто с мостика лодки увидеть и понять, что Таллинн не просто окружен и отрезан. Он уже стянут стальным кольцом, он уже хрипит и задыхается в агонии...

25 августа 1941, 04:45

Капитан 2-го ранга Спиридонов — командир эскадренного миноносца «Яков Свердлов» — брился у себя в каюте. Эсминец стоял у стенки Купеческой гавани в относительно тихом углу, и Спиридонов позволил себе целых три часа сна, и все три часа крепко проспал. Случай поистине уникальный: его не будили по пять раз, никуда не вызывали, ничего не приказывали и не нуждались в его приказах.

Вверенный капитану 2-го ранга Спиридонову эсминец был известен на всех флотах и флотилиях, любой матрос-первогодок безошибочно узнавал корабль на пределе видимости, ибо это был не корабль, а живая легенда — прославленный эскадренный миноносец русского флота «Новик» — тот самый «Новик», который дал свое имя целой серии прекрасных, если не лучших в мире, эскадренных миноносцев. Введенный в строй в августе 1913 года «Новик» воплотил в себе все те передовые военно-морские и кораблестроительные идеи, которые столь бережно вынашивал русский флот, выбирающийся из-под обломков катастрофических результатов русско-японской войны. Имея водоизмещение 1260 тонн, вооруженный четырьмя 102-миллиметровыми орудиями и восемью 457-миллиметровыми торпедными аппаратами, с максимальной скоростью более 37 узлов, с немецкими турбинами, «Новик» на время своего рождения был наиболее сильным и самым быстрым из всех существующих в мире кораблей своего класса.

И корабль оправдал возложенные на него надежды, став символом и гордостью русского флота, кораблем-легендой. Эсминец ставил мины (он мог взять на борт до 50 мин), проводил дальние разведки, прикрывая знаменитую «Славу», а 17 августа 1915 года, смело вступив в бой с двумя новейшими немецкими эсминцами «V-99» и «V-100», быстро и эффективно уничтожил один из них и тяжело повредил второй. Позднее, 20 ноября, «Новик» утопил торпедами немецкий сторожевик «Норбург». На минах, выставленных «Новиком» и двумя его собратьями «Победителем» и «Забиякой», 17 декабря 1915 года погибли немецкие крейсеры «Бремен» и «Фрейя», а также миноносцы «V-191» и «S-177». 31 мая 1916 года «Новик» с «Громом» и «Победителем» совершили набег на идущий из Швеции немецкий конвой в Норчепингской бухте, утопив артиллерией и торпедами немецкий крейсер «Герман», два эскортных корабля и несколько транспортов. Слава «Новика» гремела по всей России, и эсминец продолжал с честью нести свое гордое имя, унаследованное от героического порт-артурского крейсера.

До Моонзундского боя включительно дрался в первую мировую войну прославленный эсминец, и казалось, что не было реальной силы, способной остановить стремительный, почти воздушный полет красавца-корабля с четырьмя, слегка откинутыми назад, трубами. Но политические водовороты тонущей и разваливающейся от непомерного напряжения России, подхватили и «Новика», закружили его, смяли и бросили ржаветь у кронштадтского причала аж до 1925 года, когда его поставили, наконец, на капитальный ремонт.

13 июля 1926 года «Новик» был переименован, получив новое имя «Яков Свердлов» в память одной из наиболее зловещих фигур ленинского окружения, прославившейся проведением хитроумной операции по убийству царской семьи и введением «красного террора», санкционировавшего взятие и расстрел заложников вплоть до своей смерти (по другим сведениям Свердлов был убит) в при весьма темных обстоятельствах в марте 1919 года.*

*Сталин, как известно, евреев совсем не жаловал, а евреев из ленинского окружения просто ненавидел. Казалось, ни один из них не пережил 1940 год. Но Свердлова он уважал, как только ученик и подражатель может уважать учителя. Именем Свер-

Переименование «Новика» произошло в разгар ремонта корпуса и главных механизмов. Было принято решение модернизировать эсминец, переоборудовав его под штабной корабль дивизиона эскадренных миноносцев.

Модернизация вызвала перепланировку помещений и увеличение их площади. В связи с этим потребовалось увеличение размеров надстроек, поэтому вместо четырех двухтрубных торпедных аппаратов были установлены три трехтрубных. В результате полное водоизмещение эсминца достигло почти 2000 тонн (1951 тонна).

Корабль находился в ремонте до 30 августа 1929 года. Годы разрухи очень состарили бывший «Новик». Скорость его упала до 30 узлов, он погрузнел, слегка потеряв свои стремительные формы, но стареющий красавец-ветеран еще поражал новые корабли своей мореходностью, умением маневрировать и держаться на волне, почти не заливаясь. С декабря 1934 года эсминцем командовал сам Трибуц. Командовал он им аж до конца 1937 года. Собственно, «Яков Свердлов» был единственным кораблем, которым когда-либо командовал будущий командующий Балтийским флотом. В ноябре 1937 года эсминец снова был поставлен на капремонт и до декабря 1940 года переоборудовался в учебный корабль. «Яков Свердлов» в финскую войну простоял в ремонте, но в следующую войну включился прямо с июня: как и много лет назад, эсминец ставил мины, эскортировал минные заградители, а затем поддерживал оборону Таллинна...

Капитан 2-го ранга Спиридонов побрился, умылся, одел китель и сел за письменный стол, вернее бюро с приставкой, в нише которой был закреплен чернильный прибор. Слева от стола висел настенный телефонный аппарат, чернел диск репродуктора, рядом — настольная лампа с матерчатым абажуром. С переборки на капитана 2-го ранга Спиридонова смотрел с портрета Яков

длова назывались боевые корабли, улицы, города, площади, заводы, скверы, ВУЗы, театры. Вряд ли в СССР найдется город, где нет улицы Свердлова или чего-нибудь в этом роде. Даже в разгар так называемой «борьбы с космополитизмом» — наиболее оголтелой кампании антисемитизма, запущенной Сталиным — новейший крейсер получил имя Свердлова, дав это имя всей серии крейсеров.

Свердлов. Смотрел вполоборота, пряча недобрую усмешку в черных усах и бороде и зловеще поблескивая черными глазами через стекла пенсне. Командиру показалось, что Председатель ВЦИК сейчас ему скажет: «Ну, теперь-то, ребята, вам точно крышка. Никуда вы отсюда уже не денетесь». Неожиданно для себя Спиридонов подумал о том, насколько разительно Яков Свердлов похож на одного таллиннского еврея — портного-фуражечника по фамилии Страшный, у которого он, Спиридонов, шил фуражку года полтора назад в разгар войны с финнами.

Как и все советские люди, попавшие в Таллинн еще во времена эстонской независимости, Спиридонов все свободное от службы время бегал по магазинам. Неожиданно на улице Виру он встретил своего бывшего сослуживца по бригаде торпедных катеров Черноморского флота — капитана 3-го ранга Ананьина, а тогда работавшего корреспондентом газеты «Красный флот». Увидев на голове своего бывшего сослуживца прекрасную кастановую фуражку, поинтересовался, где ее можно купить. Выяснилось, что приобрести фуражку можно совсем близко, на улице Нарва Манте, в ателье господина Страшного.

Выслушав просьбу Спиридонова, фуражечник сказал, что готовых фуражек у него нет, но он может принять заказ. Спиридонов ответил, что он сегодня уезжает в Ленинград. Фуражечник, узнав когда уходит поезд, сказал, что к этому времени заказ будет готов. Снимая мерку с головы Спиридонова, портной включил приемник, настроенный на волну финской радиостанции «Лахти», работавшей на русском языке. Станция передавала сводку с фронта. Красная Армия истекает кровью. Она понесла уже столь ужасные потери, что Сталин вынужден был снять и даже расстрелять некоторых генералов. Безнравственность Сталина породила совершенно безнравственный режим, способный на любое преступление...

Оба офицера в буквальном смысле слова затрепетали. Если кто-нибудь узнает, что они осмелились слушать подобные речи, то им придется распрощаться не только с офицерскими кастановыми фуражками, но и с головами. Видимо, чтобы вслух не высказать свое отношение к услышанному, капитан 3-го ранга Ананьин

раздраженно сказал: «Господин Страшный, хотя бы из уважения к своим клиентам не стоило бы при них включать эту гадость!» Фуражечник сделал вид, что не услышал этих слов, но через несколько минут что-то сказал по-еврейски своей дочери. Девушка подошла к приемнику и, к облегчению обоих офицеров, перевела его на музыку.

Через два часа, вручая Спиридонову новую фуражку, Страшный как-то зловеще сверкнул на офицера стеклами своего пенсне, пряча в бороде непонятную усмешку. Тот же блеск пенсне и непонятную ухмылку видел командир «Якова Свердлова» на портрете.

В этот момент затрещал телефон. Выслушав сообщение с мостика, Спиридонов поспешно застегнул китель, схватил фуражку и пулей выскочил из каюты. На эсминец прибыл сам командующий КБФ, адмирал Трибуц.

25 августа 1941, 04:50

Адмирал Трибуц возвращался с КП генерала Николаева. Обстановка, после возобновления немецкого наступления, постепенно стала проясняться. Отступая на всех направлениях, обороняющие город войска настолько сократили, прижимаясь уже почти к черте города, линию фронта, что это привело к очень большой насыщенности фронта артиллерией. К этой артиллерии можно прибавить еще огонь боевых кораблей, береговых батарей и железнодорожных артсистем. Все атаки, которые начал противник на рассвете, отбиты ураганным артиллерийским огнем.

Вопрос заключается в следующем: сколько еще корабли и береговые батареи смогут поддерживать подобный темп огня? Боеприпасов может хватить еще, ну, дня на два. Это первое. Второе: пехота и морские десантные части уже не выдерживают напряжения и откатываются при любом контакте с противником, которого потом останавливает артиллерия. Это привело к многочисленным фильтрациям боевых групп противника в наши оперативные тылы. Фронт медленно, но верно принимает форму «слоеного пирога». Через этот «пирог» будет невозможно при эвакуации отвести войска в гавани. Если сегодня дадут разрешение на эвакуацию, то

по расчетам, уже проведенным в штабе КБФ, придется бросить в Таллинне на произвол судьбы, то есть на гибель или на плен, примерно четверть его защитников. Если разрешение дадут завтра — то треть. Послезавтра — половину. Еще день промедления, и погибнут все. Немцам будет чем похвалиться в захваченных гаванях!

Интуиция редко обманывала Трибуца. Он понимал, что в высших эшелонах руководства вооруженными силами царит переполох, переполох многоплановый и многослойный, вызванный отчаянными попытками стабилизировать обстановку, которую толком, видимо, еще никто не понимает, и не менее отчаянными попытками спасти собственные головы, уклоняясь для этого от каких-либо ответственных решений, за которые можно было бы ответить головой. И тем не менее, приказ на эвакуацию должен последовать. Если в Таллинне погибнет флот, то полетят многие головы, которые сейчас вне Таллинна, и это ясно. Поэтому будут добиваться разрешения, даже рискуя вызвать на себя гнев самого Сталина.

Для себя Трибуц решил уходить на «Якове Свердлове». Он любил этот корабль — единственный, которым он командовал в своей жизни. Боевая биография эсминца, овеянная легендами, создавала уверенность в его неуязвимости. Этот корабль пролетит чайкой через все минные поля, через все преграды, и нет у противника такой силы, чтобы остановить легендарный «Новик»! Адмирал совсем не был склонен к романтизму, но «Яков Свердлов» во всех отношениях выглядел наиболее надежным средством прорыва: помещения приличные, скорость и мореходность замечательные, а главное — незаметен, старье. «Киров», конечно, выглядит надежнее, но еще неизвестно, доживет ли «Киров» до приказа об эвакуации, если его будут продолжать долбить с той же интенсивностью. А уж о прорыве и говорить нечего. Немцы приложат все усилия, чтобы уничтожить крейсер: сконцентрируют на нем удары авиации, подгонят лодки, а если понадобится, то и наводные корабли. Да и на mine подорваться у такой громады больше шансов, чем у маленького старого эсминца...

Выслушав рапорт капитана 2-го ранга Спиридонова, Трибуц спустился в каюту командира, в свою каюту, где почти ничего не изменилось с тех пор, когда он

был ее хозяином. Задав Спиридонову несколько казенных вопросов о состоянии корабля, о настроении матросов, об убыли экипажа и о прочих ничего незначащих для него мелочах, Трибуц, немного помолчав, приказал: «Приготовьтесь принять на борт Военный совет флота и часть штаба».

«Уходим, товарищ адмирал?» — не выдержал и задал вопрос Спиридонов.

«Вы поняли приказ?» — мрачно сказал Трибуц, вставая и одевая фуражку.

«Так точно, товарищ адмирал!» «Ну, так выполняйте!»

25 августа 1941, 05:00

В штабном помещении на «Виронии» адмирал Пантелеев с головой окунулся в бурлящую жизнь штаба осажденной крепости. Поток донесения с сухопутного фронта и от командиров кораблей, сыпались запросы. Кому-то нужны были буксиры, кто-то просил плавсредства для перевозки раненых, кому-то нужен был боезапас, кому-то — мазут. Поток идут жалобы, особенно с эсминцев, о низком потолке и малой скорострельности зенитных орудий. Хорошо еще, что хоть какие-то есть, их бы побольше!

Неожиданно, без обязательного по флотскому этикету «Разрешите?», в помещение вошел начальник разведотдела штаба, капитан 2-го ранга Фрумкин, и положил перед адмиралом радиограмму на знакомом бланке Наркомата ВМФ. Сердце адмирала Пантелеева дрогнуло: вот он — долгожданный приказ, переданный адмиралом Кузнецовым! Он взглянул в текст, какое-то мгновение ничего не понимая. Ровные колонки цифр, группируясь по шесть, теснились на бланке нечитаемой головоломкой. Адмирал взглянул на Фрумкина.

«Личный шифр командующего», — ответил капитан 2-го ранга на немой вопрос Пантелеева.

Пантелеев поинтересовался, где командующий флотом. Оперативный дежурный доложил, что минут сорок назад адмирал выехал с КП генерала Николаева и должен быть на посыльном судне «Пиккер», где разместился Военный совет флота. Пантелеев быстро собрал бумаги со стола, запер их в сейф, расписался в получении радиограммы в протянутом Фрумкиным журнале и,

на ходу бросив: «Я на «Пиккер», — вышел на палубу «Виронии». Над гаванями кружилась «рама», лениво плавая между редкими облаками. Ее не обстреливали, экономя боезапас. Первый утренний налет мог начаться в любую минуту. Гром артиллерийской канонады набирал силу, переходя в какой-то страшный какофонический рев.

25 августа 1941, 05:10

Машина адмирала Трибуца мчалась по пустынным улицам города, возвращаясь из Купеческой гавани в Минную, объезжая груды щебня и битого кирпича, наполненные водой воронки от снарядов, груды всякого мусора. Гарь и дым стелились по улицам, оседая на потускневших стенах некогда щеголеватых домов, казавшихся мертвыми. Почти на каждой стене желтели плакаты, присланные из ГлавПУРа ВМФ, на которых молодой улыбающийся красноармеец в лихо заломленной пилотке, с винтовкой, небрежно повешенной на плечо, вел за длинный язык немца с выпученными от ужаса глазами под массивной рогатой тевтонской каской. Плакат был снабжен стихами:

Хвастал немец: возьму Таллинн!
Хвастунишку мы поймали,
Оторвем ему язык,
Чтобы хвастаться отвык!

Адмирал поморщился. Его всегда удивляло, что за умники сочиняют подписи к плакатам, которые, не принося никакой пользы, только раздражают личный состав. Но свое мнение о наглядной агитации адмирал, естественно, никому не высказал...

По дороге к гаваням брели раненые. Группами по три-пять человек, поддерживая друг друга, окровавленные, изможденные, заросшие щетиной, в большинстве своем без оружия, в рваном, грязном обмундировании, некоторые — в нательном белье. У Паутира адмирал увидел большую группу раненых моряков, сидящих и лежащих у покосившегося забора какого-то горящего склада. Склад не то чтобы горел, а дымил: клубы белого дыма туманом стелились по улице. Адмирал приказал остано-

вить машину и подошел к раненым. Часть их лежала на импровизированных носилках, которые, видимо, тащили другие раненые, еще способные ходить. Около них суежилась медсестра, что-то говоря раненым по-эстонски. Трибуц подошел к рослому матросу с забинтованной головой и рукой в лубке. Матрос хотел подняться, но адмирал жестом остановил его: «Сиди. Где ранило?»

Матрос взглянул на Трибуца ошалелыми глазами: «Тут... недалеко. Минами немец забрасывает... Как град сыпятся. А окапываться нечем, лопата — одна на роту. Да и не умеем мы, не учили нас...»

Трибуц закусил губу. Это его люди, цвет флота, гибнут, калечатся на сухопутном фронте, а он, командующий флотом, наделенный в военное время громадной, почти неограниченной властью, ничего не может сделать для них. Даже не может сделать то, что он обязан сделать — доказать необходимость немедленной эвакуации. Что обманывать себя — он просто боится это сделать. Боится прослыть пораженцем, паникером или, как сейчас называют тех, кто приказывает отступить?

К адмиралу подлетела медсестра и что-то стала говорить, беспощадно коверкая русские слова, показывая на грузовик с личной охраной командующего, неотступно следовавший за адмиральской «эмкой». Адмирал оглянулся. Старший лейтенант, командовавший охраной, и двое его автоматчиков стояли недалеко, недвусмысленно направив на раненых тупые стволы автоматов ППШ. Личная охрана Трибуца была единственным в Таллинне подразделением, вооруженным автоматами. Трибуц и сам не мог объяснить, что на него так подействовало — то ли сознание собственного бессилия, то ли васильковые глаза медсестры, но повернувшись к начальнику охраны, он приказал ему освободить машину и погрузить на нее раненых. Старший лейтенант опешил: «Как так, освободить машину? Мы не имеем права оставлять вас, товарищ адмирал».

«Выполняйте приказ!» — раздраженно пролаял Трибуц. «Какой приказ?»

почти заорал в ответ начальник охраны. — Я имею приказ ни на секунду не оставлять вас. Если с вами что-нибудь случится, мне что, под расстрел идти?!»

Охрана Трибуцу не подчинялась, а подчинялась Особому отделу КБФ, который, хотя и входил администра-

тивно в число учреждений флота, на деле рассматривал командующего в качестве одного из своих осведомителей. Лейтенант сказал правду: он имел приказ ни на секунду не спускать с Трибуца глаз, равно отвечая головой как за жизнь командующего, так и за его смерть, если появится хоть какая-то вероятность захвата адмирала противником. Трибуц взглянул на молодого особиста и, не сказав больше не слова, повернулся и пошел к своей машине.

25 августа 1941, 05:27

В кают-компании посыльного судна «Пиккер» адмирал Пантелеев заканчивал завтрак, с удовольствием, полуприкрыв глаза, отхлебывая чай крепчайшей заварки, тот чай, рецептом которого испокон веков славились корабли Балтийского флота. Накрахмаленные белоснежные салфетки, хрусталь и приборное серебро старинной работы, дорогой фарфор и фаянс на полированной глади обеденного стола из красного дерева изумительно сочетались с богатой отделкой переборок панелями из красного дерева, тика и карельской березы, с бронзовыми светильниками в виде Нептуна и русалок, орнаментов из переплетенных дельфинов и морских звезд.

«Пиккер» был построен в 1939 году в качестве яхты последнего президента Эстонии Пятца. В августе 1940 года судно было включено в состав КБФ и, несмотря на тусклый статус «посыльного», сразу же, благодаря своим роскошным помещениям, было облюбовано в качестве плаврезиденции Военного совета. Зарился на «Пиккер» и штаб КБФ, самовольно присвоив ему ярлык «штабного судна» с затаенной надеждой, что этот номер пройдет. И действительно, время от времени бывшая президентская яхта солидно обрастала различными штабными отделениями, пока командующий или член Военного совета, а то и сам Пантелеев не обращали внимания, что уж больно часто штабные попадают в салонах, коридорах и в прочих помещениях судна. После чего штабных гнали с «Пиккера» беспощадно и даже издавали грозные приказы, запрещающие офицерам штаба столоваться в кают-компании «Пиккера». Какие-то остряки даже хотели по старому библейскому

сюжету написать картину «Изгнание штабных с «Пиккера» и поднести ее в дар адмиральскому салону.

Шла война, гавань простреливалась почти вдоль и поперек, но «Пиккер» оставался резиденцией адмиралов и именитых гостей, вроде Всеволода Вишневского, временами приезжающего сюда отобедать...

Едва взглянув на вошедшего в салон Трибуца, Пантелеев понял, что случилось что-то, мягко говоря, не совсем хорошее, но спрашивать не стал, а молча протянул командующему бювар с радиограммой. Трибуц даже не тревожно, а как-то затравленно посмотрел на своего начальника штаба. Радиограмма от наркома. А может ли нарком своей властью разрешить эвакуацию? Нет, не может. Тогда почему — личный шифр? Идиотство какое-то! Опять что-нибудь вроде эвакуации золотого запаса Эстонии. Уж не прикажут ли ему вывести весь Вышгород, чтобы тот не достался противнику?!

Наливаясь желчью, адмирал прошел в свою каюту мимо застывших у дверей двух автоматчиков, открыл сейф, вынул шифровальные таблицы, взял карандаш и лист бумаги, зажег настольную лампу и принялся расшифровывать радиограмму наркома. Трибуц хорошо знал свой личный шифр, на всю расшифровку ушло не более десяти минут. Адмирал перечитал текст, вздохнул, положил таблицы и радиограмму наркома в сейф, сжег над умывальником расшифровку и вернулся в салон с несколько повеселевшим лицом. Пока вестовые суетились вокруг командующего, подавая ему завтрак, Трибуц, отвечая на немой вопрос Пантелеева, спросил: «Что «Киров»?»

«Пока, вроде, все хорошо», — ответил начальник штаба, недоумевая, чем вызван этот вопрос и связан ли он с радиограммой наркома.

Трибуц молча принялся за свои любимые куриные котлеты с зеленым горошком. Текст радиограммы наркома продолжал звучать в его голове: «НА ВАШУ ЛИЧНУЮ СТРОЖАЙШУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБЕСПЕЧЬТЕ БЕЗОПАСНУЮ ПРОВОДКУ ТАЛЛИНН-КРОНШТАДТ КРЕЙСЕРА «КИРОВ». КУЗНЕЦОВ».

Адмиралу Трибуцу не требовалось объяснение по поводу того, что означало выражение «личная, строжайшая ответственность». В случае неудачи это выражение означало лишь одно — расстрел в течение двадцати четырех часов.

25 августа 1941, 05:40

Старший лейтенант Ефимов увидел, как шестерка «юнкерсов» в пологом пике несется на его тральщик. Самолеты появились на этот раз с кормового курсового левого борта из-под восходящего солнца. И снова главной целью противника стал «Патрон».

Загрохотали немногочисленные пушки и пулеметы маленького тральщика. С воем упали первые бомбы, и огромные, грязно-серые столбы воды от близких разрывов обрушились на «Патрон». Ложась с борта на борт, то выпрыгивая из воды, то зарываясь в набегавшую, поднятую разрывами бомб волну, тральщик маневрировал на режиме полных боевых ходов — от «полного вперед» до «полного назад». Не спуская рук с машинного телеграфа, Ефимов молился, чтобы дизеля выдержали эти немислимые реверсы. Столбы воды, подсвеченные огнем, вставали справа, слева, по носу и по корме. Волнами налетал приторный запах взрывчатки, и водопадами рушились на палубу и надстройки тонны воды, перемешанные с осколками и поднятой со дна моря грязью. А «юнкерсы» делают заход за заходом с такой яростью, как будто «Патрон» был по меньшей мере тяжелым крейсером. Ни у кого уже не было сомнения — немцам известно, что они везут.

Очередной взрыв грохнул у самого борта. «Патрон» стремительно накренился, и казалось, что он уже никогда не выпрямится. Оглушенный водопадом, обрушившимся на мостик, еле удержавшись на ногах, старший лейтенант Ефимов услышал чей-то крик: «Пробоина, левый борт, под мостиком!»

Ефимов успел заметить, как по тяжело раскачивающейся палубе, через каскады устремившейся за борт воды бегут, скользя, хватаясь за леера, боцман Шевченко, старшина группы электриков Попов, кочегар Котенов, трюмный Шостак и электрик Седякин — вся аварийная партия. Один за другим они исчезают в дверях надстройки. Тяжело выпрямившись, сбрасывая с себя тонны воды, «Патрон», описав циркуляцию, ложится носом на запад. И в тот же момент снова пронзительный крик сигнальщика Харламова: «Юнкерс-87», левый борт тридцать, дистанция сорок!»

«Лево руля!» — командует Ефимов, перекидывая телеграфы. Рулевой — старшина 1-ой статьи Бойцов —

мгновенно разворачивает «Патрон» носом к атакующему пикировщику. Ослепительная вспышка огня, и новый огромный столб воды накрывает «Патрон». Со звоном бьют осколки по надстройке. Медленно, как бы нехотя, опустился на настил убитый наповал сигнальщик Харламов. Рухнул у штурвала старшина Бойцов. Согнулся, застонал и повалился на настил командир отделения сигнальщиков Большаков. Неуправляемый «Патрон», описав почти полную циркуляцию, лег фактически на обратный курс. Это его в какой-то степени спасло. Следующая бомба разорвалась далеко за кормой, нацеленная на продолжение хода по курсу.

Ефимов бросился к штурвалу, выводя тральщик на курс. На мостик вбежал инженер-лейтенант Ванюхин. Ефимов слышал его голос, вызывающий фельдшера на ходовой мостик. Он еще не чувствовал и не знал, что тоже ранен осколком, к счастью, легко. Снова наступила оглушающая тишина. Самолеты ушли.

Следуя в кильватер за «Патроном», шел «Вистурис», левее — МО-208. Ефимов уже хорошо понимал, что этот налет не последний, что противнику хорошо известна его задача, и немцы приложат все усилия, чтобы его маленький отряд никогда не дошел до Эзеля.

25 августа 1941, 05:48

Адмирал Трибуц заканчивал завтрак в кают-компании «Пиккера», продолжая обдумывать сообщение наркома ВМФ. Что это все значит? Должен ли он немедленно отдать Сухорукову приказ подготовиться к немедленному выходу в Кронштадт? Отдать ему лучшие тральщики, обеспечить надежное прикрытие, то есть отдать оба лидера и лучшие эсминцы? Кто возглавит операцию? Дрозд? Может быть, лучше Пантелеев? Или самому повести «Киров»? В радиограмме сказано «под вашу личную, строжайшую ответственность». Это понятно, но как ему уйти, бросив здесь флот. Как уйти? Да очень просто — получил приказ и ушел. Но нарком возлагает на него ответственность, а в радиограмме нет и намека на то, что он, Трибуц, должен или может покинуть Таллинн. Уйдешь — припают дезертирство под огнем. Что они там тянут с эвакуацией, будь они все прокляты! Что делать?! В любой момент «Киров» может

быть потоплен комбинированным ударом авиации и артиллерии или, еще хуже, поврежден настолько, что его придется здесь бросить, как чуть не случилось в Рижском заливе. Как объяснить защитникам города неожиданный уход крейсера? Да, никак! Кто кому в такой обстановке должен еще что-то объяснять! На «Киров» должны погрузить ценности Эстонского банка. Погрузили уже или нет? Что-то никто не докладывал. Пусть и уходит с золотом. И пусть его ведет Сухоруков — опытнее командира не найдешь. А если утопят по дороге? Нет, надо идти самому. Утопят, так и погибнуть вместе с кораблем. Нет, погибнуть не дадут, вытащат и доставят в Ленинград. Никто не захочет отвечать вместо него...

Адмирал Пантелеев, сидя напротив Трибуца, молча ждал, что скажет командующий. Но тот молча допивал чай, не поднимая на своего начальника штаба глаз. Наконец, он посмотрел на Пантелеева и, казалось, уже хотел что-то сообщить, как вдруг корпус «Пиккера» вздрогнул, судно рвануло куда-то вверх и в сторону. Через большие открытые квадратные иллюминаторы послышались какие-то всплески. Адмиралу Пантелееву показалось, что несколько человек прыгнуло с палубы «Пиккера» за борт. Выбежав вместе с Трибуцом на палубу, Пантелеев увидел медленно опадавшие белоснежные столбы на глади Минной гавани и рейда. Огонь вела полевая артиллерия немцев с полуострова Вирмси. Корабли отчаянно маневрировали, избегая снарядов. Трибуц с тревогой искал глазами «Киров». Громада крейсера с помощью суетящегося около нее маленького буксира медленно разворачивалась кормой к берегу. Легкий дымок вился над широкими, слегка скошенными трубами.

Явно нервничая, Трибуц накинулся на Пантелеева: неужели нельзя определить расположение полевых батарей противника на полуострове и огнем флота уничтожить их, чтобы избавить гавани и рейд от этой новой опасности? Никогда не теряющий самообладания Пантелеев заметил, что кораблям трудно занять позиции для обстрела полуострова. Целесообразнее передислоцировать всю массу кораблей и судов, стоящих в различных гаванях. Вывести пока большие транспорта из Купеческой гавани и вместе с катерами-охотниками,

торпедными катерами, буксирами, баржами, гидросамолетами МБР-2 передислоцировать к западу от полуострова Пальясар, куда противник еще не достает своей артиллерией. Борьба с прорвавшимися на Вирмси батареями нецелесообразно. Вся огневая мощь флота нужна для сдерживания немецкого наступления на город, чтобы продержаться до получения приказа на эвакуацию.

Пантелеев пошел отдавать соответствующие распоряжения, а Трибуц остался на палубе, глядя, как по гавани и по рейду засновали, подобно водяным жукам в пруду, катера-дымзавесчики, находившиеся почему-то в подчинении у начальника боевой подготовки флота, капитана 1-го ранга Кудрявцева, а потому вечно запаздывающие с постановкой завес. Но вот за катерами выросло густое плотное облако, окутывающее рейд, скрывая, как в шапке-невидимке, мечущиеся по рейду корабли. Еще раз взглянув на то место, где за плотной пеленой дымзавесы еще угадывался силуэт «Кирова», Трибуц спустился вниз. В салоне по лицу Пантелеева он сразу понял, что за те короткие минуты, что они не виделись, произошло еще что-то важное. Весьма важное. И не ошибся. Пришел ответ от главкома Северозападным направлением маршала Ворошилова. Текст расшифровывался и готовился к докладу с минуты на минуту.

25 августа 1941, 06:10

Адмирал Трибуц облегченно вздохнул. Наконец-то! Слава Богу! В детстве его мать — простая, добрая женщина, жена петербургского околоточного, всегда учила его: коль Бог помогает, повернись к образам и три раза широко перекрестись, чтобы не сглазить. Но образов в салоне «Пиккера» не было. На переборках висели портреты Сталина и Жданова, но желание три раза перекреститься от того, что пришел, наконец, долгожданный приказ, который все поставит на свои места, давно забытой волной охватило адмирала. Флаг придется поднять на «Кирове». Конечно, немцы сделают все, чтобы не упустить крейсер, но и мы примем меры, чтобы этого у них не получилось. Главное — выскочить из этой проклятой мышеловки, а там — будь, что будет.

Приказав Пантелееву собрать к десяти часам утра совещание всех командующих соединениями, флагманских специалистов, начальников служб, а также генерала Николаева с его начальником штаба, Трибуц буквально вырвал кожаную папку из рук начальника спецсвязи и жадно пробежал глазами текст. Видимо, не поверив своим глазам, он прочел его вторично, чувствуя, как холодная испарина, охватив голову, бежит куда-то вниз по спине, груди и животу. Ему хотелось завывать, закричать, но он не мог себе позволить даже стоны, даже мимического недовольства. Огромными усилиями воли сохранив видимую невозмутимость, он протянул телеграмму Пантелееву. Начальник штаба взял телеграмму, видя уже по напряженному лицу командующего, что не прочтет в ней ничего хорошего:

«Военному совету КБФ. Главком Северо-западного направления считает эвакуацию флота и гарнизона Таллинна преждевременной, поскольку средства обороны города далеко не исчерпаны. Для укрепления положения на вашем участке фронта вам приказано:

1. Посредством высадки тактического десанта в ночь на 27 августа нанести удар во фланг и тыл войск противника, наступающих на Таллинн, с Виртсу на Пярну-Мярьямаа и из Хаапсалу на Нисси, расширив тем самым периметр обороны и обезопасив гавани от обстрелов артиллерии противника.

2. Посредством высадки тактического десанта выбить противника с полуострова Вирмси, отрезать его от основной группировки и уничтожить, используя в качестве поддержки артиллерийский огонь «Кирова» и батарей острова Аэгна.

Исполнение донести. Военный совет Северо-западного направления.

Передана 25.08.1941 г. в 05:35. Принята 25.08.1941 г. в 05:42"...

Пантелеев молчал, ожидая, что скажет Трибуц. «Собрать Военный совет,—

приказал командующий.— Вызвать ко мне коменданта Береговой обороны островов, генерала Елисеева. Совещание назначим на 8 часов ровно. Я буду у себя».

Адмирал встал и вышел из салона. В каюте, достав бланк радиограммы спецсвязи, Трибуц быстро написал: «Наркому ВМФ адмиралу Кузнецову. Положение без-

надежно. Промедление приведет к гибели всего флота и гарнизона, а также к падению Ленинграда. Добейтесь разрешения на эвакуацию не позднее завтрашнего утра. Трибуц». Зашифровав радиограмму своим личным шифром, адмирал передал ее дежурному по связи и вышел на палубу «Пиккера».

Ключья дымзавесы еще окутывали рейд. Противник вел редкий огонь. То в одной, то в другой части рейда медленно оседали столбы воды. Корабли яростно отстреливались, пытаясь нащупать батареи противника. Адмирал взглянул на «Киров». В ключьях дымзавесы, окутанный стелящимся по рейду черным дымом, крейсер величественно вел огонь из башен главного калибра по берегу. Неожиданно Трибуцу показалось, что корабль замедлил ход, а затем и остановился, прекратив огонь.

25 августа 1941, 06:35

Капитан 2-го ранга Сухоруков, с тревогой посмотрев в небо, перебросил рукоятки машинных телеграфов на «стоп». Пронзительные свистки боцманских дудок очистили палубу крейсера. Наверх вышел караул старшин с винтовками с примкнутыми штыками. К борту крейсера медленно подходил пограничный катер, на палубе которого стояли автоматчики из личной охраны адмирала Трибуца. Катер доставил на крейсер золото и ценности Эстонского банка. Еще утром военком крейсера Балашев инструктировал специально отобранных матросов: «Придет катер, и все надо выгрузить быстро. Правительственное задание, отвечаем головой. Противник может пронюхать, попытается устроить кораблю ловушку, пустить нас на дно, а потом послать водолазов и завладеть добром. Стало быть, нужна бдительность и еще раз бдительность...»

Для золота выбрали наиболее надежное помещение в недрах корабля, перекрыли доступ туда воды и пара. Командир БЧ-5 лично проверил помещение и запер его на ключ.

Живая цепочка матросов протянулась от трапа левого борта до указанного помещения. Маленький полный человек в макинтоше и широкополой шляпе суетился вокруг матросов: «Осторожнее, товарищи. Не дергайте мешочки, а то рассыпется».

Мешки, наполненные денежными знаками и ценными бумагами, и совсем маленькие мешочки с золотыми монетами передавались из рук в руки по цепочке от трапа и до самого хранилища в носовой части крейсера. Капитан 2-го ранга Сухоруков, стоя на крыле мостика, нервничал, с тревогой поглядывая на небо и на рейд, где свечи от немецких снарядов стали гораздо больше. Видимо, немцы за ночь подтянули к Таллинну тяжелую артиллерию, судя по свечам, — не менее шестидюймовок. Неужели нельзя было ночью провести эту погрузку? Ночью, видите ли, было опасно везти через город такие большие ценности. По ночным улицам бродят банды националистов, а то и просто уголовников. Далеко внизу дымил верный буксир С-105 — поводырь крейсера. Корабль сильно сносило прибрежным течением, и Сухоруков приказал отдать правый якорь. «Киров» загрохотал якорь-цепью, вибрируя от работающих вхолостую машин. А погрузке, казалось, не будет конца. Передаваемые из рук в руки, по палубе плыли холщовые мешки различных размеров, железные и деревянные ящики, какие-то шкатулки. Внутреннее радио надрывалось чьим-то охрипшим голосом, желавшим знать, почему крейсер прекратил огонь.

25 августа 1941, 06:55

Матрос Григорьев, стоя в живой цепи недалеко от вываленного за борт трапа, принимал и тут же передавал следующему мешки и ящики с деньгами. «Быстренько, быстренько!» — подгонял матросов расхаживающий по палубе военком. «Осторожней, осторожней!» — вторил военкому толстенький человечек в макинтоше. Григорьев обливался потом, а грузу все не было конца.

Призванный на флот из Вологодской области, где в деревне у него оставались мать, жена и трехлетний сынишка, он прибыл в экипаж в больших, не по размеру, галифе с двумя пузырями от бедер до самых колен. Еще в экипаже его прозвали «Петька-галифе», и эта кличка прошла с ним через учебный отряд и сохранилась на «Кирове», где он служил горизонтальным наводчиком в кормовой башне главного калибра.

Наконец, все было погружено. Толстяк в макинтоше с какими-то бумагами стал взбираться на мостик.

Военком Балашев лично запер и опечатал помещение, приставив к дверям часового из старшин сверхсрочников.

«По местам стоять! С якоря сниматься! Трап завалить!» — проревела команда с мостика.

Григорьев вместе с другими матросами начал поднимать трап. Что-то заело в блоке, но общими усилиями трап завалили. Григорьев еще успел услышать команду, поданную кем-то из старшин: «Разойтись по боевым постам!», когда в страшном грохоте взрыва ему показалось, что трубы и башни крейсера рухнули ему на спину, придавили к палубе, протащили по ней и покатались куда-то дальше через его голову, сминая все на своем пути. Он закричал, пытался вскочить, но страшная тяжесть, не позволяя шелохнуться, вдавила в скользкий и мокрый настил палубы.

25 августа 1941, 07:05

Адмирал Пантелеев, стоя на мостике «Пиккера» вместе со своим помощником, капитаном 1-го ранга Питерским, понял по столбам воды от падающих снарядов, что противник успел подтянуть к самым предместьям города тяжелую артиллерию. «Не кажется ли вам, — спросил адмирал Питерского, — что «свечки» на рейде стали больше ростом и солиднее?» Капитан 1-го ранга хотел что-то ответить, но в этот момент огромный столб пламени и густого черного дыма поднялся над кормовой башней «Кирова», и до «Пиккера» дотолкался гулкий и смачный грохот взрыва. Все это случилось так быстро и неожиданно, что сначала Пантелеев не понял, что произошло. Крейсер открылся неожиданно в клочьях распадающейся и рассеивающейся дымзавесы. Казалось, что кто-то поднял занавес на сцене, чтобы показать наблюдателям с «Пиккера» эту картину. Окутанный черным дымом «Киров» стоял без движения, грузно раскачиваясь...

На мостик «Пиккера», застегивая на ходу китель, вбежал Трибуц. Едва взглянув на «Киров», он почувствовал, что тупая раскаленная игла воткнулась ему в сердце. Ноги обмякли. Схватившись одной рукой за поручень ограждения мостика, он другой рукой выхватил бинокль у капитана 1-го ранга Питерского. «Киров» предстал

командующему в страшном виде. Окутанный густыми клубами черного дыма, через которые пробивались языки пламени, корабль стоял неподвижно, и на нем не было заметно никаких признаков жизни. Трибуцу показалось, что вот сейчас сдетонирует кормовая башня, и крейсер, разломившись пополам, грудой обгоревшего и искореженного металлолома затонет на рейде, а ему, Трибуцу, уже ничего не останется делать, кроме как пустить себе пулю в лоб. Если успеет... Огромный столб воды от близкого недолета белым саваном поднялся, как показалось командующему, у самого борта неподвижно стоявшего «Кирова», затем еще один...

«Дымзавесчики! — неожиданно заорал Трибуц. — Где дымзавесчики?! Кудрявцева под трибунал! Расстрелять! Перед строем расстрелять!»

«Владимир Филиппович...» — начал было Пантелеев, но Трибуц оборвал его.

«Молчать! — снова заорал командующий так, будто перед ним был не адмирал, а пьяный матрос, пропивший свое обмундирование и пытавшийся сейчас оправдаться. — Молчать! Катер к борту! Быстро со мной на крейсер!»

Адмирал Пантелеев пожал плечами. Истерика командующего ему была совершенно не понятна, как и всем, кто был свидетелем этой сцены на «Пиккере». Всегда носивший маску полной невозмутимости, Трибуц сорвался впервые за всю войну. Пройдут долгие годы, прежде чем оставшиеся в живых поймут, что творилось в душе адмирала Трибуца в те страшные августовские дни и что мотивировало многие его поступки, кажущиеся по меньшей мере странными даже спустя полвека.

25 августа 1941, 07:07

Сердце капитана 3-го ранга Ефета дрогнуло. С мостика эскадренного миноносца «Гордый» был ясно виден сноп огня и черного дыма, взметнувшийся над крейсером «Киров». Столбы воды от падавших непрерывно вокруг крейсера снарядов ежеминутно грозили непоправимой катастрофой. Черные с грустинкой глаза Ефета загорелись боевым азартом: «Поднять сигнал: «Прощу не мешать моим действиям!»

Старшина сигнальщиков Иванов метнулся к фалам:
«Есть поднять сигнал!»

«Боевая тревога! Корабль к постановке дымзавесы изготовить!»

Звонкая трель колоколов громкого боя разнеслась над палубой эсминца, взлетела в душные помещения нижних боевых постов. На мостике Ефет возбужденно инструктировал штурмана Лященко и рулевого Лагутина: «Держать вдоль побережья, как можно ближе. Следить за глубинами...»

«Кормовой химпост к постановке дымзавесы готов», — прохрипела переговорная труба голосом старшины второй статьи Емельяненко.

Черт возьми, эсминец зовется «Гордый» или нет?! Надоело ходить невычисленными курсами в душной мышеловке гаваней, хочется размяться на полном ходу.

Ведь еще недавно сам Ефет мечтал не только о лихих торпедных атаках, но даже и о таранах, о чем даже написал статью в шестом номере «Морского сборника» за 1938 год. Статья так и была озаглавлена «Возможно ли применение тарана в наши дни?» Заметив, что западная военно-морская мысль совсем не развивается в этом направлении, Ефет предлагал взять на заметку это мощное оружие, ибо даже линкоры способны таранить друг друга, если их командиры и экипажи имеют достаточно «решительности, инициативы, силы воли и присутствия духа...» Рвался в бой лихой командир «Гордого», в такой бой, к которому его готовили браваурные предвоенные фанфары и барабаны...

Быстро взглянув на корму, Ефет увидел старшину Емельяненко, хлопотавшего у дымовых шашек. У боевого поста постановки дымзавес распоряжался расторопный котельный машинист Федоров. Надев наушники, он ждал команды.

«Полный ход!» — скомандовал Ефет. Подняв огромный бурун, стремительно

увеличивая скорость, на виду у противника, «Гордый» направился к берегу и устремился вдоль его изгиба. Немцы открыли по эсминцу шквальный огонь из минометов и пулеметов. Пули и осколки засвистели над палубой, зазвенели о сталь надстроек и бортов. Ответный огонь открыли сорокапятимиллиметровые орудия эсминца и крупнокалиберные пулеметы. На полном ходу

эсминец вышел под ветер. Старпом капитан-лейтенант Красницкий, стараясь перекрычать грохот выстрелов, крикнул в телефон: «Дым!»

Старшина Федоров увеличил поступление в котлы мазута, и из трубы эсминца вырвался сплошной столб копоти. Копоть поднималась к небу на небольшую высоту, а затем плавно стелилась над рейдом, скрывая от противника стоящий без движения крейсер. А внизу, над самой водой, за эминцем вырастал плотный шлейф серо-желтого дыма...

В районе памятника «Русалке», где немцы просочились к заливу, огонь противника стал особенно плотным. Над верхними боевыми постами непрерывно свистели пули. Стоявший во весь рост старшина Федоров был на виду у противника. По нему стреляли даже из автоматов. Старшина почувствовал острую боль в кисти руки, видел, как брызнула кровь, но не выпустил из рук маховика, регулирующего подачу мазута. Сорвав с себя вылинявший воротник, он зубами обернул им руку. Плотная дымзавеса снова окутала рейд. Даже с мостика «Гордого» нельзя было разглядеть хотя бы силуэта крейсера «Киров».

25 августа 1941, 07:10

Капитан 2-го ранга Сухоруков успел заметить, как взрывом снаряда разметало матросов, заваливавших трап. Трап снова вывалился за борт, повиснув почти вертикально на уцелевших таях. Клубы черного дыма и языки взметнувшегося пламени закрыли место трагедии. Корабль вздрогнул. Где-то посыпались стекла, мигнул и погас свет в ходовой рубке. Оглушенный не столько взрывом, сколько самим происшествием, капитан 2-го ранга на какое-то мгновение потерял способность реально осознавать обстановку. Сухоруков успел заметить, как на корму кинулся его старпом капитан 3-го ранга Дегтев с матросами. Слышны были крики: «Пожар! Шланги, шланги давай!», тяжелый мат и чьи-то не то стоны, не то вой. Столб от очередного немецкого недолета обрушился на палубу «Кирова» каскадами грязной воды. Несколько человек сбило с ног и понесло по палубе...

Придя в себя, капитан 2-го ранга Сухоруков бросился к машинному телеграфу, переводя его на «малый

вперед». Машина не отвечала. Штурман крейсера капитан-лейтенант Пеценко схватил трубку телефона, безрезультатно пытаясь вызвать машинное отделение. Никто не отвечал. Сухоруков, продолжая звенеть машинными телеграфами, резко крикнул: «Рассыльный! В машину быстро! Что там случилось?»

На мостике в накинутой на плечи шинели, с серым помятым лицом появился адмирал Дрозд: «Что случилось?»

Не отвечая, Сухоруков продолжал вызывать машинное отделение.

«Гордый» ставит завесу!» — прокричал сигнальщик с крыла мостика.

«Машина, машина! — надрывался Пеценко в телефон. — Ответьте мостику! Машина!»

«Что случилось?» — снова спросил Дрозд, и снова ему никто не ответил.

В переговорной трубе раздался голос капитана 3-го ранга Дегтева: «Попадание снаряда, видимо, шестидюймового, в палубу у кормовой башни, в районе 124 шпангоута. Пожар под контролем...» Переговорная труба замолкла. *

Адмирал Дрозд вышел из рубки и встал на крыле мостика рядом с сигнальщиками, тяжело дыша в плотном дыму завесы.

«Машина! Ответьте мостику!» «Докладывает пост живучести: разрушен кубрик № 17 и лазарет. Сильный пожар в районе третьего поперечного коридора...»

«Машина! Ответьте мостику! Машина, ...вашу мать!» «Докладывает пост живучести: сильный пожар в районе основного ПМП. Эвакуируем раненых...» Сквозь треск статических помех надрывалось УКВ: «Прошу завесу! Квадрат 72-17, упреждение 07! Танки! Много танков! Квадрат 72-17! 72-17! Как поняли меня? Квадрат...»

«Машина! Ответьте мостику!»

25 августа 1941, 07:12

Придя в себя, стоявший на реверсах в машинном отделении старший инженер-лейтенант Шатилло понял, что лежит на пойелах лицом вниз. Совершенно внезапно палуба ушла из-под его ног, он потерял равновесие, успел заметить, что погас свет, ударился головой обо

что-то и, видимо, на какое-то мгновение потерял сознание.

Старшина турбинистов Михайлов сумел удержаться на ногах. Когда погас свет, а сверху посыпались осколки, ему показалось, что это уже конец. Вахта у маневровых клапанов была изнуряющей. Стрелка машинного телеграфа крутилась, как одуревшая муха. Обливаясь потом, Михайлов еле успевал крутить штурвал. Неожиданно стрелка машинного телеграфа встала и застыла на «стоп». Машинисты перевели дыхание, радуясь неожиданному отдыху, но вдруг резкий удар и кромешная темнота превратили их боевой пост в нечто гораздо более страшное, чем могильный склеп.

«Наверх надо уходить, — закричал кто-то в темноте. — Погибнем здесь все!» В голосе кричавшего слышались явные истерические нотки.

Шатилло, превозмогая тупую боль в затылке, поднялся на ноги. «Всем оставаться на местах! — приказал он. — Включить аварийное освещение!»

Аварийное освещение должно было включиться автоматически, когда из-за выбитых предохранителей погасло основное. Но автоматика всегда подводила. Подвела и на этот раз. В темноте Шатилло слышал непрерывные звонки машинного телеграфа, но не мог прочесть на циферблате приказ. Растерявшись на какое-то мгновение, он пытался нащупать телефон, висевший неподалеку на переборке, но не смог. (Позднее выяснилось, что страшным ударом телефон сорвало с переборки, и он повис на проводах, которые в свою очередь оказались перебитыми осколками в нескольких местах). Казалось, прошла целая вечность, пока, наконец, вспыхнул тусклый свет аварийного освещения. Машинный телеграф, непрерывно звеня, показывал «Средний ход». Шатилло успел заметить валявшийся на пойелах свой электрический фонарь с разбитым стеклом, но с вроде бы целой лампочкой. Он позвонил на мостик, давая понять, что приказ принят, когда где-то наверху с грохотом открылся люк, куда просунулась голова присланного Сухоруковым рассыльного: «Эй, машина! Что у вас случилось?»

«Все в порядке!» — прокричал в ответ инженер-механик и, подняв фонарь, включил его. Фонарь горел.

25 августа 1941, 07:13:20

Капитан 2-го ранга Сухоруков принял, наконец, ответные звонки из машинного отделения. «Киров» вздрогнул и медленно двинулся вперед, распарывая мачтами ключья дымовой завесы. С КДП на мостик спустился командир дивизиона главного калибра, старший лейтенант Шварцберг. УКВ продолжал надрываться, прося огня. Надо было поточнее определить, куда снесло крейсер, пока он стоял без хода, разобраться в потерях и повреждениях. На мостик взбежал старший помощник 3-го ранга Дегтев. Пожар потушен, повреждения уточняются, но в целом по башням и плутонгам все в порядке, все боевые посты к бою готовы. Корабль не потерял боеспособности ни на йоту. Сухоруков спросил о людских потерях. «Много раненых», — ответил Дегтев. Помолчал и добавил: «И обожженных». «А убитых?» — поинтересовался Сухоруков. «Человек десять, — ответил старпом. — Уточнят — доложат». Сухоруков, закусив губу, посмотрел на старпома и хотел что-то сказать, когда раздался крик сигнальщика: «Товарищ командир! Сигнал на «Пиккере» — «Приготовьтесь принять командующего».

Этого только и не хватало. Сейчас будет почище попадания снаряда.

«Малый ход, — скомандовал Сухоруков, — лево — пять».

По привычке он с тревогой посмотрел на небо. Что-то сегодня немцы задерживаются с налетом. Не к добру.

«Уточните немедленно потери в личном составе, — обратился он к Дегтеву. — Быстро!»

25 августа 1941, 07:14

Матрос Григорьев, придя в себя, понял, что подняться на ноги у него нет сил. Ему казалось, что сотни огромных игл или спиц пригвоздили его к палубе. Голова не держалась, глаза заволакивала какая-то радужная пелена, кровь шла из носа и разбитых губ. Кругом никого не было. По крайней мере он никого не видел. Только он один, ничком, пригвожденный страшными иглами к мокрой, грязной палубе. Он хотел закричать, но из пересохшего рта вырывался только натяжной хрип. Он снова открыл глаза и понял, что лежит неда-

леко от кормовой башни главного калибра, где по боевому расписанию он был горизонтальным наводчиком. Невдалеке от башни из люка с развороченной крышкой валили клубы черно-бурого дыма. Григорьеву показалось, что в упругих клубах дыма пляшут яркие языки пламени. А может быть, это было не пламя, а кровавая пелена застилала ему глаза? Он не мог сообразить, почему никто не тушит пожар, бушующий почти под самой башней главного калибра. Ведь корабль сейчас взлетит на воздух! Григорьев стал извиваться, стараясь на израненных осколками руках подняться и доползти до башни.

«Ребята! — закричал он. — Под вами пожар! Пожар!» Он не чувствовал, как чьи-то руки подхватили его, он не видел, как чей-то ботинок выпихнул за борт шматок тлеющей почти у самой его головы то ли пакли, то ли ветоши.

Последнее, что он слышал, снова теряя сознание, это как чей-то голос спросил: «А куда его нести, товарищ главстаршина? Санчасть-то разбита». А затем пришло спасительное беспамятство.

25 августа 1941, 07:20

Начальник медицинской службы крейсера «Киров», майор Румянцев, метался в ядовитом дыму и крошечной тьме поперечного коридора, примыкавшего к кормовому лазарету, где был развернут основной пункт первой помощи. Снаряд, пробив верхнюю палубу, разорвался в кубрике рядом с лазаретом, разворотив легкие переборки, вспучив палубу в нескольких местах, наполнив глухие коридоры и помещения ядовитыми газами и вонючим дымом от вспыхнувшего пожара. Погас свет. В полной темноте стоял страшный вой голосов. Кричали и хрипели раненые и отравленные газами; кричали, матерились, кашляли со смертельным надрывом те, кого принято считать не пострадавшими. Люди металась в темноте, не соображая в панике ничего. Даже того, что надо одеть противогазы.

Майор Румянцев и перевязочный врач лейтенант Зятюшин, чудом уцелевшие в разбитом лазарете, пытались навести порядок, но их никто не слушал. Обстановка осложнялась еще тем, что в разрушенные по-

мещения ворвались матросы из дивизиона живучести во главе с инженер-лейтенантом Аврутисом, разматывая за собой пожарный шланг. Пробившись по чьим-то телам через груды развороченного железа к горящему кубрику и лазарету, они ударили по огню струями из шлангов, быстро сбив пламя. Но дым пошел еще пуще.

«Всем одеть противогазы!» — неожиданно заревел в темноте голос старшего помощника, капитана 3-го ранга Дегтева. У майора Румянцева противогаза не было. Аврутис осветил его лучом аккумуляторного фонаря. На медика страшно было смотреть. В грязном, забрызганном кровью халате, с разбитым закопченным лицом, по которому ручьем текли слезы из изъеденных дымом глаз, со включенными волосами без фуражки майор напоминал какое-то страшное видение из кошмарного сна. Вода из шлангов переливалась по палубе, капала с подволока, текла по переборкам. Люди скользили по мокрой палубе, падали, калечась об острые углы развороченного железа.

Казалось, прошла вечность, когда, наконец, зажглось аварийное освещение. Включилась вытяжная вентиляция. Картина была страшной. В сизом дыму, среди искореженного железа лежали вповалку мертвые, раненые, искалеченные, оглушенные, контуженые. Из кормового лазарета еще валил густой дым.

Лейтенант Зятюшин, одев противогаз, бросился в лазарет. Там, оглушенные и контуженые, остались лежать фельдшер и санинструктор.

Началась страшная работа по сортировке, то есть отбору раненых, складированию убитых, по оказанию первой помощи легкораненым и травмированным. Скользя по воде и крови, засновали санитары. Румянцев и Зятюшин, склонившись над очередным лежащим ничком матросом, быстро давали указания санитарам: «В клуб! В операционную! На верхнюю палубу под брезент!»

Оставив Зятюшина распоряжаться на месте катастрофы, майор Румянцев направился к себе в каюту, чтобы, быстро приведя себя в порядок, поспешить на помощь хирургу корабля, капитану Нуборяну, который в операционной пытался спасти тех, кого еще можно было спасти. Голова гудела от легкой контузии, садни-

ло лицо, слезы лились из разъеденных глаз, горели исцарапанные, кровоточащие руки — тонкие нежные руки хирурга. Приступы кашля и тошноты конвульсиями рвали внутренности. Майор решил выйти наверх, чтобы глотнуть свежего воздуха, а потом уже отправиться к себе, но у трапа, ведущего на верхнюю палубу, он увидел незнакомого мичмана с повязкой «рцы» на рукаве. «Нельзя туда, — сказал мичман. — Иди низами на перевязку». Он, видимо, тоже не знал Румянцева и принял начальника медицинской службы за одного из раненых при взрыве.

«А что случилось?» — с трудом шевеля разбитыми губами, спросил майор.

«Командующий прибыл. Давай, иди», — хмуро ответил мичман.

Придя к себе в каюту, Румянцев обтер лицо спиртом, умылся, посидел минуту с закрытыми глазами и, одев чистый халат, поспешил в операционную.

25 августа 1941, 07:30

Адмирал Трибуц, сунув руки в карманы пальто, молча слушал объяснения капитана 2-го ранга Сухорукова, глядя с мрачным видом на развороченную палубу «Кирова». Адмирал Пантелеев и группа штабных офицеров, сопровождавших командующего, спустились вниз. Трибуц спускаться вниз отказался. Адмирал Пантелеев, побыв внизу минуты три, также поднялся наверх. «Дышать там невозможно», — пробормотал он, подходя к командующему и командиру крейсера.

Доклад Сухорукова был успокаивающим. Корабль не потерял ни боеспособности, ни мореходных качеств. Снаряд, к счастью, не повредил никаких жизненно важных систем крейсера. Разрушены лазарет, кубрик, коридор, перебито несколько трубопроводов пожарной магистрали. Ну, и так далее по мелочам. Потери в личном составе незначительны.

Трибуц поднял правую бровь, желая уточнения. Сухоруков на минуту замялся. «Девять убитых, тридцать тяжелораненых. Некоторые не выживут. Легкораненых много, но они остались в строю».

Пантелеев неожиданно рассмеялся: «Легко отделались».*

Крейсер средним ходом шел, удаляясь от побережья, кутаясь в остатки завесы.

Спустившись с Сухоруковым в его каюту, Трибуц, не снимая фуражки, сел в кресло, мельком взглянув на висевшие на переборке портреты Сталина, Жданова и Кирова, помолчал, а затем сухо сказал:

«Готовьтесь к переходу в Кронштадт». «В одиночку?» — спросил Сухоруков.

«Прикрытие дадим». «Более трети экипажа у меня на берегу, товарищ командующий», — напомнил Сухоруков. «Ничего, — поморщился Трибуц, — переход небольшой. Подготовьте помещения для штаба. Раненых сдайте на берег». «Но есть разрешение, — осмелился заметить Сухоруков, — оставлять раненых в корабельных стационарах, чтобы...» «Раненых сдайте на берег, — повторил Трибуц. — Будьте готовы принять на борт штаб и кое-кого из местного правительства с семьями. С наступлением темноты будьте в полной готовности к выходу. Все остальное — по мере необходимости».

*Адмирал Пантелеев в своих мемуарах «Морской фронт» дает следующее описание этого эпизода: «...снаряд угодил в корму крейсера «Киров». Столб пламени, черный дым, густой и гулкой взрыв... Мы с комфлотом отправились на крейсер выяснить, какая помощь нужна кораблю. К счастью, никого не убило, лишь осколками легко ранило несколько человек. Но палуба на юте и кормовые помещения сильно разворочены. Пожар быстро потушили». Адмирал не уточняет, зачем понадобилось из-за такого пустяка, как попадание одного 152-миллиметрового снаряда в крейсер, прибывать на его борт в разгар боев самому командующему флотом и его начальнику штаба. В том же, что Пантелеев «не заметил» потери сорока человек экипажа «Кирова», тоже нет ничего удивительного. Без стыда сознавшись в потере двадцати миллионов человек на суше, мы почему-то до сих пор пытаемся скрыть и уменьшить несоизмеримо меньшие потери на кораблях. Писатель Створинский, цитируя вахтенный журнал «Кирова», пишет о трех убитых и двух раненых. Капитан 1-го ранга Правиленко в своей книге «Корабли не умирают» правильно называет цифру девять убитых, но почему-то говорит только об одиннадцати раненых. И, наконец, ЦВМА, д.8948, л.6 называет цифру в девять убитых и тридцать раненых. Под документом подписи Сухорукова и Румянцева.

Адмирал встал и направился к выходу. На верхней палубе его ждали Пантелеев и Дрозд. Трибуц угрюмо посмотрел на Дрозда. Прохиндей! Решил сказаться больным в такое время! Как Меньшиков в Крымскую войну. За «Киров» должен отвечать Дрозд как командующий ОЛС, а не он, Трибуц. Ничего, он сейчас приведет его в чувство. Дрозд приложил руку к козырьку: «Вызывали, товарищ командующий?» Глаза контр-адмирала на бледном, отекевшем лице не выражали ничего.

«Как здоровье?» — поинтересовался Трибуц. Дрозд пожал плечами. «Поедете со мной на «Пиккер», — продолжал командующий. — Важное совещание. Необходимо ваше присутствие».

«Но, — начал было Дрозд. — Я.., Солоухин...» «Солоухин тоже будет присутствовать», — оборвал его Трибуц, направляясь к трапу, около которого прыгал на волнах вслед за идущим крейсером штабной катер. Что делать с Дроздом? Или его нужно убирать с «Кирова», или лучше оставить, чтобы разделить ответственность. Но, во всяком случае, положить конец этому самоустранению!

С мостика «Кирова» капитан 2-го ранга Сухоруков смотрел на удалявшийся штабной катер. Он понимал, что командование разработало вариант собственного спасения и вывода из Таллинна наиболее ценных боевых единиц флота. А гарнизон, видимо, решили предоставить собственной судьбе.

Описав координант, «Киров» снова шел к побережью, величественно разворачивая свои грозные 180-миллиметровые башни главного калибра. С наветренного борта шли три катера-дымзавесчика. Верный буксир «С-105» держался слева по носу.

Сухоруков повернулся к своему старпому Дегтеву: «Подготовьтесь к отправке раненых на берег».

Ответ Дегтева заглушил залп орудий главного калибра.

25 августа 1941, 07:40

Сознание медленно возвращалось к матросу Григорьеву. Первое, что он увидел, открыв глаза, были знакомые плакаты корабельного клуба, превращенного в

лазарет. «Бей врага смертным боем — будешь героем», — подсознательно прочел он на одном из плакатов, где богатырского сложения матрос лупил прикладом трехлинейки целую свору гитлеровцев, тщетно пытавшихся прикрыться от ударов гиганта автоматами Шмайсера. Григорьев снова закрыл глаза. Он понял, что лежит на столе, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Вокруг него на сдвинутых столах кроваво-белыми коконами стонали, хрипели и задыхались раненые.

Ближе всех, на придвинутом вплотную соседнем столе, лежал машинист Федоров. Из-под окровавленных повязок сочилась кровь. Кровь текла и изо рта. Моряк был в беспамятстве, хрипел и повторял в бреду одно лишь слово: «Дочка!..»

Григорьев снова впал в забытие, а очнулся от звука голоса: он узнал голос старпома, капитана 3-го ранга Дегтева, который шел по узкому проходу между столами, сопровождаемый майором Румянцевым и хирургом, капитаном Нуборьяном. «Катер подойдет к правому борту через пять минут, — проговорил Дегтев медикам. — Клуб очистить. Всех на берег — в госпиталь».

«Но ведь есть указание начальника медслужбы КБФ, — пытался возразить Румянцев, — по возможности, оставлять тяжелораненых в корабельных стационарах, чтобы не перегружать береговые госпитали».

«Катер будет через пять минут, — повторил капитан 3-го ранга Дегтев, — поторопитесь. Корабль останавливаться не будет».

«Товарищ старпом, — услышал Григорьев голос хирурга Нуборьяна, — эти раненые — послеоперационные. Они нетранспортабельны, тем более их ждут минимум четыре перегрузки. Мы не доведем их живыми до госпиталя». Ответа старпома Григорьев не слышал, поскольку снова потерял сознание.

Очнулся он от боли, когда его перекладывали на носилки. Он посмотрел на хмурые лица санитаров, привязывающих его к носилкам и застегивающих клапан на ногах. «Прощай, браток», — со вздохом сказал один из них, глядя куда-то в сторону. У Григорьева сжалось сердце. Он понял, что даже если уцелеет, никогда уже не вернется на корабль. Не возвращались матросы из береговых госпиталей на корабли! Всех пожирал затем кровожадный молох огромного сухопутного фронта, где

потери менее десяти тысяч человек даже и не учитывались, как бесконечно малые величины.

Григорьев несколько раз терял сознание, пока его несли по крутым корабельным трапам на верхнюю палубу, порой поднимая носилки почти вертикально вверх, нещадно задевая его израненное осколками тело о какие-то выступы, острые, как штыки. На верхней палубе он снова пришел в себя, увидев катер, прыгавший около трапа. Три матроса, с трудом удерживая равновесие на болтающейся, как мыльница, палубе катера, принимали носилки, которые буквально скидывали им на руки матросы крейсера. «Киров» маневрировал в режиме средних ходов, ведя огонь по-башенно с интервалами в несколько секунд. Корабль скрежетал и вибрировал. Пороховой дым, смешиваясь с черным дымом сгоревшего мазута, стелился по палубе. Носилки Григорьева снова ударились обо что-то острое, пронзившее, казалось, насквозь его тело в нескольких местах, и матрос, в который уже раз, ушел в спасительное беспамятство.

25 августа 1941, 07:45

Увидев на горизонте очередную «пятерку» «юнкеров», старший лейтенант Ефимов уже и не надеялся, что они пройдут стороной. И не ошибся. Демонстрируя прекрасную выучку, «юнкеры» четко выполненным боевым разворотом легли на курс атаки и ринулись на маленький отряд. Снова слились воедино пронзительный вой пикирующих самолетов, грохот пушек и зенитных пулеметов, оглушающий гром близких разрывов авиабомб. Столбы воды, поднятые бомбами, накрывали «Патрон» с головой. С соседнего «Вистуриса» несколько раз казалось, что «Патрон» уже скрылся под волнами. Даже клотика мачты тральщика не было видно. Каскады воды, заливавшие тральщик, не давали возможности четко совершать маневры уклонения от падающих бомб. Падают тонны воды, гремят об обшивку осколки.

И вдруг ослепительная вспышка в небе... «Сбили!» — не своим голосом возбужденно орет раненый командир отделения сигнальщиков Большаков. Зрелище эффектное, когда огромная машина от удачного

попадания распадается до винтика, причем в одно мгновение! В азарте Ефимов кричит с мостика командиру зенитного расчета старшине 1-ой статьи Шохину: «Так их, Николай! Бей, мать их, в гробовую доску!» Шохин, конечно, ничего не слышит. Зенитки ведут непрерывный огонь, направляя огненные трассы навстречу падающим на тральщик самолетам.

Снова взрыв... От пулемета ДШК отбрасывается на надстройку и медленно оседает на палубу пулеметчик Мелихов. Из распоротого живота на палубу вываливаются страшные дымящиеся внутренности. Но даже для того, чтобы ужаснуться страшной картиной, нет времени. Ранен осколком и пытается ползти по палубе, харкая кровью, помощник командира, лейтенант Спорышев.

Еще один грохочущий всплеск поднимается рядом с бортом. «Патрон» выпрыгивает из воды и валится на борт. Со стоном падает и начинает корчиться на настиле мостика лейтенант Ванюхин...

Тишина наступает внезапно. Четверка «юнкеров», построившись уступом, уходит на север. Ефимов осматривает отряд: все целы. На палубу своего тральщика старается не смотреть. «Так вообще весь экипаж перебьют, пока дойдешь».

На мостик поднимается фельдшер: «Товарищ командир, вы ранены?»

«Осмотри комиссара, — отвечает Ефимов, показывая на лежащего ничком Ванюхина, и командует в машину. — Вперед полный, по возможности!» «Дайте сигнал «Вистурису» подтянуться. Охотнику держаться справа от меня. Ничего, ребята, скоро придем». Никто не ответил. Все знали, что еще впереди восемнадцать часов хода.

25 августа 1941, 07:55

Фельдшер Амелин видел, как три пикировщика устремились на их маленький «ижорец». Командир тральщика лейтенант Игин и политрук Чертов, приложив руки к глазам, пытались не упустить момента, когда бомбы отделятся от самолетов. «Юнкеры» появились неожиданно, всего их было девять. Разделившись на «тройки», самолеты атаковали тральщики и «Трувор», а

«Рулевого», казалось, вообще не заметили. Все бомбы бухнули почти одновременно, и все мимо. Никто почти не стрелял. На «сорок втором» и «сорок третьем» были пулеметы, но открыть огонь не успели, «Рулевой» вооружения не имел, а «Трувор» имел 75-миллиметровое орудие, которое по самолетам не стреляло — только по кораблям. Массивный ледокол даже не успел совершить маневра, как столбы воды от сброшенных бомб выросли далеко слева за его кормой. «Трувор» подпрыгнул, как мыльница в тазу, продолжая идти вперед, подминая воду под свой тупой форштевень.

Рациональный ум фельдшера Амелина никак не мог взять в толк, как немцам не лень гонять самолеты и тратить бомбы на такие ничтожные цели. Неужели дела их идут настолько хорошо, что у авиации непосредственной поддержки уже нет никаких других задач, кроме как выискивать в море катерные тральщики?

25 августа 1941, 08:00

Анна Щетинина — единственная тогда в Советском Союзе, да, пожалуй, и в мире, женщина-капитан дальнего плавания, стоя на полуразрушенном мостике своего парохода «Сауле», прильнув к биноклю, следила, как высоко в небе, построившись журавлиным клином, шли «юнкерсы», направляясь явно к Таллиннскому рейду. Сегодня они что-то запаздывали, обычно давая знать о себе еще в предрассветных сумерках. Видимо, накануне был парковый день.

Щетинина, несмотря на молодость (ей едва минуло 30 лет), была уже одним из наиболее опытных капитанов в системе Народного Комиссариата Морского флота. Долгое время она работала на Камчатке, где кошмарные погодные условия с непредсказуемыми штормами, тайфунами и туманами, постоянно меняющимися ветрами и течениями веками выковывали наиболее опытных и отважных моряков. Ходила она и океанами, перегоняя на Дальний Восток купленную у немцев «Кооперацию», а перед самой войной получила задание перегнать Северным морским путем несколько судов с Балтики на Тихий океан. Война помешала этому плану, и Щетинина, оставленная на Балтике, получила в командование

старый эстонский пароход «Сауле», чувствуя себя весьма непривычно в узких, набитых мелями и банками, мышеловках Финского и Ботнического заливов после бескрайних тихоокеанских просторов Дальнего Востока.

Без всякого сопровождения старый, маленький «Сауле» возил грузы и войска в Выборг, на Готланд, на Лавенсаари, в Ораниенбаум и Кронштадт. Маяки не работали, все вехи и ограждения были сняты, моряки благословляли ночную тьму, туман, дождь и мглу, проклиная ясную погоду, всегда готовую взорваться воем пикирующих бомбардировщиков и веером торпед с подводных лодок.

Пароходу «Сауле», благодаря опытности и осторожности Щетининой, везло: весь июль война никак не давала о себе знать во время плаваний старого судна.

В начале августа «Сауле» вышел из Ленинграда на Лавенсаари с грузом торпед, различного оборудования и продовольствия для базирующейся на острове бригады торпедных катеров. Впереди шел пароход «Сигулда» под командованием капитана Беклемишева. Небольшой конвой вели катерные тральщики и два катера охотника. Ночь прошла без происшествий, но с первыми лучами рассвета в тралах начали рваться мины. С мостика «Сауле» Щетинина ясно видела неожиданно и страшно встававшие впереди стены воды, сопровождавшиеся глухим рокотом взрывов и тяжелыми ударами в подводную часть судна. «Сауле» двигался самым малым ходом, держа курс на широкую корму «Сигулды».

Около семи часов утра над конвоем в ясном голубом небе среди редких кучевых облаков появился самолет-разведчик противника. Как бы купаясь в нежной голубизне августовского неба, немецкий самолет, поблескивая стеклами кабины, лениво совершил круг над конвоем и исчез где-то в юго-западном направлении. По конвою флажными сигналами была дана команда усилить наблюдение за воздухом и приготовиться к отражению воздушного нападения.

Но как ни вглядывались Щетинина и ее сигнальщики в бездонную голубизну неба, черточки приближающихся пикировщиков они увидели только тогда, когда с сопровождающих катеров-охотников раздался резкий грохот очередей зенитных пулеметов. Черточки росли с невероятной быстротой. Пикировщики шли

парой, видимо, управляемые стажерами, поскольку пошли в атаку в пологом пикировании, включив для пущего страха сирены. Следя за самолетами, Щетинина давала команды на руль, но маневрировать в узкой протраленной полосе было почти невозможно. Она видела, как по палубе парохода бегали краснофлотцы военной команды, ведя огонь из винтовок по приближающимся пикировщикам. Наконец, две черные капли отделились от плоскостей «юнкерсов». Самолеты с воем пролетели над пароходами и взмыли вверх. О кормовые надстройки и палубный настил «Сауле» лягнула крупнокалиберная очередь хвостового стрелка, и в этот же момент все четыре бомбы рванули между судами в стороне от курса. Наступила та характерная гнетущая тишина, что бывает только после воздушных налетов — тугая, страшная и какая-то звенящая. А затем нахлынул впервые за войну страх, страх собственной беспомощности перед господством противника в воздухе, страх, сопровождавший Щетинину впоследствии через всю войну даже в тех районах, где немецкой авиации не было и в помине.

Сдав груз, пароходы под покровом ночи без сопровождения вернулись в Ленинград. Между тем уже был сдан Выборг, а критическое положение Таллинна требовало принятия срочных мер по эвакуации главной базы КБФ. И хотя об эвакуации никто не смел еще даже заикаться, было ясно, что она последует со дня на день, и надо к ней готовиться. К Таллинну начали стягивать пароходы и транспорта.

18 августа «Сауле» и «Сигулда», снова идя малым ходом за тральщиками, под прикрытием катеров-охотников вышли в Таллинн. Погода опять, как назло, стояла прекрасная. Щетинина нервничала, наорала на своего старпома Брызгина, задергала штурмана, бесконечно перепроверя прокладываемый курс, все время тревожно посматривая на небо. Предчувствия ее не обманули.

Конвой подходил еще только к южной оконечности Гогланда, когда из-под солнца выскочили немецкие пикировщики, видимо, пилотируемые на этот раз опытными пилотами, судя по тому, как четко самолеты перестроились в боевой порядок и как круто стали ложиться на крыло, заходя в атаку. На этот раз их было шестнадцать. Щетинина не могла объяснить себе, от-

чего два маленьких старых суденышка, к тому же идущие порожняком, служат мишенью в столь яростных атаках почти целого полка пикирующих бомбардировщиков! Методически, последовательно, один за другим, «юнкеры» валились на крыло и пикировали на конвой. Вой пикировщиков и свист падающих бомб заглушали гулкие удары по подводной части суда, лязг осколков по надстройкам, шум падающей на палубу грязной воды от близких разрывов. Неожиданно с мостика «Сауле» увидели, как на корме «Сигулды» встал столб огня и черного дыма, и она, оседая кормой в воду, повернула к берегу, чтобы выбраться на мель...

Налет кончился, и одинокий «Сауле» пришел на рейд Таллинна, надеясь на передышку. Щетинина приказала отдать якорь, потравив канаты с расчетом немедленной съемки при первой же угрозе налета. Время приближалось к полудню. С камбуза доложили, что обед готов, и команда получила разрешение обедать. Сбросив свой китель на крыло мостика и оставив за себя старшего помощника, Щетинина также спустилась вниз пообедать. Но не успела она сесть за стол, как услышала пронзительный вой сирен и грохот зенитных орудий. Щетинина выскочила из-за стола, но в этот момент раздался грохот взрыва, звон разбитого стекла и треск ломающегося дерева. Ее сбilo с ног и отбросило к переборке левого борта. Фарфоровая супница, так некстати слетев с обеденного стола, разорвалась подобно бомбе, обдав лежащих на полу людей наваристыми флотскими щами.

Вскочив на ноги, полуоглушенная Щетинина выскочила на палубу, инстинктивно взглянув в небо. Высоко, выше облаков, шли отбомбившиеся немецкие самолеты. Из пробитых осколками паровых труб корабля с шумом вырывался пар, вода хлестала из поврежденных труб пожарной магистрали, скапливаясь на палубе. Щетинина не могла какое-то мгновение понять, почему вода имеет какой-то зловещий красноватый оттенок. И вдруг поняла: это кровь! Чья?

Пулей взлетела по трапу на мостик. Секундное облегчение — вся вахта на месте, но правое крыло мостика как будто срезано бритвой. Так же стремительно Щетинина бросилась обратно на палубу. Там собирают раненых. С ужасом и жалостью Щетинина обводит без-

умными глазами шестерых тяжелораненых своей команды. Пожилой повар Кузьмин зажимает руками живот. Из-под пальцев, стекая по ногам, льется кровь. Он что-то силится говорить, вроде бы извиняется за загубленный обед. Щетинина машет рукой: какой там обед! Мальчишка — дневальный, зовут его Петя, а фамилию Щетинина никак не может вспомнить, зажал руками шею над ухом. Руки отнимают, мальчик кричит: за ухом на шее рваная рана, в которой видны страшные и странно толстые артерии. Щетинина закрывает глаза. Она многое видела в своей жизни, но такого не видела и не предполагала, что увидит.

Подошедший в этот момент старпом Брызгин доложил, что в машине осколками, пробившими обшивку борта, убиты вахтенные — машинист Киршнерс и кочевар Герасимов. Как ни странно, но это сообщение приводит находящуюся на грани истерики Щетинину в себя. Она приказывает боцману Ашихину спустить шлюпку и отправить на берег раненых, напоминает старпому, что надо оформить убитых и раненых актом, и поднимается на мостик, где отдает распоряжение осмотреть судно и доложить о повреждениях.

Беглый осмотр показал, что на «Сауле» снесено правое крыло мостика, разбит главный компас, выведена из строя рулевая машина, расположенная на мостике, палубой ниже разрушены передняя и правая переборки надстройки, повреждены трубопроводы, в машине — некоторые вспомогательные механизмы, пробит теплый ящик. Из команды: двое убиты, шестеро ранены, один сильно контужен.

Пока Щетинина разбиралась и оценивала ущерб, нанесенный ее судну разорвавшейся у борта авиабомбой, к борту «Сауле» приблизился не замеченный в суматохе с вахты военный катер, и усиленный мегафоном голос заставил Щетинину вздрогнуть: «На «Сауле»! Что случилось с вашим капитаном? Тело нашли?» Щетинина оцепенела, затем взяв у вахтенного рупор, спокойно ответила: «Я — капитан Щетинина! Что вы хотите узнать?» На катере наступило молчание, он подошел вплотную к борту и оттуда подали на палубу упавший за борт ее мокрый китель, который Щетинина бросила перед налетом на крыло мостика, спускаясь в кают-компанию. «Мы думали, что вы утонули!» — крикнул с ка-

тера командовавший им лейтенант, помахав на прощание рукой.

«Сауле» был отбуксирован в бухту Сууркюляй и посажен на мель. Щетининой приказали, по возможности, отремонтировать судно своими силами и привести его в состояние, обеспечивающее переход в Кронштадт. В противном случае его придется взорвать. На вопрос, сколько имеется времени на производство ремонта, офицер из штаба флота только пожал плечами: «Вам сообщат, когда нужно будет выходить...»

Уже шестые сутки на «Сауле» шли ремонтные работы, которыми руководил семидесятилетний старший механик Ян Эйве. Он и пароход были ровесниками. Он пытался сделать все, что мог, отдавая команды и ругаясь на языке, представляющем собой невероятную смесь русских, латышских и английских слов. Главное было привести в порядок машину и хоть как-то обеспечить герметичность престарелого парохода, над которым несколько раз в день проплывали эскадрильи вражеских бомбардировщиков, высокомерно не обращая внимания на сидящую на мели развалину, направляясь к главной своей цели: скоплению военных кораблей на таллинском рейде.

Проводив самолеты взглядом, Щетинина со вздохом опустила бинокль. Не так ей представлялась война по песням и бесконечным политинформациям.

25 августа 1941, 08:15

Лейтенант Александровский видел их совершенно отчетливо. Девять «юнкеров», идя по огромной дуге, перестраиваясь по тройкам, шли на крейсер, прорываясь сквозь огонь зенитных средств берега. Стоя на маленьком вращающемся сидении и высунув голову из возвышающегося над правым бортом «Кирова» бронированного колпака управления зенитным огнем, Александровский хриплым голосом выкрикивал целеуказания. Крейсер шел, увеличивая ход, навстречу атакующим пикировщикам.

Верный буксир «С-105» старался не отставать, однако дымил так, что почти наполовину уменьшал видимость. Ощетинившись орудиями, мористее крейсера шли лидер «Ленинград» и эсминец «Свирепый» — дробным

громом, ударившим по ушам, загрохотала их артиллерия, и почти в тот же момент ударили зенитки «Кирова». Перед самолетами выросла стена черных взрывов, щупальца красно-зеленых пулеметных трасс рванулись навстречу вражеским машинам. Но ничто не могло остановить их. Еще мгновение, и огромные столбы воды встали с обоих бортов «Кирова». Корабль подбросило и повалило на борт. Александровскому показалось, что корабль идет в каком-то туннеле между двумя сплошными стенами воды, и что когда эти водяные стены обрушатся, от крейсера останутся одни обломки. Бомбы были сброшены очень точно: все они взорвались в 10-12 метрах от бортов «Кирова». Осколки ударили по палубе, кося расчеты зенитных орудий. По палубе побежали санитары с носилками. Гулкие гидравлические удары мяли и корежили подводную часть крейсера. Визжала, стонала и кричала насилуемая сталь. Как горная лавина, обрушились, наконец, водяные стены на корабль, и казалось уже, что все кончено. Палуба и зенитные установки скрылись под водой. Все создавало иллюзию того, что «Киров» тонет. Но вода схлынула, водопадами уходя за борт, крейсер накренился от положенного на борт руля. Буксир уткнулся ему в корму, разворачивая огромный корабль фактически на месте.

В неожиданно наступившей тишине отчетливо слышалось сопение буксира за бортом. «Киров» медленно и величественно развернулся. Девять стволов 180-миллиметровых орудий плавно пошли по левому борту, задираясь кверху. Залп главного калибра жаром и волной ударил по палубе. Лейтенант Александровский спрыгнул с сидения и сел, прислонив гудящую голову к броне...

25 августа 1941, 08:30

Старший лейтенант Дармограй настроженным взглядом следил, как на импровизированный аэродром-пятачок на мысе Пальясаар за Минной гаванью одна за другой садятся «Чайки». Они вылетели полчаса назад в попытке перехватить идущие на «Киров» бомбардировщики, но навести их на цель никто не смог, и возглавлявший звено полковник Романенко бросил свои истребители на атакующую немецкую пехоту в районе

аэродрома Лаксберг. Дармограй видел с земли, как неуклюжие бипланы, пытаясь взять на себя роль штурмовиков, пикировали на немецкие позиции, делая заход за заходом.

Подняв тучи пыли, «шестерка» бипланов приземлилась на пяточке и, кашляя моторами, зарулила в наспех вырытые капониры. Полковник Романенко выскочил из кабины и в каком-то диком восторге пустился в пляс вприсядку. Летчики с других машин присоединились к своему командиру, что-то вопя и дико жестикулируя.

Выяснилось, что летчикам удалось поймать врасплох немецкую мотопехоту, атаковавшую наши позиции в районе аэродрома Лаксберг. Немцы настолько отвыкли от того, что кто-то может нанести по ним удар с воздуха, что оказались перед таким ударом совершенно беспомощными, показав полное неумение сосредотачиваться и укрываться на местности. Полное господство в воздухе собственной авиации слишком избаловало их... Летчики с упоением рассказывали, как они, снизившись до предела так, что можно было видеть искаженные ужасом лица немецких солдат; поливали их из пулеметов, с наслаждением глядя на разбегающиеся и падающие серые фигурки — картина почти фантастическая для лета 1941-го...

Страшный грохот, донесшийся со стороны нефтегавани, заставил всех вздрогнуть и замолчать. Дармограй увидел, как в вихре огня и черного дыма взлетели на воздух огромные цистерны с горючим. Черный дым поднимаясь грибком над гаванью быстро заволок все небо. Казалось, наступила ночь. И никто не мог толком сказать, то ли это было попадание снаряда, то ли прозевали воздушный налет, а может быть, — и диверсию...

25 августа 1941, 08:45

Командир дивизиона подводных лодок, герой Советского Союза, капитан 2-го ранга Трипольский, обходил с капитан-лейтенантом Абросимовым отсеки подводной лодки «С-4», вернувшейся, как явствовало из доклада ее командира, в буквальном смысле слова с того света. Сам Трипольский стал героем совершенно неожиданно для всех и для себя самого еще в финскую войну, ког-

да его лодка, зажатая льдами, отбивалась от одинокого финского самолета и даже умудрилась его сбить. В войне, в которой так мало было какой-либо романтики и успехов, этот заурядный эпизод пропаганда возвысила до уровня великого подвига. Впрочем, времена были такими, что за что угодно с одинаковой долей вероятности можно было быть расстрелянным или получить звание героя.

Сейчас, выслушав рапорт Абросимова, Трипольский еще раз понял, насколько мало наши лодки подготовлены к настоящей морской войне и насколько нашим подводникам не хватает боевого опыта. Они еще только начинают привыкать к настоящим атакам, маневрированию в боевых условиях, уклонению от преследования вражеских кораблей, взрывам глубинных бомб...

Водолазы уже осмотрели повреждения «С-4» и еще раз подтвердили, что лодка очень удачно отделалась, если учесть сколько времени и сколь методично противник бомбил ее глубинными бомбами. Кроме половины снесенного палубного орудия, на лодке был поврежден вертикальный руль, срезаны две лопасти левого винта, оторваны носовые сепараторы, покорежен киль, помяты некоторые места подводной части легкого корпуса. Все повреждения можно устранить собственными силами, но надо спешить. Каждую минуту можно ожидать приказа на прорыв в Кронштадт или об очередном походе. Абросимов слушал указания комдива, щуря свои слезящиеся и красные от бессонницы глаза под набухшими воспаленными веками. Все будет сделано! Если сами не справимся, «Серп и Молот» поможет. Главное — принять скорее торпеды и топливо.

Когда они поднялись на рубочный мостик «С-4», их чуть не сбросило за борт взрывной волной чудовищного взрыва, пророкотавшего над гаванью. Офицеры схватились за поручни ограждения мостика, чтобы устоять на ногах. Плавбаза «Серп и Молот» грузно закачалась, скрипя своим старым клепаным корпусом. Никто не успел толком понять, что произошло. По пирсу с криками бежали какие-то люди, а над нефтегаванью поднимались клубы упругого черного дыма, расстилавшиеся по небу и закрывавшие солнце. Взорвана нефтегавань, наконец поняли на лодке. Но кем? В небе не было видно самолетов, никто не объявлял воздушной тревоги...

25 августа 1941, 09:00

Адмирал Трибуц с мостика «Пиккера» смотрел на огромную черную тучу, поднявшуюся над нефтегаванью и накрывшую черным траурным покрывалом рейд и корабли. Гул взрыва еще стоял в его ушах. Что это? Шальной снаряд? Диверсия?

«Диверсия!» — доложили ему, когда он спустился вниз. Это слово было универсальным уже лет пять, и пользовались им очень широко, чтобы не знать лишних забот, да и диверсантов всегда разыскивали и расстреливали без особого труда, ибо было известно, что на 100 человек всегда приходится минимум два-три диверсанта из бывших кулаков, подкулачников, троцкистов и тому подобной публики, действующей по заданию всевозможных разведок, а часто и по собственному почину из слепой ненависти к советской власти, а более всего — к ее вождям. И сейчас можно было легко списать на них взрыв нефтегавани, но адмирал почувствовал страшную усталость и какую-то безысходность — все и так гибнет: и порт, и корабли, и люди, и он сам. Выхода нет, руки связаны. Он взглянул на часы: до назначенного им совещания оставалось около часа. Приказав себя не беспокоить до 10 часов, Трибуц ушел в свою каюту и сел за письменный стол, расстегнув воротник кителя и уронив голову на руки. Машинально включил приемник. Передавалась утренняя сводка Совинформбюро.

«В ночь на 25 августа наши войска вели упорные бои с противником на Кексгольмском, Новгородском и Днепропетровском направлениях», — вещал хорошо поставленный и отмодулированный голос диктора, продолжавшего после паузы: «Наши разведывательные корабли донесли, что в Энском квадрате Балтийского моря появились четыре немецких транспорта в сопровождении катеров. Навстречу вражеским судам вышли корабли Краснознаменного Балтийского флота. Заметив появление советских кораблей, немецкие транспорты резко повернули к берегу, под охрану береговых укреплений. Однако это не спасло противника. Наши моряки-артиллеристы открыли огонь по транспортам и катерам. В первые же минуты морского боя советский катер «Л» торпедировал один из транспортов противника. Торпеда попала в середину корабля и взорвала на-

ходящиеся здесь боеприпасы. Транспорт быстро пошел ко дну. Второй немецкий транспорт, заметив гибель впереди идущего корабля, изменил курс и с полного хода выбросился на берег. Охранные фашистские катера поставили дымовую завесу, пытаясь под прикрытием ее и артиллерийского огня спасти другие транспорты. Но маневр не удался. Наши миноносцы уничтожили один за другим два охранных катера и подожгли третий транспорт. Яркое пламя, вспыхнувшее на этом корабле, было хорошо видно, несмотря на дымовую завесу. Несколькими залпами горевший транспорт был совершенно разрушен и вскоре исчез под водой. Четвертый транспорт, спасаясь от разгрома, выбросился на берег. Разгромленный караван фашистских судов вез войска, боеприпасы и танки.

Артиллеристы Энского полка отбили атаку вражеской мотоколонны. В этом бою особенно успешно...»

Адмирал машинально выключил приемник. Прослушанное сообщение было основано на сводке его штаба о действиях в Рижском заливе двух последних оставшихся там эсминцев «Сурового» и «Артема», но зачем в сообщении приплели торпедные катера? Кстати, нужно проконтролировать, передан ли на «Суровый» и «Артем» приказ о немедленном возвращении в Таллинн.

На столе каюты лежала карта общей стратегической обстановки на северо-западном направлении, составленная операторами штаба по данным на 6 часов утра. Трибуц, вздохнув, посмотрел на нее. Было видно, что его штаб толком не знал точного положения под Ленинградом, но даже из того, что им было известно, вырисовывалась жуткая картина. Маленький пятачок таллиннского плацдарма уныло краснел уже в глубочайшем немецком тылу. Стрелы немецкого наступления хищно охватывали Ленинград с западного и восточного направлений. 23-я армия откатывалась к Белоострову под ударами финнов.

Ярость охватила Трибуца. Маршал Ворошилов! Кто-нибудь когда-нибудь скажет вам в лицо, что все это произошло и произошло так быстро благодаря вашему полному невежеству в военном деле! С какой радостью в самый канун войны вы заявили, что «армия и флот вычищены до белых костей!»! Безграмотный и гнусный кремлевский интриган! Как он вообще попал в главко-

мы? Ведь на эту должность пророчили генерала Мерецкова, но он куда-то пропал в самом начале войны. Сначала пошел слух, что генерал попал в плен, но не похоже. Немцы бы объявили об этом на весь мир. Не каждый день попадают в плен генералы армии. Потом кто-то говорил, что Мерецков отправлен на Дальний Восток формировать резервные дивизии. Это более вероятно, но не менее обидно.

При компетентном управлении войсками, правый фланг которых опирался бы на поддержку мощных соединений флота, немцы и шагу не смогли бы сделать по Прибалтике... Мощные соединения флота! Почему-то снова вспомнилось, как тогда, в самом начале войны, подорвался «Максим Горький», погиб «Гневный», как переломился пополам «Сторожевой» в дневной атаке торпедных катеров, как паршивая плавбаза тральщиков, которую пришлось срочно в сводке объявить крейсером, рассеяла своим огнем целый дивизион наших эсминцев, чуть не уничтожив один из них... Да, вычистили нас действительно до белых костей! Отняли инициативу, отняли ту поэзию, без которой невозможно делать никакое дело, а тем более военное, когда своих боишься гораздо больше, чем противника...

Возможно, он и сам некомпетентный командующий в цепи той страшной некомпетентности, которая пронизала всю страну сверху донизу, а его мысли о генерале Мерецкове — годами выработанное, инстинктивное желание укрыться за широкой спиной надежного, волевого, инициативного и компетентного командира, который, отвечая за все сам, отдавал бы тебе четкие и разумные приказы, а ты отвечал бы только за их своевременное выполнение. А Ворошилов? Ярость сменилась злорадством. Теперь-то уж этот подонок на костях разгромленных в пух и прах армий, на костях погубленного без всякой пользы флота должен сломать себе шею! Если бы на его месте был генерал Мерецков!

Трибуц не знал, да и не мог знать, что именно в этот момент генерал армии Мерецков, оглашая своими воплями и рыданиями подвалы лефортовской тюрьмы, корчился под ударами резиновых палок, выбивавших из него показания о том, что он английский шпион и террорист.

25 августа 1941, 09:20

Адмирал Ралль взглянул на часы. До начала совещания у командующего флотом оставалось еще сорок минут. Столь неожиданный вызов на совещание всех командующих соединениями и отрядами, а также всех флагманских специалистов флота и ОЛС мог означать, по мнению Ралля, только то, что командующий получил какое-то новое, важное сообщение. Другими словами, получен приказ, разрешающий эвакуацию флота и гарнизона из таллиннской западни. Приказ этот и так уже до неприличия запоздал, но, слава Богу, видимо, он получен. Адмирал еще раз просмотрел все графики и документы, связанные с минным обеспечением эвакуации, которые его штаб подготовил уже давно, ежедневно корректируя его на фоне меняющейся обстановки и ежедневной гибели бесценных тральщиков. Адмирал откинулся в кресле и на минуту закрыл глаза. Он находился в своем салоне на эскадренном миноносце «Калинин». Корабль стоял в Купеческой гавани, пришвартовавшись к причалу-понтону, с другой стороны которого стоял эсминец «Володарский».

«Калинин» принадлежал к последней так называемой ревельской серии «новики» и, хотя был заложен аж в сентябре 1913 года, умудрился, говоря флотским языком, «просачковать» все три войны вплоть до июня 1941 года, когда железная воля контр-адмирала Ралля, поднявшего на эсминце свой флаг, и решительность его нового командира капитана 3-го ранга Стасова выпихнули «Калинин» в его первый боевой поход...

При рождении эсминца получил имя «Прямислав» по капризу Николая II, увлекавшегося в ту пору лихими действиями русских фрегатов в Ревельском и Выборгском сражениях конца XVIII века. Сборка корабля на стапеле специально построенной для этой цели верфи на северо-западной окраине Ревеля шла быстро, и спуск эсминца намечался на осень 1914 года. Однако начавшаяся война смешала все планы строительства, главным образом, потому, что прекратились поставки оборудования и механизмов, заказанных фирме «Ланге и сын» в Германии и Швейцарии, а заказы из Франции и Англии шли теперь немисливо кружным путем через Архангельск. Тем не менее, в конце июня 1915 года эс-

mineц был спущен на воду. Но дальше дело пошло еще хуже. Одну турбину с «Прямислава» взяли на достраивающийся головной «Изяслав», заводы срывали поставки оборудования; в итоге, в 1917 году, эсминец, если верить оценке, проведенной очередной комиссией ГУКа, был готов лишь на 69%.

Между тем, волна немецкого наступления покати-лась по Прибалтике, подминая под себя новейшие судостроительные предприятия в Либаве и Риге, непосредственно подступая к Ревелю. Недостроенные «Прямислав» и его однотипные братья — «Брячислав» и «Федор Стратилат» — были с большим трудом отбуксированы из Ревеля в Петроград для продолжения до-стройки. Однако последовавшие далее события: ок-тябрьский переворот, Брестский мир, гражданская война, Кронштадтский мятеж — оставили корабли гнить в Кронштадте и на Неве фактически без всякого при-смotra.

Отношение Ленина к флоту после Кронштадтского мятежа было общеизвестно, и только после его смерти удалось выбить средства на достройку эсминцев. Одна-ко, как выяснилось, достроить еще можно было с гре-хом пополам один «Прямислав». «Брячислав» сгнил на-столько, что в марте 1924 года затонул в петроградском порту, а «Федор Стратилат» представлял из себя один спущенный на воду корпус, достраивать который было просто бессмысленно. Оба корабля были с легкой ду-шой отправлены на слом, а высвободившееся оборудо-вание передали на «Прямислав». Хотя корабль был в ужасном состоянии, его надеялись спасти.

20 февраля 1924 года начались достроечные работы. Объем работ, если не считать ремонта сгнившего обо-рудования, был в общем не очень велик. Нужно было завершить монтаж некоторых трубопроводов, установить носовой турбоконденсатный насос и кормовой машин-ный вентилятор, смонтировать трубки главных конден-саторов, перенести носовое орудие на три шпации в нос и сменить винты.

5 февраля 1925 года эсминец был переименован в «Калинин» в честь нового председателя ВЦИК, а позд-нее — председателя президиума Верховного Совета СССР Калинина — личности во всех отношениях ни-чтожной, не имевшей никакого влияния на события, но

продолжавшего верно исполнять свои обязанности марионетки даже после того, как Сталин приказал бросить его любимую жену в концлагерь с грифом «использовать только на тяжелых работах»...

20 июля 1927 года эсминец поднял флаг и вошел в строй Морских сил Балтийского моря. В последующие десять лет «Калинин» плавал в тесной мышеловке Финского залива, оставшейся нам от щедрот Брестского договора, совершал визиты в Германию, Польшу и Литву и, говоря тогдашним языком, «ковал кадры» для будущих кораблей флота.

В начале 1937 года эсминец встал на капитальный ремонт, главным образом потому, что качество работ, выполненных на нем в 1927 году, оставляло желать много лучшего, а кроме того, необходимо было установить на корабле дымовую и шумопеленгаторную аппаратуру, параваны охранители типа К-1, кормовые бомбосбрасыватели для больших и малых глубинных бомб, по два 45-миллиметровых зенитных орудия и крупнокалиберные пулеметы калибра 12,7 миллиметров вместо старых, имевших калибр 7,62 миллиметров. Заводы, загруженные по горло строительством новых кораблей, не могли выделить достаточно сил и средств для ремонта и модернизации старого эсминца, в результате чего «Калинин» простоял в ремонте целых четыре года, счастливо пропустив или, говоря флотским языком, «просачковав» все события, связанные с финской войной и оккупацией Прибалтики.

К началу войны «Калинин» все еще стоял у стенки завода, и хотя объем ремонтных и модернизационных работ на нем еще не был закончен, корабль ввели в строй 25 июня, а 27 июня, подняв флаг контр-адмирала Ралля, эсминец вышел в море в качестве флагманского корабля вновь организованной «Восточной позиции». Задачей соединения, куда кроме «Калинина» вошли минный заградитель «Урал», сетевые заградители «Онега» и «Вятка», учебное судно «Ленинградсовет», тихоходные тральщики «Менжинский» и «Дзержинский», а также другие вспомогательные суда, являлась, по инерции страхов времен первой мировой войны, закупорка минами Финского залива на случай прорыва туда немецкого флота.

На мостике «Калинина» царила напряженная обстановка. Организация службы на корабле, простоявшем

четыре года у стенки завода, естественно, оставляла желать много лучшего. Командир «Калинина», капитан 3-го ранга Стасов, нервничал: и от того, что все его команды выполнялись недостаточно четко, и от того, что на мостике постоянно находился адмирал, и от того, что, по сведениям штаба, в заливе могли находиться подводные лодки противника. Нервничал и Ралль — на его глазах, при подобных же обстоятельствах, то есть среди бела дня и прекрасной погоды, взорвался от попадания торпеды и мгновенно затонул со всем экипажем броненосный крейсер «Паллада». Правда, это было еще в 1914 году, но с тех пор мины, торпеды и сами подводные лодки стали гораздо совершеннее и страшнее.

Пока на мостике беспокоились о подводных лодках, с правого и с левого бортов обнаружили плавающие мины. На мостике стало тихо от ужаса. Мины, видимо, сорванные с якорей, мирно покачивались в штилевых водах залива, через зеленоватую прозрачность которых просматривались целые ряды смертоносных шаров, поставленных на небольшое углубление. Только огромный опыт адмирала Ралля позволил ему в этом и последующих выходах обойтись без потерь, ставя мины в промежутках между минными полями противника. Однако немецкий флот демонстрировал полное нежелание появляться в восточной Балтике, а тем более форсировать минные заграждения.

В середине июля «Восточная позиция» был расформирована, и с тех пор «Калинин» без действия и всякой пользы находился в Таллинне, стоя в Купеческой гавани, изредка выходя на рейд в дежурство по задымлению. Адмирал Ралль, проводивший большую часть времени на «Амуре», несколько раз пытался добиться у командующего разрешения на уход всех «новиков» в Кронштадт, но всякий раз получал отказ без какой-либо мотивировки.

25 августа 1941, 10:00

Адмирал Трибуц осмотрел присутствующих быстрым, настороженным взглядом. Осунувшиеся лица, красные, слезящиеся от бессонницы глаза. Даже флотские офицеры потеряли свою обычную щеголеватость и подтя-

нутость. Некоторые были даже плохо выбриты. И это на совещании у командующего флотом!

В роскошном салоне «Пиккера», чьи русалки и дельфины совершенно не гармонировали с общим настроением, собрались командиры эскадр, соединений и отрядов флота, командование X-го корпуса и морской пехоты, а также представители командования архипелага. Еще до начала совещания многие старшие офицеры пытались что-нибудь выведать у адмиралов Пантелеева и Смирнова, но те отнекивались, отшучивались, говоря, что им самим ничего не известно, и что все скажет командующий. Слух о том, что адмирал Трибуц накануне получил целую серию радиограмм, зашифрованных его личным шифром, уже широко распространился среди старших офицеров. Все были уверены, да иначе и быть не могло, что речь будет идти о немедленной эвакуации Таллинна.

Многие командиры захватили с собой необходимые планы и графики, связанные с порядком движения кораблей и судов, с погрузкой личного состава и техники на транспорты. Адмирал Ралль еще раз бегло просмотрел свои расчеты по распределению базовых и тихоходных тральщиков, морских охотников и катеров для оптимального прикрытия транспортов и боевых кораблей от всех возможных в море случайностей. Завтра еще должны прибыть тральщики с Эзеля. Флагманский артиллерист ОЛС, капитан 2-го ранга Сагоян, просматривал последние сводки по расходу и остатку боезапаса и свои расчеты минимально необходимого боезапаса для прорыва в Кронштадт. Капитан 2-го ранга Трипольский, представлявший бригаду подводных лодок вместо отправившегося в Кронштадт капитана 1-го ранга Египко, лихорадочно гадал, сколько еще дадут времени на ремонт поврежденных лодок и какую задачу поставят бригаде; полковник Романенко готовился доложить о наличии оставшихся у него машин и экипажей, а также выяснить, наконец, когда и на каких средствах он может эвакуировать свой наземный персонал и авиационное оборудование; комендант береговой обороны балтийского района генерал майор Елисеев хотел уточнить, что будет с Моонзундскими островами, обороной которых он командовал, после ухода флота из Таллинна: касается ли этот приказ также и гарнизона островов, что

делать с дальними бомбардировщиками полковника Преображенского, находящимися на острове Саарема по приказу Ставки. (если же приказ об эвакуации не касается островов, то не намерен ли флот укрепить их оборону — ведь после отдачи Таллинна судьба архипелага также будет быстро решена). Но больше всего вопросов имел, конечно, генерал Николаев. Какой из вариантов погрузки его войск и подчиненных ему подразделений морской пехоты на транспорты будет задействован, какую поддержку может оказать флот, чтобы можно было поэтапно снимать части и технику с фронта, не опасаясь при этом полного хаоса и катастрофы...

Трибуц прокашлялся. Присутствующие обратили внимание на настороженный, неуверенный взгляд обычно холодных и твердых глаз адмирала, на его бледное лицо с неожиданно проявившимися, как на фотобумаге, глубокими складками.

Глядя поверх голов присутствовавших, командующий каким-то трескучим не своим голосом, начал: «Товарищи командиры, командование Северо-западным направлением, которому мы подчинены, считает эвакуацию базы несвоевременной. Маршал Ворошилов считает, что мы еще не исчерпали возможностей не только обороны, но и наступательных...» У адмирала смертельно пересохло в горле. Он поискал глазами графин с водой, обычно стоявший в специальной серебряной подставке на полированной панели буфета. Но на этот раз графина не было.

В воцарившей мертвой тишине командующий флотом продолжал: «И наступательных возможностей. Этот... (Инстинкт самосохранения заставил адмирала усилием воли взять себя в руки. Чтобы он ни сказал, это будет очень быстро известно наверху, да еще с выгодным кому-нибудь расставлением необходимых акцентов. Ни одного лишнего слова). ...Товарищи, командование, как вы слышали, считает эвакуацию флота преждевременной и поэтому приказывает...»

Адмирал подошел к карте. «Приказывает высадить десант на полуостров Вирмси, выбить оттуда противника, что в значительной степени облегчит общие условия обороны, повысит безопасность гаваней и рейдов, даст возможность в более нормальных условиях провес-

ти эвакуацию, когда командование сочтет это необходимым...» По мере того, как Трибуц говорил, голос его креп, приобретая знакомые металлические, не терпящие возражений, нотки. Только глаза адмирала продолжали смотреть куда-то вдаль, как будто он репетировал свою речь перед зеркалом, а не выступал перед несколькими десятками подчиненных ему старших офицеров, не хуже его знавших обстановку и слушавших своего командующего в цепящей тишине роскошного салона президента независимой Эстонии...

«Приказ командования, — продолжал Трибуц, — должен быть выполнен сегодня до наступления темноты. Выполнение приказа я возлагаю на генерала Елисеева...»

Седая бородка коменданта островов дрогнула. Его красно-коричневое от солнца и островных ветров лицо выразило неподдельное изумление. Он посмотрел на командующего, но тот не смотрел на него, а продолжал: «Силами гарнизона архипелага необходимо высадить десант в уточненных точках побережья полуострова. Это генерал Елисеев доработает со штабом. Мы выделим ему поддержку с моря. Товарищ Солоухин найдет пару эсминцев...»

Исполняющий обязанности командира ОЛС пожал плечами: два эсминца он, конечно, найдет. Но на его лице было такое же недоумение, как и на лице генерала Елисеева, как и на лицах всех присутствовавших на совещании. Разваливающемуся, готовому каждую минуту рухнуть, фронту обороны предлагалось перейти в наступление!.. Все молчали. Приказы не обсуждаются — приказы выполняются. Обжаловать приказ можно только после его выполнения. Это закон, и закон этот знали все...

«У меня все, — сухо закончил Трибуц. — Есть ли какие-либо соображения, вопросы?»

«Разрешите, товарищ командующий, — поднялся генерал Елисеев. — Разрешите доложить, с чем я буду высаживать десант, если...»

«Докладывайте покороче», — прервал его Трибуц. «Есть, докладывать покороче! — темное от загара лицо коменданта островов, казалось, стало совсем черным. — Кроме артиллеристов береговых и зенитных батарей, у меня одна стрелковая бригада, саперы, да строители и батальон аэродромного обслуживания...»

«Не перечисляйте, — поморщился командующий, — батальон наберите. Из аэродромного обслуживания, из обслуживания причалов. Два часа вам срока. Доложите лично начальнику штаба».

«Товарищ командующий, — неожиданно поднялся адмирал Пантелеев, — с аэродромов островов сейчас проводится специальная операция, которую контролирует Ставка. Там даже представитель Ставки находится — полковник Коккинаки. Вряд ли целесообразно ослаблять аэродромы и их охрану...»

«Так точно, — обрадовался поддержке Елисеев. — Аэродромы бомбят каждый день, по ночам бандиты обстреливают и наводят немцев ракетами. Даже прочесать местность, чтобы бандитов выловить, людей не хватает. Стрелковая бригада разбросана на участках обороны почти по-ротно...»

«Что вы предлагаете?» — спросил Трибуц Пантелеева, не слушая, что говорит Елисеев.

«Нужно доложить главному, что приказ выполнить невозможно, и его необходимо отменить», — тихо, но твердо ответил Пантелеев.

Трибуц взглянул на своего начальника штаба: «Мы этот вопрос обсудим с вами позднее». Командующий помолчал и добавил: «Приказ получен — его необходимо выполнить. Все, товарищи. По местам. Товарищей Пантелеева, Дрозда и Солоухина прошу через пятнадцать минут ко мне в каюту».

Командующий вышел. Офицеры стали подниматься со своих мест. Никто ничего не говорил. Настроение было мрачное. Пантелеев подошел к Елисееву: «Сформируйте батальон. Кого не жалко. Силы у немцев там не ахти какие. Дадим корабельную поддержку. Все будет гладко, не волнуйтесь...»

Генерал Елисеев вздохнул и надел фуражку: «Гладко, гладко... Ну, высадим мы батальон, товарищ адмирал, а дальше что? Ну, отбросит он немцев на километр-два. Что это изменит? Утром все равно все, что останется от этого батальона, снимать придется... Перед смертью не надышешься, как говорится...»

К ним подошел генерал Николаев: «Товарищ Пантелеев, а нас-то зачем вызывали. Чтобы о десанте сообщить?»

«Чтобы вы обстановку лучше знали, — улыбнулся Пантелеев, — и лучше сражались, зная, что никуда вас не эвакуируют».

«Вам все шутки,— пробормотал Николаев.— А я не знаю, продержусь еще сутки или нет...»

«Продержитесь,— успокоил Пантелеев.— Такой артиллерийской поддержки еще не имела ни одна армия за всю историю войны...»

Николаев что-то недовольно буркнул, нахлобучил фуражку и вышел из салона.

Пантелеев с Елисеевым поднялись на верхнюю палубу «Пиккера». Непрерывный гром корабельной артиллерии заглушал слова. Клубы черного дыма поднимались над гаванью и городом, стелились по воде, смешиваясь над рейдом с обрывками дымзавес...

25 августа 1941, 10:30

Адмирал Трибуц, почему-то весело усмехнувшись, хотя присутствующим эта усмешка показалась нервной гримасой, обратился к Пантелееву: «Не наводи панику, Юрий Александрович! Мы этот приказ как бы и выполним, а как бы и не выполним. А Ворошилова попросим его отменить. Ты как будто первый день в армии...»

«Я не в армии, а на флоте,— ответил начальник штаба,— разница — существенная».

«Разницы никакой,— не согласился Трибуц.— Везде одно железное правило: не торопись выполнить приказ, ибо его отменят». Командующий посмотрел на Дрозда и Солоухина. Оба молчали, никак не реагируя на шутки командующего.

«Пошуметь ночью на полуострове можно,— продолжал Трибуц.— Не хуже, не лучше от этого не станет. Пару эсминцев дадим для поддержки...»

Солоухин просмотрел какие-то бумаги в кожаной папке с непонятной эстонской монограммой:

«Пару ни пару, а один дадим. Без ущерба для дела могу дать «Сметливый», возможно еще и «Володарский», но это не обещаю твердо, если только закончит ремонт...»

«Хорошо,— согласился Трибуц.— Так и порешим. А мы с товарищем Пантелеевым придумаем текст телеграммы, чтобы этот приказ главком отменил вообще и дал нам возможность вырваться отсюда». Он оглядел присутствующих, сидящих в кожаных креслах его просторной каюты. «С этим вопросом мы все решим, но

главное не в этом, товарищи. Когда командование разрешит нам эвакуацию, неизвестно. Наша же задача, как я ее понимаю, состоит в спасении ядра флота из этой мышеловки. Поэтому мы тут посовещались, и я принял решение...» Трибуц сделал паузу, стараясь не смотреть на Пантелеева, в глазах которого так и светился вопрос: «С кем это, интересно, совещался командующий, если начальник штаба флота ничего об этом не знает?» «Я принял решение,— продолжал Трибуц уже своим обычным жестким голосом,— отправить «Киров», часть новых эсминцев и некоторое количество других кораблей в Кронштадт. Выполнение этого приказа я возлагаю на товарищей Дрозда и Солоухина. Срок выполнения приказа — 26 августа в уточненное время. Товарищу Пантелееву подготовить необходимые документы...»

Никто не задал ни одного вопроса, хотя всем присутствующим было ясно, что ради спасения, причем спасения весьма проблематичного, нескольких кораблей будет принесен в жертву весь гарнизон, огромное количество флотского имущества и снаряжения, так как после ухода «Кирова» и лучших эсминцев город не продержится и нескольких часов. В каюте командующего КБФ стояла оглушительная тишина, столь же оглушительная, как и несмолкающая канонада, доносящаяся через плотно закрытые иллюминаторы...

25 августа 1941, 10:50

«Главкому Северо-западного направления Ворошилову. Полученный приказ принят к исполнению, проведены необходимые оперативные мероприятия для выполнения приказа с наступлением темноты 25 августа. Реальная обстановка на фронте вынуждает нас, однако, просить об отмене указанного приказа, поскольку десант на Вирмси может привести к смещению оси наступления противника, и выхода его непосредственно к гаваням, что сделает невозможной эвакуацию и приведет к гибели большого количества боевых единиц флота... Трибуц, Пантелеев, Смирнов».

Член Военного совета КБФ, контр-адмирал Смирнов, эту радиограмму не подписывал и даже не знал о ней. Находясь почти постоянно в здании Политуправления флота, контр-адмирал Смирнов по своим кана-

лам бомбардировал рапортами Ивана Рогова, рекомендуя снять с должности и расстрелять как изменников адмиралов Трибуца, Пантелеева, Ралля и Дрозда вкупе с несколькими десятками старших офицеров из их окружения, поскольку навязанная ими тактика обороны Таллинна неизбежно привела бы к захвату всего гарнизона и основных сил флота противником. В донесении отмечалось, что из-за прямого попустительства штаба флота политработа в соединениях и на кораблях практически не ведется, а, напротив, поощряются вредные разговоры и всякого рода слухи, ставящие под сомнение мудрость общего замысла стратегической обороны и тех лиц, от которых исходят эти замыслы.

Политуправление КБФ было в панике. Лихорадило Особый отдел, и, в равной степени, НКВД Эстонии. Только что пришло сообщение, что первый секретарь ЦК компартии Эстонии Рос прямо на служебной автомашине сбежал к немцам, захватив планы всей будущей партизанской и подпольной деятельности на оккупированных территориях Эстонии, да и не только Эстонии. ГлавПУР ВМФ прислал запрос, какие связи были у Роса с командованием флота.

Контр-адмирал Смирнов подписал шифровку на имя Рогова: «Адмиралы Трибуц и Пантелеев часто встречались с Росом во внеслужебной обстановке, принимая приглашения последнего на охоту, загородные прогулки и банкеты в спецпомещениях ЦК и обкома. Не исключен сговор между Росом и командованием КБФ, которое, с одной стороны, обеспечило бегство Роса, а с другой стороны, — готовит сдачу флота в Таллинне и переход на сторону противника. Смирнов».

Переход на сторону противника! Это массовое явление первых месяцев войны захватило врасплох и потрясло обе воюющие стороны. Немцы не знали, что им делать с сотнями тысяч вооруженных людей, переходивших на их сторону часто с развернутыми знаменами и под звуки маршей, исполняемых полковыми и дивизионными оркестрами. Уже в середине июля командующие группами армий начали засыпать Берлин донесениями о возможности формирования русской национальной армии из перешедших добровольно на их сторону различных воинских соединений Красной Ар-

мии, а также из числа попавших в плен в пограничных котлах. Армия, как никакой другой государственный институт, жаждала мести за ту резню, что устроил в ее рядах великий вождь народов. Но и тот не дремал.

Уже 16 июля Сталин подписал секретный приказ № 0019, где, в частности, говорилось: «На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие...»* Приказ предлагал политическим органам армии и Особым отделам тщательно следить за командирами всех уровней, но особенно, за представителями высшего командования, беспощадно на месте пресекая все проявления малодушия или каких-либо негативных настроений, могущих привести к переходу на сторону врага. Однако приказ не помог. Случаи массовых сдач и повального перехода к противнику даже участились. Ровно через месяц Сталин вынужден был отдать новый секретный приказ № 270 (от 16 августа 1941 года), в котором все находящиеся в плену без разбора объявлялись изменниками Родины. В приказе указывалось, что семьи всех офицеров и политработников, как находящиеся в плену, так и попавшие в плен в будущем, будут отправлены в концлагеря. Семьи же

*Насколько мрачно Сталин оценивал обстановку и не верил собственной Армии, свидетельствует и его предложение Рузвельту и Черчиллю ввести в бой американские и британские войска на советской территории. Чрезвычайный уполномоченный Рузвельта Гарри Гопкинс сообщал через шесть недель после начала войны, что если США вступят в войну, то Сталин будет приветствовать американские войска на любом из участков советского фронта. «По моему мнению,— писал Сталин Черчиллю в сентябре 1941 года,— Великобритания безопасно могла бы высадить в Архангельске от 25 до 30 дивизий или направить их в южную Россию через Урал...» По общеизвестным оценкам, численность Красной Армии перед войной составляла 5,5 миллионов человек. По данным советских историков, на 1 января 1942 года в плену у немцев находилось 3,9 миллиона человек. Эта цифра сама по себе говорит о массовых сдачах в плен, поскольку немецкая армия, составлявшая чуть больше 4-х миллионов, просто физически не могла бы захватить в плен такое количество солдат противника. Если прибавить к этому еще 1,2 миллиона пропавших без вести, то становится ясно, что кадровая предвоенная армия рассчиталась за все хорошее с любимым вождем.

рядовых будут лишаться продовольственных карточек, то есть будут обречены на голодную смерть. Политорганам и Особым отделам предписывалось ежедневно докладывать о поведении командующих всех уровней, их настроениях, связях, намерениях, подчеркивая, что представители политорганов и Особых отделов отвечают головой за поведение строевых командиров.

Чтобы обезопасить себя, указанные органы потоком слали донесения, содержание которых недвусмысленно предполагало расстреливать всех командующих на протяжении всего огромного фронта, до командиров полков и бригад включительно. Эфир и провода гнулись от нескончаемого потока доносов, забивавших оперативные каналы связи, парализуя и так никуда негодную систему связи боевых подразделений. В Москве, конечно, никто не мог обработать такое количество информации. Многие донесения 1941-го года были прочитаны только после войны, и меры по ним принимались аж до марта 1953-го года!

Адмирал Трибуц в ситуации ориентировался и прилагал все усилия, чтобы политуправление флота знало о нем и его замыслах как можно меньше. Что было совсем нелегко, так как контр-адмирал Смирнов, будучи членом Военного совета КБФ, должен был информировать обо всех решениях командующего и штаба флота. Что касается Особого отдела, то при его всепроникаемости укрыться от него было совершенно невозможно, а ждать можно было чего угодно, вплоть до выстрела в затылок прямо за обедом в кают-компани...

25 августа 1941, 11:00

Военный корреспондент Михайловский медленно шел по опустевшим аллеям парка Кардиорг. Ручные белки — одна из главных достопримечательностей знаменитого таллиннского парка — подбегали прямо к нему под ноги. Они были голодны, их давно уже никто не кормил. От памятника «Русалке» и от знаменитого дома Петра I доносились автоматные очереди. Ветер гнал по пустынным дорожкам парка грязь и пыль. Аккуратные эстонские дворники в накрахмаленных белых передниках исчезли, как будто их никогда и не бывало. На узеньких улочках, примыкающих к парку, было пустынно.

но, как в осеннюю ночь на кладбище. Было видно, что мусор с них не убирался уже много дней. Все лавки, магазины и учреждения закрыты. Везде круглосуточно висели плакаты: «Salutud» (закрыто).

Михайловский вышел на просторную улицу Харью, славившуюся зеркальными витринами своих шикарных магазинов. Владельцы магазинов и их приказчики снимали тенты над витринами и забивали их деревянными щитами. Стук молотков, доносящийся со всех сторон, заставил корреспондента прибавить шаг. Ему показалось, что именно так забивают последние гвозди в пробовую доску.

Михайловский направился к гостинице «Золотой лев», надеясь перекусить. Дел было еще очень много.

Ресторан был знаком ему еще по довоенным временам. Посетителей здесь всегда встречал необычайно любезный метрдотель, учтиво смотревший в глаза, как бы желая предугадать вкусы клиента.

Злой взгляд метрдотеля поразил корреспондента. И тени былой учтивости не осталось на его лице с плотно сжатыми тонкими губами.

— Что надо? — бесцеремонно спросил он входящего корреспондента. — Можно пообедать? Злая усмешка скривила тонкие губы: «Отобедали! Кончилось, все для вас кончилось, достопочтенные товарищи!» Поднявшись по улице Нарва-Маанте, почти все здания которой были реквизированы под госпитали, и с трудом пробившись через сгрудившиеся санитарные машины и повозки, сгружающие и нагружающие раненых, Михайловский увидел Минную гавань. Гром выстрелов тяжелых орудий, непрерывные огненные вспышки, клубы дыма, растилающегося над землей и морем, временами скрывающего из вида многочисленные боевые корабли, отчаянно маневрирующие на рейде... Разрывы снарядов, гул канонады, клубы кирпичной пыли, багрово-красными облаками плывущие над гаванями и рейдом — все это создавало ощущение какой-то фантастической нереальности.

Михайловский искал глазами и без труда нашел длинный, изящный силуэт «Кирова». Окруженный ошестившимися эсминцами, крейсер давал залп за залпом. Через тучи дыма непрерывно, сполохами молний, сверкали вспышки выстрелов. Эсминцы, маневрируя на

полных ходах, вели яростный огонь, не давая противнику ни минуты передышки.

И вдруг загрохотало совсем рядом. Михайловский вздрогнул от неожиданности. Это открыли огонь зенитные орудия, стоявшие недалеко во дворе бывшей гимназии, ныне реквизированной под госпиталь. Корреспондент снова взглянул на рейд. Перекрывая гул канонады, со всех сторон резко залаяли зенитки. Весь борт крейсера полыхнул огнем, и небо над ним потемнело от черных шапок разрыва зенитных снарядов. Густые клубы дымзавесы и столбы воды от рвущихся авиабомб закрыли «Киров», крутившийся почти на месте, будто слон, отбивающийся от роя ос. Вокруг крейсера, среди огненных и водяных смерчей суетился маленький буксир, почти невидимый на фоне грозного силуэта огромного корабля...

25 августа 1941, 11:30

Капитан буксирного парохода «С-103» Гаврилов сквозь оглушительный гром канонады, через разрывающий перепонки треск зенитных автоматов услышал очередную команду с крейсера «Киров»: «Развернуть корабль на двадцать градусов влево!»

«Есть, развернуть двадцать влево!» — отрепетовал в мегафон Гаврилов, махнув рукой рулевому. Тот все слышал и не нуждался в дополнительных командах. Буксир резко подвернул влево, увлекая за собой нос крейсера.

«Удерживать корабль на курсе!» — пролаяли очередную команду. «Есть удерживать на курсе!» Гаврилову казалось, что его буксир идет уже по дну моря. Бурные от ила огромные водяные столбы от рвущихся близко авиабомб обрушивались на буксир, грозя смыть за борт расчет бакового орудия, которым командовал старший механик буксира Бойцов. Кормовая пушка бездействовала, но два пулемета, установленные на крыше рубки, заходились очередями, заливая мостик дождем отработанных гильз.

И как обычно бывает в таких случаях, тишина наступила внезапно. Бомбардировщики исчезли так же неожиданно, как и появились. Теплый воздух был насыщен запахами пороха, гари и дыма. В изнеможении

старший механик Бойцов облокотился о фальшборт. Нужно было немного передохнуть прежде, чем спускаться в адскую жару машины, где нес вахту второй механик Мехов.

С «Кирова» раздалась очередная команда развернуть крейсер на новый курс, и в тот же момент, разрывая череп и барабанные перепонки, ударил по берегу главный калибр «Кирова». Четыре залпа успели дать орудия крейсера до того, как новая волна атакующих самолетов обрушилась на рейд. Пикировщики, наткнувшись на мощный заградительный огонь, решили не искушать судьбу и сбросили бомбы с горизонтального полета с большой высоты — на удачу. Снова рейд закипел от разрывов бомб. Бойцов заметил, как вспыхнувшее пламя охватило один из тральщиков, и как заметались на нем черные фигуры матросов со шлангами. Водяные столбы медленно оседали. Самолеты уходили.

Боевые корабли, закончив маневрирование, снижали скорость, ложась на постоянные курсы артиллерийской поддержки. Покорными жертвами высились высокобортные, стоявшие без хода, транспорты. К счастью, сосредотачивая всю ярость атак против не дающего им поднять головы «Кирова», немцы мало обращали внимание на торговые суда, стоявшие в гаванях и на рейде так скученно, что ни о каком маневрировании не могло быть и речи. Впрочем, «С-103» с принятым с крейсера буксирным концом был так же совершенно лишен возможности маневрировать. Буксир был словно на привязи и не смог бы отойти от крейсера ни на один метр.

25 августа 1941, 11:45

Налет окончился. «С-103» стал вытягивать крейсер на новый курс. «Все ли у вас в порядке?» — запросили с мостика «Кирова». «Пока все хорошо!» — ответил Гаврилов. Устроившись на деревянном ящике из-под снарядов, прислонившись к невысокому фальшборту, Бойцов увидел поднявшегося на палубу из машины второго механика Мехова. Он раздобыл у кого-то немного самосада и угостил Бойцова. Тот, зачерпнув беретом забортной воды, вылил ее на разгоряченное лицо, и, усев-

шись поудобнее, стал сворачивать козью ножку. Предвкушая удовольствие, механик зажег спичку и вдруг, как ужаленный, вскочил на ноги, бросив за борт неприкрученную самокрутку. Из-за леса, со стороны мыса Коплинием, к рейду стремительно шло звено пикировщиков противника. Запоздало грохнули зенитки кораблей прикрытия.

Бойцов бросился к орудию. Бомбы с пронзительным свистом начали падать на крейсер. Захлебывались от огня орудия и пулеметы «Кирова». Лес водяных столбов снова встал вокруг причудливым лабиринтом. Гром и гул бушевал вокруг хрустальных деревьев. И вдруг оглушительный взрыв раздался, казалось, прямо за спиной. Бойцов почувствовал, как страшная, нечеловеческая сила подняла его в воздух и бросила за борт...

Бомба, предназначенная для «Кирова», угодила в буксир. Вторая взорвалась у самого борта судна. Весь личный состав котельного отделения погиб. Кренясь на борт, «С-103» стал стремительно уходить в воду... Второй механик Мехов, раненый осколком в спину, на четвереньках полз по крутому трапу наверх из машинного отделения. Силы покидали его, но собрав всю свою волю, он продолжал ползти, оставляя за собой полосу крови. Сознание было ясным, и он понимал, что буксир гибнет. Мехов позвал на помощь, стараясь перекричать грохот вырывающегося пара, но никого рядом не было. Зато отчетливо слышалась усиленная мегафоном команда с «Кирова»: «Отдайте буксирный трос!»

Отдать буксирный трос было некому, и на крейсере срочно рубили толстый стальной конец.

Мехов полз к фальшборту, думая лишь о том, хватит ли сил перебраться через него. Он дополз до фальшборта, и в тот момент, когда он ухватился за него рукой, хлынувшая на палубу вода приподняла его и вынесла в сторону от судна. Плыть было почти невозможно от страшной боли в спине, но Мехов все же двигал руками и ногами, стараясь добраться до какого-нибудь плавающего предмета. Что-то подпрыгивало на волне чуть впереди, и Мехову последним усилием удалось схватиться за пустой анкерок из шлюпки. Мехов видел только один этот анкерок. Ничто в жизни уже не существовало для него, кроме этого небольшого деревянного бочонка. «Жить... жить...» — безостановочно ра-

ботала мысль. Ноги его беспомощно повисли в воде. Он не мог уже сделать ими ни одного движения. Стало судорожно сводить левую руку, и Мехов понял, что сможет продержаться на воде только еще несколько секунд...

25 августа 1941, 11:55

Старший механик Бойцов ничего не чувствовал, кроме страшной рези в глазах. Какая-то густая пленка застилала, резала глаза, словно в них попало много песка со стеклом. Бойцов пытался протереть глаза рукой и ощутил на всем лице что-то липкое, противное и вонючее. Скорее инстинктивно он понял, что это мазут. Густая жидкость обволакивала Бойцова, ложась слоями на плечи и спину. Контуженная левая нога не действовала, и он плыл с помощью только правой. В ушах стоял какой-то сплошной гул, но ему казалось, что он слышит порой крики о помощи. Бойцов оглянулся и, с трудом приоткрыв один глаз, увидел громаду «Кирова», стоявшего, видимо, без хода. Буксира по носу корабля уже не было. В помутненном сознании Бойцова так еще й не прояснилось, что «С-103» погиб. Он пытался найти глазами родной буксир, но залитые мазутом глаза не видели уже почти ничего...

Наткнувшись на плавающий ящик, Бойцов обеими руками ухватился за него. Мазут сильно разъедал глаза. Держась одной рукой за ящик, Бойцов стал протирать другой закрытые веки. Чей-то слабый стон заставил его, преодолевая резь, открыть глаза. Он посмотрел вправо от себя и с трудом, уже как в тумане, различил человека, так же держашегося за плавающий деревянный предмет. Бойцов с ужасом подумал, что слепнет навсегда...

Слабый крик повторился, и Бойцов узнал голос своего помощника Мехова. Он оттолкнул ящик рукой и поплыл к своему второму механику. Тот как-то странно запрокидывал голову назад, перебирая руками вращающийся в воде анкерок. Бойцов понял, что Мехов держится на воде последние секунды. Собрав последние силы, Бойцов попытался плыть быстрее, почти теряя сознание от боли в сведенной контуженной ноге. Мазут липким неводом тянул вниз. Когда он преодолел последние метры, шлюпочный анкерок одино-

ко подпрыгивал на зыби. Мехава уже не было...

Откуда-то сзади Бойцов услышал женский крик. Инстинктивно он хотел поплыть на помощь, но уже сам едва держался на воде. Не только контуженная нога, но и все тело отказывалось повиноваться. Бойцов еще раз взглянул в сторону кричащей и увидел, что ее — это была буфетчица буксира — поднимали в шлюпку. И тогда он понял со страшной ясностью, что буксир погиб. Последние силы покидали Бойцова. Мазут липкими щупальцами тащил на дно. Сознание отключилось, и, наконец, он, как в пропасть, полетел куда-то в страшную темноту...*

25 августа 1941, 12:00

С мостика «Кирова» капитан 2-го ранга Сухоруков видел, как в страшной вспышке двойного взрыва буквально разделелся на куски буксир «С-103». Осколки разорвавшихся бомб ударили по корпусу и надстройкам крейсера, полностью выведя из строя расчет зенитного пулемета № 4 и сам пулемет. Матросы боцманской команды на баке были сбиты с ног тоннами обрушившейся на нос крейсера воды. Корабль накренился, взрывная волна резко ударила по стоящим на мостике и в боёвой рубке. Матросы на баке быстро вскочили на ноги, кроме нескольких, так и оставшихся лежать в неестественных позах, видимо, пораженных осколками. Кто-то кричал в мегафон: «Отдайте буксирный трос!» С мостика было видно, как матросы с лихорадочной поспешностью рубят топором шестидюймовый конец. Стальной перлинь лопнул, взвился, задев кого-то, как показалось Сухорукову, и исчез сверкающей змеей за бортом. Отвернуть не успели, проутюжили по поверхности воды останки буксира, разбросав носом обломки, стараясь не слышать криков погибающих.

Циркуляция влево без помощи буксира показалась Сухорукову мучительно долгой и медленной. Еще на циркуляции пытались спустить шлюпку, чтобы подобрать уцелевших с буксира, но что-то заело в таях,

*Д.С.Бойцов и еще 9 человек команды буксира «С-103», насчитывавшей всего 30 человек, были подобраны на катера и шлюпки. 20 моряков буксира погибли.

шлюпка наполовину повисла, а новый бортовой залп главного калибра оборвал носовые тали, шлюпка ударилась о борт, раздался треск ломаемого дерева, чьи-то крики, мат старшего помощника.

Главный калибр продолжал вести огонь через полтора-минутные интервалы, что совершенно исключало наличие людей на верхней палубе — их могло покалечить, убить, выбросить за борт ударной волной от залпов собственных башен. Но давно уже оглохшие, контуженные, с кровавыми тампонами в ушах, в ссадинах и кровоподтеках, с дикими глазами матросы боцманской команды продолжали носиться по крейсеру, всем ужасным своим видом демонстрируя, что все инструкции и наставления годны только для парадов и учений мирного времени.

«Прекратить огонь!» — приказал Сухоруков, зная, как немедленно взорвется УКВ, требуя артиллерийской поддержки, как истерически завопят пехотные подразделения, развращенные невиданной в военной истории огневой поддержкой кораблей и береговой артиллерии. Как бы оправдываясь неизвестно перед кем, Сухоруков добавил: «Навести порядок на палубе и на баке! 10 минут даю!»

Он снял фуражку, вытер платком лоб и голову. Артиллерийская батарея немцев, цапнувшая «Киров» утром, видимо, не выдержав контрбатарееного огня, замолчала или, сменив позицию, переключилась на поддержку сухопутных войск. Три налета за сегодняшний день были отбиты, фактически без потерь, если, конечно, не считать буксира. «А ведь дал бы упреждение всего в полсекунды, — подумал Сухоруков о неизвестном немецком летчике, утопившем «С-103», — и прямо бы к нам на мостик свою бомбу и положил... Может быть, сегодня вечером придется уходить, если вспомнить намеки командующего утром. Дрозд еще не вернулся с совещания...»

Крик сигнальщика: «Транспорт тонет!» заставил Сухорукова воспрянуть от полуминутной задумчивости и вскинуть к глазам бинокль. На фоне бушующих на берегу пожаров, среди черного дыма, обволакивающего лес мачт и дымовых труб, был виден большой грузовой пароход, объятый пламенем, клубами дыма и пара. Два портовых буксира тянули транспорт поближе к берегу,

подальше от фарватера. Пароход шел за ними, все более и более кренясь, медленно заваливаясь на бок, как умирающий слон. Визг и свист вырывающегося из пробитых магистралей пара напоминал предсмертный крик смертельно раненого животного. Все было ясно: прямое попадание авиабомбы, видимо, в последнем налете. Сухоруков навел бинокль на нос гибнущего транспорта и прочел название: «Луначарский».

Пронзительная трель звонков и вой сирен возвестили о том, что передышка кончилась: к рейду подходит новая группа самолетов врага.

25 августа 1941, 12:20

Превозмогая боль в раненой и наскоро перевязанной руке, старший лейтенант Ефимов с мостика «Патрона» разговаривал без мегафона с командиром «Вистуриса» старшим лейтенантом Соколовым. Тральщики шли бок-о-бок. Соколов жаловался, что кончается беззапас, и скоро от самолетов отбиваться будет нечем. Разве что бескозырками. МО-208 ушел далеко вперед, чтобы принять на себя удар, если появятся катера противника. Ярко сверкало августовское солнце, и лишь на горизонте кучерявились барашки облаков. Ослепительно синее небо висело над маленькими корабликами, чьи палубы горбатились от страшных туш тысячекилограммовых бомб.

Ефимов нервничал. Расход снарядов на «Патроне» также был критическим. Почти все из находящихся наверху уже были ранены с разной степенью тяжести, двое — убиты. А до Сааремаа еще минимум двенадцать часов хода, и почти все двенадцать часов — в светлое время суток. Сколько еще будет налетов?

Никто на кораблях, пробивающихся к цели со своим страшным грузом и с не менее страшным риском мгновенно разлететься на атомы от взрыва мины, бомбы или даже от попадания случайного снаряда с какого-нибудь шального немецко-финского катера, естественно, не знал, кем и чем вызван их поход на Сааремаа.

Все началось с того, что 12 августа нарком ВМФ адмирал Кузнецов позвонил командующему морской авиацией генерал-лейтенанту Жаворонкову и, как бы

между прочим, среди других вопросов, сообщил, что видел на столе в кабинете у Сталина справочник летно-тактических данных самолета Туполева ДБ-3. Такие самолеты, главным образом, и летали с островов на бомбежку Берлина.

У генерала Жаворонкова заняло сердце, он сразу понял, что Сталин затребовал себе этот справочник неспроста. Прочитав в справочнике, что бомбардировщик ДБ-3 имеет бомбовую нагрузку в 1000 килограммов, то есть в одну тонну, Сталин закатил очередной разнос адмиралу Кузнецову, явно намекая, что дело пахнет почти саботажем со всеми вытекающими отсюда последствиями: почему при нагрузке в 1000 килограммов самолеты несут на Берлин одну бомбу в 500 килограммов или две — в 250? Сталину уже кто-то услужливо подsunул справку, что еще в 1937 году летчик-испытатель Коккинаки на своем ДБ-3 поднял на высоту 11005 метров аж 2000 килограммов! Это в мирное время. Так что же происходит в военное время? Почему молчите, товарищ Кузнецов? Мне уже органы такое досье на вас показывали, что...

Адмирал уже давно понял, что однажды он умрет в кабинете Сталина от апоплексического удара, если ему не дадут свободно умереть на лесоповале. Чувствуя, как стучит кровь в висках, Кузнецов ответил, что он разберется с Жаворонковым. Сталин же пообещал, что пошлет на острова в качестве представителя Ставки самого Коккинаки, который хотя имеет всего звание полковника, тем не менее владеет достаточным опытом, чтобы разоблачить предателей и саботажников. Можно было подумать, что Коккинаки всю жизнь только и делал, что разоблачал саботажников, а не испытывал самолеты.

Верный своей корректной линии поведения с подчиненными, Кузнецов не стал устраивать Жаворонкову истерик, а облек указания Сталина в сухие слова шифрованной радиотелеграммы: «Верховный Главнокомандующий рекомендует при бомбежке Берлина применять бомбы ФАБ-1000. Лучшими экипажами проверьте эти возможности и донесите...»

Прочитав телеграмму, Жаворонков на минуту закрыл глаза, стараясь придти в себя. Отлетавшие все эксплуатационные сроки, со старыми изношенными моторами,

бомбардировщики с Эзеля едва поднимали в воздух пятисоткилограммовую бомбу. С тысячеккилограммовой они просто не взлетят. Но в конце телеграммы наркома говорилось, что на Эзель по личному приказу Сталина должен прилететь в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования Герой Советского Союза полковник Коккинаки. Он научит!

Такому опытному авиатору, каким был Жаворонков, не представляло труда предсказать, что будет дальше: самолеты с тонными бомбами разобьются на взлете (и без тысячеккилограммовок на Эзеле и дня не проходит без какого-либо летного ЧП — настолько изношена матчасть!), его, Жаворонкова, сделают козлом отпущения и для поднятия общего боевого духа расстреляют. Может быть, дать телеграмму Сталину, что мол, так и так, самолеты и моторы изношены. Нет, это тоже самоубийство. Бывший командующий ВВС генерал Рычагов — герой Испании — стал что-то говорить Сталину о состоянии матчасти в летных соединениях и пропал неизвестно куда вместе с женой — известной всей стране женщиной — пилотом Марией Нестеренко. Конечно, хорошо, что прилетает Коккинаки — он поймет все и, может, доложит, как надо. Да на аэродромах Эзеля и нет-то таких бомб. «Доставим!» — пообещал нарком. Жаворонков знал, что тральщики с тысячеккилограммовыми бомбами вышли на Эзель. Он знал это и надеялся, что они не дойдут. Ему, конечно, было жалко моряков, но себя и своих летчиков было жалко куда больше...

«Воздух!!!» — высокими от волнения голосами закричали сигнальщики. Ефимов увидел самолеты без бинокля, на ослепительно сверкающей синеве августовского неба. Шесть точек, стремительно вырастая в размерах, неслись навстречу отряду. Рулевой — старшина Герасимов, сменивший тяжелораненого Бойцова — резко закрутил штурвал, почти не дожидаясь команды — опытному рулевому она, порой, и не нужна. Ему казалось, что сейчас-то все будет кончено. Снова водяные столбы, медленно оседая, обрушили на палубу тонны воды. Снова корабль метало из стороны в сторону, и в скрежете истязаемой стали меркли крики боли и отчаяния людей. Память рулевого сохранила только жесты командира, дающего команду на руль, его охрипший голос и

крик лейтенанта Спорышева, сраженного осколком и упавшего на поручни крыла мостика. Все это продолжалось не более пяти минут.

Старший лейтенант Ефимов большими глотками пил воду. Лицо его было покрыто кровоподтеками, потом и копотью. Командир поставил стакан в гнездо, вытер платком лицо и, улыбнувшись, спросил: «Дойдем, Герасимов?»

«Дойдем, товарищ старший лейтенант», — не совсем уверенно ответил рулевой и тут с удивлением обнаружил, что, если не считать дальномерщика Игнатьева, они с командиром остались на мостике вдвоем. Ни сигнальщиков, ни вахтенных, ни рассыльного — никого. Только он, Герасимов, командир и лейтенант Спорышев, лежащий лицом вниз на крыле мостика. Герасимов почувствовал, что его левая рука немеет и перестает ему повиноваться. Рука была перебита осколком, но это старшина обнаружил только сейчас...

25 августа 1941, 12:45

Военфельдшер Амелин, помня о советах бывалых катерников, без надобности внизу не задерживался, предпочитая большую часть похода проводить на верхней палубе. Все знали, что в случае подрыва на mine катерные тральщики более 15 секунд на поверхности не держатся, если от них вообще что-нибудь остается после взрыва. Выскочить из нижних помещений не суждено никому. А с верхней палубы, при милости Бога и Судьбы, можно, описав по воздуху невероятную кривую, бухнуться где-нибудь в метрах пятидесяти от взрыва в воду, отделавшись, пусть сильным, но только испугом.

КТ-42 и 44 продолжали вести небольшой конвой на восток. За ними спокойно и уверенно утюжил воду «Трувор». За ним, немного отстав, виднелся «Рулевой». Отличная погода и благополучно отбитый накануне налет способствовали общему подъему настроения. На верхней палубе ледокола было полно людей. Амелин взглянул на часы: до Гогланда было еще не менее восьми часов хода. Далеко на юге по правому борту узкой призрачной полоской виднелся берег, словно черный ободок опрокинутого над морем хрустально чистого свода небес со сверкающим солнцем прямо над головой.

Именно оттуда, с юга, и появились снова самолеты. Три темных черточки на фоне сверкающей синевы, идущие на большой высоте, поблескивая дюралем плоскостей. С мостика напряженно следили за ними в бинокль, на всех мачтах заполоскался сигнал «Воздушная тревога», пулеметчики водили стволами вправо-влево, но самолеты прошли на большой высоте, то ли вообще не заметив конвоя, то ли, имея совсем другое задание, решили не отвлекаться.

Амелин облегченно вздохнул. Комиссар Чертов шумно вздохнул:

«Пронесло!» Амелин бросил в воду гривенник, хотя и сильно сомневался, что морской царь имеет какое-либо влияние на немецкую авиацию. Но хоть погода хорошая!

«Я на твоём месте гривенник не кидал бы, — сказал комиссар, — уж, лучше дождь шел бы, не переставая, или туман. А то — вон Нептун какую погоду дает. Как голый идешь...»

Тральщик № 42 продолжал медленно идти к Гогланду. Бывший буксир управления «Ленводпуть», имевший на «гражданке» название «Ленводпуть-13», он воевал уже вторую войну, третий раз меняя бортовые номера.

25 августа 1941, 13:00

На этот раз самолетов было шестнадцать. Как обычно, они появились со стороны южного берега и снова шли на большой высоте. У всех на тральщике еще теплилась надежда, что они и на этот раз пролетят мимо. Уж очень их много для такого маленького конвоя. Прямо над кораблями самолеты в крутом вираже заложили круг и, начав пологое снижение, один за другим с постоянного курсового ринулись на добычу. Это были «Ю-88» — горизонтальные бомбардировщики. Они не снисходили до пикирования, но зато несли гораздо больше бомб, чем пикировщики, да и над целью могли оставаться гораздо дольше, нежели «лапотники».

Бомбы полились дождем. Снизившись до высоты примерно 800 метров, бомбардировщики делали заход на практически беззащитные корабли. Треск пулеметных очередей на кораблях и звон сыпавшихся на палубу отработанных гильз создавали скорее иллю-

зию сопротивления. Эффективность огня была нулевой. Утопив тралы, тральщики вертелись под бомбами, оказываемые тоннами воды и осыпаемые осколками.

В голове Амелина — будущего профессора экономики — опять никак не могло уложиться, что немцы используют такие силы против столь ничтожных целей. Он видел, как, круто положив руль, «Трувор» пытался уклониться от предназначенной ему серии бомб. Огромный столб воды, огня и черно-бурого дыма неожиданно вырвались из-под носа ледокола. Никто не понял, то ли в «Трувор» угодила бомба, то ли, сойдя с протраленной полосы, ледокол напоролся на мину. В этот момент ударная волна от близко упавшей бомбы сбила Амелина с ног. Тральщик, подпрыгнув, как испуганный конь, повалился на правый борт. Это в какой-то степени спасло Амелина, не дав ему упасть за борт. Когда он вскочил на ноги, то увидел, что «Трувор» быстро погружается носом, медленно заваливаясь на левый борт, окутавшись клубами пара и дыма. Свист и вой пара, вырывающегося из разбитых паропроводов, смешавшись с пронзительным воем поврежденной сирены, фигурки прыгающих за борт людей, барахтающихся в темной от мазута воде среди продолжающихся вздыматься столбов от падающих бомб, создавали картину какого-то неземного, мистического ужаса...

«Трувор» так и не успел лечь на борт. Носом вперед, с креном на левый борт он и ушел под воду, на мгновение мелькнув желтой латуней продолжавших вращаться винтов. Воронка водоворота и легкое облачко пара над штилевой поверхностью залива — все, что осталось, как будто это было не судно в 1200 тонн водоизмещением, а завиточек дыма, который сдуло ветром. И только кружащиеся в водовороте головы людей говорили о произошедшей трагедии...

Бомбы еще продолжали падать, когда на тральщик начали вытаскивать спасенных с «Трувора». Многие из спасенных были ранены, обожжены, а у старшего помощника капитана ледокола безжизненно висела перебитая нога. Амелин работал, забыв обо всем. Он накладывал повязки, протирал раны и ссадины йодом, стараясь, как мог, подбодрить ошеломленных людей. Накладывая шину на ногу старшего помощника «Трувора», фельдшер спросил, что произошло с ледоколом:

мина или бомба? Тот молчал, видимо, находясь в шоке. Амелин сделал ему укол морфия — у запасливого и любящего свое дело фельдшера было в его крошечной санчасти больше разных лекарств и медикаментов, чем на любом эсминце. Единственное, чего не было, и тут Амелин был бессилён — это не было достаточно места. Спасенные забили весь тральщик от верхней палубы до машины, где на койки уложили особенно тяжело пострадавших.

Выставили новые тралы. В отдалении без хода стоял «Рулевой», боясь пошевелиться, потеряв, уклонявшись от бомб, границы протральной полосы. Печальный пример «Трувора» гипнотизировал. Амелин слышал, как комиссар Чертов ругался в адрес «Рулевого», что тот даже не спустил шлюпку, чтобы помочь спасти людей после гибели «Трувора». Командир успокаивал комиссара, уверяя, что на «Рулевом» вообще нет ни шлюпок, ни иных спасательных плавсредств — он их оставил в Таллинне. «Ладно, разберемся», — пробурчал Чертов.

Конвой, состоявший теперь из двух тральщиков и одного маленького гидрографического суденышка, двинулся дальше. Амелин очень надеялся, что немцы сочтут их конвой уничтоженным и оставят в покое...

25 августа 1941, 13:30

Командир эскадренного миноносца «Володарский» капитан 2-го ранга Фалин находился у себя в каюте, просматривая рапорт старшего механика о необходимости ремонта в машине. Рапорт был длинным и датирован 23 августа. На рапорте была разрешающая резолюция контр-адмирала Ралля и его, командирская.

Настроение Фалина было самое паршивое. Час назад он получил приказ из штаба ОЛС изготовить корабль к бою к 16 часам, а ответ, что тот стоит с разобранными машинами, привел штаб ОЛС в бешенство. Почему, начиная ремонт, он не только не получил на это разрешения командования ОЛС, но даже и не поставил никого в известность? Фалин пытался возразить, что он не подчиняется ОЛС, а подчинен командующему минной обороной контр-адмиралу Раллю, который дал разрешение на ремонт. Как выяснилось, он находится в двойном подчинении, потому что «Володарский»

числится в ОЛС. Штаб грозил трибуналом, сравнивая ремонт машин «Володарского» с самострелом и дезертирством. Отряд легких сил! Все уже забыли думать о нем, а оказывается, отряд еще существует и, может быть, даже совершает лихие набеги на немецкие порты и линии коммуникаций, только об этом никто не знает. А кто же сейчас командует ОЛС? Дрозд? Солоухин? Сухоруков? Штаб ОЛС остался в Кронштадте вместе с «Иваном Топихиным», как прозвали на флоте буйного лихого начальника штаба ОЛС капитана 1-го ранга Ивана Святова. Значит, здесь, в Таллинне, есть еще один штаб ОЛС?

Фалин доложил об инциденте адмиралу Раллю. Адмирал пожевал губами, вздохнул и пообещал уладить вопрос с Солоухиным. Или кто там сейчас командует ОЛС? Этого никто не знал, но поговаривали, что после сегодняшнего совещания у командующего флотом капитан 2-го ранга Солоухин вроде сдает кому-то дела. Дрозду? Может быть, и Дрозду. Бардак! На прощание Ралль своим спокойным голосом (адмирал никогда не повышал его в разговорах с подчиненными) все-таки сказал Фалину: «Что вам действительно приспичило с этим ремонтом? Не могли до Кронштадта подождать? Чтобы сегодня к 19 часам все закончить». Говорить в таких случаях начальству, что «вы же сами разрешили», по меньшей мере опрометчиво. Капитан 2-го ранга Фалин ответил: «Есть, все закончить к 19 часам», и попросил разрешения быть свободным. Адмирал кивнул и, когда Фалин, по-уставному повернувшись «кругом», пошел к выходу, бросил: «Что его вообще ремонтировать? Хороший корабль, крепкий, новый...»

Новый корабль! Уж, от кого, от кого, но от контр-адмирала Ралля он этого не ожидал. Ничего себе, новый корабль!

Эсминец был заложен в ноябре 1913 года. 23 октября 1914 года он был спущен на воду на верфи Металлического завода в Петрограде, имея гордое имя «Победитель». Вместе со спущенным на воду в тот же день эсминцем «Забияка» «Победитель» стал головным кораблем большой и славной семьи серийных «нови́ков».

В конце августа 1915 года эсминец начал испытания, а 25 октября того же года официально вступил в строй

Балтийского флота, начав свою славную боевую биографию 16 декабря 1915 года. Быстро завершив полный цикл боевой подготовки, «Победитель» совместно с «Новиком» и своим братом-близнецом «Забиякой» вышел на минную постановку к северо-востоку от Виндавы на путях вероятного следования германских кораблей. Результаты смелой и скрытной минной постановки превзошли все ожидания. На следующий день на этом заграждении взорвались и погибли вышедшие из Виндавы для несения дозорной службы немецкий легкий крейсер «Бремен» (3250 тонн) и эскадренный миноносец Т-191! Причем на крейсере погибло 11 офицеров и 287 человек команды. Через пять дней здесь же погибли сторожевой корабль «Фрея» и эсминец «У-177», потеряв 20 человек.

Радость и красота морского боя чередовалась для «Победителя» со всеми ужасами, сопровождающими морскую войну. 6 января 1916 года, когда три эсминца в том же составе вышли на новую минную постановку, на подходе к Либаве подорвался на mine брат-эсминец «Победителя» — «Забияка». 12 человек было убито, операция — сорвана. «Победитель» охранял своего раненого брата, которого «Новик» повел на буксире в Ревель.

31 мая 1916 года «Победитель» с «Новиком» и «Громом» ворвались в бухту Норчепинг, настигнув там караван из 14 германских судов, шедших с эскортом из вспомогательного крейсера «Герман» и двух вооруженных траулеров. «Победитель» первым из эсминцев открыл яростный артиллерийский огонь, быстро утопив вспомогательный крейсер противника и взяв в плен девять уцелевших моряков из его экипажа.

Боевые походы, минные постановки, нападения на конвои противника, бесконечные плавания в кишачих минами водах — все выпало на долю эсминца «Победитель». И смертельное маневрирование на Кассарском плесе под двенадцатидюймовыми снарядами немецких дредноутов; огонь с позиции у деревни Рыбацкое по наступающим казачьим частям, тщетно пытавшимся что-то изменить после большевистского переворота; кошмарный переход из Гельсингфорса в Кронштадт через ледяные торосы; приход на Неву с помятой и пробитой обшивкой, погнутыми винтами и с напрочь изношенными машинами; стоянка на Неве в паутине

заговоров, волнений и провокаций: дело Щастного, дело Билибина, дело Лисаневича, дело Михайлова. Отчаянно пытавшиеся что-то изменить офицеры, исчезающие один за другим в застенках, разочарованные, ничего не понимающие матросы, сбитые с толку демагогией и исчезнувшие в горниле Кронштадтского мятежа...

В последовавшей затем кампании по «оздоровлению» флота «Победитель» 31 декабря 1922 года был переименован в «Володарский»* и, пройдя капремонт, снова вошел в строй в 1925 году. В 1929 году эсминец потерял нос в столкновении с возвращающимся после визита в Германию эсминцем «Ленин» (бывший «Капитан Изыльметьев»). Взаимная неприязнь двух великих революционеров на этот раз не привела к трагическим последствиям, если не считать двенадцати погибших на «Володарском» и трех — на «Ленине». С поврежденного еще в годы первой мировой войны эсминца «Орфей» сняли носовую оконечность и «приделали» ее к «Володарскому», а сам «Орфей» пустили на лом. «Володарский» продолжал службу в составе Балтийского флота, совершил визит в Польшу в 1934 году, затем прошел очередной трехлетний капремонт, в ходе которого на эсминце были установлены бомбосбрасыватели и 45-миллиметровые зенитные орудия.

Из ледяного ужаса финской войны «Володарский» вышел сравнительно мало пострадавшим, хотя в конфликте участвовал активно, обстреливая приморские поселки финнов и продираясь через ледовые пустыни Финского залива, разрывая обшивку и ломая винты. Все-таки головные корабли всегда строили надежнее, чем серийные. Короткий ремонт в 1940 году, и эсминец снова в строю.

День 22 июня 1941 года застал «Володарский» в Риге, и через сутки он уже встречал остатки разгромленного

*Володарский (Моисей Маркович Гольштейн) — одна из наиболее темных личностей, вынырнувших на мутной волне послеоктябрьского времени. Убит при столь же темных обстоятельствах в июне 1918 года. Ленин открыто упрекал Урицкого, что он не начал кампанию «красного террора» после убийства Володарского, и через два месяца сам Урицкий также был убит. Интересно отметить, что и Урицкий, и Володарский до революции были ближайшими сотрудниками Парвуса в Стокгольме.

отряда капитана 1-го ранга Святова, державшего вымпел на искалеченном «Максиме Горьком». В числе других кораблей «Володарский» конвоировал тяжелоповрежденный крейсер до Кронштадта, а 27 июня снова вышел в море вместе с «Яковым Свердловым», «Артемом» и «Карлом Марксом». Два месяца войны прошли для «Володарского» в кровавом угаре взрывававшихся у бортов авиабомб, мин в параванах, в постановке собственных мин и в тщетной охоте за немецкими конвоями в Рижском заливе.

Войны и революции сильно состарили некогда лихой «Победитель»: скорость эсминца упала до 19 узлов, расхлябанные заклепки пропускали воду, деформированный корпус дрожал и вибрировал, сбивая работу штурманских и артиллерийских приборов, машины и механизмы, изношенные за два месяца войны, как за десять лет мирного времени, требовали крупного заводского ремонта.

Вызвав командира БЧ-5 капитан-лейтенанта Гаврилова, Фалин приказал ему закончить ремонт к 19 часам. Гаврилов посмотрел на него сумасшедшими от бессонницы и усталости глазами и просипел: «Есть!» Но было ясно, что ничего он к этому времени не закончит, а сделает все, как и планировалось — завтра к подъему флага. Фалин хотел припугнуть Гаврилова трибуналом, но не стал. Уж лучше просрочить ремонт, чем остаться без хода, если придется уходить, как это случилось с Афанасьевым в Либаве. Бросишь взорванный эсминец в Таллинне — вот тогда-то тебя точно расстреляют, как миленького...

За всеми этими делами Фалин пропустил обед. Он взглянул на часы, подумал о том, чтобы вызвать вестового и приказать обед в каюту, но не стал — есть совершенно не хотелось.

25 августа 1941, 13:45

Военные корреспонденты Михайловский и Тарасенков, отчаявшись перекусить где-нибудь в городе, прибыли на «Виронию», где оба состояли на довольствии как корреспонденты, аккредитованные при штабе флота. Кормили на «Виронии» не очень-то вкусно по сравнению с таллинскими ресторанами, и когда была

возможность пообедать в городе, ею всегда пользовались. Благо, денег, выданных родными редакциями, всегда было вдоволь. Тесным каютам «Виронии» также предпочитали номера таллиннских гостиниц, вроде «Золотого Льва». Ныне же обстановка изменилась. Уже негде поесть, кроме как по талонам на «Виронии». И ночевка на бывшем лайнере «Король Улаф» стала безопаснее, чем где-либо. Пообедав, оба корреспондента вышли на палубу, чтобы передохнуть перед очередным визитом в Пубалт.

На палубу вышел, как всегда обвешанный «фэдами» и трофейными «лейками», фотокорреспондент «Правды» Прехнер. Военная форма мешковато горбилась на его тощей, высокой фигуре. Корреспондент центральной «Правды», известный своими фоторепортажами на всю страну, снимавший даже в Кремле, Прехнер совсем недавно угодил здесь, в Таллинне, в такую историю, которая надолго запомнилась всем корреспондентам, более всех других рисковавшим попасть под страшные грабли особого отдела флота.

В последние дни Особый отдел, возглавляемый дивизионным комиссаром Лебедевым, проводил массовые аресты всех подозрительных лиц, которых свозили в ближайшие, еще не занятые противником, пригороды, и без лишнего шума расстреливали. На том свете разберутся, кто был виноват, а кто нет. Обстановка шпиономании всегда поддерживалась в вооруженных силах на должном уровне, начиная с 1934-го года, а военное время и накипь военных неудач, перерастающих в катастрофы, быстро доводили шпиономанию до стадии истерии, давая возможность, с одной стороны, объяснить понесенные поражения, а с другой — занять чем-нибудь особые отделы, чтобы они не бросились на собственное командование, которое обвинить в такой обстановке в шпионаже было проще простого.

Как-то Прехнеру позвонили из Пубалта и предложили прислать за ним машину — все-таки корреспондент «Правды». От гостиницы «Золотой лев», где Прехнер снимал номер, до здания Пубалта была пара шагов. Смешно было проезжать это расстояние на машине, присланной подхалимами из политотдела. Как был в штатском костюме, Прехнер направился в бюро пропусков, расположенное напротив церкви Преображения, где

всегда толпились офицеры и политруки, ожидающие вызова в Пубалт или штаб флота. Хотя и дураку было ясно, что никто не будет засылать в Таллинн шпиона в модном штатском костюме, тем не менее появление любого человека в штатском вызывало трудно сдерживаемые вулканические эмоции, особенно у молодых матросов-часовых, которым, учитывая их воспитание с детства, не терпелось кого-нибудь поскорее поймать.

Когда Прехнер подошел к бюро пропусков, дежуривший там какой-то техник-интендант, с испугом посмотрев на штатский костюм фотокорреспондента, заявил, что пропуска на имя Михаила Прехнера нет. Удивленный таким непорядком в военном учреждении, из которого ему только что звонил начальник IV отдела Пубалта полковой комиссар Бусыгин, приглашая зайти, и столкнувшись с обращением весьма непривычным для корреспондента столь могущественной газеты, какой являлась центральная «Правда», Прехнер попросил дежурного позвонить товарищу Бусыгину. Услышав грубый отказ, он решил дозвониться сам. Это его чуть не погубило. Сверяя телефон Бусыгина, Прехнер вынул из кармана изящную в кожаном переплете записную книжку явно заграничного происхождения. Неожиданно дежурный, выскочив из-за барьера, схватил Прехнера за руку и вырвал у него записную книжку с криком: «Попался, гад!» Прехнер показал дежурному удостоверение корреспондента «Правды». Однако оно не произвело на того никакого впечатления. Даже напротив: дежурный вызвал двух часовых и приказал сторожить Прехнера на улице в ожидании дальнейших распоряжений. Выведя Прехнера на улицу, двое краснофлотцев поставили его к стене и уперли ему в грудь трехгранные штыки своих трехлинейек, приказав поднять руки вверх. Все протесты фотокорреспондента приводили только к тому, что штыки плотнее упирались ему в грудь.

Появившийся перед входом в бюро пропусков хорошо знавший Прехнера корреспондент газеты «Красный флот» Рудный, не поняв, что происходит, и, видимо, решив, что это какая-то шутка, подлил масла в огонь, бросив на ходу: «Ага, попался, голубчик!» Через несколько минут продолжил шутку, сказав часовым: «Держите, держите его! Знаем мы этих корреспондентов!» Прехнер хотел ему что-то сказать, но Рудный отмахнулся: «Некогда!»

Между тем по вызову дежурного к бюро пропусков подъехал известный всему Таллинну «рейсовый» грузовик Особого отдела. «Рейсовыми» эти машины называли потому, что они, подобно рейсовым автобусам, постоянно колесили по городу, хватая любого, кого по меркам Особого отдела можно было считать подозрительным. Прехнера бросили в машину и отвезли в какую-то загородную конюшню, приспособленную Особым отделом под тюрьму, обитателей которой, как правило, ночью расстреливали, чтобы на следующий день набить «тюрьму» новыми обреченными. Оказавшись в переполненной конюшне, Прехнер понял, в какое страшное положение он попал. Корреспондент кричал, требовал вызвать начальство, потрясал правдинским удостоверением. Начальник конвоя старшина, посмеиваясь, отвечал: «Не ори! И липу свою спрячь. Знаем, знаем, какими документами снабжают вашего брата там!»

Тем временем начальник IV отдела Пубалта полковой комиссар Бусыгин, ожидая Прехнера, убедился, что фотокорреспондент «Правды» пропал без вести по пути из гостиницы «Золотой лев» в Пубалт. Бусыгин отвечал за всех художников, фотографов и прочую «изобрацию», хорошо понимая, что с него снимут шкуру, если что-нибудь случится с корреспондентом газеты, редактор которой через день видится со Сталиным. Через два часа поиска Бусыгин явился в Бюро пропусков и из невнятного доклада дежурного техника-интенданта все-таки понял, что Прехнера увезла «рейсовая» особистов. Поняв это, Бусыгин помертвел от ужаса. Если Прехнера расстреляют особисты, то он, Бусыгин, может заплатить за гибель московского корреспондента своей головой. Он бросился к начальнику Особого отдела дивизионному комиссару Лебедеву. Тот посмотрел какие-то списки в папочке и сказал: «Не назначен».

«Что?» — не понял Бусыгин. Лебедев не стал вдаваться в подробности, куда-то позвонил, еще куда-то позвонил и сказал Бусыгину: «Надо искать. Куда они его повезли? У нас много точек».

Кто будет искать, Лебедев не уточнял, а на вопрос Бусыгина раздраженно ответил: «Сто раз вам говорили, чтобы прикомандированные к политотделу не шлялись в штатском. Город на осадном положении, а вы их не только не можете обмундировать, но даже нужными

документами и предписаниями не обеспечиваете. Вам надо, вы и ищите!»

Бусыгин не стал терять времени. Прямо от Лебедева он бросился к контр-адмиралу Смирнову. Старый политработник все понял быстро и правильно: особысты расстреляют корреспондента «Правды», а отвечать будет политотдел, поскольку не обеспечил... Он тут же связался с Трибуцем. Командующий долго не мог понять, что от него хотят, но поняв, всем своим взвинченным до предела существом неожиданно подумал, что гибель корреспондента «Правды» задумана специально в лабиринте этой дьявольской интриги, которая плетется вокруг него и загнанного в ловушку флота. Он разыскал Лебедева и приказал немедленно найти Прехнера. «Час тебе даю, — сказал вице-адмирал притихшему начальнику Особого отдела. — Доложишь лично мне. А не найдешь, сегодня же отправлю в Ленинград с рапортом. Что-нибудь не ясно?»

Ясно было все. Лебедев, как угорелый, выскочил из помещения Особого отдела и сам стал объезжать «точки». Уже была ночь, когда Лебедев, наконец, разыскал Прехнера в опустевшей уже на две трети конюшне. Отдавая корреспонденту его заграничную записную книжку, Лебедев, вытирая пот со лба, сказал: «Услужливый идиот...» К кому это относилось — к Бусыгину или к дежурному по бюро пропусков, а может, к кому-нибудь другому — осталось неизвестным...

Прехнер не стал поднимать шума. Он покорно переоделся в военную форму, понимая что счастливо отделался. В конце концов, он был фанатиком своего дела. И снимал он, как одержимый, как будто стрелял своим объективом по противнику...

Увидев на палубе «Виронии» двух своих коллег, Прехнер кивнул головой.

«Куда вы?» — поинтересовался Михайловский. «На эсминец «Сметливый», — ответил фотокорреспондент. — В политотделе сказали, что там можно будет снять сегодня много боевых эпизодов».

25 августа 1941, 14:10

Капитан 3-го ранга Баландин вел эскадренный миноносец «Скорый» на огневую позицию, с которой он

должен был огнем своих стотридцаток поддержать оборону 22-ой дивизии НКВД, прижатой противником почти непосредственно к городской черте. «Скорый» — новенький эсминец типа 7У, попыхивая дымком из своих двух широких скошенных труб, медленно шел вдоль берега, изящно разрезая темнобурую прибрежную воду острым форштевнем.

Корабль был заложен на Ждановском заводе в Ленинграде 29 ноября 1936 года в качестве очередного эсминца типа «7». Однако пока он собирался на стапеле, появился проект 7У, и его стали улучшать. Перезаложенный 23 октября 1938 года, эсминец 24 июля 1939 года был спущен на воду и долго достраивался, главным образом, из-за массовых арестов специалистов-кораблестроителей, пришедшихся как раз на эту пору. Он еще не был принят флотом, когда началась война. Приказ форсировать работы никогда не приносил пользы ни одному кораблю, и «Скорый» не составлял исключения.

С кучей оговорок, записанных в приемном акте, флот принял эсминец чуть более месяца назад, 18 июля 1941 года. Было решено, что после ускоренного цикла боевой подготовки корабль вернется на завод, где все старые и вновь обнаруженные дефекты будут исправлены. Но осуществить этот замысел, естественно, не удалось, как не удалось завершить и полный цикл боевой подготовки, даже ускоренной. Эсминец получил приказ включиться в оборону Таллинна, куда прибыл совсем недавно — 23 августа. Более суток устраняли те дефекты, которые можно было устранить своим силами с минимальной помощью местного завода.

И вот, наконец, первый боевой приказ — поддержать артогнем откатывающуюся к городу дивизию НКВД. Дивизии была придана для этой цели канонерская лодка «Амгунь», переоборудованная из шаланды Балтхфлота, но ее две стомиллиметровки уже не справлялись с задачей. Кроме того, канонерка срочно нуждалась в переборке вспомогательных механизмов, и экипаж просил хотя бы часов десять для производства всех необходимых работ.

Рядом с капитаном 3-го ранга Баландиным на мостике «Скорого» находились флагманский артиллерист ОЛС капитан 2-го ранга Сагоян и капитан-лейтенант

Румянцев — офицер штурманского отдела штаба КБФ. Неотработанный эсминец вызывал сильное беспокойство. Система управления артогнем не была достаточно отрегулирована, девиация компасов определена недостаточно точно, а главное — корабль не прошел размагничивания. Офицеры нервничали — «Скорый» проходил сейчас через точку, где совсем недавно, буквально на глазах у всех, взорвался на магнитной мине и мгновенно затонул родной брат «Скорого» — эскадренный миноносец «Статный».

25 августа 1941, 14:35

Капитан 3-го ранга Нарыков, захватив своего артиллерийского и штурманского офицеров Шуняева и Иванова, отправился в штаб флота, чтобы уточнить задачу «Сметливого» в связи с предстоящим десантом. В штабе сначала говорили о двух эсминцах, которые будут поддерживать высадку. Однако вскоре выяснилось, что «Володарский», которого предполагали также использовать для поддержки десанта, из-за неготовности машин использовать не удастся.

Генерал Елисеев хмуро встретил моряков, представив им какого-то сухопарого майора с артиллерийскими петлицами. Майор, фамилия которого была Киселев, должен был вместе со своим штабом находиться на борту «Сметливого» и оттуда руководить высадкой, а после захвата плацдарма сойти на берег, оставив на эсминце офицера связи.

Нарыков, следя за пальцем генерала, смотрел на карту полуострова: немецкие батареи, пулеметные гнезда, временные укрытия, предполагаемые места штабов и скопления резервов. Задача знакомая.

«Ну, вышибите вы немцев отсюда, — спросил он Елисеева, — а дальше что?»

«Дальше, что прикажут», — стрельнул в него взглядом Елисеев.

«К утру всех перебьют», — раздраженно, что удивило его самого, ответил Нарыков, взглянув на майора Киселева. Киселев угрюмо молчал, делая какие-то пометки в блокноте.

«Ничего, — отрубил генерал, — будете хорошо поддерживать, не перебьют. Если все будет, как положено, — он запнулся, — то дня два продержимся».

«А потом?» — спросил командир «Сметливого». «Слушайте, капитан 3-го ранга, — Елисеев посмотрел на него в упор. — В армии не бывает «потом». В армии бывает только настоящее время, то есть последний приказ. И прошедшего времени не бывает, ибо последний приказ уничтожает все предыдущие. У вас должно быть только одно беспокойство — выполнить, как положено, поставленную перед вами задачу. Или вы считаете, что не в состоянии ее выполнить?»

«Никак нет, — ответил Нарыков. — Задачу выполним. Не впервой такие задачи выполнять. Вот уже скоро месяц, как никакими другими задачами не занимаемся. Только, товарищ генерал, не десанты теперь нужно высаживать...»

«Любопытно, — Елисеев снова склонился над картой. — Что же вы предлагаете?»

Иванов и Шиняев с испугом посмотрели на своего командира.

Нарыков молчал. Он сообразил, что и так сказал много лишнего. Не поднимая головы от планшета, генерал Елисеев, прекрасно понявший, что хотел сказать командир «Сметливого», проговорил: «Наше дело выполнять приказы. А решения у нас принимают... Я даже не знаю, где их сейчас принимают. Где-то очень высоко. Так высоко, что флота оттуда просто не видно. Ненужным оказался флот в этой войне... Бесполезным. Поэтому о нем и забыли...»

25 августа 1941, 15:00

Маршал Советского Союза Шапошников — начальник Генерального штаба РККА и член Ставки Верховного Главнокомандующего — просматривал последние сводки, поступившие с фронтов, сверяя их с огромной картой обстановки. Карта занимала целую стену его обширного кабинета. Среди многих ничтожеств в мундирах, окружавших Сталина, маршал Шапошников был, пожалуй, единственным, кого можно было назвать глубоким военным профессионалом, выскочившим живым из-под смертельной косы тридцатых годов.

Полковник Генерального штаба царской армии, выпускник Московского военного училища и Николаевс-

кой Академии Генерального штаба, начальник штаба казачьей дивизии в Первую мировую войну Шапошников, казалось бы, был первым кандидатом на расстрел, если принять во внимание, что расстрелы так называемых «военспецов» начались сразу же после ликвидации Фрунзе, то есть в 1925 году, достигнув кульминации в 1937 году. Но капризы судьбы непредсказуемы. Шапошников не только не был расстрелян или превращен в «лагерную пыль», как многие тысячи таких, как он, но напротив, ходил у Сталина в своего рода любимчиках. Бытовало мнение, что Шапошников был единственным человеком из окружения Сталина, к которому диктатор обращался по имени-отчеству: «Борис Михайлович».

Сталина Шапошников боялся, боялся смертельно, до мокроты в штанах, до нервных приступов, хотя вождь неоднократно демонстрировал ему свое расположение, высшим из которых было то, что из всех родственников маршала был посажен (но не расстрелян!) только брат его жены. Подобная милость вождя была следствием не столько военных способностей Шапошникова, сколько одной скандальной истории, происшедшей еще в двенадцатых годах.

Как известно, институт «военспецов» находился под высочайшим покровительством «демона революции» и создателя Красной Армии — Троцкого, который, отдавая должное военному таланту Шапошникова и полному отсутствию у него каких-либо политических убеждений, всячески продвигал профессионала по скользкой от крови и грязи лестнице новой военной иерархии. Внезапно, в разгар советско-польской войны, в бывшем царском полковнике возродился священный дух русского национализма. Забыв, что война ведется под знаменем интернациональной помощи братскому народу Польши в борьбе против польской и международной буржуазии, Шапошников в журнале «Военное дело» опубликовал статью, где обрушился на поляков, как на нацию гнусную и преступную, не имеющую никакого права на существование. Между строк статьи огнем дышал священный призыв к красноармейцам перерезать всех поляков до последнего человека.

Интернационалист Троцкий пришел в ярость. Чуть было лично не прилепнув Шапошникова, как некогда адмирала Щастного, Троцкий выгнал Шапошникова

вон, закрыв и разогнав заодно и журнал «Военное дело», обвинив его в шовинизме и скрытом монархизме. Это и определило судьбу Шапошникова. Как жертву троцкизма, его пригрел Иосиф Виссарионович и даже присвоил ему звание маршала как раз тогда, когда в Мексике по приказу вождя был убит Троцкий.

Подобная жизнь истощила интеллигентно-дворянскую нервную систему Шапошникова. В отличие от своих каменно-дубовых коллег из кавалерийских университетов вроде Буденного, Тимошенко, Жукова, которые едва владея грамотой, нервы имели тем не менее железные, крестьянские: «убьют — так убьют, а не убьют — так слава Богу», Шапошников все происходящее переживал скрытно, но очень остро. К 1941 году он уже был очень больным человеком, уверенно идя к могиле, куда и сошел менее чем через четыре года. По ночам его мучили кошмары: он-то знал, как казнили Тухачевского, Якира, Уборевича и других. Это только в газетах написали, что они были расстреляны, а на самом деле... Глаза сами закрывались, и не хотелось жить, думая об этом, и страх, страшный страх подкатывался к горлу, отдавался молотом в висках и покрывал лоб холодной испариной. Каждый вызов к Сталину стоил столько, что маршал сам удивлялся, как он еще живет в этом змеином клубке интриг, доносов и провокаций. Но приходилось не только жить, но и работать...

Война с Финляндией показала Сталину, до чего довели армию такие умники, как Тимошенко и Ворошилов, превратив самую огромную армию в мире в плохо обученную, плохо вооруженную и в практически неуправляемую толпу. Говорят, что Сталин уже сам пытался спасти уцелевших военных теоретиков, и взял Шапошникова под свое личное покровительство, несмотря на то, что материалов на маршала, хоть тот и сидел тише мыши, было выше головы, и НКВД давно на него нацелился.

Увы, чудом уцелевшие профессионалы, хотя и смогли теоретически извлечь уроки из зимней войны, но практически сделать не успели ничего.

День 22 июня застал Шапошникова в штабе Западного особого военного округа. Всего неделя понадобилась немцам, чтобы в двух огромных котлах — Белостокском и Минском — уничтожить всех, кто не успел

попасть в плен или скрыться в лесах. Маршал Шапошников с тяжелым приступом болезни печени лежал на шинели под сосной, с ужасом глядя на то, как командующий округом генерал армии Павлов ползал на коленях перед прибывшим из Москвы Ворошиловым и, целуя пыльные сапоги бывшего наркома, плача, кричал: «Товарищ маршал! Простите меня, дурака, ради Бога!» «Ага,— злорадно кричал в ответ первый красный офицер.— Видишь теперь, чего ты стоишь! А кто на меня жаловался товарищу Сталину? Округ ему дали! Да тебе дивизию нельзя было давать!»

Павлова расстреляли вместе со всем его штабом, а Шапошников вернулся в Москву, еще раз убедившись, что милость тирана порой бывает беспредельной. В июле Шапошников сменил на посту начальника Генерального штаба — смелого и решительного, но, к сожалению, совершенно безграмотного генерала армии Жукова, и в кошмарный условиях июля-августа 1941 года, воспользовавшись той свободой, которую ему предоставил Сталин, стал, наконец, по-настоящему налаживать работу Генштаба по управлению огромными массами войск, планированию операций и стабилизации готового развалиться фронта.

Шапошников прошелся по кабинету и снова остановился у карты обстановки на 25 августа. Тощие синие стрелы немецкого наступления на всем протяжении огромного фронта акулами вгрызались в жирные красные бока нашей беспомощной обороны. Маршал вздохнул: вот здесь одна немецкая дивизия, прорвав фронт на стыке, крушит две наших армии, вот здесь наша армия вот-вот будет окружена неполной моторизованной бригадой противника, вот здесь двадцать наших дивизий не в состоянии смять фронт, удерживаемый одной кавалерийской дивизией противника. Но немцы все-таки уже буксуют в горах нашего мяса и крови, захлебываясь нашими военнопленными, гробя свою военную технику на наших чудо-дорогах. Как опытный врач, рассматривающий кардиограмму своего пациента еще задолго до инфаркта, видит его грозные признаки, так и маршал Шапошников, глядя на карту, уже явственно видел — немцы выдыхаются. Слишком широко разинули пасть, а разевать ее приходится все шире и шире с

каждым днем — по мере нашего отступления, фронт все более увеличивается, как в перевернутой воронке. Слишком мало немцев, не хватает у них сил для одинакового нажима на всех участках. Гоняют вдоль фронта танковые дивизии с одного участка на другой, как пожарную команду. Сколько уже буксуют под Ельней! Хотя еще сильны, страшно сильны, особенно по сравнению с нами, ничего не умеющими.

Глаза маршала несколько раз прошлись по линии фронта сверху вниз, с севера на юг. На фоне огромного фронта крошечные голубые островки Балтийского и Черного морей и на долю секунды не задержали взглядом начальника Генерального штаба. На столь высоком стратегическом уровне флота просто не существовало, и его роль не учитывалась. Где-то, на более низком, оперативно-тактическом уровне флот еще учитывался как одно из средств эвакуации и транспортировки. А на еще более низком уровне флот учитывался как средство огневой поддержки, что-то вроде полковой артиллерии.

Но на уровне маршала Шапошникова его фактически не существовало. Фактически, потому что любое упоминание о флоте раздражало маршала. Во-первых, потому что флот без всякой пользы тратил ресурсы, необходимые для армии. Во-вторых, потому что на кораблях оставался личный состав, из которого можно было сформировать три армейских корпуса, а этих корпусов критически не хватало везде. И в-третьих, эти постоянные напоминания Сталина: «Чтобы нэ одын корабль нэ папал в руки врага!» Армия еще должна спасти флот. Тот даже не способен сам себя уничтожить! И в-четвертых, маршал, в отличие от Сталина, флот не любил, и зачем он нужен в такой стране, как Россия, не понимал.

Еще в старые времена, будучи младшим офицером Императорской армии, он видел, с каким трудом армия выпрашивала копейки на какое-нибудь новое трехдюймовое орудие, в то время, как флот глотал миллиарды только для того, чтобы навечно опозорить страну Цусимой. Он был уже полковником, когда русская армия истекала кровью без орудий и снарядов, а не сделавшие за всю войну ни одного выстрела экипажи линкоров, обалдевшие от безделья, начали резать и бросать за борт своих офицеров.

А сейчас! У армии нет даже приличного грузовика, армия идет в бой с трехлинейкой и «Максимом» первой мировой войны, а флоту готовили линкоры и линейные крейсера! Тысячу раз прав был Ленин, предлагавший после Кронштадтского мятежа вообще упразднить флот, заменив его морскими частями ОГПУ...

25 августа 1941, 15:30

Шапошников с лязгом открыл массивный старинный сейф, мрачной громадой возвышавшийся в одном из углов его кабинета, и вытащил красную папку, в которой хранились документы Главного Разведуправления Генштаба. Маршал открыл папку и вытащил из нее документ, о содержании которого он непрерывно думал в течение всего дня. В сопроводительной справке ГРУ говорилось, что этот документ передан англичанами, добывшими его неизвестно откуда по линии своей глобальной секретной службы. Были приведены фотокопии подлинника документа на немецком языке и приложен перевод.

Все военно-политическое воспитание Шапошникова, как до, так и после революции, было основано на недоверии к Европе и, особенно, к Англии. Коварный Альбион, управляющий миром с помощью своего огромного флота, с помощью навязанной миру международной финансовой системы и международных союзов, с помощью своей глобальной империи на пяти континентах, имеющий в каждом отдельном случае свои собственные интересы и готовый пожертвовать во имя их кем и чем угодно. В чаду этих своих интересов они способны подбросить своему нынешнему союзнику любую дезинформацию. Хотя...

Когда Шапошников первый раз прочел этот документ, он почувствовал нечто похожее на удовлетворение врача, убедившегося на вскрытии в правильности поставленного диагноза. Содержание документа, являющегося директивой Гитлера по вооруженным силам на Восточном фронте от 21 августа 1941 года, совпадало с собственными стратегическими выводами маршала Шапошникова. Но то, что предписывал Гитлер, было просто невероятно!

Шапошников еще раз прочел документ:

«Совершенно секретно!

21 августа 1941 года

Ставка фюрера
Исх. № 441412/41

Передаче по радио не подлежит!

Предложение главного командования сухопутных войск от 18.08.1941 года о продолжении операций на Востоке расходится с моими планами.

Я приказываю следующее:

1. Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

2. На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель-Почен, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр» по сходящимся направлениям. Целью этой операции должно являться не только вытеснение за Днепр 5-ой русской армии... но и полное уничтожение противника прежде, чем его войска сумеют отойти за рубеж Десна, Конотоп, Сула. Тем самым войскам группы армий «Юг» будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра, и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков.

3. От группы армий «Центр» требуется, чтобы она, не считаясь с планами последующих операций, бросила на проведение вышеупомянутой операции такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи по уничтожению 5-ой русской армии и в то же время позволило бы группе армий отражать атаки противника на центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил.

Решение выдвинуть левый фланг группы армий «Центр» на возвышенность у Торопца и сомкнуть его с правым флангом группы армий «Север» остается без изменений.

4. Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой

моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым прежде, чем противнику удастся подтянуть свежие силы.

5. Только плотная блокада Ленинграда, соединение с финскими войсками и уничтожение 5-ой русской армии создадут предпосылки и высвободят силы, необходимые для того, чтобы согласно Дополнению к директиве № 34 от 12.08 можно было предпринять успешное наступление против группы войск Тимошенко и разгромить их.

Рейхсканцлер Германии и фюрер немецкого народа Адольф Гитлер».

Читая директиву, Шапошников непроизвольно подчеркнул красным карандашом ее 5-ый параграф. Даже не верится! Гитлер сам подписался под провалом блицкрига. Какая ошибка! Прекратить операции на главном стратегическом направлении и загнать лучшие силы армии в тупики Ленинграда и Севастополя. Дать нам в самый критический момент минимум две недели, чтобы мы могли очухаться и подвести резервы. Главное — на центральном направлении немцы переходят к обороне. Левый фланг группы «Центр» уходит на северо-запад. Ленинград и Киев становятся ключевыми форпостами нашей обороны.

Надо немедленно подсказать Сталину правильное решение. Он, конечно, также получил копию директивы Гитлера. Но прочел ли он ее и правильно ли прочел? Понял ли он, что немцы не в силах «поднять» столь огромный фронт? Что время работает не на них? Что они совершают, может быть, первую, но очень серьезную стратегическую ошибку, в которую он, Шапошников, никогда бы не поверил, если бы не имел собственной информации о том, что Гудериан начал крупную перегруппировку. Скопление эшелонов и мероприятия железнодорожных войск противника говорят о предстоящем крупном перемещении войск противника из-под Ельни, Смоленска и Гомеля на юг. На Киев, конечно! Кажется, англичане на этот раз не соврали!

25 августа 1941, 16:00

Шапошников взглянул на часы. Четыре часа. Обычно Генштаб докладывал Сталину обстановку в семь часов вечера. Маршал снял трубку красного телефона — прямого телефона в приемную диктатора — и, услышав хриловатый голос Поскребышева, сказал: «Александр Николаевич, не может ли верховный принять меня где-нибудь в течение часа. Есть важные новости». Поскребышев ответил, что доложит и позвонит.

Не успел начальник Генерального штаба повесить трубку, как раздался звонок телефона его внутренней связи. Докладывал старший дежурной группы адъютантов. Его, Шапошникова, хочет видеть нарком ВМФ адмирал Кузнецов. «Просите», — сказал маршал, поморщившись. Высокая, ладная фигура адмирала выглядела сегодня какой-то согбенной и мешковатой. Лицо бледное, лихорадочный, больной блеск глаз. Адмирал робко вошел в кабинет начальника Генштаба и остановился у дверей.

Катапультированный волной небывалого террора на самую вершину военной иерархии, адмирал Кузнецов до конца своих дней сохранил психологию младшего офицера. Перед чванливыми сухопутными маршалами он робел, как солдат-первогодок перед старшиной. Став адмиралом флота Советского Союза, то есть тем же маршалом, он никогда не чувствовал себя равным среди сухопутных коллег, относившихся к нему с некоторой смесью покровительной презрительности, а к возглавляемому им флоту — как к чему-то совершенно ненужному и несерьезному.* Шапошников взглянул на нерешительно мнущегося у дверей наркома: «Ну, что вы стоите, голубчик? Проходите, садитесь. Что случилось?»

Адмирал присел на кончик стула, готовый вскочить по первому движению маршальских бровей.

*Когда в 1955 году в Севастополе взорвался и затонул линкор «Новороссийск», тогдашний министр обороны маршал Жуков, вызвав к себе маршала Кузнецова, орал на него матом, объявив ему, что он изгоняется со службы и отдается под суд. Адмирал флота Советского Союза Кузнецов, которому Жуков, естественно, не предложил сесть, стоял по стойке смирно и, услышав жуковское: «А теперь пошел вон!», повернулся через левое плечо и покорно вышел из министерского кабинета, навсегда закончив свою яркую, как осветительная ракета, и столь же скоротечную карьеру.

«Товарищ маршал,— начал нарком ВМФ,— тут вот какое дело... Таллинн надо срочно эвакуировать. А то катастрофа будет. Погибнут там все...»

Шапошников взглянул на карту. Что там у нас в Таллинне? Один корпус 8-ой армии. Лишний корпус, конечно, сейчас под Ленинградом не помешает. Но одним корпусом больше, одним меньше. Тем более, что там уже осталось от этого корпуса?

«Не горячитесь, голубчик,— участливо сказал он Кузнецову.— Какая там катастрофа? Пусть держатся, сколько могут. Нельзя сейчас дать немцам возможность сконцентрировать все силы под Ленинградом. Что вы так разволновались?»

Адмирал облизал пересохшие губы: «Флот, товарищ маршал!.. В Таллинне лучшие силы Балтийского флота. Все корабли погибнут там, если не дать срочного приказа об эвакуации...»

Начальник Генерального штаба развел руками: «Флотские дела, голубчик, меня не касаются. Это вы сами распоряжайтесь. Вам и карты в руки. Считаете, что флот необходимо оттуда убрать, убирайте. Ваши корабли под Ленинградом скоро очень пригодятся. А с армией мы тут сами разберемся.»

«Так вы разрешаете убрать из Таллинна флот?» — спросил Кузнецов.

Маршал пожал плечами: «Как я могу вам что-либо разрешать или запрещать? Флот вам подчиняется. Вы и распоряжайтесь.»

«Но флот подчиняется не мне, а главному Северозападного направления. А тот разрешения на эвакуацию не дает», — с отчаянием в голосе почти крикнул адмирал Кузнецов.

«Верховному докладывали?» — поинтересовался Шапошников.

«Так точно,— ответил нарком ВМФ,— докладывал. Вчера докладывал.»

«И что он?» Нарком ВМФ снова облизал губы: «Товарищ Сталин приказал, что решение об эвакуации должен принять товарищ Ворошилов. А тот...»

«Так что же вы хотите от меня, голубчик?» «Товарищ маршал,— скороговоркой, как будто боясь, что ему не дадут договорить, выпалил Кузнецов,— доложите товарищу Сталину, что нужно эвакуировать и флот, и

гарнизон. Ведь гарнизон уже наполовину из моряков состоит. Всех эвакуировать, потому что, если уйдет флот, город и часа не продержится. А флот погибнет, без всякой пользы погибнет. Товарищ маршал, доложите товарищу Сталину. Пусть он прикажет...»

Шапошникову казалось, что адмирал сейчас разрыдается. Эка трагедия — флот погибнет! Страна гибнет, а он о флоте беспокоится. Интересный человек. Шапошников внимательно взглянул на Кузнецова:

«Хорошо. Идите к себе. Я доложу Верховному».

25 августа 1941, 16:45

Маршал Советского Союза Шапошников покорно поднял руки. Офицер НКВД с петлицами капитана широкими, плоскими ладонями привычно быстро ощупал все карманы маршальского мундира, прошелся по галифе. Другой офицер просмотрел папку и карты.

В ярко освещенном коридоре, ведущем к кабинету Сталина, через каждые десять метров стояли часовые в форме офицеров НКВД, вооруженные револьверами в раскрытых кобурах. Поговаривали, что пули этих револьверов покрыты слоем цианистого калия. Любое, даже самое легкое, ранение вызывало мгновенную смерть. Ходил слух, что больше всех боялся этих молодцов сам Сталин, убежденный, что именно кто-нибудь из них когда-нибудь пристрелит его самого. Логика была простой: кроме этих головорезов никто не имел права даже приближаться к кабинету диктатора с оружием. Всех, независимо от звания и занимаемой должности, обыскивали на трех контрольных постах. Поэтому офицеров охраны расстреливали на всякий случай через каждые полгода, постепенно заменяя новыми, объявляя при этом, что те переведены на новое место службы, а родственники через известный промежуток времени получали известие, что такой-то «погиб при исполнении служебных обязанностей», и даже затем пенсию...

Сталин, что с ним случалось крайне редко, курил папиросу. Это свидетельствовало о том, что вождь находится в некоторой растерянности. Диктатор прохаживался вдоль стола для заседаний. Потухшая трубка лежала на его рабочем столе поверх какой-то папки

зеленого сафьяна. За маленьким столиком секретаря сидел Берия, тоже, казалось, в некоторой растерянности, протирая стекла пенсне. Перед ним лежали бумаги со сталинскими резолюциями красным и синим карандашом. Шапошников остановился у дверей, ожидая. Большая доза успокоительного и сделанный утром укол позволяли ему держаться.

Диктатор зажег спичку, раскуривая потухшую папиросу, и, глядя на огонек, спросил: «А ви уверены, что это не английская правакация?» Как всегда он знал, с каким вопросом приходят к нему в кабинет.

«Провакация?» — переспросил Шапошников, сглотив слюну. — Непохоже, товарищ Сталин. Данные фронтовой разведки также говорят о том, что группа «Центр» поворачивает острие своего удара на юг».

«Вот и товарищ Берия считает, что это не провакация англичан», — Сталин бросил окурок в пепельницу и тут же достал новую папиросу.

«У нас есть данные, — сказал Берия, все еще протирая пенсне, — что Гудериан лично летал в Бердин, пытаясь переубедить Гитлера. Однако ему это не удалось. Прямо из приемной Гитлера он позвонил своему начальнику штаба в Смоленск и сказал: «Новое идет вниз».

Берия взглянул на стоявшего в дверях Шапошникова и его тонкие губы сложились в какое-то подобие улыбки, что весьма приободрило начальника Генерального штаба, хотя всесильный руководитель карательного аппарата улыбнулся потому, что вспомнил: только вчера от одного из адъютантов маршала поступил донос, в коем говорилось, что маршал, используя служебное положение, склоняет своих адъютантов к гомосексуализму, ссылаясь на то, что у него есть на это разрешение от самого товарища Сталина. Надо будет заняться этим адъютантом. Способный человек. Сталину Берия этого документа не показал: а то прикажет в гневе расстрелять и Шапошникова, и адъютанта, и вообще весь Генштаб. Время не то.

Много чего Берия Сталину не докладывал и не показывал. Связи и контакты, установленные еще в 1939 году между НКВД и ведомством Гимлера, продолжали работать, давая весьма интересную информацию. Например, что Гитлер планирует после крушения Советского Союза назначить именно Сталина главой администра-

ции оккупированных территорий. В подчинении командующего оккупационными силами, конечно...

«Так он и сказал по телефону,— Берия, наконец, водрузил пенсне на место и еще раз, улыбнувшись, взглянул на Шапошникова.— Так и сказал: «Новое идет вниз». Вниз — это на юг. Без всякого сомнения».

Сталин закурил новую папиросу, сделал затяжку, закашлялся, бросил папиросу в пепельницу, достал из пачки новую, сломал ее и начал набивать трубку.

«Что вы стоите в дверях,— раздраженно сказал он Шапошникову.— Проходите, садитесь. Вместе подумайте, что делать дальше».

25 августа 1941, 17:30

...Маршал Шапошников опустил указку и двумя руками показал Сталину на карте, как немцы планируют зажать Киевский укрепрайон в двойные клещи. Его получасовой доклад кажется убедил диктатора.

«Это хорошо,— сказал Сталин,— что они сами себя загоняют в угловую лузу». Заядлый биллиардист, Сталин часто пользовался терминами игры на биллиарде. «Сами себя загоняют в лузу. Борис Михайлович, значит сейчас главное держать Киев и Ленинград. А здесь у нас, под Москвой, готовить контр-наступление? Правильно я вас понял?»

«Так точно,— ответил начальник Генерального штаба.— И в связи с этим,— указка маршала уткнулась в побережье Балтийского моря,— мне кажется целесообразным перебросить силы Балтийского флота из Таллинна в Ленинград, чтобы усилить артиллерийскую насыщенность обороны в глубину и по фронту, а также...»

Раскуривающий трубку Сталин поднял глаза на Шапошникова: «Разве флот еще в Таллинне?»

«Так точно, в Таллинне», — ответил Шапошников. Черт бы побрал этого Кузнецова. Еще Хозяин сделает тебя виноватым за то, что флот в Таллинне. Маршал быстро добавил: «Адмирал Кузнецов докладывал мне сегодня, что он не может убрать флот из Таллинна, поскольку без флота город не продержится, и в силу этого главком Северо-западного не дает разрешения на перевод флота в Ленинград».

«Пачиму нэ может?— как всегда, раздражаясь, Сталин начал говорить с чудовищным акцентом.— Он нэ может? Кто может? Когда будет порядок?»

Диктатор сел за стол и взял трубку телефона — знаменитую кремлевскую «вертушку». Лицо его побледнело, вычернив оспины: «Товарищ Кузнецов? Пачиму флот еще в Таллинне? Кто прыказал? Вы нарком ВМФ или вы нэ нарком? Если вы нэ можете работать, мы найдем другого наркома!» — и бросил трубку.

Берия и Шапошников притихли, ожидая, что сделает далее разгневанный властелин. Сталин, видимо, беря себя в руки, тщательно раскурил потухшую трубку. Встал из-за стола. Молча прошелся по кабинету. Затем остановился напротив Шапошникова: «Мы тут пасовещались и решили, что Ворошилова надо снять с должности. Он с обязанностями не справился. И заменить его». Сталин снова прошелся по кабинету, посаывая потухшую трубку: «И заменить его...» Сталин сделал новую паузу: «Товарищем Мерецковым. Где он у нас сейчас?»

Шапошников, помертвев, молчал. Берия понял, что Сталин начал игру.

Можно подумать, что он не знает г д е сейчас генерал армии Мерецков! Но раз Хозяин начал игру, ему надо подыграть:

«У меня он, Иосиф Виссарионович». Сталин задумчиво стал прочищать трубку, выбивая остатки пепла и, не обращая ни к кому, сказал: «Я знаю Мерецкова. Он честный человек...» Затем поднял глаза на побледневшего Шапошникова: «Хорошо. Мы тут посоветуемся с товарищами. Борис Михайлович, сегодня вечером повторите свой доклад перед членами ГКО. Время вам сообщит Поскребышев. Все. Все свободны. Спасибо».

Оставшись один, Сталин подошел к столу и нажал кнопку звонка. В дальнем углу кабинета открылась скрытая дубовыми панелями дверь, и появился высокий человек в белом халате с небольшим саквояжем в руках. Из-под халата виднелись малиновые петлицы военврача 3-го ранга. Сталин подтянул рукав кителя, и игла шприца вошла в его запястье. Он глядел на карту Северо-западного фронта. Бесформенным пятном синел в дальнем углу Финского залива Ленинград, охватываемый со всех сторон стремительными синими стрелами немецкого наступления.

«Все будет, как надо», — проговорил вождь. Медик, не проронив ни звука, собрал инструменты и бесшумно удалился.

25 августа 1941, 18:10

Адмирал Кузнецов лежал на кожаном диване в своем кабинете. Дежурный по наркомату врач сделал ему укол, порекомендовал минут двадцать полежать. «Ничего страшного, — успокоил врач наркома, — небольшая аритмия. Переутомились, товарищ нарком».

После звонка Сталина адмирал почувствовал себя настолько плохо, что приказал адъютанту вызвать врача, в ужасе думая, успеет ли врач придти раньше, чем о н и. Но «они» опять не пришли, хотя адмирал ежедневно ждал их прихода уже два года, и специальный чемодан с вещами постоянно стоял в его кабинете: теплое белье, мыло, бутылка коньяка. Говорят, что генералу Павлову чекисты при аресте разрешили выпить стакан коньяка. А может, врут...

Адмирал встал с дивана, прошел в смежную с кабинетом небольшую комнату, где находились туалет и умывальник. Расстегнув китель, сунул лицо под холодную струю воды. Потом долго тер лицо простым вафельным полотенцем. Застегнулся и вышел в кабинет, а от туда — в приемную.

«Соедините меня с главкомом Северо-западного направления и с Трибуцем», — приказал он вскочившему адъютанту.

«Связи с Таллинном нет», — доложил адъютант. «Давно?» «Уже два часа, товарищ нарком». «Радиосвязь?» «Немцы ставят активные помехи, — сообщил адъютант. — Не пробиться. Таллинн не дает квитанции...» Стоявший в приемной древний «Бодо» — ветеран гражданской и первой мировой войны — затарахтел, вызывая штаб маршала Ворошилова. Белой змеей поползла лента. Адмиралу показалось, что она шипит...

«Здесь нарком ВМФ Кузнецов. Попрошу товарища Ворошилова — У аппарата — Здравия желаю, товарищ маршал — Здравствуйте — Товарищ Сталин приказал эвакуировать флот из Таллинна в Ленинград — Гарнизон тоже? — Относительно гарнизона товарищ Сталин никаких указаний лично мне не дал — Если дан при-

каз, выполняйте — Есть ли у вас связь с Таллинном? — Связь есть — Прошу ретранслировать мой приказ адмиралу Трибуцу: «Ставка приказала перебазировать флот из Таллинна в Ленинград. Нарком ВМФ Кузнецов» — Передадим — Спасибо, товарищ маршал. До свидания — До свидания».

Адмирал вынул носовой платок и вытер вспотевшее лицо.

«Теперь Кронштадт», — приказал он адъютанту. Кронштадт ответил на удивление быстро. «Здесь нарком ВМФ Кузнецов — Здравия желаю, товарищ нарком. Контр-адмирал Иванов — Связь с Таллинном есть? — Так точно, есть — Срочно Трибуцу: «Немедленно перебазировать все силы флота в Ленинград. Приказ Ставки. Кузнецов» — Понял. Немедленно передадим по радио — Радио нежелательно — Кабельная связь прервана — Есть ли возможность отправить в Таллинн пакет с ответственным командиром? — Так точно. Через два часа в Таллинн выходит отряд МО с капитаном 1-го ранга Египко — Хорошо. Оставайтесь на связи. Готовьтесь принять шифровку для передачи лично адмиралу Трибуцу — Есть, быть на связи».

25 августа 1941, 18:40

Первый секретарь Ленинградского обкома партии Жданов с хрустом смял пачку «Беломора», уже вторую за сегодняшний день, и бросил ее в корзину для бумаг. Достал из ящика письменного стола новую пачку папирос, нервно закурил, глубоко затягиваясь. Глаза его лихорадочно блестели от нервного напряжения и двух выпитых натощак стаканов водки. Воспаленный мозг искал спасения в ситуации, которая казалась ему безнадежной. Вал немецкого наступления неудержимо катился к Ленинграду, прижимая разрозненные, деморализованные части к самым стенам города. И уж конечно, и Жданов это понимал лучше других, немецкое наступление не остановить расклеенными еще 21 августа плакатами с призывами: «Ленинградцы! Враг у ворот!»

Ворошилов — дикая бездарность, но в поисках спасения он вдруг додумался вооружить население, благо, оно составляло несколько миллионов, и бросить его

навстречу немцам — пусть в их мясе и костях завязнут немецкие танки.

Но эта смелая идея вызвала самое резко осуждение Сталина, который собственного народа боялся пуще смерти, и сама мысль о вооружении народа перехватывала ему дыхание. Сталин устроил разнос Жданову и Ворошилову, приказал немедленно разогнать созданный ими Совет обороны Ленинграда, но с формированиями народного ополчения нехотя согласился, строго приказав лишь, чтобы при каждом батальоне имелся офицер НКВД с неограниченными полномочиями. Но самое главное, что сказал Сталин, было то, чтобы Жданов и Ворошилов твердо знали: падение города — это их гибель. Ни эвакуироваться, ни тем более сдать в плен им не удастся. Специальные люди, получившие соответственные инструкции и полномочия, позаботятся об этом.

Жданов не знал, сколько уже Сталин прочел осведомительных сводок, представленных ему НКВД, о том, что Жданов и Ворошилов — два заговорщика — готовятся впустить немцев в Ленинград, а дело с народным ополчением затеяли для того, чтобы захватить город еще до прихода немцев и вынудить армию, поставленную между двух огней, сложить оружие. Жданов этого не знал, но шестым чувством прожженного интригана-царедворца понимал, что его звезда начинает закатываться. А ведь пару месяцев назад он считался самым приближенным человеком Сталина, его потенциальным преемником, связанным со своим Хозяином такими океанами крови, в которые могли погрузиться без следа целые континенты...

Уроженец Мариуполя, сын школьного инспектора, склонного к религиозному мистицизму, Жданов получил достаточное домашнее образование (для него держали даже учителя музыки), закончил реальное училище в Твери и даже успел до призыва в армию закончить два курса Тверского сельхозинститута. Февральская революция застала его прапорщиком 139-го запасного полка, формирующегося в забытом Богом и людьми городке Шадренске Пермской губернии. Кроваво-грязные волны смутного времени выплеснули его в Нижегородскую губернию, где в 1929 году он был уже секретарем губкома.

Сталин обратил на него внимание в период массового уничтожения крестьян. Как известно, «кулаки» делились на три категории, причем для первой категории предусматривался расстрел с заключением семей в концлагеря, для второй — высылка в отдаленные районы Севера и Сибири, для третьей — высылка в пределах собственного края. Все, естественно, с конфискацией имущества. Нижегородская губерния никогда не считалась особенно зажиточной, поэтому, когда Жданов прислал в Москву проект, где предлагалось примерно половину крестьян губернии провести по «первой категории» (хотя специальная комиссия ЦК указывала, что обращению по «первой категории» должно подвергаться не более 15% крестьян, условно классифицируемых в качестве «кулаков»), Сталин понял, что этот человек из Нижнего Новгорода правильно понимает линию партии и стоящие перед страной задачи. Он приблизил Жданова к себе, сделал его кандидатом в члены Политбюро, а когда в декабре 1934 года ликвидировали Кирова, назначил Жданова первым секретарем Ленинградского обкома.

В отличие от Кирова, который, будучи продуктом военного коммунизма ленинской поры, сам выходил на субботники по сносу уникальных соборов XVIII века и на строительство Большого дома, похлопывал в цехах молодых работниц по ягодицам и с веселыми прибаутками утверждал присланные Филиппом Медведем смертные приговоры для крестьян за кражу нескольких колосков пшеницы, Жданов до такого демократизма не опускался, окружив свою жизнь ореолом таинственности, появляясь перед избранной аудиторией только на трибунах и в президиумах. Половину времени он проводил в Москве или на даче (своей или Сталина) в Крыму.

Но при всем при том, с первого же дня своего появления в Ленинграде он проявил прямо таки кипучую деятельность по искоренению «либерального» наследия своего незадачливого предшественника. Созданные по делу об убийстве Кирова «тройки», работая круглосуточно, приговаривали тысячи человек к расстрелу без права обжалования с немедленным приведением приговора к исполнению. Но этого было мало. Жданов организовал то, что поначалу называлось «Кировским потоком»: он

сам заказывал, составлял и подписывал списки (этих списков в «литнаследстве» Жданова осталось около 15 томов), по которым многие десятки тысяч жителей «колыбели революции» «потекли» в тюрьмы, лагеря, в ссылку, на пытки и на смерть. Вождь в Москве с удовлетворением следил за действиями своего любимца в ненавистном Ленинграде и понял, что его пора выпускать на работу в масштабах страны.

В сентябре 1936 года Жданов очередной раз отдыхал со Сталиным в Сочи. Именно там они задумали план еще небывалого в человеческой истории террора против собственного народа.

25 сентября 1936 года из Сочи в Москву, в Политбюро, за подписями Сталина и Жданова, была послана телеграмма-молния: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т.Ежова на пост наркомвнуддела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ ОПОЗДАЛ В ЭТОМ ДЕЛЕ НА 4 ГОДА. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД. Сталин. Жданов».

Это была самая кровавая депеша в истории человечества, развязавшая невиданный доселе нигде в мире террор. Целые слои советского общества обрушивались в братские могилы и котлованы бесчисленных лагерей. Не слишком доверяя исполнителям на местах, Сталин направил Жданова в провинцию для личного руководства массовыми казнями и арестами. Жданов едет в Уфу, Казань, Оренбург и Саратов, оставляя после себя братские могилы и переполненные до отказа тюрьмы. Не забывает он и свою «вотчину» — Ленинград. Только одних коммунистов, которых в Ленинградской парторганизации насчитывалось 300 тысяч человек, к концу 1937 года осталось не более 120 тысяч.

Сталин еще более приближает Жданова к себе, допуская его к тайнам внешней политики и государственной обороны. Жданов постоянно присутствует на заседаниях Военного совета Наркомата Обороны, лично курирует флот, безоговорочно поддерживая сталинскую, совершенно авантюрную программу военного кораблестроения. Именно Жданов выдвигает на пост наркома ВМФ ранее никому неизвестного Кузнецова, всячески поддерживая своего протеже. Он начинает вмешивать-

ся во все: в науку, культуру и литературу, выхолащивая по сталинскому рецепту все под единый ранжир. Музицирует в избранном обществе, посещает премьеры в театрах, зная, что представление не начнется, пока он не появится в царской ложе.

Но при всем при этом смертельно боится Сталина, вскакивает, когда тот звонит ему по телефону, даже когда в кабинете никого нет. Сносит все издевательства от любимого вождя, до которых тот был очень охоч. Звонок, к примеру, будил Жданова среди ночи, и с того конца провода звучал пьяный голос с грузинским акцентом: «Андрэй, говорят, ты сэбе лифт до третьего этажа завел. Ты пешком ходи лучше. А то у тебя пузо вырастет...» Трясущимися от страха губами Жданов отвечал, вытянувшись перед телефонным аппаратом: «Хорошо, товарищ Сталин... Учту, товарищ Сталин...» И приказывал немедленно отключить лифт.

Но Жданов продолжает заниматься большой политикой. Он выходит в море на новеньком «Кирове», отряхивая балтийские брызги со своего кожаного пальто. Стоящие на мостике адмиралы Кузнецов, Галлер и Невицкий показывают своему куратору, как зажат в тупике Финского залива флот, напоминая о том, что вся Прибалтика и Финляндия принадлежали некогда Российской Империи. Он обещает вернуть им базы и на северном, и на южном берегу залива и выполняет свое обещание. Он безоговорочно поддерживает поворот Сталина на союз с Гитлеровской Германией и настолько убеждает себя, что дружба с Гитлером будет вечной, что 19 июня 1941 года со спокойной душой уезжает в отпуск в Сочи.

Он могуществен, и власть его в Ленинграде почти абсолютна. Но около Сталина появляются новые люди. Они молоды, энергичны, занимают ключевые посты и, ловко интригуя, прикладывают все усилия, чтобы сокрушить ненавистного им фаворита вождя. Это не так просто. Но и эти люди не простые. Это Берия и Маленков. Один держит в руках карательный аппарат, другой — орготдел ЦК.

Уже в 1939 году Жданов и «молодые» обмениваются первыми ударами. Ничья. Но Жданову ясно, что одним раундом схватка не кончится. Она кончится тогда и только тогда, когда одна сторона сокрушит и уничто-

жит другую. Финская война чуть не стоила ему головы, но удалось вывернуться, свалив все на военных. Но решение уйти в отпуск 19 июня было очень опрометчивым. Пользуясь шоком, в котором в течение первых двух недель войны находился Сталин, Берия и Маленков не разрешают Жданову даже заехать в Москву, а приказывают ему немедленно направиться в Ленинград, подчеркивая, что он, Жданов, не более, чем деятель областного масштаба.

Более того, происходит вещь воистину ужасная. Несмотря на свою веру в утвержденную Сталиным доктрину невозможности нападения Германии на СССР, Жданов, в силу своего положения, имел доступ к такой разведывательной информации о подготовке Гитлером вторжения, что это заставило его, если не усомниться в непогрешимой мудрости вождя всех народов, то по крайней мере, насторожиться и принять меры на случай непредвиденного развития событий в зоне своей ответственности — на северо-западе страны.

Используя все свое влияние, он добился, чтобы в случае конфликта главкомом Северо-западного направления стал способный и энергичный генерал армии Мерецков, чьи рекомендации во время войны с Финляндией, если бы их кто-нибудь слушал, могли бы привести тогда к значительному сокращению потерь и затраченного на этот конфликт времени. Вместе с тем, по рекомендации Жданова командующим войсками Прибалтийского Особого военного округа назначается талантливый, молодой генерал-полковник Локтионов, разработавший по заданию Жданова план активной обороны на территории Прибалтики с последующим быстрым переходом в контрнаступление благодаря подавляющему превосходству над противником в живой силе и технике.

Еще добираясь со своей дачи в Крыму до Ленинграда, Жданов с удовлетворением узнал, что генерал Мерецков ночью 21 июня отбыл на «Красной стреле» из Москвы в Ленинград. Значит, начало войны застало его на своем КП. Однако, приехав в Ленинград, Жданов к своему неописуемому ужасу узнал, что оба генерала — Мерецков и Локтионов — исчезли. Жданов хорошо знал эту политическую кухню, где сам был шеф-поваром, поэтому не стал внимать слухам, будто генералы похищены

абвером или гестапо. Оба были арестованы по приказу Берия, а на место Мерецкова ему прислали... Ворошилова. Жданов оценил удар, нанесенный ему «молодыми». Нетрудно было предсказать, чем кончится ворошиловское руководство Северо-западным направлением, а отвечать перед Сталиным придется ему, Жданову. Так и случилось.

Никто не успел и вздохнуть, как немцы оказались у ворот Ленинграда. Отрезанный в Смольном от участия в интригах Политбюро в Москве, получая постоянные разносы от Сталина за полное отсутствие какого-либо руководства, за хаос, за катастрофические поражения, за срыв эвакуации и даже за либерализм, Жданов все более погружался в городские дела, становясь, как и наметили «молодые», деятелем областного масштаба. Добивая конкурента, Берия и Маленков забросали Сталина сообщениями о заговорщеской, сепаратистской деятельности Жданова, не забыв присовокупить, что в Ленинграде на каждый портрет товарища Сталина приходятся три портрета Жданова, что тот уже выцыганил у немцев звание гауляйтера и готовится сдать Ленинград. Сталин тут же отдал приказ: в случае падения города Жданова немедленно ликвидировать, о чем и сообщил своему любимцу. Жданов понял: судьба города — его судьба, и стал просить Сталина убрать куда-нибудь Ворошилова и прислать на его место командующего, который хотя бы мог читать карту.

Подобная жизнь в сочетании с непрерывным курением и пристрастием к спиртному сильно состарила сорокашестилетнего Жданова. Некогда красивое лицо отекло и побледнело. Аккуратно постриженные усики стали придавать ему жалкий, болезненный вид. Нездоровая грузность, приступы астмы и удушья говорили о том, что грозный сатрап стоит уже на краю могилы. Но, как ни парадоксально, времени подумать об этом не было. Инстинкт самосохранения заставлял заботиться о сиюминутных делах. И, конечно, в такой обстановке судьба Таллинна и Балтфлота беспокоили Жданова очень мало.

25 августа 1941, 19:00

Дверь ждановского кабинета открылась без стука и неизменного «Разрешите». Жданов испуганно вздрогнул, но, увидев входящего Ворошилова, облегченно откинулся

в кресле. Маршал вошел, неся в руках клубок телеграфной ленты.

«Товарищ Сталин,— хриплым голосом сказал он,— разрешил Кузнецову эвакуировать Таллинн».

«Этого нам только и не хватало...» — вырвалось у Жданова.

«Вот и я думаю,— согласился Ворошилов.— Эти «июньские» паникеры, прибыв сюда, только увеличат панику и нездоровые настроения... А матросы... Ты помнишь, Андрей, Кронштадт 1921-го года?»

Ворошилов хорошо помнил тот ужас, который охватил Ленина и всех его сторонников, когда ограбленные крестьяне неожиданно заговорили с ними языком двенадцатидюймовок со стоящих в Кронштадте линкоров. С тех пор вид флотской формы ассоциировался у Ворошилова с ужасом тех дней. Но товарищ Сталин любит флот, и с этим нельзя не считаться, а будь его, Ворошилова, воля...

«Совсем ни к чему,— сказал Жданов.— Они уйдут, и немцы перебросят все силы к нам...»

«Да какие там силы,— вырвалось у Ворошилова.— Чуть больше одной дивизии там у немцев».

«Я говорил совсем недавно с товарищем Сталиным,— продолжал Жданов.— Он считал, что Таллинн должен держаться до конца, и ни о какой эвакуации речи быть не может. Он изменил свое мнение, а нас не поставил даже в известность. Зачем нам нужен здесь таллиннский гарнизон, который еще минимум месяц придется приводить в чувство».

«Это опять что-то Шапошников наскулил, а ему — Кузнецов,— высказал догадку Ворошилов.— Его Трибуц засыпал мольбами о своих кораблицах...»

И Жданов, и Ворошилов ненавидели Шапошникову лютой ненавистью, главным образом, за то, что въедливый начальник Генерального штаба постоянно вмешивался в их дела, ежедневно докладывая Сталину о совершенно безграмотных действиях их обоих по дислокации войск, по организации командования, управления и связи, по использованию тылов и многому другому, а Сталин, со слов Шапошникова, громил их по телефону, грозя страшными карами.

«Все понятно,— подумал Жданов, но не решился высказать свои догадки вслух.— Сталин любит корабли.

Он спокойно может выслушать известие о гибели целой армии, о взятии в плен собственного сына, но устроит истерику, узнав, что какой-то ржавый эсминец подорвался на mine. На этом и сыграл Кузнецов».

«Надо позвонить товарищу Сталину и...» — начал было Ворошилов, но Жданов прервал его:

«Не будем, Клим, по таким пустякам отвлекать товарища Сталина. Когда он сам позвонит, я ему выскажу свои соображения».

Жданов загасил папиросу о пепельницу, подошел к шкафчику, налил себе из графинчика стаканчик водки, залпом выпил его, заел икрой из стоящей там же розетки и снова закурил, жадно затягиваясь. Хриплое дыхание вырывалось из его горла.

25 августа 1941, 19:40

Звонок «красного» телефона заставил вздрогнуть обоих. Тяжело поднявшись с кресла, Жданов снял трубку. Побледнев, Ворошилов встал тоже.

«Здравствуйте, товарищ Сталин», — сказал Жданов, тяжело дыша.

«Что так дышишь тяжело? Заболел?» — поинтересовался Сталин.

«Нет, товарищ Сталин. Все хорошо, товарищ Сталин...»

«Хорошего мало,— перебил его диктатор.— Шапошников считает, что немцы у тебя нацелились на Мгу. Ты меры принимаешь? Или опять все просрете?»

В висках у Жданова стали работать паровые молоты. Одной рукой достав из кармана френча таблетку и проглотив ее, он осмелился возразить: «Мы с Клементом Ефремовичем думаем, что немцы вряд ли позволят себе такой широкий охват Ленинграда через Мгу. Это приведет к распылению сил. Они будут идти с Лужского направления по прямой на Пулковские высоты и попадут под огонь линкоров и тяжелых береговых батарей...»

«Ну, смотри,— зло сказал Сталин.— Плохо тебе будет, если город сдашь».

«Понял, товарищ Сталин». «Насчет линкоров это ты правильно говоришь,— мягче проговорил Сталин.— Мы тебе из Таллинна падкрыпления пасылаем. Целый флот. Распредели его по всему фронту, и пусть стреляет день

и ночь. Не прорваться немцам через огонь флота. Это Таллинн хорошо показал».

«Да, товарищ Сталин. Спасибо, товарищ Сталин!» — Жданов вытер рукой пот со лба.

«И, наконец, — продолжал Сталин, — наведите, наконец, в городе порядок. Всех паникеров и прочих расстреливать без суда. Паникеров из Таллинна тоже. Шпионов, вредителей, тех, кто немцев ждет... Понял?»

«Понял, товарищ Сталин!» «Умников всяких, кто слухи распускает...»

«Понял, товарищ Сталин!» «И как у тебя дела с удовольствием?» «С учетом госрезерва и запасами крепости на пять лет, товарищ Сталин. Это не считая неприкосновенного запаса округа».

«Не транжирь. Я к тебе Лаврентия направлю, он тебе все разъяснит и поможет навести порядок».

Хотелось попросить у Сталина, чтобы он вместо Берия прислал в Ленинград толкового командующего, но при Ворошилове не решился. Самолетов тоже надо было бы. А то стянули всю наличную истребительную авиацию под Москву, которую немцы начали бомбить еще с 22 июля, а остальные пусть делают, что хотят. Но тоже не решился...

«У тебя все?» «Да, товарищ Сталин». Сталин повесил трубку. Жданов грузно опустился в кресло и, выхватив из пачки папиросу, закурил. «Товарищ Сталин считает, что огонь кораблей не даст немцам подойти к городу. Поэтому он и посылает флот из Таллинна к нам. Шапошников ему там нашептал, что немцы пойдут на Мгу», — Жданов вопросительно взглянул на Ворошилова.

«На Мгу?» — переспросил Ворошилов. Он снисходительно ухмыльнулся, и его лицо стало таким же ехидно-умилительным, как на известной картине Сварога «К.Е.Ворошилов и А.М.Горький в тире ЦДКА», написанной в 1932 году. «Ошибается тут Шапошников, ошибается. Умный больно! Одним своим корпусом немцы делают маневр в восточном направлении, чтобы вынудить меня убрать силы с главного направления. Но мы, хоть и не такие грамотные, как Шапошников, а тоже не лыком шиты. Им Ленинград брать надо, а куда им на восток переть. Мга? А далее чего? Волхов, Тихвин, Шлиссельбург. Что же они дурни совсем? Аль меня за дурака считают, чтоб я силы свои расплыл? Дурных нема!»

«Смотри, Клим, — сказал Жданов, хорошо зная, как редко ошибается Шапошников. — Смотри. Ты и ответишь, если тебя немцы облапошат».

«Вместе ответим», — лицо Ворошилова неожиданно стало мужественным и строгим. Клемент Ефремович встал, одернул китель со сверкающими на петлицах маршальскими звездами, вздохнув, сказал: «А, семь бед — один ответ», — и вышел из кабинета.

Ни Жданову, ни Ворошилову Сталин даже не намекнул на директиву Гитлера от 21 августа. И правильно сделал.

25 августа 1941, 20:10

Капитан 3-го ранга Нарыков понял, что надо отойти мористее, чтобы не дать немецким батареям с берега накрыть эсминец. В течение часа он водил «Сметливый» по экспоненте, ведя артиллерийско-пулеметный огонь по огненным точкам противника и поддерживая высадившийся на полуостров Вирсту десант. Несмотря на то, что десант продвинулся вперед на пару километров, подавить узлы сопротивления немцев не удалось. Немцы вели яростный ответный огонь. Столбы воды от снарядов вздымались почти у самых бортов «Сметливого», обрушивая каскады воды на палубу и надстройки. В любую минуту можно было ждать атаки авиации, вызванной противником. Приходилось держать на местах расчеты зенитных автоматов, подвергая их ненужному риску.

С мостика Нарыков видел, как на баке эсминца суетился кинооператор, прибывший на корабль перед самым выходом на бомбардировку. Он снимал работу командоров носовых стотридцаток, затем повернул объектив на мостик, запечатлевая для истории его, Нарыкова. Командир никак не мог вспомнить фамилию кинооператора в мешковатой армейской форме без знаков различия. То ли Прехер, то ли Прехнер.

Вдруг по мостику и по всей носовой надстройке зацокали пули. Крупнокалиберный пулемет бил из кустов у самого уреза воды. Если верить сообщениям с берега, то это уже глубококом тылу нашего десанта. Где-то метрах в пятидесяти от этого пулемета находится все руководство высадкой. Сигнальщики легли на палубу, присел за броневой щиток командир БЧ-111 старший лейтенант

Иванов. Прощив носовую надстройку, пулеметная очередь сместилась дальше к корме, ударив по расчетам зенитных автоматов. Со снарядом в руках согнулся и упал на палубу приписной машинист-турбинист. Упал на палубу тяжелораненый матрос Поганец. Раненый в ногу старшина 2-ой статьи Шаталов сполз на палубу, прислонившись к кожуху вентилятора. «Лево на борт, — скомандовал Нарыков, — поставит дымзавесу!»

Продолжая огонь, «Сметливый» отходил от берега. Проклятый пулемет замолк. Полоса жирного удушливого дыма медленно плыла над водой. Жаркая погода всего дня сменилась сильным северо-восточным ветром. На рейде разгулялась волна, грозящая перейти в шторм. Огненные сполохи и пожары вздымались над городом. Горела красавица Пирита. Было не по-августовски холодно и жутко. Усиливающийся ветер рвал пламя пожаров, разбрасывая мириады искр...

25 августа 1941, 20:45

Военфельдшер Амелин стоял на деревянном пирсе Гогланда, с удовольствием подставляя разгоряченную голову под порывы холодного ветра. После гибели «Трувора» путь их маленького каравана протекал почти без происшествий, если не считать еще двух налетов авиации противника, к счастью, закончившихся безрезультатно. Взрывались мины в тралах, но к этому уже относились, как к чему-то совершенно обычному. На Гогланде подошли к стенке, сдали спасенных с «Трувора», узнали, что остатки предыдущего конвоя уже ушли в Кронштадт. «Рулевой» к стенке подходить не стал: встал на якорь. Амелину больше всех пришлось поработать при передаче раненых, и теперь он прохаживался по пирсу в приятном осознании того, что сегодня вечером, пожалуй, больше делать нечего...

На сходнях появился комиссар тральщика Чертов и, увидев Амелина, сказал: «Степан, пошли в местный политотдел. Надо политинформацию провести с ребятами. Возьмем какую-нибудь наглядную агитацию».

В политотделе какой-то политрук посмотрел на них, как на идиотов. Потом подошел к старому канцелярскому шкафу и, вытащив оттуда целую пачку плакатов, подал их комиссару. Чертов развернул плакаты. Все они

были одного и того же содержания: в небе, закрывая солнце, плыли краснозвездные самолеты, сыпавшие вниз дождь бомб. А внизу тонули, горели и взрывались маленькие, черные кораблики, украшенные паучьими свастиками. Амелин тяжело вздохнул. Комиссар свернул плакаты и отдал их политруку. «Пошли, Амелин, — сказал он. — Обойдемся без наглядной агитации!»

25 августа 1941, 21:10

Капитан Елизаров, стоя на мостике теплохода «Жданов», невольно втянул голову в плечи. Два самолета в брющем полете шли прямо на многострадальное судно. Почему морские охотники и тральщики сопровождения не открывают огня? Елизаров уже хотел дать команду на руль для уклонения от атаки, когда, к величайшему своему удивлению, увидел на голубых крыльях низколетающих самолетов красные звезды и опознал в них знакомые силуэты «ишаков». Свои! Это было просто невероятно. Елизаров уже забыл, когда в последний раз он видел в воздухе нашу авиацию. Самолеты прошли низко над кораблями, затем набрали высоту, сделали большой круг над караваном и ушли в сторону Ленинграда. Сотни глаз настороженно и без всякого восторга смотрели на них с палуб уцелевших судов разгромленного конвоя. Большинство, видимо, не верили своим глазам, в страхе ожидая, что сейчас самолеты развернутся и с воем начнут падать на корабли...

Караван подходил к Кронштадту. Прямо из воды, освещаемый пробивающимся через тучи солнца, вырос до боли знакомый силуэт бывшего Кронштадтского собора. Первым шел «Жданов». Изрешеченные осколками, обгоревшие борта теплохода напоминали панцирь витязя, возвращающегося из сечи. Следом шла «Даугава», на остатках полуразрушенного мостика которой виднелась сухощавая фигура капитана Брашкиса. «Даугава» шла с небольшим креном на левый борт, ее разрушенные надстройки еще дымились, огонь съел большую часть краски с бортов. Надстроек «Гидрографа» не было видно от сгрудившихся на палубе людей, спасенных с потопленных судов. Раненые и спасенные стояли и лежали на палубах молча, еще не веря, что переход кончился, и глядя, как из воды, словно чудо-город в сказке, вырастают краны, пирсы и форты родной базы...

25 августа 1941, 21:40

Капитан 2-го ранга Сухоруков в штурманской рубке «Кирова» просматривал вахтенный журнал. Скупые строчки записей монотонно повторяли одни и те же события еще одного прошедшего боевого дня:

«13 часов 30 минут. Крейсер атакован самолетами противника. Сброшено 12 бомб.

16 часов 20 минут. Крейсер атакован самолетами противника. Сброшено 18 бомб.

19 часов 47 минут. По крейсеру вновь открыла огонь артиллерия противника, выпустив более 100 снарядов.

В период времени с 20 часов 40 минут до 21 часа 30 минут авиация противника совершила еще пять налетов на корабль, сбросив 24 бомбы...»

Согласно приказу командующего флотом «Киров» был готов к походу. Однако никаких новых приказов не поступало. Контр-адмирал Дрозд, вернувшись с берега, сказал Сухорукову, что надо ждать указаний, и снова заперся у себя в каюте.

Вой сирен и пронзительная трель звонков возвестили о том, что к рейду идет очередная группа самолетов противника. Закрыв журнал, Сухоруков выскочил на крыло мостика, мимоходом взглянув на рубочные часы — 22:08.

25 августа 1941, 22:10

Старший лейтенант Ефимов также просматривал вахтенный журнал в изрешеченной осколками рубке тральщика «Патрон». Семнадцать налетов авиации выдержал его маленький кораблик и уцелел! Ныла рана, гудела голова, тошнота подкатывала к горлу. Но возглавляемый «Патроном» отряд с каждой минутой приближался к цели своего пути — к острову Эзель. Тысячекилограммовые бомбы все ближе и ближе подходили к бомболокам бомбардировщиков, чтобы оттуда обрушиться на логово фашистов — Берлин.

Ефимов вышел на мостик. Погода испортилась. Северо-восточный ветер нагонял волну. Тральщик безжалостно болтало. За кормой в тучах брызг и пены шел «Вистурис», за ним прыгал на волне морской охотник. Быстро темнело, и можно было не ожидать больше налетов. Но наступало время действий торпедных катеров противника, и необходимо было сохранять полную бдительность...

25 августа 1941, 22:40

Адмирал Трибуц внимательно перечитал радиограмму из Кронштадта. Приказ эвакуировать флот в Ленинград был ему не совсем понятен. А что делать с гарнизоном города, с массами населения, наконец, с моряками боевых кораблей, списанных в береговые десанты. Казалось бы, это была радиограмма, которую он так ждал последнее время, но она не принесла ни радости, ни облегчения. Ее абсолютная неясность удручала. И почему она послана из Кронштадта? Может быть, нарком в Кронштадте? Он запросил Кронштадт и штаб Ворошилова. Но ответа не было. Адмирал еще раз перечитал радиограмму наркома и приказал ровно в полночь собрать совещание Военного совета флота. Может быть, до этого времени что-нибудь прояснится...

25 августа 1941, 23:20

Адмирал Пантелеев пробежал глазами очередную сводку о действиях десанта на полуострове Вирсту. Десанту удалось отбросить противника на два километра. Огнем «Сметливого» подавлена артиллерийская батарея и огневые точки противника. С наступлением темноты десантники приняли решение окопаться и с рассвета начать наступление в сторону Пириты. Адмирал вздохнул. Утром немцы подтянут танки, и тогда ход боя можно предсказать заранее. Разумнее было бы отдать приказ, отзывающий десант обратно. Но это не в его власти.

Адмирал вышел на палубу «Виронии». Погода испортилась. Северо-восточный ветер гнал волну. После последнего налета в гаванях и на рейде воцарила тишина. Над городом поднималось зарево пожаров, слышны были автоматные очереди, но артиллерия молчала с обеих сторон. Надвигалась ночь. Пантелеев уже было решил часик поспать, когда появившийся около него запыхавшийся рассыльный доложил, что в ноль часов командующий вызывает его на «Пиккер». Начальник штаба КБФ посмотрел на часы. Осталось полчаса. Ложиться спать уже не было смысла...

Игорь БУНИЧ

ТАЛЛИНСКИЙ ПЕРЕХОД

Новая книга Игоря Бунича – автора широко известных читателям произведений «Золото партии», «Кейс Президента», «Меч Президента».

Это хроника трагедии, разыгравшейся на Балтике в первые месяцы Великой Отечественной войны. Автор верен своей манере: беспощадная правда исторических документов и фактов открывает перед нами картину ужаса бессмысленной гибели сотен кораблей и тысяч жизней моряков Балтийского флота. Как и почему стала исторически возможна Балтийская трагедия? На этот главный вопрос Вы найдете ответ в романе-хронике Игоря Бунича.